

В. Г.

КОРОЛЕНКО

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1927**

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО

ДНЕВНИК

1895 — 1898

ТОМ III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1927

Печатается по постановлению
Совета Народных Комиссаров
Украинской Социалистической
Советской Республики

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Третий том Дневника В. Г. Короленко охватывает период с января 1895 г. (последний год пребывания В. Г. в Н.-Новгороде) по сентябрь 1898 г. В течение этого времени ведение дневника прерывается совершенно с ноября 1895 г. по октябрь 1896 г. (в этом году имеется только одна обширная запись под датой 13 окт.). Регулярные подневные записи возобновляются в январе 1897 г.

Нижегородский дневник 1895 г. представляет собою главным образом общественную летопись, посвященную тем явлениям общегосударственной и местной жизни, в которых отразились характерные черты исторического момента (начало нового царствования). Автор собрал здесь обширный материал, иллюстрирующий как настроения русского общества в период чаяний и ожиданий (адреса, петиции, отклики прессы), так и реакцию правительства на эти настроения. Дневник изобилует фактами, характеризующими направление внутренней политики в России после знаменательных слов о „бессмысленных мечтаниях“. Гонение на печать, подавление всякой общественности, произвол администрации — с особенной силой давали себя чувствовать в провинции.

„Да, административный произвол обращается в какую-то стихию“ — пишет В. Г. в своем дневнике. — „Настоящая стихийная сила, превращающая всякое доносительное движение в ураган, останавливающая всякие элементарные процессы общественной жизни, лишаящая их всякой живости, всякого увлечения, всякого индивидуального

почина, всех оттенков, которые только известный личный простор вносит всюду...“

„Реакция не останавливается ни перед чем, посягает на самые мирные и безобидные проявления гражданского чувства, которое все таки пробивается в последнее время. И, конечно,— тут именно ее гибель,— неизвестно только скоро - ли, или еще поколение сойдет в могилу под это гиканье и травлю...“

В Н. - Новгороде, где стараниями губернатора, знаменитого генерала Баранова, очень чуткого ко всем „веяниям времени“, была введена усиленная охрана, система произвола и политического сыска достигла своего апогея. Сам Баранов, в своем докладе Николаю II, не остановился перед прямым доносом на „известного писателя Короленко“ и на „статистика Анненского“, как на лиц, занимающихся политической пропагандой.

Разочаровавшись в надежде использовать публицистический талант В. Г. Короленко в своих личных видах, Баранов, своими отзывами, помешал ему в 1894 г. основать в Н. - Новгороде независимую газету.

Неудача этой попытки (см. „Дневник“ т. II), глубоко огорчившая В. Г., способствовала его решению покинуть Н. - Новгород, где он являлся об'ектом назойливого „наблюдения“ и откуда уже уехали его ближайшие друзья.

В январе 1896 года В. Г. переехал на жительство в Петербург, куда его усиленно звал Н. К. Михайловский и другие товарищи по редакции „Русского Богатства“.

Последние месяцы пребывания В. Г. в провинции ознаменовались для него особенно тяжелыми впечатлениями и напряженной работой, не стоявшей ни в какой связи с литературными планами писателя. Это было начало его участия в знаменитом Мултанском деле, участия, потребовавшего от В. Г. огромных жертв временем,

трудом и силами и наложившего свою печать на целую полосу его жизни.

Процесс мултанских вотяков (группы крестьян села Б. Мултан, Вятской губ.), ложно обвинявшихся в убийстве нищего с ритуальными целями, был создан тов. прокурора Раевским, желавшим сделать себе на этом деле карьеру. Пособниками Раевского явились выслуживавшиеся пристава и урядники; их руками загадочному преступлению придана была грубая видимость „ритуального“ убийства. Они же пытками вымогали у подсудимых и у некоторых свидетелей нужные им показания. В качестве ученых экспертов на суде выступали мало-сведущие и недобросовестные люди, настаивавшие на существовании у вотяков человеческих жертвоприношений; в числе свидетелей со стороны обвинения имелись убийцы и сыщики, присяжными заседателями были темные, суеверные крестьяне.

Все это делалось при попустительстве и даже под покровительством Сарапульского окружного суда.

В первом разбирательстве (в 1894 г.) процесс мултанцев закончился обвинительным приговором, кассированным, однако, Сенатом по ходатайству защиты. Вторично дело слушалось в окт. 1895 г. в Елабуге. Вятские журналисты обратились к В. Г. Короленко с просьбой приехать на процесс. Он приехал и присутствовал на суде в качестве корреспондента ¹. И на этот раз всем подсудимым был вынесен обвинительный приговор, вызвавший глубокое возмущение присутствующих.

С этого момента В. Г. не знал покоя. То, что он увидел и услышал на суде, внушило ему глубокое

¹ Впечатления этой поездки занесены В. Г. в его дневнике под 25 сентября — 27 ноября 1895 г.

убеждение, что здесь невинные люди принесены в жертву прокурорскому честолюбию и самым грубым религиозным предрассудкам; убеждение это укрепилось в нем еще более в результате тщательного ознакомления со следственным материалом¹. Теперь В. Г. поставил себе задачей разоблачить подлоги следственной власти и добиться нового пересмотра дела в ином составе. Надо было спасти не только невинно осужденных, но и разрушить кровавый навет, возведенный на целую народность.

„Я поклялся на сей счет чем-то вроде аннибаловой клятвы, и теперь ничем не могу заниматься и ни о чем больше думать“, — пишет он Н. Ф. Анненскому (письмо от 19 окт. 1895 г.). В том же письме он сообщает: „Вернувшись числа 9-го, до сих пор с утра до ночи сижу над восстановлением стенографического (почти) отчета трехдневных заседаний. Для этого отчета мы (три корреспондента соединили свои усилия. У меня на пальцах явились кровоподтеки и мозоли от карандаша, за то отчет полный“.

Послав этот отчет, вместе со своей вступительной статьей в „Русск. Вед.“. В. Г., в письме к редактору этой газеты В. М. Соболевскому, „просит, умоляет, требует“ ответить ему немедленно, будет ли отчет напечатан полностью.

„... Люди погибают невинно, совершается вопиющее дело, и я не могу ни о чем больше думать“. (Письмо к В. М. Соболевскому от 18 окт. 1895 г.).

Он готов, в случае отказа, отдать свою работу даже „Новому Времени“, „ибо, — пишет он Анненскому, — теперь для меня нет литерат. партий, а есть семь человек

¹ В целях проверки этого материала В. Г. с'ездил из Елабуги в село Мултан; здесь он беседовал с местными жителями и осматривал то место в лесу, где найден был труп убитого.

невинно убиваемых на глазах у всей России — и я до сих пор слышу их стоны после приговора“.

Обширный отчет (12 фельетонов) появился в „Русск. Вестн.“ и В. Г., едва приехав в Петербург, приступил к переизданию его отдельной брошюрой. Для этого он вторично произвел огромную работу: снова проредактировал весь отчет и снабдил его своим предисловием и примечаниями.

В начале февраля брошюра уже вышла в свет, а в середине февраля В. Г. выступил с докладом о мултанском деле в переполненной аудитории антропологического общества.

Усилия В. Г. и защиты добиться нового пересмотра дела увенчались успехом. Сенат снова кассировал приговор и предстояло третье разбирательство. В ожидании его, В. Г. производит огромную подготовительную работу: он пишет целый ряд статей, полемизируя со сторонниками обвинения, неустанно собирает нужный ему материал, руководит действиями елабужского защитника вотяков, частн. поверенного Дрягина, привлекает к ознакомлению с делом ученых экспертов: врачей, этнографов, юристов (в числе последних Н. П. Корабчевского, принявшего на себя защиту вотяков). Переписка В. Г. по мултанскому делу в этот период принимает огромные размеры.

Наконец, В. Г. решает лично выступить на суде в качестве защитника и готовится к этому выступлению, взяв на себя часть этнографическую.

Одновременно со всем этим В. Г. нес большую работу в „Русск. Вестн.“ и как член редакции и как сотрудник. Почти в каждой книжке журнала появляются его заметки публицистич. и библиографич. характера, а время от времени и более крупные статьи, — в том числе такая значительная работа, как „Современная

самозванщина“. Из художественных произведений В. Г. в „Русск. Бог.“ печатается рассказ „В облачный день“ (кн. II, 1896 г.), написанный в окончательной редакции уже здесь, в Петербурге.

Огромностью и напряженностью всей этой работы объясняется тот факт, что с самого начала 1896 г. В. Г. не вел дневника; он не находил, повидимому, для этого ни досуга, ни надлежащего спокойствия.

В конце мая (27-го) началось слушание Мултанского дела, не в Казани, как этого желала защита, а в Мамадыше, где обвинение снова мобилизовало все свои темные силы. В. Г. уехал туда уже крайне утомленный и с тяжелым сердцем, оставив дома опасно больной маленькую дочь. К концу процесса, после своей заключительной речи, он получил телеграмму с известием о смерти девочки.

Личное горе смягчено было, однако, в первый момент радостью оправдания всех подсудимых. „...Радость оправдания была так сильна, хлынула в мою душу такой волной, что для всякого другого ощущения на это время не было места (правда, эта смесь стоила мне после очень много. Мне кажется, что я за это время потерял несколько лет жизни)“. (Дневник, 13 окт. 1896 г.).

„...Для всех моих друзей повсюду это было огромное торжество, — писал В. Г. брату Иллариону Гал., — так как в огромном большинстве общества было сильное сомнение и масса толков в том смысле, что Короленко „увлекся“ и т. д...“ „Мне пришлось говорить 2 раза, — и моей речью закончились прения. Все говорят и пишут, что мои речи произвели сильное впечатление. Я это тоже чувствую сам, потому что я глубоко убежден в полной невинности вотяков и как-то во время речи забыл обо всем, кроме этого убеждения. После первой речи прокурор палаты подошел ко мне, пожимал руки и сказал, что „если-бы

наш суд почаще слышал такие речи, то не развратился - бы до такой степени как теперь“.

В результате крайнего переутомления и душевного напряжения у В. Г. началась к концу процесса острая бессонница, явившаяся симптомом тяжелого нервного заболевания. Дальнейшему развитию болезни способствовало то обстоятельство, что по возвращении в Петербург В. Г. сразу же принялся за редакционную работу, значительно усиленную, в виду отъезда захворавшего Михайловского. Работа эта продолжалась все лето и осень. Осенью - же В. Г-чу пришлось спешно заканчивать свою повесть „Художник Алымов“, так как цензор отказался пропустить в печать начало, не имея окончания¹.

Острая бессонница не оставляла В. Г-ча и здоровье его совершенно расстроилось. „Я шел еще, как человек у которого сломана нога — писал В. Г. впоследствии. — Сначала не чувствуешь. Но, еще шаг и человек падает“. „...До этого кризиса я был молод. Стареть начал с этого времени, которое провело резкую грань в моей жизни“.

В половине января 1897 г. В. Г. предпринял месячную поездку в кустарное село Вачу Нижегород. губ., где он надеялся восстановить свои силы и набраться свежих впечатлений.

„Засиделся я, залежался, — пишет он в своем дневнике. — Хочется отряхнуться, сбросить с себя будни, еще пожить, побороться, поработать, забыть себя, забыть скрипучие ноты собственного существования — за бодрой работой для того, о чем я мечтал в старину. Яснее, ближе хочется почувствовать это“.

Пребывание в Ваче, в тихом доме гостеприимных холостых хозяев (владельцев ножевой фабрики, бр. С. Д.

¹ При жизни писателя повесть эта в печати не появлялась в виду неудовлетворенности ею автора. Напечатана впервые в т. XV наст. изд.

и А. Д. Кондратовых) принесло В. Г. вначале некоторую пользу: регулярный образ жизни, ежедневные дальние прогулки в санях, картины зимней природы, подействовали на него успокаивающе, и его бессонница пошла на убыль.

Однако, серьезных результатов здесь достигнуть не удалось, так как В. Г. вскоре же принялся за утомительную работу. Это была работа над „Павловскими очерками“, написанными и напечатанными еще в 1890 г. („Русск. Мысль“ №№ 9—11), но которые В. Г. задумал теперь переиздать в дополненном виде отдельной книгой.

Пользуясь непосредственным соседством села Павлово (центр кустарного замочного производства), В. Г. начал совершать сюда продолжительные поездки в целях собирания нужного ему материала.

С записной книжкой и дорожным альбомом в руках, целыми днями ходил он по Павлову, записывая, зарисовывая, посещая лачуги кустарей, спускаясь в подземелья, где помещались их ужасные „фабрики“. Картины нищеты и вымирания рабочих, известные уже В. Г.-чу по его прежним поездкам в Павлово, произвели на него снова столь гнетущее впечатление, что его болезнь — острая бессонница — возобновилась.

Закончив работу над „Павловскими очерками“, В. Г. возвратился в Петербург — мало отдохнувшим; между тем здесь его ждал новый источник утомления — заседания в суде чести при союзе писателей, куда он был избран во время своего отсутствия.

К весне здоровье В. Г. настолько ухудшилось, что врачи потребовали удаления его на время от всех русских впечатлений и немедленного отъезда за границу. 22-го апреля В. Г. выехал вместе с семьей через Киев и Одессу в Румынию, где издавна жил под именем Петра

Александрова, брат его жены, известный политический эмигрант, врач В. С. Ивановский. Путешествие это принесло В. Г. значительную пользу: правда, здоровье его не восстановилось здесь в полной мере, но все-же пошло на поправку, а новизна и разнообразие впечатлений подействовали на него освежающе и доставили обильный художественный материал для его румынских очерков и рассказов. Уже здесь, за границей, написал он два первые очерка: „Некрасовский корень“ и „Искатели“.

По возвращении в Петербург, в начале сентября, В. Г. снова погружается в утомительную и хлопотливую жизнь столичных литературных кругов: теперь, помимо заседаний в суде чести, ему пришлось нести еще большую работу в юридической комиссии при Союзе писателей, участвуя в выработке записки о правовом положении печати (см. об этом в наст. томе запись без даты между 7 февр. и 11 апр. 1898 г.). Записная книжка В. Г. снова пестрит отметками о заседаниях, публичных выступлениях и т. п. — и в связи с этим о переутомлении и плохом сне.

Приняв на себя составление доклада о нуждах провинциальной печати, В. Г. вступает по этому вопросу в переписку с провинциальными редакциями. При этом он то и дело узнает о новых приостановках и запрещениях, а по временам получает и экстренные просьбы выяснить, походатайствовать и т. п. В. Г. не оставался безучастным к этим просьбам: так например встревоженный судьбой обновленного „Нижегородского Листка“, ставшего перед угрозой 8-ми месячной приостановки, он настаивает на подаче редакцией мотивированной жалобы на высоч. имя; текст этой жалобы, заключающей настойчивые указания на общее бесправное положение печати, составляет он сам.

Закрытие (в конце года) журнала „Новое Слово“, органа марксистов, полемизировавшего с „Русск. Богат.“,

производит на В. Г. столь тяжелое впечатление, что у него повторяются приступы острой бессонницы.

Болезнью В. Г. объясняется, повидимому, то обстоятельство, что в течение всего 1897 г. он не вел дневника в той форме, в какой делал это в 1895 г. и ранее. Подневные записи, заключающиеся в памятной книжке-календаре на 1897 г. не имеют характера летописи; это заметки, набросанные рукою художника, желающего зафиксировать, быть может в целях дальнейшей обработки, свои непосредственные впечатления.

Записи эти связаны здесь преимущественно с пребыванием автора в Ваче и Павлове и с его румынским путешествием; последнее представлено в путевом дневнике значительно скуднее первого; объясняется это тем, что румынские материалы по большей части сразу же попадали в другие, специально предназначенные для них записные книжки и тетради; как уже сказано выше, они были использованы автором в его румынских очерках (т. XIX наст. изд.).

С начала 1898 г. В. Г. возвращается к ведению дневника - летописи, снова занося на страницы своих тетрадей факты общественно-исторического значения; с особенным вниманием и тревогой следит он за системой усиленных репрессий, направленных против печати.

Несколько особняком стоит в этом дневнике, собранный здесь В. Г. - чем обширный материал, относящийся к делу вятских черемисов — кугу-сартинцев. Дело этих людей, жестоко пострадавших за отпадение от православия в свою старую веру, являлось в глазах В. Г. отголоском Мултанского процесса, и потому внушало ему исключительный интерес. Приняв на себя лично составление для явившихся в Петербург черемисов прошения на высочайшее имя (о предоставлении им свободы

исповедания), он содействовал также тому, что вопрос этот получил освещение в печати.

В конце июля, В. Г. напряженно работавший с начала года в редакции и в Союзе писателей, уехал в целях отдыха на Кавказ, в Джанхот (близь Геленджика), где его младший брат приобрел участок земли. Впечатления этой поездки занесены писателем в его путевой дневник (записная книжка 1898 г.), печатаемый в наст. томе. Из Джанхота В. Г. проехал через Новороссийск, Тихорецкую Царицын — по Волге на дачу в Растяпино (деревня на Оке, близь Н.-Новгорода), где проводила лето его семья. По пути туда, на волжском пароходе, В. Г. написал (под впечатлением услышанного рассказа) очерк „Зарубка“ (напечатанный впервые в т. XV наст. изд.), а в Растяпине рассказ „Смиренные“, носивший в первоначальной редакции заглавие „На даче“.¹

Живя в деревне, В. Г. неоднократно ездил отсюда в Н.-Новгород; здесь, по его словам, в нем „по старой памяти немедленно - же проснулась жилка ярмарочного корреспондента“ — и на страницах „Рус. Вед.“, появился целый ряд его статей „С нижегородской ярмарки“.

С 7-го по 17-е авг. В. Г. совершил с мальчиком-племянником поездку на пароходе и на лодке от Нижнего до Самары.

4-го сент. В. Г. был уже в П.-бурге.

¹ К началу 1898 года относится также пересмотр В. Г. - чем „Слепому музыканта“, (для 5-го изд.), причем В. Г. вставил в повесть совершенно новую главу (встреча с двумя слепыми на колокольне монастыря).

РУКОПИСИ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОДЕРЖАНИЕ ДНЕВНИКА:

1. Тетрадь обычного формата в твердом переплете. Шифр Ред. Комиссии—„В. 22“. На переплетном ярлычке надпись пером, рукою В. Г. Короленко: „Год 1894 (и нач. 1895)“. Из этой тетради в настоящий том вошло лишь начало 1895 г. (2 записи). Остальная часть тетради вошла во II том дневника, где и дано подробное ее описание.

2. Тетрадь обычного формата в твердом пестром переплете, на ярлычке которого, рукою В. Г. Короленко, написано пером: „Год 1895 (а) Влад. Короленко. (Январь — Февраль)“. Шифр тетради—„В. 23“. Тетрадь включает 191 страницу. Авторская нумерация пером заканчивается на 176-й стр. Дальнейшая нумерация, карандашом, принадлежит Ред. Комиссии. Записи начинаются на первой странице, под заголовком „1895“, словами: „В одной из провинциальных газет в новогоднем №...“. Последняя запись датирована: „Конец февраля“. Непосредственно за ней следует авторское оглавление, после которого в конце тетради на нескольких страницах наклеена длинная газетная вырезка, снабженная заголовком, написанным от руки: „Приложение. Подробности о студ. беспорядках 8 февр. (Из Прав. В-ка)“. Все записи в тетради ведутся пером, на обеих сторонах листов, с оставлением полей. В тексте имеются пометки, исправления, приписки на полях и вклеено значительное количество газетных вырезок.

3. Тетрадь такого-же формата, как и предыдущая и в таком-же переплете. На переплетном ярлычке надпись пером, рукою В. Г. Короленко: „Год 1895 Март, Апрель, Май, Июнь. Вл. Короленко“ и пометка синим карандашом: „б“. Шифр—„В. 24“. В тетради 184 страницы. Авторская нумерация (пером) заканчивается на странице 180-й.

Дальнейшая нумерация (карандашем) принадлежит Ред. Комиссии. Начинаются записи под датой 4 марта словами: „Характер студенческих беспорядков 8 февр. ...“. Все записи ведутся пером на обеих сторонах листов с оставлением полей. Местами в тетрадь вклеены газетные вырезки; в тексте имеются помарки, исправления и вставки на полях.

4. Тетрадь обычного формата в твердом пестром переплете. На переплетном ярлычке написано рукою автора: „1895 — июль — декабрь. 1896 — январь. — 1897 и 1898“. Шифр тетради — „В. 25“. В тетради 180 стр. Авторская нумерация (пером) не доведена до конца и после страницы 53-й становится сбивчивой; поэтому наряду с нею идет сквозная нумерация карандашем, принадлежащая Ред. Комиссии. Тетрадь содержит главным образом записи 1896 года, с 20 июля (начало: „На ярославской большой мануфактуре были крупные беспорядки...“) по 27 ноября. Далее следуют 2 записи конца 1896 г. и 2 записи 1897 г. (декабрь) и в конце несколько записей 1898 г., причем против даты „1898“ на полях тетради написано: „Все дальнейшее сюда попало по ошибке. Относится к след. книге, стр. 19“. Записи в тетради ведутся пером с обеих сторон листов; имеются исправления и приписки на полях. Среди писанного текста вклеено несколько газетных вырезок, а записи 1898 года заканчиваются обширной вырезкой: „К вопросу о нуждах печати“, занимающей сплошь 16 стр.

5. Записная книжка на 1897 г., издания Стракуна в Петербурге. Шифр — „т. 41“. На кожаной обложке оттиснуто золотыми буквами: „Календарь - Записная Книжка 1897“ и наклеен длинный белый листочек с надписью рукою В. Г.: „1897. Поездка в Вачу и Павлово“ и с мелко написанным оглавлением содержания книжки.

Страницы книжки имеют печатную нумерацию и снабжены печатными же датами на круглый год. Несколько листков не хватает, что однако нигде не нарушает непрерывности текста. Записи везде ведутся под печатными датами; в тех же случаях, когда запись данного дня не умещается на страничке, она переносится автором с соответствующими указаниями на свободные листки под другими датами. На ряду с отрывочными заметками характера обычной записной книжки, имеются также и обширные записи, которые Вл. Гал. вел во время своих поездок в Вачу и Павлово (с 16 янв. по 18 февр.), а также в Румынию (май) и на обратном пути оттуда (август). Только эти записи, имеющие характер дневника и даются в данном томе.

6. Тетрадь обычного формата, в твердом, желтом переплете, на ярлычке которого имеется надпись рукою В. Г.: „1898. Заметки для памяти“. Шифр тетради — „В. 28“. В тетради 251 стр. Авторская нумерация заканчивается на странице 228. Тетрадь содержит записи с января по декабрь 1898 г. Начинаются записи 7 янв. — „Мои дети“. Ведутся они пером, на обеих сторонах листов, с оставлением полей. В тексте имеются исправления, поправки, приписки на полях, зачеркнутые строки и вклеенные газетные вырезки. В конце тетради 4 стр. заняты газетными вырезками, далее идет перечень содержания, 10 незаполненных листков, и вторично — оглавление. В настоящий том вошли только записи по 16 июня (69 стр. текста).

7. Записная книжка - календарь, изд. К. Л. Риккера в Спб. На кожаном переплете оттиснуто золотыми буквами: „Записная книжка“ и „1898“, а рукою В. Г., чернилами, сделана пометка „VI“ и на корешке книжки: „98“. Шифр — „М. 138“. Книжка содержит 464 пронумерованных печатно страниц. Из них некоторое количество

листочков вырезано. Некоторые страницы разделены автором чертой на две части, при чем верхняя часть отводится всегда записями личного и делового характера: отсылка писем, о работе, состоянии здоровья, особенно часто продолжительность сна и самочувствие ночью, посещение докторов, принятые лекарства и т. д. Вторая-же (большая) часть листка иногда посвящалась В. Г. записям более связным, имеющим характер дневника, при чем, если места на листке под данным числом не хватало, то запись переносилась на другие листки с соответственными пометками. В настоящий том из книжки взяты записи с 24 июня по 4 сент. (Поездка в Геленджик).

15 февраля 1925 года.

ДНЕВНИК

1895 — 1898

1895 год¹

(Январь. Н. - Новгород)

В свою последнюю поездку в Петербург² — я был в департаменте полиции. Там мне показали мои „Воспоминания о Чернышевском“³ — изданные в Лондоне, вольной русской прессой „Свободной России“, — под моим именем. Что - ж делать! Жаль только, что за границу попала рукопись еще не исправленная, со многими ошибками. Я думал напечатать это в русских журналах, но оказалось невозможно⁴. Воспоминания, кем - то списанные в первоначальном виде ходили по рукам и попали за границу.

Я сказал, что беру на себя, разумеется, полную ответственность за содержание, но не за способ, каким рукопись появилась в свет. В этом последнем — виноваты уже условия нашей печати, в которой не могут появляться столь скромные вещи...

Все еще трудно расстаться с разными „хвостиками“ старого года. К концу его перлюстрация частной

¹ Дневник 1895 г. начат в тетради 1894 года, на переплете которой имеется надпись рукою автора: „Год 1894 (и начало 1895)“. Записи 1895 года занимают только 4 страницы в конце этой тетради. См. описание рукописи в статье От Редакц. Комиссии (1).

² В начале декабря 1894 г.

³ См. Т. XXIV наст. изд.

⁴ „Воспом. о Н. Г. Чернышевском“ впервые появились в русской печати только через десять лет („Русск. Богатство“ 1904 г. кн. 11).

переписки „охраной“ достигла размеров по истине изумительных. Что тут ищут и для чего, собственно, это делается, — трудно даже и понять. Но еще недавно Лепк-ский, генерал по государственным имуществам, жаловался в обществе, что ему доставляют письма, явно вскрытые.

— Хоть - бы из приличия потрудились запечатать, а то так вскрытые и приносят.

А один мой знакомый, Е. И. Козлов — наднях удивлялся совершенно волшебному приключению: в письме, хотя и довольно плохо, но все-же запечатанном, ему доставили две фотографические карточки: одна — его племянницы, о которой упоминается и в письмах. Но кроме племянницы в конверт залез каким-то чудом совершенно незнакомый штабс-капитан или полковник. Удивленный Козлов спрашивает у родных, — зачем это они прислали сего бравого воина, — и получает ответ, что никакого воина не знают и не посылали. И только уже обозрение конверта раз'ясняет отчасти это волшебство: оказывается, что полковник залез сам, а потом пытался очевидно заклеиться, но разумеется изнутри это было довольно трудно: конверт носил явные следы „взлома“.

Чудесная тема для фантастического новогоднего рассказа! ¹

¹ Далее идут слова: „Его можно было бы начать хоть так“, позднее зачеркнутые автором и следует до конца тетради (на 24½ страницах) самый рассказ, оставшийся незаконченным, озаглавленный „Ферапонт и Лидочка“. Против начала его, имеется на полях карандашная пометка В. Г.: „Не нужно“. Продолжение дневника ведется в новой тетради с надписью на переплете: „Год 1895 (а) Влад. Короленко. (Январь — февраль)“. См. описание рукописи в статье Ред. Ком. (2).

В одной из провинциальных газет, в новогоднем № фельетонист С. Гусев¹, человек порой очень остроумный, — напечатал небольшую фантазию „Без нового года“. Оказывается, что старый год умер в положенное время, но новый где-то затерялся и не появился в срок. Пробило 12 часов... Нового года не было. Между тем, все шло, в сущности, своим порядком. Умирал с голоду бедняк, продавал родного брата предатель... Человек за чечевичную похлебку отдавал свою душу... Князь Мещерский² писал о честности, а г. Суворин³ — о доброте. Все было так обыкновенно... Тогда явился вопрос: да нужен-ли, в самом деле, новый год. И оказалось, что все его ждали, но никто не замечает его отсутствия... Наступил серенький петербургский день и скривил кислую гримасу. Все пошло по старому, как будто никто и не ждал неявившегося нового года.

Аллегория очень метко характеризует настроение. Старый год умер, а нового все нет как нет... И все входит в старую колею, и день начинает корчить кислую гримасу, а московская полиция деятельно „перебирает“ студентов...

7 января 1895

„Новое Время“ приводит удивительную выдержку из „Гражданина“. Поживем увидим, говорит „Новое Время“, —

¹ С. С. Гусев (псевдоним Слово - Глаголь).

² Кн. В. П. Мещерский (1839 — 1914), известн. реакционер, редакт.-издатель „Гражданина“.

³ А. С. Суворин (1834 — 1912), журналист, редакт. - издатель „Нов. Времени“.

но мне сдается, что и в сфере других внутренних дел новый год дебютировал довольно удачно, во всяком случае — неожиданно.

Такой неожиданностью является, например, сегодняшний „Дневник“ Гражданина, в котором автор его высказывает, что против боярской Думы или даже собора он в принципе ничего не имеет. Полемизируя с Вестником Европы из-за политики Лорис-Меликова¹, кн. Мещерский говорит следующее: „Представляю себе такой исторический момент: Россия благоденствует; все тихо и спокойно извне и внутри. Понятно, что если бы в такую эпоху угодно было главе власти в России призвать к обсуждению законодательных вопросов, вместе с членами, правительством назначаемыми, представителей дворянских или земских выборов по губерниям, то никому не пришло бы в голову в таком акте правительства увидеть признак ослабления правительственного самодержавия... Старые наши Думы, где бояре или думцы высказывали свое мнение, а царь решал и повелевал, нисколько не отнимали у самодержавного Русского Царя всю полноту его самодержавия“. Со стороны кн. Мещерского такие рассуждения являются новостью и могли появиться только в новом году, когда и кн. Мещерскому, наконец, стало ясно, что многое старое, вместе со старым годом отошло или собирается отойти в вечность. Новый год — это новая энергия к новым трудам на новом или, по крайней мере, обновленном пути.

„Новый год, — говорит газета, — это новое вино, новые порядки“ и заключает:

Потребность в общественной правде, в доверии к здоровым общественным элементам является, таким образом, тем особенным признаком, которому суждено, быть может, сделаться отличительным признаком нового 1895 года... (взято из Русск. В. № 6).

¹ М. Т. Лорис-Меликов (1825 — 1888), известн. госуд. деятель; ему принадлежит проект так называемой „Лорис-Меликовской конституции“.

9 января

Из источника случайного, но совершенно достоверного, узнал, что губернатор Баранов¹ счел благовременным упомянуть мое скромное имя во всеподданнейшем отчете, который наднях увез с собою в Петербург. Отчет составлен по-барановски, как и всегда. В одном месте говорится несколько либеральных слов о народном обнищании (для государя, который был председателем Благотворительного Комитета в голодный год), в другом — легкое сомнение — возможно ли бороться против веяний времени посредством репрессий. Затем — пожелание, чтобы в земские начальники назначались офицеры запаса, так как опыт доказывает, что это лучшие начальники (напр. Бестужев, растративший пошлыны, растерявший денежные документы, вверенные его хранению, набуянивший в трактире — и бросивший все делопроизводство у одного из волостных писарей. Затем — Михайлов, удаленный от должности за то, что побил мужика, мужик его побил, а он выпорол мужика на конюшне. Егоров, по поводу которого полиция производила гласное дознание на сходе крестьян о вымогательствах и др. в том-же роде). Наконец, весь этот либерализм и все эти проекты сводятся к главному выводу: охрана в Нижнем необходима. И конечно не затем, чтобы г.г. Косткины² могли решать гражданские дела и приканчивать миром обвинения в доказанных подлогах, и не затем, чтобы охранять систему воровства и поборов, широко процветающую под сенью усиленной охраны. Нет, — а лишь потому, что в Нижнем проживают:

¹ Нижегород. губернатор Н. М. Баранов. В. Г. неоднократно упоминает о нем в своих дневниках и письмах нижегород. периода. См. также статью „Покушение на ген. Баранова в 1890 г.“, т. XXXI наст. изд.

² Косткин, нижегород. помощник полицмейстера.

„статистик Анненский“¹ и „известный писатель Короленко“, которые, „к сожалению занимаются политической пропагандой“. К еще большему сожалению, еще недавно, когда его превосходительство надеялся из писателя Короленко сделать певца своей славы, а сведения Анненского, получаемые через земство, позволяли щеголять необыкновенной деловитостью и знаниями перед министерством, — его пр-во написал о двух пропагандистах столько похвальных слов, что и теперь вынужден прибавить: оба — очень почтенные люди, но — к сожалению, и т. д.²

В чем наша политич. пропаганда, — это, конечно, неизвестно. Для губернатора достаточно и того, что сведения Анненского теперь ему не нужны, а писатель Короленко решительно уклонился от роли певца губернаторской славы. Моя пропагандистская деятельность — это книга „В Голодный Год“, и особенно главы об организации продовольственного дела в нижегородском крае. Это корреспонденции и особенно одна „о расходовании городских сумм“ (Русская Жизнь, 27 марта 1894), где ген. Баранов уличен в явном извращении истины. Это — статья о холере, где сказана фраза, теперь ходячая в Нижнем, — о том, что у нас борьба с холерой обошлась по рублю на бациллу, — статья вырезанная из „Русской Мысли“ цензурой, но которую Баранов читал в оттиске.

¹ Ник. Фед. Анненский (1843 — 1912), известный статистик и публицист, позднее член редакции „Рус. Богатства“, близкий друг В. Г. См. о нем „Ист. М. Соврем.“ т. III, гл. XVII и две статьи в т. XXV наст. изд.

² Против этого места на полях дневника имеется следующая приписка В. Г.: „Получил подтверждение этого факта в 1898 г.: в министерстве вн. дел производится какая-то работа, для которой набраны вольнонаемные статистики, производящие выборки из всеподданнейших отчетов губернаторов. Один из них попал случайно на мое имя в отчете Баранова и прочел отзыв“.

Это наконец — систематическое уклонение писателя Короленко от всех многочисленных авансов либерального губернатора, любезно подбирающего в разговорах за столом — материалы для тайных донесений, хотя бы и всеподданнейших, хотя бы и с явным извращением.

Кстати о всеподданнейших докладах.

В 1890 году ген. Баранов донес царю Александру III, что им закреплены окончательно афганские рынки для русской торговли. Случилось это очень просто: афганцы — приехали сами. Как-то даже странно подумать, но в докладе так и сказано: приехали для закупки товаров на ярмарке... Так просто разрешилась задача, „о которой мечтал еще Петр Великий“ и недоступный Афганистан дался нам в руки, точно Иванушке - дурачку, без всяких трудов и усилий. Впрочем — за доброту! Дело в том, что когда афганцы поплыли назад с товарами, то пароход затонул и товар подмок. Однако, лучше приведу выдержку из самого отчета:

„Из отрадных явлений этой ярмарки, — говорит ген. Баранов в своем „всеподданнейшем докладе“ за 1890 год, — следует упомянуть о первом появлении афганских купцов¹, приезжавших для покупки русских товаров. Но и в этом деле мелководие Волги привело к большим затруднениям. Афганцы, закупив партию всевозможных товаров русского изготовления, погрузили их на отходивший в Астрахань пароход братьев Каменских. На другой день выхода из Нижнего, пароход этот на полном ходу ударился о каменную гряду, перескочил через нее и затонул на глубоком месте. Конечно, все товары испортились, пробыв несколько дней под водою.

„Афганские купцы, незнакомые с нашими порядками, отправили свои товары, не застраховав их; им приходилось возвратиться на родину без денег и без товаров.

„По всем вероятностям, неудавшаяся попытка закупки русских произведений надолго бы отвадила афганцев обращаться к русским

¹ Курсив — везде В. Г. Короленко.

рынкам. Я счел своею обязанностию вмешаться в это дело. Пригласив всех оптовых торговцев, я успел, в видах развития торговли с востоком, склонить их к весьма трудному делу. Каждый из русских продавцов согласился купленный у него товар и испорченный в трюме парохода, принять обратно, заменив его новым, без всякой приплаты. Общая потеря наших торговцев достигла 40 тыс. руб. сер. Благодаря содействию мануфактуриста Ганшина, хорошего и весьма толкового патриота, своим примером повлиявшего на прочих фабрикантов, афганцы уехали совершенно счастливыми и, полагая, проникнутыми доверием к русскому купечеству. Очень может быть, что Ганшин, при будущих сношениях с рынками Афганистана, не скоро вернет понесенные убытки, но мне хотелось вознаградить его сообщением, что как имя, так и поступок его будут доведены до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества“.

И как видим доведено. В следующем 1891 году история эта получает дальнейшее течение. Афганцы опять приехали за товаром и торжественно вручили при этом генералу Баранову 1½ тысячи рублей, на которые, как оказалось, тароватое купечество положило им товару лишнего. По этому поводу в местных газетах поднялось необыкновенное ликование. В „Нижегородском Листке“ написал об этом заметку покойный Гациский¹, прямо со слов Баранова. Из этого же источника почерпнул сведения и фельетонист „Нижегор. Почты“ Дорошевич², который изобразил все событие с необыкновенным патристическим пафосом. Рассказав публике почти слово в слово (только „короткими строчками“) то, что за год перед этим ген. Баранов рассказывал русскому царю,— автор из „Нижегородской Почты“ прибавляет к этому, что,

¹ А. С. Гациский (1838-1893) писатель - этнограф земск. и обществ. деятель, исследователь нижегород. края. См. о нем ст. В. Г. „Литератор - обыватель“ (т. XXV наст. изд.).

² В. М. Дорошевич, впоследствии известный фельетонист „России“ и „Русск. Слова“.

„в недалеком будущем Афганистан обещает стать очень солидным рынком для сбыта изделий нашей мануфактурной промышленности,— так как сразу русские мануфактурные изделия имели в Афганистане большой успех, очень понравились и вызвали большое требование со стороны местных жителей“. („Нижегор. Почта“, № 4, 1891),

Газета не один раз возвращалась к этому эпизоду, трубя об нем очень громко. „Афганцы“ стали героями дня, так как патетические заметки „Почты“ тотчас же подхвачены „патриотической“ прессой.

Однако,—эта пресса, даже „патриотическая“, даже „ярмарочная“ и раболепная представляет огромное неудобство. Мы видели, что ген. Баранов писал царю о том, что товары были отправлены на пароходе Каменских—в Астрахань.

Это можно было писать царю, но в газете и для публики писать это было неосторожно. Дело в том, что пароходы бр. Каменских в Астрахань вовсе не ходят, а ходят по Каме—в Пермь.

Пришлось поэтому поступиться Астраханью, оставив ее только для царя. Для публики же товары были направлены в Пермь.

Через Пермь—в Афганистан! Это было так удивительно, что даже „Сын своей матери“¹ не удержал своего бойкого пера и, разбежавшись, оно начертало вопрос: Зачем же в Пермь? „Это вопрос государственной важности“—глубокомысленно закончил он свою заметку в „Нижегор. Почте“ (1891, 24 августа, № 41).

Вся эта история до такой степени шита белыми нитками, что может сойти разве во всеподданнейшем докладе, прикрытая невероятной дерзостью обмана. У меня был

¹ Дорошевич.

хороший знакомый, в то время посещавший ярмарку, и я попросил его собрать для меня точные сведения об этих фантастических афганцах. Результатом этого были две заметки, написанные мною: одна в „Волжском Вестнике“ (1891, №№ 200 и 203)¹, другая в „Русских Ведомостях“ (4 сентября 1891 № 243).

Привожу последнюю:

Нижегородские завоевания в Афганистане.

(Письмо из Нижнего).

Сказка об Иванушке, который, не обладая особенными умственными способностями и лежа на печи, тем не менее без всякого труда побеждает своих более умных и более предприимчивых братьев, кажется, надолго еще останется нашей любимой национальной сказкой. Нынешняя нижегородская ярмарка доставила к этой своеобразной эпопее еще новый вариант, который, с легкой руки местных газет попал уже в столичную прессу и разносится теперь раз'езжающимся с ярмарки купечеством по всему лицу нашего отечества. Дело, как его изображают нижегородские газеты, состоит в следующем:

„В прошлом году на Нижегородскую ярмарку в первый раз приезжали афганские купцы (?), которые и закупили тогда товара, преимущественно мануфактурного, на 250 тыс. руб. Товар этот отправлен был на пароходе, но во время пути случилось несчастье — пароход затонул и товар афганцев был испорчен. На такой печальный случай при первых торговых сношениях афганцев с Нижегородской ярмаркой обратил внимание главноуправляющий ярмаркою г. начальник губернии Н. М. Баранов, который, не желая лишиться тех выгод, какие представлялись для торгующего на ярмарке купечества в сбыте в Афганистан товаров, склонил фабрикантов заменить испорченный у афганцев товар новым без всякой приплаты, что и было исполнено, вызвав искреннейшую благодарность афганцев. В нынешнюю ярмарку они снова прибыли за покупкой товаров

¹ В указанных автором двух №№ „Волжск. Вестника“ были напечатаны не одна, а две заметки: „Завоевание афганских рынков“ и „Еще два слова об афганцах“. Первая из них печатается в т. XXX наст. изд.

и заявили, что, сведя в декабре минувшего года счета, они нашли излишки в отпущенном им товаре, взамен испорченного, слишком на 1.500 р. Деньги эти они представили г. начальнику губернии Н. М. Баранову с тем, чтобы он употребил их по своему усмотрению. Его превосходительство решил представленные к нему деньги употребить на устройство в Нижнем-Новгороде Петровского музея¹.

Так рассказывает об этом событии „Нижегородский Биржевой Листок“. Другая издающаяся на ярмарке газета изображает все это гораздо подробнее и в гораздо более ярких красках. По ее словам, когда „русские мануфактуристы вознаградили целиком всю огромную потерю афганцев“, то „рассказ об этом великодушном, беспримерном поступке русского купечества, возникшем по инициативе и при содействии Н. М. Баранова, произвел в Афганистане сильное впечатление, поднял престиж русского имени и вселил в сердца афганцев любовь и уважение к России, к представителям власти Русского Царя и к русскому народу. Это была мирная победа, стоившая, однако, победы при Кушке“.

Как видите, известия совершенно определенные и точные: сообщается даже о действии, произведенном в самом сердце Афганистана всем этим эпизодом. Вообще, остается, повидимому, только радоваться новой победе, не стоившей никаких усилий и одержанной благодаря лишь пассивному „простосердечию“ и тароватости русской натуры: небольшой сравнительно подарок, обмен подмоченного товара на новый — и, глядишь, таинственный Афганистан с его недоступными рынками сам раскрывается навстречу нашей „сердечности“; победа, равная кровавой победе при Кушке, не только одержана, но и закреплена на - веки!

Все это, однако, слишком уж хорошо и слишком смахивает на новый вариант старой сказки, чтобы поверить всему этому на слово, без дальнейшей проверки, тем более, что и в самом сообщении о замечательной „мирной победе“ так и торчат разные, довольно крупные недоразумения. Начать с того, что афганские товары, подмоченные в прошлом году, по словам той же газеты, были сданы пароходству, поддерживающему сообщение... с Пермью! Вопрос этот интересует самого автора. „Казалось бы, — говорит он, — что из Афганистана к нам есть единственный путь: Волга, Каспийское море, Закаспийская железная дорога.

¹ Это заметка А. С. Гацисского, писавшего непосредственно со слов и по просьбе Баранова. (Примечание автора).

Между тем афганские купцы везут свои товары вверх по Каме, по Уральско-горнозаводской железной дороге до Тюмени и оттуда на верблюдах. Зачем делается такой крюк? "

Действительно, „крюк“ совершенно необъяснимый, и достаточно взглянуть на карту, чтобы понять всю невозможность такого пути из Афганистана. Если даже допустить полнейшее незнание географии со стороны предприимчивых афганцев, которые стремятся тем не менее на нижегородскую ярмарку, то неужели можно думать, что, раз уже попав на нее, они опять направятся на Пермь и Тюмень, пренебрегая попутным течением Волги и Каспийским морем?

Дело показалось нам настолько неясным и вместе настолько интересным, что мы решились навести точные справки из непосредственного источника, и вот — далеко не столь блестящие, но зато несомненные результаты наших справок. Купцов, о которых идет речь, не четыре, а пять. Имена их следующие: 1) Турды - Ахун - Ахунбаев; 2) Разык - Ахун - Бақыбаев; 3) Хаким - Ахун - Салибаев; 4) Багаутдин - Ахун - Джаббаров; 5) Хусаин - Ахун - Мусабаев. В прошлом году они приехали на нижегородскую ярмарку не в первый, а уже в третий раз для закупки русского мануфактурного товара, которым торгуют давно. В третью поездку с ними случилось, действительно, несчастье: оди сдали товар для доставки в Пермь не крупному подрядчику Бояршинову, который передал его на баржу Любимова (а не Каменских, как сообщалось в газетах), не застраховавав предварительно. Остальное, как рассказано выше: баржа наткнулась на камень, товар подмок и несколько купцов, по инициативе губернатора, заменили подмоченный товар новым. При распределении товара на месте оказалось, что на 1.593 рубля его положено больше. А так как шариат называет кражей присвоение чужой собственности, хотя-бы положенной кому-нибудь самим владельцем по ошибке, — то они сочли нужным возратить деньги Н. М. Баранову. Ездят постоянно на Пермь и Тюмень, а оттуда на верблюдах, потому, что это лучший и ближайший путь к месту их жительства и торговой деятельности. Место-же это вовсе не Афганистан, так как все они китайские подданные, из западных провинций Китая. Четверо — из Кашгара, но живут в Верном, пятый — живет постоянно в Кульдже. Верный, повидимому, является операционным базисом их торговых операций. Сюда они доставляли сырье: мерлушку, каракуль, шерсть (джебагу) и т. д., а здесь много лет покупали русский мануфактурный товар, сначала приобретая его у приезжих русских купцов,

в последние-же годы отправляясь сами в Нижний, но еще более закупая в Москве.

Таким образом, как видит читатель,— все эти яко-бы афганцы, обеспечившие нам обладание таинственными рынками Афганистана, являются нашими добрыми старыми знакомыми и очень близкими соседями из западного Китая. С этой точки зрения все объясняется сразу и вполне удовлетворительно. Бросьте только взгляд на карту Средней Азии, и вы увидите, что от Кашгара путь на Тюмень самый близкий да и самый удобный, потому что пролегает южными, сравнительно культурными местами Западной Сибири, тогда как до Каспийского моря и далеко, и гористо, и пустынно. С другой стороны, от восточной границы Афганистана Кашгар отделен сотнями, а пожалуй и тысячами верст, горными хребтами и дикими, разбойничьими племенами. Таким образом, как это ни грустно, но приходится констатировать печальный факт, что и после приезда на нынешнюю ярмарку наших старых друзей из Кульджи — рынки Афганистана так же далеки для нас и так же недоступны, как были прежде, а коварные англичане остаются пока единственными их обладателями.

Старая сказка так и остается старой сказкой! Что же касается до действительных экономических завоеваний, то они даются только знанием, трудом, предприимчивостью и энергией в достижении сознательно поставленных целей.

К чести наших добрых китайских соседей надо сказать, что они очень простодушно рассказывают о своем действительном происхождении и повидимому отнюдь неповинны в этой странной мистификации. Остается, право, только удивляться, как легко впадаем мы в такие смешные недоразумения, как легко возникают у нас подобные басни, как, наконец, эта легенда, шитая такими белыми нитками, — могла распространяться, проникать даже в столичную прессу, не встречая компетентных разъяснений и опровержения!

W.

Вот и вся „политическая пропаганда“, которую „писатель Короленко“ ведет в Нижнем. Но так как у нас мешать „начальнику“ — хотя бы лгать и обманывать русских царей явными нелепостями (как говорится, курам на-смех) — значит то же, что „идти против всякого начальства“, — то, конечно, писатель Короленко — человек опасный!

11 января 95

В „Русских Ведомостях“ отмечается основная точка зрения, приведенная во всеподданнейшем докладе Мин. Финансов¹. Точка зрения эта — что при обильном урожае понижаются цены на хлеб и от этого страдают частновладельческие хозяйства. В общем же высокий урожай, хотя бы и сопровождаемый низкими ценами, составляет благо, а не бедствие. Эта простая истина доказывалась съездом статистиков, происходившим по вызову Мин. Финансов, в декабре, в Петербурге (участвовали: проф. Чупров, А. С. Посников, В. Н. Григорьев, Н. Ф. Анненский, Щербина, Покровский, Красноперов, Марес и др.). Все они, окончив совещания, были у Министра. Витте показался им деловитым и умным. Когда Чупров дошел до заключения, что лишь незначительная часть интересов страдает при понижении цен от урожая, то министр сказал: — Да, но часть... очень кричащая.

В этом, конечно, все дело. Стоят всего ближе и орут всего громче. И министр „самодержавного царя“ признается, что все таки придется бросить известное количество казенных миллионов в угоду „кричащей части“. В этом — своеобразная российская конституция!

Все приезжавшие из Москвы говорят, что там ожидается бойня студентов². Петиция профессоров закончилась весьма своеобразно. Профессорам предложили подписать заявление, разделенное на пункты в роде:

¹ С. Ю. Витте (1849 — 1915 г.).

² В Москве происходили студенческие волнения в связи с массовыми арестами и высылками студентов. См. об этом „Дневник“ т. II, запись под 18 дек. 1894 г.

1) студенческие организации не признаны законом; 2) значит — они тайные общества, 3) я нижеподписавшийся, ординарный профессор тайным обществам сочувствовать не могу. Ergo 4) не сочувствую студенческим организациям. Профессора, говорят, были предупреждены, что неподписавший это заявление будет уволен.

И — подписали! Даже юристы приняли подписку, в которой их спрашивали — сочувствуют или не сочувствуют они тому, в чем, во всяком случае, сами не участвуют. Московский университет опозорен удивительным прецедентом. Итак, после примера профессоров, теперь уже можно вызвать любого обывателя и потребовать раскрытия сердца:

— Конституция есть образ правления противный самодержавию, ergo — в России не дозволенный. Сочувствуете ли вы конституции?

— Терпимость по отношению к вредным сектам упразднена нашим законодательством. Штунда — об'явлена вредной. Осуждаете ли вы преследования штундистов?

— Позвольте, но я желал бы, чтобы студенческие корпорации были разрешены и тогда они перестанут быть тайными обществами. А до тех пор — я сам в них не участвую, но и не вижу повода для подписки. Точно то же и относительно штунды: я искренно желал бы, чтобы милостивое начальство вернуло им звание, еще недавно им принадлежавшее — секты невредной. А до тех пор — опять таки не вижу поводов для выражения моих чувств по этому поводу.

— Отвечайте на вопрос, или...

И обыватель раскрывает сердце и кладет его на бумагу.

Это так позорно, так элементарно унижительно, что даже наше общество это поняло. В обществе поднялся настоящий вопль негодования. Помилуйте, да ведь даже

человек искренно ненавидящий студенческие корпорации — без крайнего унижения не даст такой подписки. И даже тем более. Если это преступно, то можно ли призывать постороннего человека и спрашивать:

— Дайте подписку, что вы не сочувствуете преступлению.

— Да с какой-же стати ко мне с этим обращаются?

Но профессора подписались и с этой минуты всякая тень их влияния на студентов убита. Говорят, — они со стыдом появляются в обществе.

Акт отменен. Но что-то все-таки будет! Студенты уезжают из Нижнего, как обреченные. Теперь и бывшие противники демонстраций знают, что идут на беспорядки и на бойню.

Old Gentleman¹ по поводу университетского праздника в Москве — Татьянина дня в газете „Новое Время“ предается грустным размышлениям. Он вспоминает прошлое, он с умилением вспоминает трогательное единение между учащими и учащимися московского университета.

И настоящее после такого прошлого кажется ему в очень неприглядном виде:

„В последние годы акт проходил совершенно бесследно; студенчество стало холодно к нему, как к формальности, смысл которой — свободное и живое общение учащихся и учащихся, профессоров и студентов — стал анахронизмом. Все вырождается на свете. Выродились и теплые отношения между московским студенчеством и его профессорами, в которых еще недавно студент видел членов одной с ним семьи, старших и, следовательно, более опытных и развитых братьев по науке.

„На прошлогодней Татьяне я был поражен той насмешливой апатией, с какою пирующие студенты встречали и провожали профессоров.

„Нынче многие профессора не хотят и показываться в Эрмитаж, не ожидая встретить прежнее сочувствие“.

(№ 19 Волжский Вестник — 21 января 1895).

¹ Псевдоним А. В. Амфитеатрова.

Министерство земледелия... Говорят, Ермолов¹ пытался созвать с'езд сельских хозяев. Совершенно понятно, что Ермолову необходимо опереться на те или другие, но действительные силы земли, потому что во-первых, „другие ведомства“ не желают поступиться ничем в пользу нового, а во 2-х — земледелие не такая вещь, которую можно уложить в портфель. И вот Ермолов мечется. Говорит о земстве, и проектирует с'езд сельских хозяев, по выбору от земств и дворянских собраний. В этом смысле составляется доклад, и государь пишет на нем: „Прекрасная мысль, очень сочувствую“.

Остается привести в исполнение. Но тогда „другие ведомства“ поднимают возню. К Ермолову является Дурново² и, говорят, Витте, и начинают доказывать, что это будет также „конституция“... Помилуйте, выборы и т. д. Ермолов уступает и малодушно берет свой проект обратно, доказывая государю, что его осуществление — еще преждевременно.

Нужно сказать правду, что если уже прибегать к совещанию с „выборными от земли“, то программу этих совещаний нужно-бы расширить за пределы вопросов „земледелия и землевладения“, да она расширилась бы и само собою. Но верно также и то, что с этих пор — министр Ермолов погиб, а его министерство обречено на участь жалкого департамента.

Нужно все-таки что-нибудь делать. От министерства земледелия рассылаются проекты сельскохозяйственных советов, которые подвергаются разрушительной критике

¹ А. С. Ермолов, назначенный в марте 1893 г. управляющим министерством госуд. имуществ, при чем на него возложено было преобразование этого мин - ва в мин - во земледелия.

² И. Н. Дурново, мин. вн. дел с 1889 г. по 1895 г.

со всех сторон. Земства указывают, что незачем делать новые надстройки и пристройки бюрократического характера: земства — естественный орган земельных интересов, но ясно, что нужна широкая реформа земства и расширение прав самоуправления. А там выяснится еще — необходимость более свободной инициативы, а там — окажется, что все хозяйство страны ведется на началах бюрократических и мертвых, не отражая действительных интересов ни одного класса, ни одной группы.

Уфимский губернатор находит, что все дело — в губернаторе, которому надо предоставить отменять без разговоров все мероприятия земства и будущих сельско-хоз. советов, потому что... разумеется, кому же лучше знать, как не губернатору. А крупные помещики, не выждав еще похорон Алекс. III — завопили, что Россия погибнет, если правительство не скупит у них 150 мил. пудов хлеба.

Все эти голоса сведет в одно „сельско-хозяйственный совет“, заседающий и теперь в Петербурге. Этот совет уже не по выборам, а по назначению. Он открыт длинной речью министра, и затем сенатор Калачов обратился к Ермолову с благодарностью „за доверие к здоровым силам страны“.

Откуда они набраны, эти здоровые силы. Это ясно: во 1-х ближайшие чиновники разных департаментов: земледелия — Костычев, бывший — Калачов, сельско-хоз. экономии — Тимирязев. Затем, — как не пригласить петерб. предводителя гр. Бобринского. За ним следует киевский предводитель князь Репнин, за ним егермейстер Н. П. Балашов... Но — чем же тогда хуже „в должности церемониймейстера“ князь Васильчиков и не обидится ли за не приглашение — камер-юнкер князь Щербатов... И т. д., — а за ними нужно также и представителей от других министерств и ведомств. „Живые силы“ страны т. образом укомплектованы!.. Правда, это первое заседание является

в гораздо большей степени отражением неба, чем бедной земли,— столько здесь всяких звезд... Среди этих церемониймейстеров и камерюнкеров,— скромные имена, в роде Квитки, председателя полтавского общества сельских хозяев,— являются совершенным исключением...

Вот к чему свелись эти толки о „здоровых силах страны“ и вот кто будет поднимать русское земледелие...

Говорят, между Витте и Ермоловым — соперничество. Повидимому,— первый все-таки гораздо умнее и решительнее. Ермолов понемногу становится смешон сам и обращает в карикатуру все, за что берется с такими громкими заявлениями. В этом отношении он начинает напоминать ген. Баранова, который за громкие слова прослыл либералом и потому был призван в смутное время — в градоначальники!¹ Как градоначальник он принялся тотчас устраивать заставы и шарить по домам, а как либерал,— ввел в систему обысков — выборное начало (знаменитая комиссия 25-ти!) и взаимность.

Ермолов,— как „человек жизни и практики“ говорит об обращении к живым силам страны,— а как чиновник и бюрократ — обязуется искать эти живые силы в департаментах и затем — не ниже первых трех классов по табели о рангах...

15 января 95

Дня 3-4 назад цензор Н. И. Харлампович не пропустил фельетона в „Листке“, на том основании, что „эта статья не соответствует программе“. Так как фельетон в программе есть несомненно, то А. А. Дробышевский² поехал

¹ Ген. Баранов был назначен петербург. градоначальником в марте 1881 г., после убийства Александра II.

² А. А. Дробышевский (псевдон. Уманьский), провинц. журналист, в то время редактировавший „Нижегород. Листок“.

ночью к цензору объяснить, что это „недоразумение“. Цензор вышел в простыне и наотрез отказал в разрешении. № вышел без фельетона. Теперь опять фельетоны появляются. Одним словом — своя рука владыка.

Ермилов¹ заявляет всюду, что „через две недели“ он опять будет водворен в редакции. Баранов говорил Волкову² еще в декабре, что хотя он дал о нем, как о редакторе, хороший отзыв, но теперь обстоятельства изменились (вышел из газеты „благонадежный“ Ермилов) и потому он изменит свой отзыв. „Я знаю, прибавил его пр-во, что газета попала в руки кружка, который этого давно добивался“. Между тем, — газета в руки того кружка, о котором, конечно, думает Баранов, — вовсе не попадала. Теперь можно ждать, что действительно под давлением администрации Дробышевский будет устранен и патентованный вор водворится мерами администрации на его место. „Красивее“ этого конца нельзя и придумать для этой провинциально газетной истории.

Сегодня в Листке (№ 14) напечатана телеграмма: Государь „в монаршем попечении о верных Наших подданных, посвятивших свои дарования и усиленные труды служению Нам и отечеству на поприщах науки, словесности и современной печати“, — признал справедливым отпускать ежегодно из Государственного Казначейства денежные средства для оказания необходимой помощи нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, а равно их вдовам

¹ Н. Е. Ермилов, исполнявший до Дробышевского обязанности фактического редактора „Нижег. Листка“, человек с уголовным прошлым. Пользовался покровительством губернатора Баранова, при котором состоял „для особых поручений“. См. о нем „Дневник“ т. II, „Ермилов человек благонадежный“ (запись под 14 сент. 1894 г. и далее).

² Волков, издатель „Нижегор. Листка“.

и сиротам, возложив „исполнение сей Нашей воли на Академию Наук, как первенствующее ученое сословие (?) в Российской империи“.

На это отпущено по 50 тыс. ежегодно.

Еще одно доказательство благодушных пожеланий молодого государя, по отношению к действующим общественным силам. Но исполнение, исполнение! Все роковым образом тотчас вскакивает на бюрократические рельсы — и кончено!

По странной иронии судьбы, вслед за этим известием, непосредственно и ничем от него неотделенное — стоит другое, — которое гласит тако:

„Министр внутренних дел определил: приостановить издание газеты „Курский Листок“ на два месяца“.

Нужно заметить, что „Курский Листок“ газета подцензурная... С бедной прессы дерут во истину по две шкуры... Плохое утешение при таких условиях даже эти 50 тыс., которые ученые чиновники будут раздавать в воспособление чиновникам литераторам.

„Будем надеяться, — говорит „Русская Жизнь“ (№ 13 — 15 янв.), что это „ученое сословие“ постарается поощрять к большему рвению не одних Державиных за оды к Фелице, но и Фон-Визиных, у которых иногда прорывается „свободомыслие“...“

17 янв.

Писатели хотят придать этому Высочайшему указу значение признания заслуг прессы и, конечно, выдвигают его на показ цензуре и всему цензурному ведомству. Бедный „Нижегородский Листок“ вышел сегодня с восторженной статьей по этому поводу, а петербургские газеты — гремят в бубны и литавры. Но — недаром распоряжение министра внутренних дел поставлено рядом с этим указом в телеграммах... Quos ego! Да и „Листок“

с восторженной статьей вышел что-то позднеенько. Можно думать, что даже и восторг „облагодетельствованной“ газеты подвергся цензурной обработке... Редакция упирает на признание царя,— но царская милость далеко, а красные чернила — на столе у цензора...

Более точные сведения о всеподданнейшем докладе ген. Баранова еще пикантнее. Доклад начинается с того, что в Бозе почившему Родителю молодого Государяген. Баранов всегда представлял доклады, в которых с прямою солдата всегда говорил одну правду, как бы эта правда ни была порой горька. Он будеть имет дерзость говорить такую же правду и наследнику покойного Государя...

О нас сказано, что мы — люди „глубокого ума“ (или что-то в этом роде), но, к сожалению, находимся в оппозиции правительству. В общем — оба источника передают одну и ту же сущность доклада.

19 [января.]

Конец недоразумениям и маниловским упованиям русского общества! Вчера „Волгарь“ вышел позже обыкновенного, чтобы поместить очень важную телеграмму. Оказывается, что 17 января при приеме депутатов, в Николаевской зале Зимнего дворца, государь сказал „депутациям от дворянства, городов, земств и военным депутациям, с'ехавшимся со всей России для выражения верноподданнических чувств по случаю бракосочетания их Величеств“, следующие слова:

„Я рад видеть представителей всех сословий, с'ехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому, но Мне известно, что в последнее время слышались в земских собраниях голоса людей, увлекавшихся

бессмысленными мечтаниями¹ об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель“.

„Слова Государя, — говорится далее в телеграмме, — были покрыты восторженным „ура“ присутствующих, долгое время оглашавшим залы“.

И затем:

„В пятом часу губернские и уездные предводители дворянства и дворяне, входившие в состав депутатий, из дворца отбыли в Казанский собор, где отслужили благодарственное молебствие по случаю знаменательных слов Его Величества, высказанных при принесении поздравлений депутатиями“. („Волгарь“ 18 января. „Нижег. Лист.“ — 19 янв.).

Очень понятно и очень вразумительно. Теперь для всей России ясно, что все останется по-старому и что за это благодарят Бога в особенности российские дворяне, для которых не оскудеет и впредь российская казна на подачки! Ошеломляющее значение этой телеграммы заключается, разумеется, не в том, что теперь нельзя ждать конституции. На это очень мало кто и надеялся. Но огромное большинство общества ожидало начала более либерального периода, ожидало расширения прав самоуправления хотя бы в местных делах, ожидало скромного права для земств — представлять свои ходатайства непосредственно государю, как это делает дворянство. В самом смелом из адресов — Тверском сказано лишь об этих скромных ожиданиях, о необходимости охранения законов, и даже буквально: „Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам их касающимся, дабы до высоты престола

¹ Курсив всюду принадлежит В. Г.

могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского“.

Теперь эти скромнейшие пожелания названы „бессмысленными мечтаниями“, — и новое царствование начинается с категорического и резкого их отрицания. Факт этот может иметь огромные и роковые последствия, потому что жизнь придает им распространенное толкование. Да и речь дает огромный простор к такому истолкованию. В самом деле, что значит „бессмысленные мечтания об участии земских представителей во внутреннем управлении“. Земство, даже обрезанное и ограниченное — есть все таки несомненно орган „внутреннего управления“. Иначе — что же оно такое? Без сомнения, были ожидания, что, развиваясь далее, земство станет когда нибудь органом и управления верховного. Но об этом не было речи ни в адресах ни в собраниях. Все ожидания — сводились пока к большему простору в управлении местном, к большей независимости от местной администрации и к более близкой связи с властью верховной. Теперь можно ожидать, что все реакционное, все бюрократическое и даже все нейтральное — шарахнется от слов царя — в сторону административной опеки и произвола, и земство потеряет даже те незначительные точки опоры, которыми еще держалось. И если не последует каких-нибудь официальных раз'яснений слов царя о внутреннем управлении в каком-нибудь, более точном смысле, — то они явятся в местной жизни очень сильным орудием реакции. Администрация ими окрылится для наступления на закон и на самоуправление, а земцы и думцы опустят нос: ведь теперь самые скромные попытки могут быть приравнены — к покушениям на участие во внутреннем управлении!

Как бы то ни было, — всероссийское недоразумение кончилось. *Le roi est mort, — vive le roi!*¹ Все идет по старому, на политический прогресс сверху нет надежды — полиция стоит по своим местам и железная рука „охраны“ охватит Россию еще крепче. Вся надежда только на силы самого общества, на то, что элементарная гражданственность все-таки сделала хоть какие-нибудь успехи, наконец, что реакция дошла уже до своего логического конца при Александре III и более ей сказать нечего.

Родичев² и А. А. Головачев³ — вычеркнуты из списка депутатов, а Родичев — и из гласных.

25 января (95)

Впечатление от речи государя повидимому очень единодушно и крайне неблагоприятно. Ликут лишь самые крайние неключимые дворяне, в роде нашего Инсарского, носящего в просторечии название Инсарский-лошадь и говорившего в земском собрании своего уезда: „Я — обскурант и горжусь этим“. Говорят, выражали удовольствие на бирже — крупные тузы торгового мира, в роде Башкировых. Эти, конечно, и теперь за деньги имеют к своим услугам и губернаторов, и кого угодно. За то все земство, в лице даже самых умеренных и консервативных элементов, все среднее российское состояние — не только огорчены, но и скандализированы до крайней степени. Все, кто питал самые „законные“ упования на

¹ Король умер, — да здравствует король!

² Ф. И. Родичев, председат. тверского губ. земства. Впоследствии член Государственной Думы и член партии к. д.

³ А. А. Головачев, гласный тверского земства, писатель по экономич. вопросам.

то, что молодой государь захочет ограничить произвол администрации, что он не прочь услышать не один голос бюрократии, но и земли, — хотя - бы только слышать, без всяких дальнейших обязательств и ограничений своей власти, — все видят, что эти скромные ожидания названы бессмысленными, и все поняли, что действительно, как говорят „Моск. Ведомости“, — „период шатания окончился“. Молодой царь явно для всей России — опять оказался в руках чиновничьей и дворянской олигархии. Интересно, что при этом ликуют в России только крайние партии. Даже среднее чиновничество высказывает открытое неудовольствие, — и только крепостники да еще люди, сохранившие надежды на возможность революционных действий, — выражают свое удовольствие — с противоположных точек зрения. Если - бы каким ниб. усовершенствованным микрофоном собрать все отзывы, которыми „частная“ Россия откликнулась на речь 17 января, — боже мой, сколько материала для обвинений по ст. об оскорблении величества. И кто только внушил молодому царю, начавшему со снятия полиции в Петербурге — закончить этой удивительной речью, оскорбившей всю сознательную и умеренную Россию.

И подумать только, что все это произошло из-за скромной просьбы о праве — просить! И ничего более!

Теперь все упования, устремлявшиеся к загадочной еще фигуре молодого царя со всех концов России — сразу увяли, точно преждевременно распутившиеся весенние лепестки под дыханием холодного ветра. На месте российской весны, — опять российская осень, унылая и неприглядная. Там, где, казалось, зацветает и распускается что-то новое, — стоит по прежнему — сухая бюрократическая палка и старые пугала машут на ветру руками.

А самые упования — направляются теперь совсем в другую сторону. Вчера по городу говорили, что земские депутации раз'ехали почти все, не дожидаясь 22-го, — церемонии целования руки. В этом хотят видеть ответ zemства на незаслуженное оскорбление. Разумеется, — это сомнительно. Характерно, однако, что вместо фантастических басен о царской мудрости и доблести, — российские упования создают теперь слухи о „доблести гражданской“ и о просыпающемся чувстве собственного достоинства. Это не только характерно, но пожалуй и утешительно: если еще не действительность, то хоть воображение русского общества направилося на верную дорогу.

22 янв.

Вернувшиеся из Петербурга передают дальнейшие подробности эпизода с адресом. Родичев хотел остаться в Петербурге, чтобы добиться аудиенции и доказать царю, что его перед лицом целого света ввели в обман, так как в тверском адресе нет ничего, подобного тому, что царь говорил в своей речи. Но все эти попытки разбились перед целым ворохом подлых административных рекомендаций о неблагонадежности. Пока Родичев и тверские легальные либералы воевали на зак[онной] почве за земство, — администрация писала и писала тайные отзывы. Писали губернаторы, писали жандармы и все это копилось, и все это накопилось в целый ворох обвинений, о которых Родичев даже не знает, которых не может опровергать, — но которые выдвигаются против него, как нечто несомненное, в нужную для администрации минуту. Оказалось, что Родичев и революционер, и безнравственный человек, и чуть - ли еще не кулак, обиравший крестьян в „голодном году“! Молодой царь страшно восстановлен, — и против подписей земцев, среди которых

было большинство дворян — написал: „Хороши дворяне! Где же были наши предводители?“.

Земцы, хотя уже знали, что тверской адрес встречен неблагоприятно, — никак не ждали того, что случилось. Царь вышел в залу, прошел шагов 20 и стал говорить. В руках у него была фуражка, говорил он взволнованно, останавливаясь и заглядывая в фуражку. Утверждают, что он читал свою речь по бумажке, которая была положена в шапку. Ошеломленные земцы — не кричали ура, — но дворянство просто ринулось к царю и кричало еще у двери (ставят в связь с надеждой на сбавку еще $1/20/0$ по залогу имений, прямо уже за счет других сословий).

Первыми приехали в собор благодарить Господа - Бога наш губ. предводитель Н. И. Приклонский и К. И. Зыбин. За ними стали с'езжаться другие. Когда молебствие кончилось, — приехал еще царь, — тоже благодарить за что - то.

В Петербурге ходят анекдоты. Говорят, что на блюдах, поднесенных сословиями и учреждениями, — были надписи: от крестьян — „Хлеб наш насущный даждь нам днесь“. Дворяне: „И остави нам долги наши“. Министр финансов: „И не введи нас во искушение“. Земцы: „Избави от лукавого“.

Один из приезжих рассказывает, что сам слышал в гостинном следующий разговор торговцев.

— Читал, Иван Парамонич? А ловко он их, земцев - то отчитал, а?

— Н - да. Ловко - то, ловко. А пожалуй что и не ловко. Они с хлебом солью, а он их...

— Н - да. Вот оно что... Пожалуй.

Было это или не было этот раз, но во всяком случае этот диалог — точное резюме всех толков. Даже совершенно

нейтральные сферы русского общества отзываются подобным-же образом о тактичности этой отныне „исторической речи“.

Реакция в ходу. Сегодня в местных газетах напечатана телеграмма из Петербурга от 21-го января:

„Министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурор св. синода постановили: прекратить вовсе издание газеты „Русская Жизнь“.

У нас сгущается атмосфера сыска. Вчера под-вечер я забежал к Ульянову¹: мне нужна была справка по делу клубной библиотеки, в которой он был библиотекарем. Идя туда — я наткнулся на группу каких-то заговорщиков, только что сползшихся у фонаря — и сразу конспиративно затихших при моем проходе. Один торопливо закрыл лицо воротником. Идя назад — я застал их все на том же месте, и только по моем проходе один отделился и последовал за мной.

Я не обратил бы на это особенного внимания, но сегодня случайно об этих незнакомцах заговорил извозчик.

— Тише, — говорю я ему, — полицейского задавишь. Человек казенный.

— Найдут другого... Это место пусто не бывает...

— Нонче, — заговорил он через некоторое время, — не знаешь как и понимать полицию-то, право.

Он весело засмеялся.

— Этто на углу теперь все караулят какèи-то, да слышь в пальтах...

— Это где?

— Да супротì Лемке², у фанталу, а то у лавочки. Сойдутся, соткнутся носами-те, пошопчут, пошопчут

¹ А. Н. Ульянов, нижегор. педагог, сотрудник провинц. газет.

² В доме Лемке на Канатной ул. жил В. Г. Короленко, с сент. 1888 г. до переезда в Петербург (в 1896 г.).

и — и — опять пошли в ход... Так и торя́тся все... Один вчера пришел в чапане. Чапан на ём руськой, плохонькой, снегом засыпало, озяб. А ходит...

— Тайная полиция, — называется... Четвертый - то, — продолжал он свои разоблачения, — день и ночь все у Костинкинского дому сидит, с Пиунихиным - те рядом, на Новой улице. Тут и днюет и ночует.

По описанию местности, — это уже на другой улице, отсюда видна только крыша моей квартиры и значит — этот пост установлен для кого - то другого.

— И все смотрит, слышь, наискосок.

— Направо или налево?

— К площади туда, к арестантской.

Так и есть, — это и будет квартира бедняги Дробышевского. Мне приходит в голову, — уже не требует - ли государственная безопасность установления какой-нибудь связи между подозрительным пунктом в доме Лемке, видимым от „фанталу“, домом Пастухова на Новой улице, где живет злополучный редактор „Листка“ — и чего доброго — редакцией этой унылой газеты на Б. Покровке. Если это так, то доказательства этой связи налицо. Она доказывается ясно тем, что мы почти не видимся с тех пор, как А. А. Дробышевский работает в „Листке“. А это, конечно, значит, что мы тщательно скрываем свои сношения... Иначе... Иначе почему бы нам и не видеться в самом деле?..

25 января

„Нижегородский Листок“ все редактируется А. А. Дробышевским и, надо сказать, редактируется бесцветно и вяло. Фельетонистом выступает А. Н. Ульянов, доказывая еще раз старую истину, что хороший человек и даже отличный педагог может быть очень плохим

журналистом. Недавно был пожар на мельнице Башкирова. Фельетонист „Листка“ написал, что он „с чувством, близким к отчаянию, смотрел, как гибнет в пламени произведение человеческого гения“, а через несколько строк прибавил, что он никак не может одобрить затеи нижегородских велосипедистов учиться фехтованию. „Непременно повыколют друг другу глаза и перессорятся“. Не нужно и подписи, чтобы узнать кто писал: педагог, педагог!

А. А. Дробышевского — совсем не вижу: все сидит в редакции и все чик, чик, чик, — кроют вдвоем с Ульяновым из чужих больших листов — свой маленький листочек. Цензор Н. И. Харлампович опасается, как бы от такой усердной работы не произошла в Нижнем революция и потому из маленького листочка все норовит ежедневно сделать еще меньший. Добра - то, добра - то из-за этого сколько пропадает, страсть! Начикают вырезок, ан половина - то и не годится! Да еще и вырезки то самые лучшие — филей! С. Д. Протопопов¹ пытался им давать кое-что по местным вопросам, но не может выносить цензорского юмора. Написал раз статью об Александровском банке. А. А. Дробышевский (большой политик!), чтобы задобрить цензора поставил от себя подпись: „Дворянин“. А цензор и написал против этой подписи: „Скоро будет дворянское собрание. Г-ну Дворянину лучше высказать все это в собрании“. Чирк — и нет ничего! Бедная Устинья Ивановна, супруга редактора, унывает, утешаясь только при получении жалования. Получит (рублей 120 в месяц приходится) — и видит, что месяц тревог и опасений прошел бесплодно, и опять устремляет взоры к будущей получке, как пловец на

¹ С. Д. Протопопов, журналист (ранее судебн. следователь в Н.-Новгороде), близкий знакомый В. Г.

утлой ладье — смотрит на дальний туманный берег. Ой, доплывем - ли! А по сторонам ходит благонадежный Ермилов, делает страшные глаза, злобно щелкает зубами и грозит, что они с губернатором за такие опасные занятия всю эту анархическую компанию упекут в Сибирь и даже далее...

В публике, в типографии, на бирже — всюду ходят слухи, что газета скоро будет закрыта. Почтенный С. И. Жуков, редактор - издатель „Волгаря“ не пожелал печатать объявления от конкурирующего „Листка“ и довольно цинично объяснил это тем, что не желает вводить публику в заблуждение. „Ваша газета просуществует недолго. Это всем известно“. Создалась какая-то удивительная атмосфера. Дробышевский — человек умный и дельный, но неподвижный, нерешительный, робкий и, к несчастью, напуганный долгой безработицей — сам поддался этому настроению в такой степени, что напр. смотрит на мое сотрудничество, как на дело „опасное“ для газеты. Издатели поместили редакцию в какую-то необыкновенную конуру. Корректор — человек, которого в обществе уличали в шпионстве и даже били (он при этом кротко молчал) — и вот уже 1½ месяца Дробышевский терпит этого субъекта около своего дела. В первые дни, какой-то Белов или Беляков все ходил в редакцию и говорил даже хозяину типографии Казачкову, что „как себе хотите, а я вотрюсь в редакцию“. Оказывается, тоже шпион, ходит, нюхает, заглядывает наборщикам через плечо, присутствует при сдаче № на машину. И при этом редактор требует, чтобы шпиона, как постороннее лицо, выгнал типографщик, а типографщик — предоставляет это опасное дело редактору. Все это до такой степени пресытило атмосферу, что все ждут какой-то грозы, которая должна все нарушить. Редакция лезет из кожи, на

Рождество пересказывает своими словами евангелистов, умиляется по поводу волхвов, печатает слюняво-патриотические излияния по поводу „царской милости печати“, — и все-таки кажется сама начинает верить, что все они — люди опасные и терпимы быть не могут. Оглядка, опасение, старание даже и не казать на глаза цензору ничего, что только ему хоть отдаленно может не понравиться... Самые простые вещи — превращаются в какую-то конспирацию и сопровождаются заподозриванием. На днях я отдал С. Д. Протопопову для передачи в газету, — заметку из деревни. Несколько довольно простодушных и непосредственных соображений о том, что мужик далеко не сплошь пьяница и кое-что все-таки не прочь и сработать. Сергей Дмитриевич исправил и отдал, а цензор, как водится, зачеркнул всю статью. Нужно теперь как-нибудь сделаться с автором. Протопопов просит дать ему один корректурный авторский оттиск (рукопись изрезана и запачкана в наборе). Дробышевский обещает, тянет, забывает, а в сущности боится, как бы из этого „чего не вышло“. Протопопова водят обещаниями, он ходит и раздражается. Наконец, получает. Оказывается корректор (шпион) застигает его одного в комнате и конспиративным шопотом обещает дать оттиск („только между нами, пожалуйста, по секрету“).

— Да что вы шепчетесь, — я ничего не прошу противозаконного. Авторские оттиски выдаются всюду...

И все-таки, на следующий день, корректор сует оттиск, озираясь и прибавляя:

— Только, пожалуйста, чтобы ни-ни... между нами.

Таково положение начинающей газеты в половине 90-х годов XIX столетия, в Нижнем-Новгороде, под либеральным управлением блестящего ген. Баранова.

29 января 1895

27-го открылось нижегор. губ. земское собрание. Накануне говорили о том, что речь Баранова при открытии будет вся проникнута смыслом „знаменательных слов“, что пожалуй он предложит от себя земству редакцию „благодарственного адреса“ и т. п. Я тогда-же предсказывал, что ничего этого не будет. Ген. Баранов все время ведет игру на два фронта. Заигрывает с либеральными газетами — и конфиденциально пишет Мещерскому, что его орган есть орган порядочных людей, в противоположность органам „сволочи“. Приводит в восторг не только писателей „либеральных“ „Новостей“, но даже и Кигна¹ из „Недели“, который пропел панегирик барановскому управлению осенью 1893 года (или в начале 1894 г.), — а в то же время пишет во всеподданнейших отчетах, что либеральная печать деморализует общество (ссылка на „Вестник Европы“ — не совсем одобряющий энергичные меры Баранова). Неофициально довольно громко в Нижнем порицает реформу 12 июля² — и просит тайно, чтобы земские начальники назначались из офицеров запаса. У него — непрестанно присутствует некоторое предчувствие, которое присутствует на Руси у многих, — что так дальше нельзя. Конечно, призовите его, — он настроит застав и учредит такую охрану, какой еще не видали. Но он знает, что его не призовут, потому что охранных дел мастеров и без того хоть отбавляй. И поэтому — устремляет на всякий случай взоры и в другую сторону. Не призовут ли когда-нибудь „другие“. Может быть, когда-нибудь понадобится вдруг

¹ В. А. Кигн (псевдоним Дедлов).

² Учреждение института земск. начальников (12 июля 1889 г.).

не охрана, а „смешанная комиссия“ для взаимной „проверки“ обывателями собственных квартир... Тогда очень может быть — „Новости“ вспомнят, что ген. Баранов никогда даже не сек иначе, как „при свете полной гласности“. А на сей случай, не нужно выступать с очень яркими заявлениями консерватизма...

И действительно, лишь только на сей раз опять черные сюртуки гласных окружили блестящий губернаторский мундир, — его превосходительство, к великому разочарованию любопытных, произнес кратко:

— Тридцатое очередное собрание нижегородского губернского земского собрания имею честь об'явить открытым.

Щелкнул шпорами — и ушел из залы...

Русские ведомости¹

Москва, января 17-го дня 1895 г.

Никитская, Чернышевский пер., д. № 7.

Многоуважаемый

Владимир Галактионович!

К сожалению, редактор не находит возможным напечатать сообщение о васьском земском начальнике².

Влад. Розенберг.

30 января

Сегодня в губ. земском собрании ходил по рукам в пуб-
лике № газеты, который читался с большим вниманием

¹ Письмо, написанное на бланке „Русск. Вед.“, вклеено В. Г - чем в дневник.

² Статья эта под заглавием „В Васильском уезде. (Бытовые картины с натуры)“ была напечатана в „Самарской Газете“ 1895 г. № 162. Касается деятельности земского начальника Андр. Ип. Зыбина.

и с улыбками. Когда № попал в руки одного из моих знакомых, я взял его и списал следующую заметку:

Нижегородская жизнь

Публичные лекции. — Из хроники учительской жизни. — Охранное отделение.

Рассказав сначала о публичных лекциях, которые у нас читались на святках, потом об эпизоде с какой-то учительницей, автор говорит дальше буквально:

„В одной из прошлых корреспонденций мы сообщали, что по просьбе г. Начальника губернии Н. М. Баранова, в Нижнем, в виду предстоящей выставки, открыто, по примеру столиц, охранное отделение для контроля за почтовой корреспонденцией и надзора за внутренним порядком города. В настоящее время начальником отделения назначен бывший заведующий сыскной частью нижегородского полицейского управления по уголовным делам г. Знаменский. Персонал служащих в охранном отделении очень велик и часть его уже начала свои занятия в нижегородской почтовой конторе. Другим служащим охранного отделения поручен надзор за квартирами и образом жизни большинства (!) нижегородских обывателей“.

(„Саратовск. Дневник“ 20 янв. 1895, № 16, статья „Нижегородская жизнь“).

Эта удивительная заметка, с таким эпическим спокойствием сообщающая о перлюстрации писем и о надзоре за образом жизни большинства обывателей, напечатана в „Саратовском Дневнике“, № 16, от 20 января настоящего 1895 года, в лето же „либерального“ управления ген. Н. М. Баранова одинадцатое.

31 января 95

В декабре прошлого года статистик Н. И. Дрягин представил в округ написанную им лекцию „О приемах чтения“ или в этом роде. Из округа получено разрешение лекцию эту прочесть в пользу Общества взаимопомощи

учителей и учительниц Нижегород. губ. Губернатор с своей стороны тоже разрешил и теперь осталось только об'яснить о времени чтения. К удивлению — полицеймейстер (кн. Волконский) не разрешает печатание афиш. Председатель Правления этого Общества С. С. Баршев едет об'ясняться. Тогда полицеймейстер показывает предписание Баранова, — разрешить афиши не иначе, как по взятии с распорядителей подписки, на основании циркуляра Мин. Вн. дел от такого-то числа, кажется 1882 года за № таким-то. Циркуляр этот гласит, что нередко частные лица, устраивая спектакли с благотворительною целью, дают собранным деньгам незаконное употребление. На этом основании — с таковых брать подписку о том, что они сбор представят в полицию (и вообще — в таких случаях на практике к кассе приставляется околожочный), и полиция сама производит расчет по расходам. Разумеется, это совершенно не относится к Обществу, в устав которого входит право устраивать такие чтения в свою пользу. Оскорбленный председатель дать подписку отказался и отправился к губернатору.

Председатель, как уже сказано — С. С. Баршев, человек уже старый, и никогда не скомпрометированный никакими „надзорами“, гласными или тайными. Он отправляется к губернатору, в полной уверенности, что тот отменит совершенно и явно незаконное требование полиции, относящееся к частным лицам, а не к обществу. В ответ получает целый поток угроз и намеков. Он рассказывал о своем разговоре совершенно изумленный. Оказывается, что устраивая лекции в пользу Общества взаимного вспомоществования учителей и учительниц, — он „борется с правительством“.

— Поверьте, — прибавляет его пр-во, — этим путем вы ничего не достигнете.

Т. е. и после лекций правительство останется правительством. Это, конечно, вполне несомненно, и изумленный председатель заявляет, что цель его — только сбор денег и устройство лекций, — а вовсе не ниспровержение правительства. Но тут оказывается еще инцидент: в „Нижег. Листке“ (№ 30) напечатано уже об’явление о лекции. Типография посылает всегда об’явления к полицеймейстеру, — причем установилась такая практика, что об’явления печатаются, а полицеймейстер присылает свое разрешение уже по выходе. То же случилось и с об’явлением о лекции Дрягина, которое напечатано, тем более, что разрешение на лекцию, как это всем известно, уже было дано. Но вот возникает новый конфликт — и против газеты собирается гроза за печатание об’явлений без разрешения начальства. Самое об’явление напечатано в № 30 (от 31 января), и уже в № 32 (2 февраля) помещено следующее извещение „От редакции“:

„В № 30 Нижегород. Листка напечатано об’явление от Об-ва взаимного вспомоществ. учителям и учит-цам о лекции 2-го февраля в зале Всесосл. клуба. Считаю необходимым об’яснить, что об’явление это помещено редакцией без разрешения начальства, вопреки 41 ст. Уст. о цензуре, и состоится ли означенная лекция — неизвестно“.

Интересно, что подчеркнутые слова вставлены в это извещение самим цензором, тоже вопреки известной статье Уст. о цензуре, которая не позволяет цензору делать с своей стороны какие-бы то ни было вставки.

А так как известно, что и в газете, вместо благонадежного Ермилова, сидит ужасный Дробышевский, то становится для проницательного администратора ясным, что тут был заговор и лекция Дрягина о выборе чтения, пропущенная Капнистом¹, и об’явление об этой лекции —

¹ Попечит. москов. учебного округа.

результат систематического заговора для „борьбы с правительством“. Между тем, бедняга Баршев не знает даже, что напечатано объявление, а не заметка в тексте газеты (которая была напечатана и тоже пропущена цензурой в „Волгаре“). Он и говорит, что, сколько ему известно, помещено не объявление, а заметка.

Звонок губернатора. Глаза у него блестят, голос звучит победными нотами.

Является чиновник.

— Подать сюда № Листка, где напечатано такое-то объявление.

Крамольник уличен, власть торжествует.

— Но я не знал, что объявление уже послано кем-нибудь из членов правления.

Он не знал! Но это значит, что он лишь фиктивный председатель, за спиной которого происходит опасная борьба против существующего режима посредством газетных объявлений. Губернатор это и высказывает, прибавляя, что:

— Вы играете опасную, опасную игру. Вы знаете, что здесь существует „охрана“ и не могу-же я сказать: „не трогайте Баршева“...

Баранов, конечно, слишком умный человек, чтобы верить всем этим пустякам, чтобы допускать возможность каких-то заговоров на почве чтения лекций и борьбы с правительством на почве газетных объявлений. По этому поводу мне вспоминается один эпизод, имевший место в 1892 году. В то время ген. Баранов сам считался либералом, привлекал Анненского, меня, всю статистику к участию в борьбе с голодом и даже имел по этому поводу отписки с министерством вн. дел. Одну из таких отписок он нам показывал. Кончалась она следующими словами (обо мне, Анненском и Звереве): „за что

пострадали они в прошлом, — не знаю. Сочувствуют ли они вполне нынешнему порядку вещей, — не думаю. Но что в настоящее время они приносят только пользу своим участием в борьбе с народной бедой и не воспользуются этим для какой бы то ни было смуты, — ручаюсь“.

В то время атаки на нас производились генералом Познанским¹, который, таким образом, отчасти метил и в Баранова. Однажды случился в это время глупый инцидент, которым Познанский и воспользовался и который, надо признаться, в умелых руках Баранова мог бы сыграть роль гораздо более благодарную, чем пустяшное газетное объявление.

В Нижнем умер в то время некто студент Докин. Он был выслан из Петербурга „за участие в панихиде по литераторе Шелгунове“, жил в Нижнем временно, пошел на охоту за Волгу и здесь его застигла гроза. Промок, простудился и умер от скоротечной чахотки. Мать его, женщина, повидимому, очень странная, сильная, энергичная, упорная — и фанатичная последовательница „колонистского принципа“. Она живет „своим трудом“ на Кавказе — и для того, чтобы копать гряды и месить хлебы самой — готова принести в жертву себя и других. Есть такие странные люди. У сына было что-то свое, — и он почему-то не поехал к матери, а жил в Нижнем. Тем не менее, конечно, мать приехала похоронить его и уехала затем на свои гряды. Но, уезжая, зашла к А. Н. Анненской² и попросила присмотреть, чтобы на могилу сына положили заказанную ею плиту, когда она будет готова.

Анненская согласилась, а Докина уехала.

¹ Ген. Познанский, начальник жандармского отд. в Н. - Новгороде.

² А. Н. Анненская, известная писательница для детей и переводчица, жена Н. Ф. Анненского. (Умерла в 1915 г.).

Между тем, с некоторых пор около кладбища стали замечаться загадочные явления: у ворот до позднего вечера стояли по два жандарма, которые впивались взглядами в проходящих и уходящих. Казалось, самые мертвецы уже заподозрены в намерении ниспровергнуть существующий строй и в сношении на сей предмет с какими-нибудь, еще живущими крамольниками.

Анненская, которая тоже слыхала об этой загадочной страже у врат кладбища — и не подозревала, конечно, что вся эта процедура имеет отношение к ней. Когда, по ее мнению, плита должна была уже находиться на месте, — она приходит на кладбище и обращается с вопросом, привезли ли плиту Докина. Ее ведут к нескольким плитам, еще не положенным на могилы, и на одной она читает странную надпись. Такой то, Докин столько-то лет, учился там-то и такого-то числа уволен из университета за участие в панихиде по литераторе Шелгунове.

Выходило, действительно, нечто в роде апелляции к покойникам: новый их сосед при жизни пострадал за участие в „панихиде“. Анненская, которую и прежде поражали странности г-жи Д-ной, удивилась еще больше на этот раз и придя домой — рассказывала нам о надписи. Все мы находили, что это странно и даже как-то довольно черство. Высылка из Петербурга никакого отношения к смерти не имела: простудиться можно было так же хорошо и в Петербурге, — как в Нижнем, и если где на это было меньше шансов, то разве на Кавказе, куда, однако, юноша не поехал по причинам, ничего общего с политикой не имеющим. Наконец и к колонистскому принципу этот намогильный протест никакого даже отдаленного касательства не имел. Как бы то ни было, Анненскую очень пристально расспросили в конторе о ее звании, фамилии и месте жительства.

Через некоторое время Н. Ф. Анненский получил экстренное приглашение к губернатору.

— Дорогой мой, что там у вас вышло?

И его пр-во сообщил, что „синий генерал“ донес в Петербург о следующем, раскрытом им кладбищенском заговоре. По поводу смерти студента Докина предполагалась якобы грандиозная демонстрация, организуемая по инициативе А. Н. Анненской, сестры (тоже покойного!) П. Н. Ткачева¹. Все это „в голодный год“ и т. д., и т. д.

Анненский, разумеется, сказал, что жена его только на кладбище прочитала впервые надпись, что никакой даже панихиды при постанровке плиты не предполагалось и что участие А. Н-ны ограничивалось только вопросом: положена плита или нет.

— А, хорошо,— отвечает генерал. — Мы сумеем ответить.

И действительно, повидимому, сумел.

Между тем, Познанский, заручившись таким козырем, стал торжествовать победу. Помилуйте, даже плита, огромная 20-пудовая по меньшей мере — на лицо. Каких еще нужно более веских доказательств крамолы! В виду этого он уже довольно явно стал заявлять о предосудительных поступках Баранова и даже дошел до того, что сказал И. Е. Косткину, помощнику полицеймейстера, что более он в губернаторскую продовольственную комиссию не ходок, так как Баранов явно допускает в нее заведомых революционеров. И действительно ходить в комиссию перестал.

Но вот, однажды, придя в комиссию незадолго до открытия заседания, я опять увидел синего генерала. Он был явно сконфужен, поздоровался со мной первый,

¹ П. Н. Ткачев, революционер-эмигрант, участник процесса 193-х, редактор заграничного органа „Набат“.

как-то кося в сторону глазами, и даже не успел еще отойти на несколько шагов, как около меня стоял Н. М. Баранов, веселый, сияющий и великолепный.

— Генерал - то наш, — сказал он довольно громко, указывая большим пальцем назад через плечо, на удаляющегося жандарма.

— Пришел ведь! Видите?

— Да, вижу.

— Получил из Петербурга сюрприз. Дело о плите кончено. Знаете как?

— Интересно.

— Приказано его пр - ву, — поступить согласно с мнением нижегородского губернатора...

— То - есть?

— Ах, дорогой мой! Разумеется, положить плиту на место, т. е. на могилу. Что-же с ней делать другого?..

Это, разумеется, было самое умное, что можно было сделать с плитой, и теперь она лежит где-то, затерянная среди могил, не обращая ничьего внимания. А если кто и наткнется на нее, то узнает только, что и студент Докин тоже был выслан, в числе очень многих высланных, высылаемых и имеющих быть высланными по причинам, мало или вовсе неосновательным. А это, конечно, ни для одной русской интеллигентной семьи не новость.

Таков был генерал Баранов в период своего весьма впрочем „осложненного либерализма“. Понемногу, однако, отношения наши охлаждались. Ген. Баранов два раза намекал мне, что „конечно, единственное мое (т. е. генерала Баранова) желание теперь — это закончить эти „голодные дела“ и удалиться на покой и на отдых. Но если-бы... если-бы когда нибудь он располагал большею властью, то, конечно, меня он счел бы наиболее подходящим для звания редактора „Правительственного

Вестника“. Намеки были довольно ясны: мой маленький писательский челнок мог-бы быть удобно привязан к корме большого барановского корабля, если бы я захотел проникнуться высшими предназначениями... Какими? У ген. Баранова — нет никакой политики, кроме личной, — значит, мой бедный челнок то и дело должен бы менять румбы и метаться из стороны в сторону.

Я, конечно, только сделал большие глаза и ответил его пр-ву, что я нечестолобив, о высоких положениях не мечтаю и решил оставаться всю жизнь партикулярным писателем, единственное честолобие которого — выражать свое собственное, независимое мнение о том, что его интересует.

Потом подошла холера с ее страхами с одной стороны, с барановскими приказами о вешании и т. п. — с другой. Я не принял приглашения участвовать в холерных комитетах, тем более, что имел случай убедиться в безобразном распоряжении благотворит. суммами еще в голодный год. В холеру-же — это была уже какая-то оргия бесконтрольности, воровства и произвола. „Личная политика“ Баранова разворачивалась во всей красе, от которой просто тошнило.

Однажды, встретившись где-то в общественном месте (кажется, в архивной комиссии), его пр-во попенял мне, что я забыл его, и сообщил, что у него есть важное дело и что ему нужен мой совет. Назначено время и я явился.

Баранов был занят, кто-то у него сидел, — и он, пока что, попросил меня пересмотреть его проект местных учреждений. Один раз, по его словам, он уже представлял такой-же проект, который читался в госуд. совете, под председательством государя. Тогда против него высказались все голоса, за исключением двух...

— Один был мой собственный,— прибавил ген. Баранов,— другой государя, который... не сказал ни слова. Теперь я попытаюсь опять и может быть буду счастливее...

Было - ли это или не было,— конечно, сказать трудно. Ген. Баранов рассказывает очень красиво, но не всегда то, что было в действительности. Как бы то ни было,— и это приглашение меня для „совета“ и это предисловие, и сияюще-таинственный вид, с каким все это говорилось,— заставили меня ожидать чего-то необыкновенно смелого, пожалуй, оригинального, и уже во всяком случае идущего вразрез с господствующим правительственным течением.

Увы!— то, что я прочитал, было самой простой банальностью на тему об усилении губернаторской власти...

Замечательны эти толки об усилении власти. Как-то раз, лет 8 назад пришлось мне встретить молодого урядника. Он окончил курс в институте для полиц. урядников (кажется, в Пермской губернии), был одет чистенько, лицо имел чистое и говорил тоже округленно и чисто, таким слогом, на котором явно отражалось чтение „патриотических“ газет. На мои расспросы о его „жизни и деятельности“, он ответил со вздохом:

— Да что вам сказать. Конечно, институт урядников, по первоначальному, так сказать назначению своему... но между прочим, на практике оказывается... никакой власти - с.

„На практике оказывается“, что урядник вполе зависит от станового, что „над обывателем распорядиться“ вполне самостоятельно не может, что должен угадывать, будет ли это приятно высшим, начиная от станового и кончая исправником.

Я вспомнил этот отзыв, когда случай привел меня вести беседу со становым.

— Никакой власти,— со вздохом говорил становой.— Помилуйте, с каким-нибудь подлецом урядником не можешь распорядиться вполне самостоятельно, а сам дрожи перед исправником, угождай, угадывай... Теперь еще г. г. земские начальники...

Оба разговора вспоминаются при третьем. Говорит исправник, неглупый, энергичный и на хорошем счету. Можно подумать, что он читал „Лорина“, известный роман, в котором покойный министр Валуев¹ изложил всю свою государственную мудрость. В „Лорине“ есть глава, где сей герой обсуждает в усадьбе положение России.

— Как вы думаете,— спрашивает он,— если мы сидим здесь, в удобном кабинете, за сигарой, и имеем возможность заниматься в этой комфортабельной обстановке высшими вопросами,—тогда как кругом — толпа, бедная, темная, дикая и жадная, готовая всегда посягнуть на собственность и на высшую культуру... то кому мы этим обязаны?..

— Кому же, как не исправнику, разумеется... А между тем, какова же власть этого единственного устоя культуры, этого Атласа, держащего на плечах всю высоту социального неба...

— Никакой власти,— со вздохом говорил и мой исправник, продолжая главу из „Лорина“. Станового удалить самостоятельно не можешь, сам целиком зависишь от усмотрения губернатора, постоянно дрожи, постоянно оправдывайся... Не поступают недоимки с землевладельцев — плохо. Сунешься взыскивать,—еще хуже... А теперь вот еще г. г. земские начальники...

¹ П. А. Валуев (1814 — 1890), госуд. деятель и писатель. Упомянутый здесь роман его „Лорин“ появился в 1882 г.

Уже в 1894 году летом имел случай познакомиться с земским начальником, — человек недурной с университетским образованием, незложелательный и порой готов даже постановить решение не в пользу помещика в тяжбе с крестьянами. Он сообщил мне, что от министерства получены запросы, обращенные к земским начальникам о реформе 12 июля. Он тоже послал ответ. Какого же содержания?

— Власти мало. Помилуйте, на меня возлагается попечение обо всем. Я должен заботиться и о нравственности, и о порядке, и о материальном благосостоянии моих подчиненных... Ну, так дайте мне власть. Теперь же я связан по рукам и по ногам и законом, и с'ездом, и губернатором.

И он привел два - три случая, когда несомненно благое его начинание не могло осуществиться. В одном случае кабатчик отстоял себя какой-то статьей питейного устава, в другом крестьяне воспротивились какому-то усовершенствованию, а губернатор предписал через непременною члена — оставить! Вот тут и устраивай благосостояние... Да еще полиция не редко тормазит.

Для г. г. земских начальников нужно уже гораздо больше, чем для станowych и исправников. Те направляют свои вздохи только кверху и книзу. Дай становому возможность распорядиться с канальей урядником и хоть немного освободи от исправника, а исправнику отдай „головой“ станового и поставь его немного „самостоятельнее“ относительно губернатора. Ну, а для г. г. земских начальников требуется много больше. Тех освободи от губернатора уже окончательно, уничтожь право апеллировать на их решения куда бы то ни было (это формалистика!) — и расчиств ниву русской жизни от всего векового сора, называемого „законами российской

империи“. Тогда он согласен будет приняться за „устройство благосостояния“ своего участка...

Теперь, наконец, передо мной лежал изложенный в виде §§ глубокий вздох губернатора:

— Губернатору дано мало власти. Помилуйте! И казенные палаты, и государственные имущества, и земства, и думы! Все это, по проекту, предполагалось объединить в „совете при губернаторе“. Все учреждения посылают своих представителей в эту — „смешанную комиссию“ по существу, „совет“ по имени, и засим она уже ведает все дела всех местных управлений, перерешая все вопросы по существу. Так как, например, дума или земство — имеют своих представителей в совете, то (всегдашний аргумент Баранова) решение совета будет также и решением земства. А зато — губернатор, имея и без того всегдашнее большинство в составе совета, — может еще усиливать этот состав по усмотрению — помощниками полицеймейстера и даже приставами. Одним словом, это был настоящий проект щедринаского Бородавкина, — „о нестеснении градоначальников законами“.

— Обратили внимание на пункт такой - то? — спросил у меня Баранов и при этом пронизал меня особенно многозначительным взглядом.

Пункт такой - то гласил между прочим:

— Окружные жандармские управления повсеместно в России уничтожаются.

Это и был тот „либеральный козырь“, для которого я, очевидно, и получил приглашение. Повидимому, генерал особенно рассчитывал на пламенную признательность „неблагонадежного“, которого высылали с жандармами на край света, и которому теперь обещают „упразднение повсеместно окружных жандармских управлений“.

Увы! Пламенного восторга я не находил в глубине своего обывательского и неблагонадежного сердца. Я не мог не вспомнить при этом, что инициатива моей, напр. высылки исходила от петербургского градоначальника, а ген. Баранов сам был тоже когда-то петербургским градоначальником. Затем вятский губернатор Троицкий облыжно написал в Петербург, будто я убежал с места своей ссылки, за что меня держали 6 месяцев в тюрьме и посылали в Сибирь. А генерал Баранов, сам губернатор и хлопочет об усилении губернаторской власти. Поэтому, не ответив сияющими взглядами на сияющие взгляды его превосходительства, я стал читать дальше и прочитал, что все дела, которые теперь ведают окружные жандармские управления — должны быть переданы в ведение особого секретного стола при губернаторской канцелярии.

— Ну, что дорогой мой В. Г., — спросил ген. Баранов, отделившись от посетителей. — Довольны вы таким-то пунктом?

— Вы, конечно, ждете откровенного мнения.

— Разумеется.

— Нет, недоволен.

— Как, вы, В. Г. Короленко, не довольны проектом упразднения жандармских управлений? Вы — за генерала Познанского?..

— Скажите, пожалуйста, Н. М., — а нельзя никак сделать, чтобы российского обывателя вообще не отдавали под надзор и не посылали в ссылку иначе как за преступления, доказанные судом.

— А, понимаю... В таком-то году я сам подавал об этом записку на высочайшее имя. Но...

— Но этого никак нельзя?

— Да, еще долго.

— В таком случае я решительно за генерала Познанского.

— Значит, вы считаете, что лучше зависеть от ген. Познанского, чем от меня?

— Но ведь речь идет не о лицах, а об учреждениях. И по моему, конечно, лучше, если для высылки нужно согласие в отзывах — двух учреждений, чем одного. Этим только часто мы, обыватели, и живы. Вот генерал Познанский захотел с'есть, а вы помешали. Ну, а я знаю случаи, когда с'есть хотел губернатор, а мешало окружное жандармское управление...

Что же касается до всего проекта, то я позволил себе обратить просвещенное внимание автора на всю ту цепь жалоб об отсутствии власти, которую изложил выше, и прибавил, что в них есть одно общее невысказанное предположение, лежащее в основе всех жалоб и проектов и служащее своего рода субстратом всех этих desiderata. Урядник берет исходным пунктом добродетельного урядника, начинания которого парализуются станowymi, которые вообще не бывают добродетельны. Становой прямо называет урядников канальями и утверждает архимедову точку опоры всего государственного строя на добродетели станового пристава. Исправник вместе с Лориным перемещает ее ступенькой выше и желал бы освободить благие начинания добродетельного исправника от парализующих воздействий губернаторов, которые тоже могут быть и несведущи и порочны... Наконец теперь — записка, которую я имел случай прочитать — зиждется вся на предположении, что деятельность добродетельного губернатора не должна встречать никаких ограничений в других местных учреждениях.

— Ну, а если губернатор попадется недобродетельный, даже хищник или самодур?

— Но тогда... его нужно сменить и только... — ответил его пр-во, но по выражению его глаз я заметил, что разговор дошел до того пункта, когда его следует прекратить. Поэтому — я закончил несколькими словами.

— Если вам угодно знать мое мнение, как мнение обывателя, вынесшего и выносящего на себе много всяких воздействий, то — вот оно: вы заслужили бы всеобщую благодарность, если бы, вместо этих многих параграфов, — исходатайствовали одно единственное прибавление, которое следовало бы напечатать на первой странице Свода Законов Российской Империи.

— Какое именно?

— „Все ниже сего изложенные законы должны быть свято соблюдаемы, впредь до изменения их в законодательном порядке, — и наипаче лицами, власть имущими“...

— Ха-ха! Но ведь это давно написано.

— Совершенно верно. Написано, но как-то стерлось...

На этом мы распрощались. Прошло два года, проект ген. Баранова, кем-то предвосхищенный (или который он сам у кого-то хотел предвосхитить) — в значительной степени осуществился. Земство и городское самоуправление отданы во власть губернаторов, которые протестуют постановления „по существу“, а для Нижнего фактически упразднено и окружное жандармское управление, так как Познанский не имеет никакого влияния „на охрану“, учрежденную при Нижегород. губернаторе. Нач. охраны Евецкий, говорят, действует с Барановым в полном согласии — и вот теперь вместо могильной плиты, на которой все-таки было написано хоть что-нибудь, хоть скольконибудь „оппозиционное“ — в ловких руках его пр-ва обращаются в орудия заговора и борьбы с правительством — газетные объявления о лекции... А Общество

помощи учителям, Общество поощрения высшего образования, скромнейшая газетка — превращаются в опасные сообщества только потому, что в них участвуют люди, которых Баранов сам выгораживал два года назад.

И ген. Баранов пожалуй успеет в своих стремлениях — закрыть эти общества и прекратить газету.

Кстати: приходил А. А. Дробышевский. Угнетен как всегда, грустен еще более. Оказывается, по поводу объявления губернатор приглашал Волкова (издателя) и устрашал его всякими „страхованиями“. Волков ответил, что объявления печатаются без участия редакции и что тут недосмотр только одной типографии. Но ген. Баранов не хочет слушать никаких резонов и прямо потребовал, чтобы Волков „переменил редакцию“.

Переменить редакцию это значит взять опять „благонадежного“ Ермилова. А так как „благонадежный Ермилов“ теперь заведомо всем тоже поступил в охрану, то значит издателю предлагают обратить газету в какое-то отделение сыскного отделения. Это возмущает чувство даже среднего обывателя, который и не подозревал, что вступая на поприще издателя „органа гласности“ он может быть приведен к положению чуть не тайного сыщика. Он ответил, что он лучше закроет газету, но на „перемену редакции“ не согласен.

— И отлично. Таким образом вы не лишитесь по крайней мере права продать газету. А иначе, — я закрою ее сам — и тогда с нею конец.

Отличная иллюстрация к небольшой характеристике „энергичного губернатора“, которую я пытался набросать в своем очерке „Из истории областной прессы“ (Памяти А. С. Гациского. Р. Вед. 1894, № 319).¹ Эти энергичные

¹ В наст. изд. см. т. XXV — „Литератор-обыватель“.

администраторы наполняют местную историю своей предпримчивостию до такой степени, что начинает казаться, будто самого края уже не существует, и все живет и движется блестящей деятельностью одного лица... Но—уйдет такой энергичный администратор и тотчас-же все меркнет. „Блестящая страница“ кончилась, и мы видим, что многочисленные „процветания“ охватили узенькое, искусственно освещенное пространство, а зато многое, зарождавшееся силою самой жизни, погибло и увяло... что таких безвременно погибших начинаний бесконечно более, чем принявших жизнь от личной энергии; что, наконец, обыватель утратил за это время значительную долю и без того небогатых у нас запасов инициативы, которыми его наделила история, и по приобретенной привычке самому факту восхождения солнца готов поверить не иначе, как по соответствующем о том извещении с пожарной каланчи или из полицейской будки...

2 февраля

Вчера, первого февраля в заседании XXX очередного губ. земского собрания разыгрался небывалый еще скандал. Гласный Д. В. Хотяинцев (земский нач. Арзамасского уезда) употребил все усилия, чтобы из невиннейшей записки Савельева¹ по народному образованию — сделать чуть не посягательство на самодержавную власть. Около 10—12 гласных оставили собрание². До „знаменательных слов“ — эта неприличная выходка по такому явно невинному поводу была бы совершенно немыслима³.

¹ А. А. Савельев, нижегор. земск. деятель.

² Подробности этого инцидента В. Г. изложил в письме к брату Иллариону Г-чу от 7 февр. 1895 г. („Письма“ кн. V).

³ В этом месте в дневник вложены листки, вырванные из записной книжки, на которых В. Г. делал беглые заметки во время самого заседания.

3 февраля

Возрождение „упований“. Вчера стали носиться слухи (исходящие от Шиповых, которые у нас считаются хорошо осведомленными), — будто царю доставили записку тверского земства и прения в подлиннике, будто бы он убедился, что Дурново его обманул, будто вследствие этого Дурново было предложено выйти немедленно в отставку, будто Дурново отпросился только на несколько дней, чтобы его отставку не связали с делом вора Кривошеина¹, будто, наконец, тверичи в земском собрании (неделю назад), так единодушно кричали „ура“ потому, что получился весьма благосклонный ответ государя на тверской адрес. Говорят даже, что царь велел подать себе после этого все земские адреса и написал, что весьма сочувствует земским ходатайствам. Разумеется, это опять идут в ход „всероссийские иллюзии“, которым предстоит скорое отрезвление. Однако, сегодня в земском собрании слухи об отставке Дурново пронеслись опять, уже определеннее и настойчивее. Между прочим один из сотрудников „Волгаря“ говорил мне, что в редакции получена телеграмма, пока еще частная, но довольно достоверная, об этой отставке. Поживем, увидим. А пока что — уже этот слух отражается на общественном настроении.

Газету хотели было совсем закрыть, и Волков прекратил было платежи на почте. Сегодня опять начало налаживаться, платежи внесены. Интересно, что Волкову губернатор прямо говорил о Ермилове. Ермилов выходил от губернатора, когда Волков входил.

¹ А. К. Кривошеин, мин. путей сообщения, уволенный от должности в дек. 1894 г.

Маленький курьез. Сегодня в собрании зашла речь о субсидии О-ву Взаимопомощи учителей и учительниц. А. А. Демидов, Васильский председатель (у меня он упоминается в „Голодном годе“ стр. 8) — спрашивает:

— Это то самое общество, которое читало лекции о том, что Екатерина давила просвещение? Отказать...

Так отразились в умах, подобных Демидову, слухи о лекциях Милюкова и Иванова¹. „Общество читает лекции о том, что Екатерина давила просвещение“!

Субсидию все-таки выдали. За общество заступился... Д. В. Хотяинцев! Уж не влияние ли это слуха о новых веяниях?

24 января умер А. А. Абаза, бывший министр финансов, сподвижник Лорис-Меликова.

5 февраля 95

В Петербурге ходит по рукам следующее письмо к государю Николаю II.

В. В.! Вы сказали свое слово и оно разнесется теперь по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны, со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет более места „бессмысленным мечтаниям“. Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое Вы создали себе своим „твердым“ словом; но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие легко видеть то, что происходит теперь в России, — легко разберутся и в Вашем, и в своем положении. Вы плохо осведомлены о тех течениях, против которых Вы решились выступить с Вашей речью. Ни в одном

¹ П. Н. Милюков, известн. историк и политич. деятель (в то время прив. - доцент московского унив - тета) и И. И. Иванов (историк литературы) прочли на Рождестве 1894 г. в Н. - Новгороде ряд публичных лекций, имевших большой успех.

земском собрании не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти и никто из земцев не ставил вопроса так, как его поставили Вы. Наиболее передовые земства и земцы настаивали или вернее просили лишь о единении царя с народом, о непосредственном доступе голоса земства к престолу, о гласности и о том, чтобы закон стоял всегда выше административного произвола. Словом, речь шла лишь о том, чтобы пала бюрократическая придворная стена, отделяющая царя от России. Вот те стремления земских людей, которые Вы, только что вступив на престол, неопытный и несведущий, решились заклеить названием „бессмысленных мечтаний“.

Для всех сознательных элементов (русского общества) ясно, кто подвинул Вас на этот неосторожный шаг. Вас обманули, Вас запугали представители той бюрократической стены, — с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек. И Вы отчитали земских людей за слабый крик, вырвавшийся из их груди против бюрократически полицейского гнета!

Вы увлеклись так далеко в ненужном охранении того самодержавия, на которое ни один земский человек не думал посягать, что в участии представителей земства в делах внутреннего управления усмотрели опасность для самодержавия. Такой взгляд не соответствует даже тому положению, в которое земство поставлено Вашим отцом и при котором оно является необходимым участником и органом внутреннего управления. Но Ваши неудачные выражения не просто редакционный (недосмотр?)¹. В нем сказалась целая система. Русское общество прекрасно поймет, что 17 января Вашими устами говорила вовсе не та идеальная самодержавная власть, носителем которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое всемогущество бюрократия. Этой бюрократии, начиная с комитета министров и кончая последним урядником, — ненавистно расширение общественной самодеятельности, даже на почве существующего госуд. порядка. Она держит самодержавного монарха вне свободного общения с представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными возможности видеть их иначе, как ряженными поздравителями с иконами и подношениями. И речь Ваша еще раз доказала, что всякое желание представителя общества или сословия быть (для Вас) чем-нибудь больше, — всякая попытка высказаться перед престолом, хотя бы в самой верноподданнической форме о наиболее вопиющих нуждах русской земли — встречает лишь грубый окрик!..

¹ Так в рукописи.

Русская обществ. мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и недавно, в голодные годы пережившего тяжелое потрясение. И вот в такое время, вместо слов, обещающих действительное объединение царя с народом и признания с высоты престола гласности и законности, как основоначал государств. жизни, — представители общества, собравшиеся со всех концов России и ожидавшие от Вас ободрения и помощи, — услышали лишь новое напоминание о Вашем всесилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа. Верьте, что и на самых смиренных людей такое обращение могло произвести только удручающее и отталкивающее действие. День 17 января уничтожил тот ореол, которым многие русские люди окружали Ваш неясный, молодой облик. Вы сами наложили руку на Вашу популярность. Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, — дело его проиграно! Оно само роет себе могилу и, раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем — падет под напором живых общественных сил. Вы сами, своими словами и своим поведением задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка которого есть уже страшная угроза самодержавию. Вы бросили земским людям и с ними вместе всему русскому обществу вызов — и им теперь не остается ничего другого, как сделать сознательный выбор между движением вперед и верностью самодержавию!

Правда, своею речью Вы усилили полицейское рвение тех, кто службу самодержавному царю видит в подавлении обществ. самостоятельности, гласности, и законности. Вы вызвали восторги тех, кто готов служить всякой силе, нисколько не думая об общем благе и во безгласности и произволе находя лучшие условия торжества личных и узко-сословных выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули!

А те деятельные силы, которые неспособны довольствоваться полной сделкой и уступок, трудной и медленной борьбой на почве существующего порядка, — куда пойдут они? После Вашего резкого ответа на самые скромные и законные пожелания русского общества, чем, какими доводами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, неудержимо рвущихся вперед своих детей?!

Итак, какое - же действие произведет на русское общество первое и непосредственное обращение Ваше к его представителям? Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами убедитесь вскоре, — Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которых однако живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать.

Петербург, 19 января 1895 г.

Письмо несколько длинно, но очевидно писано под свежим впечатлением и выражает самую живую глубину обществ. чувства. Несомненно, оно будет иметь в обществе успех, будет списываться, читаться, ходить по рукам. В течение последних лет эта подпольная литература как-то изжилась вне связи с обществом. Писались какие-то программы, построенные в безвоздушно-логическом пространстве, писались народнические или социал-демократические катехизисы, а если попадались факты, — то непременно украшенные разными условностями революционного лексикона. „Застеночники“, „палачи“, „подлые тираны“, „подлое лакействующее общество“, — и затем „герои борьбы“, „святые мученики революции“ — и т. д. и т. д. Все это принадлежности пройденного периода, своего рода „ложно-классицизм“ или романтизм, не имеющий почвы в реальных чувствах того „большинства“, которое в конце концов и определяет равнодействующую жизни. Этот своеобразный стиль — объединял общество и правительство. „Вот, — могла ответить одна сторона — вы видите, что если мы „застеночники“ и „тираны“ — по мнению этих господ, то ведь и вы — „подлое стадо“, „лакействующая холопская толпа“ и т. д. И все это только потому, что и мы, и вы — не хотим сразу уступить перед последними формулами социалистической теории, не

вполне даже понятной огромному, подавляющему большинству общества“.

Теперь происходит совсем другое. С одной стороны революционные кружки, оставаясь еще порой при своем „сильном“ лексиконе, все таки более приглядываются к вопросам, выдвигаемым жизнью. С другой — реакция, не встречая нигде отпора, — слепо кидается на такие начала, которые пустили уже глубокие корни в сознании мирного, легального и спокойного обывателя, еще недавно зачислявшегося в ряды „холопствующей толпы“. Речь молодого царя — настоящая поворотная точка в этой эволюции. Итак, — говорят теперь во всех концах России, — вот что называется „бессмысленными мечтаниями“. Скромная просьба о том, чтобы царь выслушивал голос не одного сословия и не одних только министров. Это уже не „последние слова“ социализма, это те слова, которые понятны всякому обывателю. „Вот как государь отчитал „наших“, — говорят всюду жены, сестры, братья, знакомые смиренных обывателей, отправившихся в Петербург с хлебом-солью и вернувшихся из Петербурга — оскорбленными и огорченными. И совершенно понятно, что слово, которое выразит чувство этой массы задетых за живое людей, слово, которое попытается отстоять столь простое и ясное право, — будет хвататься на лету, списываться, распространяться. „Русская Жизнь“ закрыта, печать примолкла под угрозой. Это бывало всегда. Но только теперь, „знаменательные слова“ пробили русло, по которому начнет изливаться подавленное русское слово, хотя-бы и в нелегальном направлении, с некоторой надеждой на успех в широких слоях русского общества. Есть своя логика у истории.

6 февраля

Утром часов в 10—звонок. Ко мне входит мировой судья Штюрмер, очевидно взволнованный и встревоженный. Это еще совсем молодой человек, сын доктора, недавно умершего, домовладелец, коренной нижегородский житель. Известен своей склонностью к школьному делу, участвует вместе с женой во всех просветительных начинаниях, читает в воскресной школе — и состоит секретарем Макарьевского братства. Председатель этого братства — М. Ф. Каменский¹, человек по Волге и в Нижнем авторитетный. С тех пор, как вошел в братство Штюрмер, оно, прежде бездеятельное и малоинтересное, — проявило значительные признаки жизни. Изменен устав, устроена воскресная школа, воскресные чтения и т. д. Недавно в Кунавине², на вокзале Штюрмер организовал любительский спектакль 31 января. Обратился, разумеется, за разрешением. В полиции ему сказали, совершенно правильно, что разрешение зависит от железнодорожного жандармского начальства, так как вокзал в его ведении. Разрешение получено, афиши напечатаны, спектакль дан. Повидимому все законно и все в порядке. Но... оказывается, что возникает целое политическое дело.

Баранов призывает шт.-ротмистра Петрова, жел.-дорожного жандармского офицера.

— Кто у вас устраивает спектакль?

— Макарьевское братство.

— Кто председатель?

— М. Ф. Каменский.

¹ М. Ф. Каменский — богатый пароходчик.

² Кунавино, часть города в Н. - Новгороде, где находилась ярмарка и вокзал.

Знак нетерпения. Каменского в „политическое дело“ не втянешь.

— Но ведь он не сам распоряжается. Кто ходит, устраивает и т. д. ?

— Штюрмер.

— Ну, вот ! Это и нужно.

Дальнейшего разговора шт. - ротмистр не передает заинтересованному „политическому преступнику“. Впрочем, известно еще, что Баранов сказал :

— Вы должны воспретить все эти воскресные чтения и прочее.

— Прошу простить, ваше превосходительство. Я получил от своего начальства разрешение отдать одну комнату вокзала в распоряжение „братства“ в свободное время и, пока не получу отмены этого распоряжения, — не вижу возможности отказывать...

Таким образом, роли меняются радикально : теперь либеральный ген. Баранов хочет с'есть скромное обывательское начинание, жандарм его отстаивает.

— Но тогда я пошлю к вам на вокзал полицейский наряд.

— Опять прошу простить, но я не могу допустить иного наряда на вокзале, как наряд жандармов.

В день спектакля (или воскресного чтения — точно не помню) является на вокзал полицейский пристав.

— Я прислан в наряд. Его сиятельство г. полицмейстер приказал, в случае, если вы меня удалите, — немедленно ему донести.

Петров, повидимому, человек опытный и политик. Он оглядывает пристава и замечает, что тот надел шинель поверх шашки. В наряде же полицейские обязаны надевать шашку поверх шинели. Что мелькает в уме жандармского штаб - ротмистра, сказать трудно, так же, как и то, какие

сокровенные цели были у полиции. Очень может быть, что шт. - ротмистр мог в конце концов оказаться „укрывателем“, удаляющим полицию, даже не состоящую в наряде, чтобы покровительствовать опаснейшей пропаганде „с туманными картинами“... Петров соображает и увертывается:

— У вас шашка не по форме и потому в наряде вас считать не могу. Как частное лицо, — оставайтесь сколько угодно.

Таким образом жандармское жел. - дор. ведомство отражает атаку ловкой диверсией. Зато бедняга Штюмер оказывается в центре атаки.

Ко мне он пришел (прямо от Баранова), как к агенту О - ва Драматич. писателей¹. Ему сказал кто - то, что к целой куче преступлений он прибавил нарушение нашей 1684 статьи, дав спектакль без моего разрешения.

— Что мне делать?

— Разумеется, уплатить деньги.

— Деньги что! Разумеется, уплачу сейчас же. А как же с разрешением?

— Моя расписка в получении денег кончает все ваши отношения к Обществу по данному спектаклю.

— Ну, и отлично. А мне сказали бог знает что!

И он рассказывает затем вышеизложенную историю. Был сейчас у Баранова. Прежде всего — из кабинета слышал пронзительный крик и ругательства. Это — неприятная прелюдия. А что, если, — думается невольно, — он станет так на меня. Заставил прождать полчаса. Затем — разговор.

¹ С 1888 г. В. Г. состоял агентом „О - ва драм. писателей и оперных композиторов“, в пользу которого взимал установленную поспектакльную плату.

— Кто вам разрешил спектакль?

— Жандармский офицер Петров.

— Это новость. Я думал до сих пор, что спектакли разрешает губернатор. Кто же вам сказал, что нужно разрешение Петрова.

— Мне это сказали... в полицейском управлении, ваше превосходительство.

Казалось бы, ответ решающий. Обывателю говорят в полиции, что нужно то-то и там-то. Он это исполняет... Однако Баранов заявляет, что...

— Мы поговорим еще, когда будет разбирательство вашего дела (!)...

Штюрмер не знает, как быть. Общество законное, чтения законные, туманные картины — присылаются прямо от какого-то комитета, разрешение законное... И вдруг — „дело“! Петров говорит, что разрешит и впредь, — а губернатор говорит, что есть какое-то „дело“. И вдобавок, Штюрмеру сказали, что он тоже внесен уже в проскрипционные списки (к выставке — фюить!)... Наконец, в будущем году выборы — и Баранов может устроить неутверждение Штюрмера в должности мирового судьи, как не утвердили Фрелиха¹. А это уже окончательно делает человека неблагонадежным.

Как бы то ни было, — теперь Баранов ведет борьбу разом против всех смиренных общественных начинаний в Нижнем. Он прямо говорит, что Общество поощрения высшего образования (где я состою членом Правления) — это какая-то „конспиративная квартира“. О войне с О-вом взаимопомощи учителей и учительниц — я уже писал выше. Теперь Макарьевское братство, воскресные школы и даже бедный всесословный клуб.

¹ Н. Н. Фрелих, нижегород. адвокат, знакомый В. Г.

На днях встречаю контрольного чиновника Васильевского, старшину клуба. Исхудалый, лицо встревоженное.

— Василий Васильевич. Что это с Вами?

— Да вот, придирки, интриги. Потребовали по поводу спектакля какую-то подписку... (это, очевидно, опять незаконно применяемый циркуляр 1882 г.). Я, разумеется, отказался... Чорт с ними,— лучше не надо и спектакля...

Он оглянулся и наклонясь сказал с каким-то необычным озлоблением:

— Придираются, материалы какие-то против клуба собирают, подкапываются...

И, пожав мне наскоро руку, побежал в клуб.

При разговоре Баранова с Петровым присутствовал начальник охраны Евецкий. „Охрана“, на которую ассигновано 70 тысяч, переполнила Нижний шпионством. Делать им разумеется нечего. Приходится изобретать дела и опасности.

7 февраля

Вчера газета „Нижегор. Листок“ передана „другой редакции“. А. А. Дробышевскому еще накануне написал записку издатель Волков,— что „по некоторым обстоятельствам“,— должен отказаться от услуг А. А. Дробышевского и А. Н. Ульянова. Редакция передана некоему Холодовскому, бывшему репортеру. Молодой человек несколько проблематического поведения, неокончивший гимназического курса и уж во всяком случае—не редактор. Впрочем, по его словам,— Волков сказал ему, что им будут руководить „другие лица“. Вчера же был обед В. И. Ковалевскому¹. Волков торопился покончить с этим

¹ В. И. Ковалевский, тов. министра финансов, приезжавший в Н.-Новгород в связи с предстоящей там всероссийской выставкой.

делом до обеда. Здесь его пр-во спросил покорного издателя:

— Ну что?

— Желание вашего пр-ва исполнено.

— И отлично. А все-таки — лучше-бы всего разделиться вам с газетой. С этим делом вы... „далеко заедете“.

„Далеко заедете“ — выражение довольно двусмысленное и в ушах обывателя звучит очень зловеще. А „благонадежный Ермилов“ давал уже Волкову 2 тысячи. Разумеется, — Волков сам заплатил втрое и уже истратил сам тысяч 8 — 10. Но... пожалуй, благонадежный Ермилов восторжествует. Я с интересом слежу за этими переходами злополучного „Листка“. Отличная иллюстрация к положению провинциальной прессы и полное объяснение ее низкого уровня. Это какой-то систематический подбор невежд или — патентованных жуликов.

— В № „Нижегородского Листка“ от 8-го февраля помещено следующее ¹:

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь, г. Редактор!

Надеемся, что вы не откажете нам в возможности печатно заявить этим письмом, что никакого участия в редактировании „Нижегородск. Листка“, начиная с настоящего номера, мы не принимаем, а равно не состоим и сотрудниками этой газеты.

А. Дробышевский.

А. Ульянов.

(Ниж. Лист. № 38, 1895 — 8 февр.).

¹ Помещаемое ниже письмо — газетная вырезка, наклеенная на полях дневника.

8 февраля

К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИСТОРИИ¹

(Заимствую из Самарской Газеты, 4 февр., 1895, № 28).

В „Орловском Вестнике“ напечатаны два распоряжения ректора московского университета, проф. Некрасова, которые вывешены в обоих зданиях (старом и новом) университета. Приводим их дословно: „действующими общими узаконениями всякого рода тайные сообщества возбраняются, а потому как университетскими правилами, так и особыми распоряжениями мин. народн. просв., от 21-го января 1887 г., студентам безусловно воспрещается участие в каких бы то ни было землячествах, кружках и тому подобных организациях. Напоминая об этом, считаю своим долгом указать студентам на вредное для университета и для учащейся молодежи направление тайной студенческой организации, принявшей название „объединенный союз землячеств“. Независимо от сего профессора московского университета, ознакомившись в собрании 29-го декабря 1894 г. с деятельностью этой именно тайной организации по изданным ею, главным образом, в последнее время, письмам, листкам и воззваниям, также судебным решениям и документам, сделали мне следующее заявление, подписанное 82 профессорами. „Не касаясь в настоящее время вопроса о землячествах, как отдельных студенческих обществах для благотворительных или образовательных целей, мы считаем вредным и подрывающим основы университетской жизни так называемый союзный совет землячеств, как такой тайный союз, который имеет притязание судить университетских преподавателей, начальство и студентов, предписывать им образ действия и карать их за неисполнение“. Опираясь на нравственный авторитет этого заявления и на основании действующих узаконений, я предостерегаю студентов от всякого участия в землячествах или тех запрещенных сообществах и в особенности от участия в союзной организации землячеств и в союзном совете. Тех же студентов, которые ныне участвуют в названных тайных сообществах, я приглашаю немедленно выйти из их состава и прекратить с ними всякие дальнейшие отношения, предупреждая, что в противном случае виновные будут подвергнуты заслуженному строгому взысканию. 15-е января 1895 г. Ректор Некрасов“.

¹ Газетная вырезка, вклеенная в дневник.

Другое об'явление имеет более общий характер :

„Вследствие предложения г. министра народного просвещения от 10 - го сего января, за № 586, сим об'являю студентам ниже - следующие: „министерству народного просвещения сделалось известно, что кружком неблагонамеренных людей распространяется в среде учащихся мысль о необходимости изменений в действующих уставах высших учебных заведений. Для сего означенный кружок употребляет всевозможные средства, чтобы собрать как можно более подписей под задуманной ими петицией, предполагая, что чем более будет таковых, тем сильнее должно быть воздействие петиции на правительство. Многие из таких агитаторов уже открыты и арестованы. Чтобы воздержать учащихся в высших учебных заведениях от увлечения пагубными для них нарушениями членов преступного кружка, сим об'является, что всякая петиция, каким бы числом подписей она ни была покрыта, будет оставлена без всяких последствий, так как законы составляются и изменяются не по соображениям учащейся молодежи, а лишь по указаниям верховной власти. Впрочем, высшее учебное начальство и в настоящем случае, как и вообще, надеется на благоразумие огромного большинства студентов, которые, конечно, понимают, что они поступили в высшее учебное заведение не для изменения их строя, а для учения и распространения своих знаний. 11 - го января 1895 г. Рек. моск. универс. Некрасов“.

10 февр.

Говорили, будто государь не читал тверского адреса, а только вольное изложение его, с комментариями министра вн. дел. Теперь в „Моск. Ведомостях“ напечаны некоторые подробности о заседании тверского земства от 23 января, в котором об'явлен официальный ответ на тверской адрес. Интересно, что ответ этот дает официальное подтверждение этому маловероятному слуху. Вот эта заметка, перепечатанная в № 40 „Нижегородского Листка“ (10 февраля 1895)¹.

По сведениям, сообщаемым „Московским Ведомостям“ одним из присутствовавших на заседании тверского земского собрания 23 минувшего января, по открытии этого заседания губернским предводителем

¹ Набранная дальше петитом — газетная вырезка.

дворянства Олениным, прежде всего докладывался отчет депутата тверского земства, осташковского предводителя дворянства, С. П. Уткина, удостоившегося поднести Их Величествам хлеб - соль от тверского земства на общем приеме депутатов в С. - Петербурге, 17 января. Г. Уткин докладывал, что Его Величество, приняв подношение, соизволил произнести: „Благодарить“. Отчет этот был выслушан стоя. Вслед затем было доложено отношение начальника губернии, в котором он доводит до сведения собрания ответ министра внутренних дел на адрес тверского земства от 8 декабря. Сообщая, что министр не счел себя вправе повергнуть к стопам Его Императорского Величества самый адрес, просит объявить собранию, что на всеподданнейшем докладе г. министра о подаче этого адреса, последовала собственноручная Государя Императора надпись, которая и была прочитана. Высочайшие слова были выслушаны стоя, при гробовом молчании, после чего секретарь прочел следующий проект телеграммы от имени собрания министру внутренних дел: „Тверское губернское земское собрание, выслушав с благоговением Высочайшую резолюцию по поводу адреса, поданного 35 гласными собрания, покорнейше просит ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам обожаемого Государя верноподданнейшие чувства беспредельной преданности и верности Монарху и беззаветной готовности следовать предназначениям Его Величества“. Громовое „ура“ гласных заключило чтение этой телеграммы, принятой единогласно¹.

Интересно, что „Моск. Ведомости“ воздерживаются от передачи „собственноручной Государя Императора надписи“, последовавшей на докладе министра и которая была выслушана „в гробовом молчании“. Цензура очевидно действует и по отношению к царским словам! (Или „пожалели“ бедных тверичей, кричавших „громовое ура“ после оплеухи?..).

Всякий день публика ждет известия об отставке Дурново. Каждое утро, разворачивая газету,— кидаются

¹ Всюду курсив В. Г.

прежде всего на телеграммы. Ничего. „Российское Телеграфное Агентство“, с нового года представляющее предприятие самих издателей, но зато отданное под ферулу цензора Позняка (одного из самых свирепых ретроградов) — день за день дает скучную вереницу сухих известий. Телеграммы агентства — это сама нынешняя Россия. Впереди „Петербург“ такого то числа... Скучный чиновник дает длинный скучный рапорт о начинаниях какого-нибудь департамента... Вчинается дело об устройении всероссийского счастья посредством улучшения семян, министерством земледелия таковых выписано 60 пудов!.. Назначены... Награждены... Анны втория...

России — нет вовсе. После Петербурга — прямо идет Китай и Япония, или еще чрезвычайный русский посол приехал куда-то с запоздалым известием о начавшейся в России „новой эре“... Даже из Москвы стихли известия о колоколах мира и об излиянии чувств. Телеграфная проволока будто сразу оглохла на то ухо, которое обращено внутрь России...

Пока публика ожидает официального известия об отставке „уважаемого“ министра, а „Правит. Вестник“ молчит — начинает действовать подпольная гласность. По Петербургу ходит карриатура, о которой, оказывается, знаем уже и мы в Нижнем. Неизвестный автор так иллюстрирует политическое положение минуты. Дурново идет по Аничкову мосту. Внезапный вихрь выхватывает у него из под мышки министерский портфель, который падает в Неву. Министр в отчаянии протягивает руки в пространство.

Картина 2-я. На двух противоположных берегах Невы уселись 2 ловца с удочками. Один — Муравьев¹, другой —

¹ Н. В. Муравьев, мин. юстиции.

Плеве¹. Крючки уже совсем близко от портфеля, публика смотрит с моста на состязание. Но... (картина 3-я) — внезапно из под арки выплывает ладья, в коей сидит обворожительная, а может быть и просто только ловкая дама (подпись М-ме Сипягина²), — которая из под носу ловцов схватывает портфель в свои маленькие ручки. — В таком виде российский юмор представляет разрешение министерского кризиса в „самодержавной“ России...

М. Князь Хилков³, человек волшебной карьеры, прошедший фантастический путь из кочегаров в министры, — недавно издал приказ, коим „для сокращения переписки“ позволяет делать подчистки и подскобки в бумагах, направляемых к нему. Очень плохой признак. Деятельный американец начинает заниматься сущими пустяками. Да и пустяки эти какие то безнадежные. Больше ста лет назад Державин умилялся тому, что, вследствие аналогичного приказа Екатерины,

... „И с именем Фелицы можно
В строке описку подскоблить“...

А теперь спустя сто лет — эту реформу вновь под-
емлет американец министр.

И с званием министра можно
В строке описку подскоблить...

Разумеется, известная часть российской прессы находит в этом новый повод для новых „сочувствий“. „Новое Время“ говорит: „Ради формы, чиновники готовы

¹ В. К. Плеве, будущ. мин. вн. дел, в то время госуд. секретарь.

² Жена Д. С. Сипягина, сменившего Дурново (в 1899 г.) на посту мин. вн. дел.

³ М. И. Хилков, мин. путей сообщения с 1895 по 1905 г. В молодости Хилков прожил некоторое время в Америке, где работал в железнодорожн. мастерских в качестве рядового рабочего.

пожертвовать иногда содержанием... Некоторые из них обращают особенное внимание на красоту обложек и переплетов, на четкие и красиво выведенные заглавия разных рапортов и докладов, — словом сказать, все свое время сознательно тратят на выведенное яйцо“.

Удивительное дело! Наши газеты заботятся о том, чтобы несколько каллиграфов не тратило время на выведенное яйцо и не замечают, что гораздо хуже, когда тем же выведенным яйцом занимаются министры. Между тем, наши „великие люди“ и всегда были мастера на всякую пустяковину. Про Тertia Ив. Филиппова, государственного контролера, рассказывают достоверные люди, что в 60-х еще годах он весьма энергично принялся за исправление „стиля канцелярских бумаг“. Для этого он тщательно и собственноручно выправлял целые фразы и на одном подобном документе начертил под влиянием внезапной догадки:

„Прошу г-на главного секретаря просмотреть: стараясь о выправлении стиля, не исказил-ли я самый смысл“.

Н. Ф. Анненский сам читал резолюцию покойного имп. Александра II на докладной записке, поданной Татариновым по возвращении последнего из-за границы¹. Записка трактовала о реформе всего государственного счетоводства и Александр II написал: „Совершенно согласен и желал бы, чтобы остальные министры прониклись сознанием необходимости коренной реформы государственного счетоводства. Не могу не заметить, что записка скреплена не форменным шелком“. Оказывается, что подобные записки должны

¹ В. А. Татаринов, госуд. деятель. В конце 1855 г. был командирован за границу для изучения порядков госуд. отчетности.

быть скрепляемы шелком трех государственных цветов. В то время эти пустяки все таки сопровождались „коренными реформами“. Нашему же времени достались одни пустяки, для коих достаточно лаконических междометий. (Покойный государь Александр III под конец жизни писал просто „Съ“, что значило „согласен“).

В голодный год государств. контролер об'езжал голодающие губернии. Газеты отмечали то и дело, что его высокопревосходительство, при посещении такого - то монастыря — остался очень доволен образцовой стройностью хора. „Как известно,—почтительно прибавляли хроникеры,—государственный контролер — большой знаток церковных напевов“. А в это время творилась на Руси кутерьма, земские суммы попадали в руки неответственной администрации и зачинался тот „контрольный хаос“, отголоски которого мы имели в нынешнем году в докладе ревизионной комиссии XXX очередному губернскому собранию. Из этого доклада видно напр., что по одному Арзамасскому уезду не представлено оправдательных документов в израсходовании г. г. земскими начальниками 64 тысяч р. (!) продовольственных денег. Один из этих земских начальников И. М. Штевен на требование отчета ответил в земскую управу официальным письмом, в котором пишет, не стесняясь нимало, что действительно вел продовольственные операции, но полагал, что это дело ставится исключительно на почве взаимного доверия (он не представил документов на 7300 рублей!). Кое какие материалы он собрал уже теперь, долго спустя... Мог бы попросить еще расписку продавщицы хлеба, г-жи такой - то на 500 рублей,—но не желает краснеть перед нею за то недоверие, которое высказывает по отношению к нему управа. Другой земский начальник того - же уезда, Тархов, вместо всякого отчета представил

книгу, озаглавленную так: „Ведомость расходам на продовольствие и обсеменение земского начальника III участка“. В этой ведомости есть записи чернилами и карандашом, есть зачеркнутые строчки и поправки сверху — и все это ничем более не подтверждено. Такой „отчет“ оправдывает расходы на 22 тысячи...

И это творилось по всей России. А в это время государственный контролер оценивал партесные и столповые напевы, а про государя Александра III наивные люди рассказывали с восторгом: „Ну, теперь у нас будет экономия. Царь, сказывают, сам свечи во дворце считает“. Следовали анекдоты, как царь „skonфузил“ дворцового эконома.

— Что это значит. Свечей много вышло!

Или еще: — Я вчера с'ел апельсин, да генерал NN с'ел апельсин. А тут стоит на апельсины 10 рублей... Смотри у меня!..

12 февр.

„Нет на целом свете столько недовольных, как в России, где правители нисколько не заботятся о благе народа и где сильные столь безнаказанно притесняют бедных и беспомощных... Все говорят, что народ разорен в конце. Недовольных тьма и в столице и во всей империи, хотя жалобы слышны лишь в беседах между близкими друг другу лицами. В интимной среде знакомых эти жалобы составляют главный или исключительный предмет разговоров“.

Это — выписка из мемориала шведского дипломата Мориана, писанного в окт. 1738 года и относящегося ко времени Анны Иоанновны и Бирона¹. Обрисовав ужасное положение России того времени, волокиту в судах, взятки, поборы, разорение народа, Мориа́н прибавляет,

¹ Статья Брикнера в „Рус. Ведом.“ 1895 г. № 41. („О России при Бироне“). (Прим. автора).

что императрица — совершенно недоступна. До нее никакие жалобы не доходят. „Она окружена высоким валом“. Даже кабинет - министры не могли делать докладов царице иначе, как в присутствии Бирона. Это называлось „самодержавием“ царицы Анны Иоанновны.

Бирон считал, что для охраны самодержавия — необходимо, чтобы царица слышала только его ушами, глядела только его глазами и думала только его головой. И царица соглашалась. Теперь официально заявляется, что русский царь отвечает тверскому земству, не читая подлинного адреса, а лишь по докладу министра об этом адресе. И значит, вперед тоже нет надежды на то, чтобы русский царь слышал собственным ухом подлинный голос своего народа. Царь об'являет в конце XIX века, что для охранения исконных начал самодержавия, — он желает „окружить себя валом“, как это было при Бироне полтораста лет назад. И вал смыкается тесно. Это называется самодержавием!

15 февраля

Чтения (воскресные) на вокзале, говорят, прекращены. Шпионы начинают наводить на обывателей страх и уныние. Вчера жена нашего домовладельца В. В. Лемке, — говорила Авд. Семеновне¹:

— Что это такое делается. Выйдешь из калитки с детьми, — сейчас какие-то смотрят, ходят следом, заглядывают. Господи, что у нас тут такое?

Никому не верится, что это ни из-за чего, что это просто такая „пришла охота“ нижегородскому губернатору поиграть в охрану.

Вчера распространился слух, что „через два дня в Нижнем будет об'явлено состояние „усиленной охраны“.

¹ А. С. Короленко, урожденная Ивановская, жена В. Г.

Теперь у нас „охрана просто“, а то будет еще охрана усиленная... Какая разница? Должно быть есть и еще степени в том, что у нас творится. При усиленной охране как во время ярмарки,—суд упразднится и Баранов примется налагать кары самолично. Коренной обыватель почувствует на себе давление произвола всякого окологородного на целых два года. Это для того, чтобы обыватель лучше проникся „благодеем“ царя, „даровавшего Нижнему выставку“, по стереотипно-казенному выражению застольных и всяких иных речей. Администрация примет все меры, чтобы от этого благодеем обыватель пришел в озлобление и отчаяние. „Праздник промышленности“—это у нас требует непременно упразднения законного порядка. Перспектива прибытия царя, который в первые же дни своего царствования упразднял полицию, войска и охрану на улицах столицы — для Нижнего сказывается „усиленной охраной“, усиленным произволом полиции и зловещими отрядами сыщиков, выглядывающих из-за каждого угла жадными и подлыми глазами. Сила царской власти!

Интересная подробность: сыщики у нас на углу жадно накидываются, точно мухи на сахар,—на нашего почта-лиона. Спрашивают, нет-ли писем Короленку или Дробышевскому, или еще кому-нибудь из неблагонадежных, просят позволения взглянуть и соблазняют и без того слабого Пронтова водкой. Он хвалится, что писем не дает, но—кто знает! И это относительно переписки, уже перлюстрируемой и без того на почте!

Еще интересная черта: на днях уже (недели 2—3) домовладельцам от полиции разосланы домовые листки с изложением правил и наказаний за их нарушение, „на основании особых постановлений об усиленной охране“. Таким образом, полиция обходится даже без высочайшего повеления и объявляет обывателю усиленную охрану сама

от себя. Некоторые домовладельцы отказались принять эти листки, так как положение об усиленной охране не об'явлено. На это полицмейстер кн. Волконский замечает, что положение действительно не об'явлено, но несомненно будет об'явлено. А тогда... полиция будет любезна к тем, кто с нею любезен теперь. А кто теперь нелюбезен... не взыщите... Разумеется, огромное большинство домовладельцев уступают. И таким образом, полиция выторговывает у обывателя то, что в сущности может исходить только от высочайшей власти.

И это тоже называется у нас самодержавием!

На этих днях в „Московских Ведомостях“ Л. Тихомиров¹ напечатал ряд фельетонов из недавнего прошлого о конституционных проектах Лорис-Меликова, о земских ходатайствах того времени и т. д., и т. д. Мне не довелось читать этих фельетонов. Говорят, в них Тихомиров ставит в связь „либеральные стремления“ и ходатайства земств с цареубийством и т. п. Интересно, как иллюстрация удивительного бесстыдства и лжи, которая теперь выступает не стесняясь всенародно, не прикрытая даже фигурными листиками. Л. Тихомиров, который сам участвовал во всех террористических предприятиях, полемизировал с „либералами“ „Вестника Европы“, защищая террор и цареубийство,— теперь со страниц консервативнейшего органа поучает публику, что в терроре повинен не он, чуть ли не самолично рывшийся, как крот, под землю,— а те самые „либералы“, которых он громил когда-то в террористических листках, и земцы!

¹ Лев Тихомиров, бывш. соц.-революционер, принесший покаяние и перешедший в лагерь крайних реакционеров.

Однако,— не эта сторона, конечно, наиболее интересна для публики в писаниях этого нового „пророка“. Я хотел купить эти № № в киоске на Б. Покровке, но не нашел ни одного, тогда как обыкновенно „Моск. Ведомости“ идут плохо. Продавец наизусть перечислил мне все № №, где были статьи „о конституции“ и обещал выписать из Москвы, прибавив, что едва - ли найдутся и там. Действительно, говорят, листы „Ведомостей“ с этими сведениями в Москве выхватывались из рук газетчиков и теперь нет уже ни одного № для продажи даже в редакции. Вероятно, и сам автор, и редакция хорошо понимает, что таким успехом газета на сей раз обязана совсем не тому покрову, которым благонамеренный Тартюф московского консерватизма прикрыл соблазнительные прелести конституции...

Я теперь доканчиваю рассказ „Без языка“¹. Действие — в Америке. Никогда и ничего не писал я с таким трудом. Америка,—когда что ни день, то какая-нибудь российская неожиданность. Америка, когда царь всенародно популяризирует „бессмысленные мечтания“. Америка, когда бесхитростный газетный торговец перечисляет № №, где говорится о российской конституции. Америка, когда на углах караулят стаи шпионов, Америка, когда то и дело проносятся слухи: сегодня ночью, говорят, будут чуть не поголовные обыски... Америка, когда русский воздух насыщается сгущенными миазмами полицейского режима, точно туманом на заре, перед близким повидимому расцветом... Какая там, к черту, Америка!

¹ Печатался впервые в „Русск. Богатстве“, 1895 г. № № 1 — 4, (Вошел в т. XVII наст. изд.).

Еще торговля насчет усиленной охраны. Кн. Волконский потребовал у домовладельцев, чтобы они проставили на домах № № и, кроме того, те же номера освещали бы по вечерам фонариками. Написать № № это, конечно, ничего, но освещать их — стоит по расчету от 4—8 руб., а это уже расход довольно значительный, если принять во внимание, что есть „домовладельцы“, обладающие конурами и то выстроенными на ссуду из вспомогательного капитала. Во всяком случае, это может быть постановлено только думой. Гласные Наумов и еще несколько других гласных-домовладельцев (всех 7—8) подали в думу заявление, с просьбой раз'яснить, на основании какого закона или обязательного постановления им пред'являет полиция требование, которое может исходить лишь от думы. „Интеллигентный“ городской голова, известный своим скудоумием и сервилизмом, барон Д. Н. Дельвиг, вместо того, чтобы внести заявление гласных в думу, как этого и требует закон, — отправляется с ним к Баранову, а Баранов призывает подписавших заявление, грозит им близким введением усиленной охраны и требует, чтобы они взяли заявление обратно¹. Гласные подчиняются и — опять усиленная охрана, еще не введенная царским указом, вступает уже в действие „волею губернатора“ (это выражение буквально напечатано в первом приказе кн. Волконского²: „По воле ген.-лейтенанта Баранова я сего числа вступил в отправление обязанностей Нижегородского полицмейстера“ и т. д.). Этак, чего

¹ По другим, — заключен просто компромисс: гласные берут заявление обратно, а Баранов прикажет полиции „не очень приставать“, т. е. смирных — принудят, а бойких оставят. (*Прим. автора*).

² „Волгарь“, 6 декабря 1894 г. № 294. (*Прим. автора*).

доброе, можно ввести усиленную охрану фактически хоть за два года до разрешения ее царскою властью...

Чтобы картина того настроения, в котором теперь находится наш Нижний, под режимом „охраны“, была полнее, нужно сказать, что все это получает свое дополнение в некоторых слоях общества. Все, что есть лакейского в обществе, становится лакейским сугубо, все, что есть подлого, становится подлее и сыщики *ex professio* поддерживаются сыщиками добровольцами, которые на этой почве стараются свести свои счета. В редакцию газеты, когда „Листком“ заведывал еще Дробышевский, является некто Конурин, горбун, сгорающий честолюбием артиста. Я видел его некогда на домашнем спектакле, он говорил очень претенциозно какие-то глупые куплеты и тыкал из-под горба двумя пальцами в патетических местах. Теперь он суфлер и охотно читает в воскресных чтениях. Штюрмер отказал ему в этом и он сказал прямо:

— А все-таки я буду читать.

Штюрмер подозревает, что от него были доносы на братство.

Так вот, этот самый господин является в редакцию и заявляет, что „недурно бы обратить внимание на недавно открытую народную читальню. Состав книг...“

— Ну что-ж,—простодушно отвечает Дробышевский.— Вы знаете, как ограничены каталоги...

— То-то и есть, что они выдают сверх каталога. Вообще, там какие-то в блузах, лохматые... Это не читальня, а место самой опасной пропаганды. Следует обратить внимание...

Дробышевский, возмущенный этой наглостью, говорит, что дескать тут не сыскное отделение, а газета и наконец

указывает добровольцу, что и он сам носит длинные волосы и поддевку.

Доброволец удаляется.

Здесь есть врачи, которые очень не любят психиатра П. П. Кащенко и всячески под него подкапываются. Некто г. Б., пошляк, недавно побитый на ярмарке за какие-то националистические наглости,—распускает о Кащенко слухи „политического свойства“, пользуясь и перевирая частные разговоры в гостях¹. В психиатрической лечебнице служит некто Ландау, тоже врач. Там-же служила фельдшерица У., особа несколько и даже, кажется, значительно психопатического темперамента, истеричная. Ландау сделал ей какое-то замечание, а она пыталась отравиться. Очень может быть, что Ландау держал себя слишком формалистически и без особенного такта.

История дальше разыгрывается следующим образом: Б. пишет Ландау письмо, в котором грубо осуждает поведение Ландау и грозит каким-то следствием. Дознание производит охрана (Евеецкий), который направляет его с одной стороны — на вредное влияние введенного Кащенко режима,—с другой на политическую неблагонадежность Ландау и самого Кащенко. Губернатор, еще недавно не опротестовавший назначения Ландау,—теперь пишет в управу офиц. бумагу, в которой предлагает его уволить. Хвощинский (председатель) едет к нему,—тот настаивает. Едет Ландау,—губернатор говорит, что все это пустяки, недоразумение.

— Оставляйтесь, дорогой мой, это все пустяки...

Какая-то путаница сплетен, изветов, превышений власти и административных интриг. Далее — выступают

¹ Против этого места, на полях дневника, позднейшая приписка карандашем: „Б. впоследствии ярый черносотенец (тысяча девятисотые годы)“.

добровольцы. Хирург Б., говорят, хирург недурной, но необыкновенно глупый, тщеславный и неразборчивый в нравственном отношении,—приходит в свое отделение, где лежит У., и видит, что у нее сидит М. А. Венский, главный врач, которому, конечно, интересно выяснить причины всей этой истории. Б. входит туда, берет его за руку с таинственным видом и уводит в корридор.

— М. Алекс. ! Что вы делаете !.. Я вас спасаю.

— Что такое ?

— Ради Бога, не говорите с нею наедине. Разве вы не знаете, что это все — огромное и очень важное политическое дело... У Кащенко ее пришлось взять чуть не силой... Они не хотели отпускать ее, чтобы она их не выдала...

Венский, хорошо знающий, что Кащенко сам признавал нужным перевести больную в хирургическое отделение (ей угрожало сужение пищевода после отравления азотной кислотой) и понимающий всю нелепость этих подлых и идиотских изветов,—стыдит своего коллегу... Но добровольный сыск и лживые сплетни реют в воздухе, как глупые галки, наполняя его своими дурацкими криками.

И это — в среде врачей ! Правда, что это в самых яко-бы аристократических, но и самых затхлых углах этой среды...

Когда-нибудь мне хочется восстановить эти эпизоды и это настроение в повести из конца нашего русского и специально областного „Конца XIX века“ !.. Поэтому я и записываю все это так подробно. Может и пригодится, а не пригодится для повести,—может и так будет когда-ниб. интересно.

17 февраля

Несколько дней уже ходили слухи о каких-то беспорядках, произведенных студентами 8 февраля (годовщина петерб. университета). В газетах, однако, ничего не было, и вообще,— не знаю, результат-ли это личного моего настроения (я теперь занят концом своего очерка „Без языка“), или так притупилась чуткость к слухам,— но только вот уже целую неделю, после 8-го, о происшествиях в Петербурге говорили вяло и мало. Я слышал только о какой-то драке у ресторана Палкина, учиненной подкутившими студентами. Газеты тоже молчали.

И вдруг сегодня „Российское Агентство“, забыв совсем о Японии, о Китае, об Египте и т. д.— дает огромную телеграмму о „русском“ событии. Тут правда опять Петербург, но на этот раз он не устраивает парадных приемов, не следит за выездом за границу вел. князей и других высоких особ, не рекомендует улучшенных семян из департаментов, а шумит. И шумит сильнее, чем можно было предполагать по слухам.

(От Российск. Телегр. Агентства).

Петербург, 17 февраля. „Правительственный Вестник“ сообщает, что 8-го февраля, в годовщину основания С.-Петербургского университета, состоялся акт, прошедший совершенно спокойно. Вечером того же дня по установившемуся обычаю студенты прежних лет и нынешние участвовали на товарищеских обедах; к сожалению, некоторая часть молодежи, находившейся в различных ресторанах, по окончании обеда позволила себе на улицах и общественных собраниях весьма большие беспорядки, окончившиеся необходимостью прибегнуть для водворения нарушенного порядка к силе; наибольшие буйства происходили в пассаже, Михайловском манеже, цирке Альказаре, Малом театре, заведении Тумпакова, у Семеновского моста, а также вдоль улиц Большой Итальянской, Екатерининской, Караванной, по Фонтанке, Чернышеву переулку, загородному Проспекту, Владимирской и на

Невском проспекте подле ресторана Палкина; во всех перечисленных местностях беспорядки отличались одинаковым характером; в большинстве выпившие студенты, сильные своею численностью, не обращая никакого внимания на увещания своих более рассудительных товарищей, на просьбы публики, и на требование полиции, шумно бесчинствовали как на улицах, так и в театрах и ресторанах, в которых находились они; входили, насильственно и не внося платы, в увеселительные заведения и театры, и иногда вызывали необходимость противодействовать им силой как со стороны полиции и дворников, так и многих затрагиваемых ими лиц из проходивших и публики; представление в Малом театре пришлось закрыть до его окончания; рукопашные схватки на улицах имели своим последствием некоторые неопасные для жизни пострадавших поранения¹, но не увечья; в числе пострадавших, к прискорбию, как и всегда в подобных случаях, оказались и такие, которые не принимали участия в беспорядках, случайно находясь подле них; в общем число пострадавших, по заявлениям полиции, достигает 18 человек, тогда же представленных к медицинскому освидетельствованию и помощи и ныне большей частью вполне оправившихся за весьма небольшими исключениями. Деятельность полиции за все время продолжения беспорядков была главным образом направлена на увещание буйствовавших и на ограничение беспорядков, возможно меньшими районами, но в двух случаях полиция вынуждена была прибегнуть к силе: в манеже, когда происшедшее столкновение студентов с офицером грозило принять большие размеры и когда полиция арестовала 8 человек, чем пресекла беспорядок, и при бесчинствах подле ресторана Палкина: не впущенные в этот ресторан, в виду нетрезвого их состояния, студенты, пользуясь своим численным перевесом над полицейским нарядом, охранявшим вход в ресторан, отеснили полицейских, нанеся им при этом побои, разбили вдребезги стеклянные входные двери ресторана; такое буйство студентов, соединенное с насилием над полицейскими чинами, вынудило местного пристава призвать на помощь для удаления буйствовавших наряд дворников, назначенный для ограждения Аничковского моста, и новое сопротивление, оказанное студентами при их удалении из ресторана, повело за собой общую свалку, в которой приняли участие многие из публики, следовавшей за студентами к загородному и Владимирскому проспектам и возмущенные их безобразным

¹ Курсив В. Г.

поведением; в этой свалке пострадали уже не только студенты, но и посторонние лица, которые совершенно случайно оказались в этом месте.

Вышеизложенным кратким раз'яснением опровергаются те преувеличенные слухи, которые распространяются по поводу беспорядков 8 - го февраля и умышленно изменяют характер всего совершившегося; раз'яснение это имеет также цель предупредить о том, что на будущее время при обстоятельствах, подобных вышеизложенным, надлежащими представителями власти будут своевременно приняты те меры, которые вполне обеспечивали бы от всяких неожиданностей порядок на улицах, в театрах и ресторанах и не допускали бы сборищ нетрезвых и буйствующих людей.

Впечатление этой телеграммы несколько неопределенно, двусмысленно и странно. Обыкновенно слухи преувеличивают действительность. Здесь, по крайней мере для провинции — телеграмма дает представление большее, чем слухи.

18 февраля 1895

В сегодняшних телеграммах известие о первом предостережении „Наблюдателю“¹. Телеграмма Р.Т.Агентства, Петербург, 17 февраля:

(Правительствен. Вестн.) Принимая в соображение, что журнал „Наблюдатель“ продолжает упорствовать в предосудительном направлении, доказательством чего служит напечатанная в февральской книжке издания статья „Новые умственные движения Германии“, явно проникнутая сочувствием социалистическим теориям, министр внутренних дел определил об'явить журналу „Наблюдатель“ первое предостережение.

Дня три-четыре назад С. С. Баршев, председатель О-ва Взаимопомощи учителей и учительниц, получил от Капниста (попечителя) запрос: не может ли он сообщить,

¹ Ежемесячный журнал, выходивший с 1882 г. в П-бурге без предварит. цензуры; ред. - издат. А. П. Пятковский.

что именно читал в Нижнем прив.-доцент Милюков. Баршев послал изложение лекций в Нижегород. газетах, прибавив, что в обществе действительно ходили разные нелепые толки о содержании чтений, нашедшие отголосок даже в земск. собрании, в словах А. А. Демидова. Но тогда - же присутствовавший на чтениях действ. ст. сов. И. П. Кутлубицкий совершенно резонно заметил, что для того, чтобы высказывать суждение о лекциях, надо на них присутствовать. А. А. Демидов ни на одной лекции не был, а он, И. П. Кутлубицкий, был и свидетельствует, что ничего, кроме удовольствия и пользы не вынес.

Увы! Эта защита даже при помощи действит. статских советников, является, кажется, уже запоздалой. Вчера приезжие из Москвы сообщали известие, что Милюков и Иванов оба удалены из университета. Таковы первые шаги University extension¹ у нас в России. В Нижнем был сделан первый опыт университетских лекций в провинции. Опыт удался блестяще, залы были постоянно полны, под конец в демократическом Всесословном клубе стали появляться даже аристократические дамы, привлеченные рассказами о необыкновенно интересных лекциях. Лекторам подносили адреса, покрытые массой подписей, с просьбой не останавливаться на этом первом опыте, во Всесословном клубе несколько десятков членов обратились к старшинам с просьбой устроить чтения в посту. Таким образом, все повидимому говорит за полный успех просветительного начинания и у нас в России.

Но... на тех - же лекциях присутствовал „гражданин французской республики“ Пуаре, служивший сначала

¹ Так называлось О - во распространения университетских знаний в Англии. В. Г. упомянул о нем потому, что лекции Милюкова и Иванова были организованы Московской Комиссией Учебного Отдела, поставившей себе однородные цели с University Extension.

камердинером у Баранова, потом околодочным, потом неизвестно кем и наконец теперь — заведомый сыщик. Он приходил под руку с дамой, которую оставлял внизу, а сам отправлялся на хоры, или же сам оставался внизу, тогда на хоры проходила mademoiselle. Оба тщательно что-то записывали. А затем пошли дурацкие толки о лекциях и стало известно, что под лекторов подведена мина. Баранову нужно было сделать из этих лекций оружие „политической пропаганды“, исходящей от О-ва Взаимного Вспомоществования учителей и уч-щ, — что повидимому и удалось блестяще, если оправдается слух об отставке Милюкова и Иванова¹. После этого, конечно, надолго обывателю всякая попытка слушания лекций будет казаться каким-то жупелом, тем более, что и учебная администрация, в лице лицемера Раевского² и даже Глазова (директора народных училищ) — производила опрос учителей и учительниц, бывших на лекциях, точно речь идет о „принадлежности к какому-нибудь тайному сообществу“.

19 февраля

Телеграммы „Нижегородского Листка“.

(От Российск. Телегр. Агентства).

Петербург, 18 февраля. В „Правительственном Вестнике“ напечатаны дальнейшие подробные сведения о беспорядках, произведенных студентами Петербургского университета 8-го февраля: буяны между прочими бесчинствами выхватили у здания Кабинета Его Величества у сторожа табурет, который разбили вдребезги, разбили стекла в дверях подъезда квартиры лейб-хирурга Гирша.

¹ П. Н. Милюков и И. И. Иванов были действительно удалены из университета и высланы из Москвы. После этого Милюков был приглашен профессором в Софию и несколько лет прожил в Болгарии.

² Раевский — нижегород. окружной инспектор.

„Правительственный Вестник“ заявляет, что слухи, будто во время беспорядков были случаи увечья или смерти, лишены всякого основания: ни в одну из городских больниц пораненных не поступало ¹.

Толки об этих событиях продолжают быть сбивчивыми и противуречивыми. Вчера появились слухи, будто это была грандиозная демонстрация. С другой стороны даже приезжие из Петербурга сводят ее на ограниченные и односторонние вспышки около увеселительных заведений. Говорят, вместе с тем о 8 убитых. В первой телеграмме говорилось о поранениях. Теперь утверждается, что „в городские больницы пораненных не поступало“. Это, положим, понятно: при всех уличных вспышках пораненные предпочитают не являться в гор. больницы, так как рана есть в то-же время улика и с нею легко, вместо городской, попасть в больницу тюремную.

Вслед за этой телеграммой идет ставший обычным в последнее время припев:

„Министр внутренних дел определил воспретить розничную продажу газ. „Киевлянин“ на один месяц“.

Кстати: маленький барановский анекдот. У его пр-ва происходит разговор с П. П. Кащенко, психиатром, по поводу „дела“ Ландау. Кащенко говорит о том, что генерал говорил с его помощником (Ландау) о каких-то „неблагонадежных“ чтениях. Так как чтение и вообще весь распорядок больницы зависит не от помощников, а от самого Кащенко, то он желал бы знать, что же такого „неблагонадежного“ нашли в чтении А. Толстого, Пушкина, Гоголя и т. д.

— Ах, да, дорогой мой,— конечно, я не верю этим пустякам. Мне говорят— Кащенко выпускает из дома

¹ Газетная вырезка с пометкой пером В. Г.: „Н[ижегор.] Л[исток] № 48“. Курсив В. Г.

умалишенных готовых анархистов. Я говорю: тогда Кащенко заслуживает награды за свое искусство. Пусть д-ру Кащенко дадут орден и попросят только, чтобы он направлял своих пациентов не налево, а направо...

— Однако,— продолжает генерал, отдав эту небольшую дань веселому либерализму,— я должен вам сказать по поводу собственно чтений. Я сам говорил „одному лицу“ то же, что говорите вы. Это „лицо“ (под „этим лицом“ разумеется начальник охраны Евецкий или еще кто-нибудь из полицейской сыскной иерархии), это лицо ответило мне вот что: „Ваше превосходительство знаете Отче наш“?.—Знаю.—„Скажите“.—Извольте: Отче наш, иже еси и т. д.—„Ну-с теперь позвольте мне сказать то же самое „Отче наш“. И он так прочитал мне Отче наш, что я вынужден был признаться. Да! И „Отче наш“ может быть очень вредным. Тон делает музыку.

Говорило-ли „одно лицо“ ген. Баранову что-либо подобное, или это один из тех анекдотов, которых ген. Баранов знает множество из всех сфер,—не исключая и высочайших,—но во всяком случае анекдот поучительный. С помощью таких анекдотов любой обыватель во всякое время находится [во власти] „одного лица“. Докажите как дважды-два, что вы в данное время читали только „отче наш“. Пусть это будет доказано документально... Но—чем вы докажете, что это было полезное „отче наш“ а не вредное?.. Тон делает музыку, а тона нельзя ни опровергать, ни доказывать.

Сегодня мне рассказали маленький, но интересный эпизод. К Плетневым в дом переезжает новый квартирант, сапожник. На следующий день г-жа Плетнева заявляет в полиции, что у нее новый жилец и пред'являет его

паспорт. Паспорт — просрочен. Полициймейстер кн. Волконский, на основании положения об усиленной охране, — штрафует ее на 3 р. 20 коп. „И то, — прибавляет он, — только потому, что вы заявили сами“. Новый пример узурпации несуществующей „усиленной охраны“.

— А если недовольны, — жалуйтесь на меня мировому.

Разумеется, совет лукавый: если штраф уже уплочен, жаловаться придется не мировому, а губернатору (на должностное лицо). Кажется, домовладелица предпочла не платить штрафа, а жаловаться мировому предоставляет самому полициймейстеру.

В бюрократических кругах столицы циркулируют слухи о предстоящем назначении бывшего министра путей сообщения тайн. сов. А. К. Кривошеина присутствовать в правительствующем сенате.

(„Волгарь“ 19 февр. 1895, № 49).

Слухи, циркулирующие в обществе, прибавляют к этому, что, по обнаружении беззастенчивого воровства бывшего министра путей сообщения, — была назначена комиссия, которая доставила полный материал для судебного следствия и суда. Но — царя убедили, что дело нужно „прикрыть“, иначе это выйдет русская Панама. А известно, что при самодержавном правлении, как это весьма усиленно проповедывали даже наши газеты, — не может быть Панамы, — и в этом то состоит разница между самодержавием и республикой. Царь согласился, Кривошеин от суда свободен. Остальное уже последовательно. Для прекращения толков о русской Панаме — нужно уволенного министра сделать — ну хоть сенатором! Таким образом — разница между самодержавием и республикой все таки сохраняется: республика раскрывает свою Панаму с шумом и скандалом, в республике панамисты стреляются,

отравляются, попадают в тюрьмы. А мы смиренно и кротко прикрываем свои язвы, а панамистов сажаем в сенат!

И так — с самых низших до высших ступеней. На днях С. Д. Протопопов получил от Спасовича¹ извещение, что явное, раскрытое, распубликованное, подтвержденное собственноручными расписками воровство Андреева — едва ли может быть предметом осуждения в сенате². Оказывается, Баранов прислал отзыв, — что он своевременно доносил о деле Андреева, что затем — жалоба С. Д. Протопопова „не вполне согласна с истиной“ (в чем?) — и вот где-то, на пути этих своевременных донесений и прочего — явное воровство утрачивает свои свойства явного воровства, подлежащего каре. Воровство осталось — наказуемость испарилась.

Это — мелкий сравнительно, уездный воришка. Теперь — та же история с вором крупным. А между Андреевым и Кривошеиным сколько еще воришек и воров крупных, средних и мелких — чувствует себя в полной безопасности в нашей благословенной бюрократической и бессудной России!

¹ В. Д. Спасович — известный юрист и писатель (1829 — 1906).

² Андреев, бывший предводитель дворянства и председат. нижегород. уезд. Земской Управы, совершил целый ряд хищений, незаконно покрытых Александровским дворянским банком. Протестуя против безнаказанности А - ва, С. Д. Протопопов (в то время судебный следователь в Н.-Новгороде), подал частную жалобу в Сенат. (См. по этому поводу письмо В. Г. к А. И. Деспоту - Зеновичу от 3 дек. 1893 г. „Письма“, книга IV - ая). Жалоба была оставлена без последствий, а С. Д. Протопопов вышел в отставку. О деятельности Андреева см. ряд статей В. Г. в т. XXX наст. изд.

20 февр.

Сегодня в „Волгаре“ (№ 50) напечатано:

Вчера в Н.-Новгород прибыл начальник отделения департамента полиции г. Семякин.

Это все—по поводу „охраны“. Предполагался приезд Серг. Эраст. Зволянского¹. Одни говорят—для ревизии „охранного отделения“, другие—для установления „нормальных отношений“ между охраной, полицией и жандармским округом. Третьи наконец—полагают, что этот приезд имеет отношение к введению „усиленной охраны“, в виду выставки.

Дня три уже здесь говорят о карикатуре, которая, будто бы ходит по Петербургу и на которой изображены: вдовствующая царица, государь, Дурново и Победоносцев.

21 февр.

— Г. министр внутренних дел, на основании ст. 178 Уст. о ценз. и печ., изд. 1890 года, признал необходимым воспретить розничную продажу на улицах, площадях и других публичных местах, а равно через ходебщиков и офеней, брошюры: „Император Николай“. Очерк. С.-Петербургское издание ежемесячника „Семьянин“. 1894 год. (Ниж. Лист. № 50).

22 февр.

Во Всесловном клубе состоялась наконец лекция Дрягина. Кроме того, что лекция оказалась скучноватой,—сказать о ней нечего. Дрягин ходил к губернатору, потом к полициймейстеру, который, партикулярно, „не как должностное лицо, а как человек“, убеждал Дрягина отказаться от своего пагубного намерения.

¹ Зволянский, начальник департ. полиции.

— И что вам за охота! Знаете ли вы, что вас могут прямо после лекции посадить и... понимаете! Вот я взял уже перо... Откажитесь, молодой человек!..¹

Дрягин ответил что-то такое, что он человек среды, что не может отступить, так как о лекции много говорят и т. д.

Все сие, однако, кроме скучноватой лекции, не произвело ничего, если не считать полицейского протокола. Помощник полицм. Сомов и 2 частных пристава тотчас - же секвестровали сбор (82 р. 40 к.), дабы никакая часть его не могла быть обращена на „ниспровержение строя“. С этой целью они отобрали деньги у С. Д. Протопопова (казначей О-ва) под расписку, с тем, чтобы завтра, опять под расписку, вернуть ему оные. А так как при этом вышел прочет на 3 р. 20 к., то считали очень долго. Это удивило некоего Жемчугова, пом. прис. поверенного, который, будучи к тому - же в подпитии,— спросил:

— Зачем это столько полиции?

Сомов ответил, что это не его дело, а тот назвал Сомова комиком. Сомов очень оскорбился.

— Я не комик, а помощник полицеймейстера при исполнении обязанностей. Г - н пристав — прошу составить протокол.

И составили.

¹ Отчасти об'ясняется это колебание полицеймейстера тем, что он просил письменное приказание губернатора, а тот приказывал разрешить афишу, но только словесно. Бедный князь не очень доверяет „словесным“ распоряжениям ген. Баранова и думает, что он в случае чего и отступится. А высказать это недоверие прямо — боится тоже. Лучше - бы всего — если бы „молодой человек“ сам отказался! (Прим. автора).

В тот же день был обыск у Дьячкова, частного поверенного. Ничего не найдено. История этого обыска: несколько лет назад в доме кажется на Ковалихе жила семья Дмитриевых. Один из них выслан. После этого Дмитриевы давно уехали из этого дома и одна из сестер вышла за частн. поверенного Дьячкова. Между тем, дом на Ковалихе стали ломать и вот, где-то за печкой, или в печной отдушине нашли связку писем и какой-то листок. Письма были от сосланного Дмитриева к сестре, листок очевидно принадлежал ему-же. Все это попало в охрану. Ген. Познанский дал заключение совершенно основательное,— что как письма, так и листок относятся к давним временам, что они не дают ничего нового, доказывая лишь прежнюю неблагонадежность Дмитриева, за которую он и был уже сослан. Т. образом, дело по заключению жандармского нач.— подлежало прекращению. Охрана и „либеральный“ губернатор взглянули иначе и Петербург согласился с последним мнением. Решено у Дьячковой, бывшей Дмитриевой произвести тщательный обыск (причем прокурор Сципион усердствовал даже много более жандармов)— и ничего не нашли...

Конец февраля

Февраль заканчивается газетными толками о деле, Палем, убившей студента Довнара. Палем—еврейка, принявшая православие, очень красивая, пылкая, неуравновешенная и, кажется, немного психопатка. Довнар—студент путеец, немного альфонс, не брезгавший подачками старика Кандинского, который и окрестил и взял на содержание молоденькую еврейку. Мать Довнара покровительствовала связи сына, сынок говорил товарищам,

что прежние связи Палем могут ему облегчить карьеру, но затем отказался жениться на ней, несмотря на обещание — а она его застрелила. В общем—какой-то букет безнравственных отношений, безнравственных расчетов, безнравственной лжи, безнравственного материнства, безнравственной любви, отравленной безнравственной ненавистью, густые сумерки, в которых сам чорт не разберет, кто кого дерет. И когда в этой мгле раздаются два выстрела (Палем выстрелила и в себя и ранена в грудь очень серьезно), — то право трудно сказать, кто тут жертва и кто виновник.

Присяжные просили поставить вопрос о состоянии иступления. Суд отказал,— присяжные оправдали Палем.

В это самое время только что закончились заседания с'езда прокуроров и председателей, обсуждавших достоинства и недостатки суда присяжных и высказавшихся очень решительно в его пользу. Вопрос будет рассматриваться в законодат. порядке — и понятно, как встревожились судебные сферы. Если-бы присяжные руководились политикой минуты, то, конечно, они принесли-бы в жертву эту и без того разбитую женщину,— мнению толпы и высоко и низко поставленной. Но в этом приговоре, совершенно отрешенном от сторонних соображений, суд присяжных сказался во всем своем значении суда совести. И разумеется — толпа галдит,— а впереди всех представитель толпы газетной, экспансивный и симулирующий „искренность“ Суворин. Он предлагает учредить 12 постоянных присяжных, которые говорили-бы заранее: „Сударыня, разрешаем вам убить вашего любовника, если он на вас не женится“ и т. д.

Министр юстиции, с своей стороны, поспешил предписать прокурорскому надзору „в виду, обстоятельств, сопровождавших приговор“, — подать кассационный отзыв.

У нас в Нижнем гостил Семякин, нач. отделения в деп. полиции, кажется имевший в виду — составить то или другое заключение о необходимости введения в Нижнем постоянной усиленной охраны ввиду выставки. Говорят, Баранов не совсем доволен этим посещением, хотя — Семякин останавливался и жил у Баранова. Последний, не стесняясь даже присутствием посторонних, — спрашивал в телефон.

— Уехал - ли (или уезжает - ли) этот мерзавец ?!

Член Управы Килевейн уехал на (разрешенный) с'езд земцев в Твери по вопросам земского страхования. За ним уехал специальный шпион.

В Петербурге ходит острота: „Почему в России не нужна конституция?“¹

4 марта²

Характер студенческих беспорядков 8 февраля выяснился настолько, что кн. Мещерский считает возможным высказаться весьма снисходительно, находя естественным, что молодежь подгуляла в день своего праздника.

Он находит только дурным, когда молодежь „и именно студентов, в массах, ставят в соприкосновение с простолюдином

¹ Неприведенный в дневнике конец остроты гласил: „Потому что у нее и так монарх ограниченный“. На этом подневные записи в тетради заканчиваются; далее следует оглавление, написанное рукою автора, после которого на четырех листах дневника наклеено правит. сообщение о студенч. беспорядках в Петербурге. Оно озаглавлено В. Г. — „Приложение. Подробности о студ. беспорядках 8 февр. (из Прав. В.)“.

² Начиная датой 4 - го марта дневник 1895 - го года ведется в новой тетради, на переплете которой имеется надпись: „Год 1895. Март, Апрель, Май, Июнь, Вл. Короленко“. Описание ее см. в статье от Ред. Комиссии (3).

улицы¹. Студент теперь — учащийся юноша, а не заговорщик какой-нибудь и не нигилист; веселиться, — так веселиться — но не надо, чтобы масса буянов-студентов являлась там, где ее шалости для простонародия могут казаться выходками какой-то злоумышленной корпорации и вызывать в нем какие либо инстинктивные или стихийные проявления к ней антипатии". (Цит. из Смол. Вестн. № 25).

Кажется, в этом косвенное осуждение Валь², т. как распоряжениями полиции молодежь, стремившаяся покурить в ресторанах, — не была туда допущена и т. образом „стала в соприкосновение“ и т. д. — Приезжие из столицы рассказывают, что студенты производили на улицах самые непозволительные безобразия самого дурного тона. Говорят, еще, что, кроме студентов кутящих есть еще много, устраивающих в тех-же случаях „чаепития“. Это — вечеринки с чаем, порой с чтением и речами. Валь, будто бы, разрешая такие вечеринки, несколько раз предлагал студентам разрешить и буфеты, но студенты отказывались. Эта часть студенчества не принимала никакого участия в беспорядках и теперь, говорят, требует расследования, чтобы снять с университета общее обвинение и также выяснить роль в этом деле полиции.

Рассказывают еще очень характерный слух. Незадолго перед этим многие студенты получили листки, „от кассы взаимопомощи“ — с приглашением тогда-то явиться к Исакиевскому собору для демонстрации. Листки возбудили подозрение, обратились к правлению кассы взаимопомощи (студенческое учреждение в роде столь нетерпимых теперь землячеств) и получили в ответ, что никаких приглашений касса взаимопомощи на рассылала. Тогда студенты представили листки ректору с заявлением, что они подозревают провокаторство со стороны полиции.

¹ Курсив В. Г. Короленко.

² Валь — петерб. обер-полициймейстер.

С 5-го по 10-е — поездка в Москву, — вследствие тревожного состояния здоровья мамы¹.

10-го марта утром рухнула на месте выставки строящаяся там гостиница Смольницкого (на 1000 номеров). Говорят, Смольницкому назначена субсидия что-то около 125 тыс. рублей. Строителем был архитектор Н. П. Иванов, правая рука Баранова по этой части и взяточник самый бесшабашный. В 1892 году рухнуло на ярмарке здание Эден-театра, в котором бывало по 1000 чел. Упало оно после ярмарки и только случайно — без человечес. жертв. В этот день здание должна была осматривать комиссия из 8 человек. Крыша театра провалилась за 20 минут до того, как приехала комиссия. Иванова судили, но оправдали, т. как нельзя было доказать, что он был строителем здания. План, весьма рискованный, не был подписан архитектором. На вопрос сторон, — кто-же из техников подписал план, так как нельзя же предположить, чтобы театр на 1000 чел. мог быть построен без ответственного техника, — председательствовавший Филиппов, развернув план, засвидетельствовал, что:

— Подписи Н. П. Иванова нет.

— А кто-же подписал и разрешил постройку?

— Здесь одна только подпись: ген.-майор Н. М. Баранов.

Уже ранее у Иванова стены то и дело падали. После процесса опять рухнул потолок в гост. Омона и наконец

¹ Мать В. Г. Эвелина Осиповна Короленко жила в семье своей старшей дочери М. Г. Лошкаревой. Летом 1894 г. вся семья переехала из Н.-Новгорода на жительство в Москву.

теперь целый корпус гостиницы упал, как карточный домик. Большинство рабочих, бывших на крышах,— спустились вместе с ними благополучно на землю, но 6 чел. получили ушибы и отправлены в больницы.

В 4½ часа Иванов застрелился¹.

Дня за два перед тем скоропостижно умер бывший губ. предводитель Ип. С. Зыбин, в гостинице в Москве. Это — родственник Баранова, тоже чуть не попавший под суд по банковскому делу², избавление которого от суда стоило Баранову многих хлопот и усилий. О смерти его ходят разные слухи.

Оба они и Зыбин, и Иванов — были люди добродушные, но незаметно и глубоко развращенные, первый — „домашними“ порядками дворянского банка, второй — произволом и безнаказанностью барановского режима. Всякие „усиленные охраны“ и временные меры до такой степени устранили в Нижнем обычные законы,—что до поры до времени, всё сходит с рук безнаказанно и кажется, что всё так и должно быть. Зыбин закладывает ничего нестоющие бумаги за десятки тысяч, на ярмарке растут здания, построенные дешево (за взятку) и ответственность за которые не падает ни на кого. Но — приходит минута, трагедия внезапно раскрывается до конца, выступают на сцену яд, револьвер, тюрьма и смерть. И, разумеется, все это постигает не самых худших.

¹ В связи с этим событием В. Г. послал в „Русск. Ведом.“ „Телеграмму о Н. П. Иванове“ и „Корреспонденцию из Нижнего-Новгорода“ о том же. (Русск. Вед. №№ 70 и 84).

² По делу нижегород. Александр. банка, заправилами которого произведен был целый ряд злоупотреблений и растрат.

16 марта

12 - го [марта] Иванова похоронили очень торжественно. Баранов нес гроб и прислал венок „от друга Н. М. Б.“. Говорят, третьего дня, в заседании распорядит. комитета выставки Баранов говорил, что считает себя виновным в том, что случилось. К сожалению, мне не могли передать мотивировку этого, по существу совершенно справедливого покаяния. Баранов очень любит делать такие признания. Он говорил во время лукояновского инцидента¹:

— „Я считаю главным виновником себя,—так как я должен был сразу уволить этих господ“.

А в это время в Петербурге склонны были поставить ему в вину самую борьбу с этими господами. Несчастная Панютина², приезжавшая в день своей смерти утром умолять Баранова отпустить из тюрьмы мужа,—говорят, валялась у Баранова в ногах, чтобы он отменил свой отзыв (он сказал на запрос прокурора,—что нижегородская полиция не имеет средств для обеспечения домашнего ареста).

— Боюсь, что эта смерть у меня на совести,—говорил мне лично Баранов и подтвердил рассказ о том, как Панютина явилась к нему в дезабилье, покрытом только ротондой и валялась в ногах, умоляя заменить тюрьму домашним арестом. Баранов сухо отказал и на запрос

¹ Лукояновский инцидент имел место в голодный 1892 год и состоял в столкновении между ген. Барановым и ретроградными земскими начальниками Лукояновск. уезда, не желавшими признать наличности голода и эпидемий, отказывавшими крестьянам в выдаче полной ссуды и т. п. Столкновение это закончилось победой ген. Баранова, настоявшего на помощи голодающим,

² Жена Д. И. Панютина, директора Александровского банка, арестованного в связи с делом о растратах в банке; отравилась в связи с делом мужа.

прокурора дал отзыв, что полиция не имеет средств уследить за Панютиным. А в это время общее мнение склонно было обвинять его в том, что он некоторое время тормазил ход следствия и старался выгородить банковских дельцов, как выгородил заведомого вора Андреева. Прокурор Бэзе рассказывал у С. Д. Протопопова о том, как Баранов устраивал ему *tête à tête* с И. С. Зыбиным, который просил „прекратить это скандальное следствие“. Но затем, видя, что остановить событий уже нельзя, он резко, быстро, бездушно дал последний толчек трагедии и — „он боится, что именно он виновен в ее трагической развязке“. Лучше уж эта вина, чем противоположная.

Теперь он виновен в смерти Иванова. Почему? Потому-ли, что навязал бесхарактерному человеку постройку, за которую червонный валет Смельницкий, человек без кредита и денег, должен был получить сто тысяч субсидии? Или потому, что давно затянул на Иванове мертвую петлю рискованных показных предприятий и долгов (напр. постройки для речного училища, — за которые, по словам самого Иванова, Баранов обещал ему выплатить расходы около 20 тыс. и не уплатил ни гроша). Или потому, что 10 лет развращал его покровительством усиленной охраны и поощрял нарушение строительного устава. Наверное, нет. Боюсь, что и здесь вина его пр-ва в том, что он слишком строго отнесся к провинности архитектора, что он кричал на него при рабочих и у себя в кабинете, угрожая судом и Сибирью. Вероятнее всего, что вина его пр-ва в излишней строгости, в том, что он отнесся без послаблений к ошибке подчиненного, что он забыл свои симпатии из чувства долга и т. д., и т. д. Это именно та вина, — которую всего мне ставит в вину его пр-ву общее мнение...

Некоторые черты этой драмы — глубоко характерны и интересны. Иванов еще недавно женился на дочери миллионера Якова Ем. Башкирова, девушке лет 17—18, в прошлом году окончившей гимназию. Родители противились этому браку, но девушка настояла на своем. С ее стороны это была романическая любовь. С его — кто знает. Он был вдовец, десять лет прожигавший жизнь на ярмарках, истративший не мало сил в кутежах и разврате. Говорят, он надеялся уплатить долги, говорят, обманулся в этой надежде, — впрочем все это неизвестно. Бедная, юная вдова страшно убита. Говорят, на похоронах, — в ней проснулась вдруг внучка бабы - крестьянки и воспитанная в гимназии, хорошенькая, нарядная молодая вдова — вопила над гробом, причитая на голос словами, как любая деревенская баба...

Кажется, это было единственное простое, искреннее неиспорченное сердце, в котором несчастный мог бы найти спасение, если бы не прожег в себе способности оценить его по достоинству. Страшно за человека, если верить всему ужасу остальной обстановки последних дней его жизни. Говорят, и при том люди близкие к покойному, будто бы уже после выстрела, в последний час мучительной агонии, — тесть Яков Б-в, грубый человек со скуластым лицом потомка какого нибудь вывезенного из Уфы или Оренбурга „башкирского человека“ — стоял над его постелью и осыпал умирающего укорами:

— Подыхаешь собачьей смертью! Что ты — не мог попросить у меня, разве нельзя было замять историю. 50 тыщ, сто тыщ не пожалел бы... А теперь ты опозорил собачьей смертью мою фамилию... Ска-ти-на!..

Губернатор думает лишь о том, как выгородить себя из скверной истории, в которую сам втянул несчастного. Родня жены жалеет о ней, а тут газеты, суд, разбитая

карьера... Выстрел явился единственным средством для того, чтобы... чтобы из этого невыносимого положения перейти сразу в положение жертвы, чуть не героя честности... Это удобнее для всех: торжественные похороны, венки, сожаление, невольная симпатия и — для одних вина „излишней строгости“, за которую не судят, а на долю мертвого, не боящегося земного суда — вся та доля вины, которую ведал - бы этот суд...

Вчера по городу разнесся слух, поразивший всех необыкновенно: виц-губернатору Чайковскому предложено подать в отставку, вследствие политической неблагонадежности. Ген. Баранов не отказал себе в удовольствии пригласить его к себе и сообщить ему лично о полученном из министерства предписании, в котором Чайковскому предлагается на выбор: отставка или причисление к министерству. Чайковский в тот-же день поехал в Петербург об'ясняться.

Говорят, это связано опять с лекциями Милюкова, на которых Чайковский присутствовал и, по общим отзывам, выказывал к ним симпатию. Едва-ли однако одно это. Нужно заметить, что Чайковский — консерватор, приверженец самодержавия гораздо более искренний, чем напр. ген. Баранов. „Либеральные“ знакомые Чайковского — никогда не слыхали от него ни одного из пикантных анекдотов, которые так мастерски направляет нередко ген. Баранов на самые вершины нашего режима. Но Чайковский считает зато, что с самодержавием не в антагонизме ни законность, ни просвещение, ни гласность. Он полагает, что самодержавию не вредит лекция об его столетнем прошлом, что оно не падет, если земский начальник, воруемый или нарушающий все царские законы, попадет

под суд, что пресса возможна не только в республике, но и в самодержавной России. Ген. Баранов давно уже ненавидит его за постоянную „легальную точку зрения“, на которой он,— бывший 8 лет прокурором, остается всегда в местных делах.

— У вас я не спрашиваю,— говорит всегда Баранов, с некоторым пренебрежением, когда в губ. присутствии большинство уже холопски присоединилось к мнению подготовленному губернатором.— Вы наверное находите, что это противоречит закону.

— Совершенно верно,— отвечал обыкновенно вице-губернатор.— Основываясь на том-то и на том-то, я полагал-бы то-то.

Хотя это „мнение“ так и оставалось мнением, но Баранова раздражало уже самое присутствие и пассивное противодействие законника и,— главное,— честного человека. Он не шел против, но не был и за, стоя на своей теоретически-консервативной и легальной точке зрения, идеализируя самодержавие и позволяя себе изредка побывать на лекции... И вот теперь ген. Баранов доказал ему, что он, со своими пикантными анекдотами, лучше понимает сущность действующего режима.

Совершенно понятно, какой панический ужас должна навести эта отставка „законника“ на остальных представителей служебных сфер. Теперь, разумеется, никто и не пикнет о законе в тех случаях, когда против этого закона дремлющего на полках выступит живой генерал Баранов, так отлично владеющий доносом о неблагонадежности. Посмотрим, куда это все приведет самого генерала Баранова и сколько еще Ивановых погибнет на его пути — к министерскому портфелю или — к тюрьме.

Все это становится для меня, как для наблюдателя глубоко - интересным, хотя и трудно удержаться, в роли наблюдателя¹.

Адрес Черниговского земства, составленный уже после „знаменательных слов“, кажется 20 января н/г. :

„Ваше Императорское Величество. Черниговское губ. земское собрание, созванное в первый раз в Ваше царствование, вознеся молитвы об упокоении души безвременно покинувшего русский престол блаженной памяти Родителя Вашего и о здравии и долголетьи Вашем, Государь, имеет счастье приветствовать воцарение и бракосочетание Ваше и выразить Вам и Государыне Императрице самые искренние пожелания долгого и благополучного царствования.

„В начале каждого нового царствования, в силу непреложного закона исторического прогресса, страна надеется на новые милости от воцарившегося Монарха и на улучшения в разных областях государственной и общественной жизни. Такие надежды едва - ли когда нибудь так радостно волновали русское общество, как теперь в начале царствования Вашего Величества. Милостивое обращение Ваше к общественным учреждениям и знаменательные слова Манифестов Ваших, что главной заботой царствования Вашего будет забота о счастье Ваших верноподданных и что Вы поставяете правосудие основой народного благоденствия — слова эти всеми нами встречены были с благоговейною признательностью. Мы твердо уповаем, что среди тяжких забот об общих государственных потребностях обширной Империи В. В - ва, — Вы осчастливите нас милостивым вниманием к нашей скромной местной деятельности. Мы берем на себя смелость повергнуть к престолу Вашему, Государь Самодержец, те пожелания и нужды, удовлетворение которых, по нашему разумению, даст этой деятельности новую силу и возможность достигать тех целей, забота о которых возлагается державною волею на земство.

¹ Эта запись об инциденте с вице-губ. Чайковским и другая о том же (см. ниже стр. 138) в позднейшие годы были использованы Вл. Г-чем в газетной статье „О черных кабинетах и перлюстрациях“ (1913 г., „Русск. Вед.“, № 174). См. т. XXXI наст. изд.

„Мы, представители местных нужд нашего населения, никогда не преступавшие в своей деятельности Высочайше дарованных нам полномочий, умоляем В. И. В. осчастливить земские учреждения Вашим монаршим доверием. Потребности местной жизни в последнее время чрезвычайно усложнились; вместе с этим усложнилась и наша деятельность. Для ее успеха для создания таких для нее условий, при которых она, возможно менее стесняемая в своем проявлении, могла бы направляться производительно для блага населения, — доверие В. В. нам также необходимо и драгоценно, как свет и воздух для развития всего живого.

„Под сенью этого доверия мы будем жить радостной надеждой, что, получив возможность в кругу нашего ведения самостоятельно оценивать наши местные пользы и нужды, что нам даровано будет право беспрепятственно возлагать исполнение земских обязанностей на лиц, которых мы считаем наиболее достойными, что деятельность наша в пределах Высочайше даруемых нам прав, будет протекать под строгой охраной закона; что в самой важной области нашей деятельности — в деле народного образования, мы будем освобождены от целого ряда неблагоприятных условий, стесняющих эту деятельность и что при большем развитии гласности ярче выяснятся нужды и все стороны нашей местной жизни, заботы о которых предоставляются земству.

„Мы осмеливаемся ходатайствовать и о том, чтобы по важнейшим нуждам нашего земского ведения нам даровано было драгоценное право, предоставленное дворянству статьею 135 т. IX Св. Законов — непосредственного обращения к В. В - ву.

„Мы считаем своим долгом выразить Вам, Государь, наше уверение, что мы оправдаем оказанное нам доверие и направим все силы на служение вверенному нам делу, в пределах верноподданнического долга и закона.

„Дай Бог, чтобы Ваш царственный путь, в течение многих лет сопровождался Божиим покровительством и сердечными благословениями осчастливленного Вами народа“.

№3. Интересна, после „знаменательных слов“ 14 января, ссылка на „знаменательные слова первоначальных манифестов“ того времени, когда царь еще обращался „к обществ. учреждениям“, к „единению с народом“, когда он устранил войска и охрану. Мимолетное воспоминание

о короткой весне всероссийских иллюзий, давно побитых морозом, апелляция к идеальному фантому благотельного и свободного самодержца — на самодержца, плененного бюрократической олигархией...

А вот и еще петиция литераторов, которую мне на днях прислали из Москвы.

„В. И. В. Всемиловейший Государь! На всеподданнейшем докладе мин. юстиции о пересмотре Суд. Уставов Августейшему Родителю Вашему незадолго до его кончины угодно было в собственноручной надписи выразить желание, чтобы наконец действительное правосудие царило в России. В Милостивом Манифесте от 14 ноября все подданные Ваши с упованием усмотрели, что В. И. В. поставяете правосудие основой народного благоденствия. В словах этих почерпаем мы смелость утруждать внимание В. И. В. своею всеподданнейшею просьбою. Государь! В составе Ваших подданных есть целая профессия, стоящая вне правосудия. Это — профессия литературная. Мы, писатели, или совсем лишены возможности путем печати служить отечеству, как нам велит совесть и долг, или же вне законного следствия и законной защиты, без следствия и суда претерпеваем кары, доходящие даже до прекращения целых изданий. Простыми распоряжениями администрации изъемятся из круга печатного обсуждения вопросы нашей общественной жизни, наиболее нуждающейся в правильном и всестороннем освещении. Простыми распоряжениями администрации изъемятся из публичных библиотек и кабинетов для чтения книги, вообще цензурою незапрещенные и находящиеся в продаже.

„Весь образованный мир уже признает великое значение русской литературы. Благоволите-же, Государь, принять ее под сень закона, дабы ему лишь подчиненное и от непосредственного воздействия цензуры светской и духовной им-же огражденное, — русское печатное слово могло, в меру своих сил, послужить славе, величю и благоденствию России“¹.

¹ В этом месте дневника вложена позднейшая вырезка из газеты „Киевская Мысль“, 1913 г. № 104. Она заключает выдержку из текста вышеприведенной петиции литераторов, опубликованного Л. Ф. Пантелеевым в апрельском № „Современника“ за 1913 г. Здесь-же сообщается и о судьбе этой петиции: по высоч. повелению она была передана на рассмотрение Дурново, Деянова и Победоносцева, которые и постановили: „Оставить без последствий“.

17 марта 95

Сегодня в газетах напечатано известие о новой репрессии по отношению к газете:

„Саратовский дневник“ приостановлен на 4 месяца“.

„Саратовский Дневник“ это та самая газета, в которой были напечатаны корреспонденции о нижегор. охране (в №№ 16, 33 и...¹). Уже ранее передавали, что Евецкий говорил: „Мы уже написали об этой газете“. Теперь — доказательство могущества охраны даже над участию газет.

В сегодняшнем - же „Листке“ (№ 74) есть речь Баранова по поводу смерти Н. П. Иванова. Я очень мало ошибся, заранее угадывая содержание этой речи. Его пр-во признает себя виновным в падении гостиницы. Принимать на себя вину — любимый ораторский прием губернатора, но и на сей раз конечно эта вина — очень странная и очень далекая от тех вин, какие склонно приписывать ему общество: „Что касается падения одного из недостроенных бараков, то в этом более всего виноват я. Лишенный возможности по болезни долго выезжать, я не мог видеть то, что там происходило и хотя я не техник, но во всяком случае мог бы усмотреть опасность, хотя и временно существовавшему остову здания без соответствующих скреп, а не обладая мягким характером покойного, тогда же приказал - бы ему за счет предпринимателей сделать все, что следует, дабы начатое здание и во время стройки стояло прочно. Иванов же

¹ Дальнейшие №№ не указаны.

при необычайной мягкости его души и доверчивости, верил тому, что ему говорили строители, т. е. что все необходимое не нынче - завтра будет привезено". — Итак, вина ген. Баранова состоит в том, что он будучи болен и не будучи техником не предусмотрел и не предупредил того, что обязан был предупредить техник Иванов — совершенно здоровый. Вина — более чем проблематическая. Гораздо интереснее как то мало мотивированное в газетном отчете заявление той же речи, что постройку окружного суда Иванов принял по просьбе Баранова. Об этом здании ходят уже очень тревожные слухи, — и ген. Баранов идет им навстречу. Между прочим, — здание, прежде чем обратиться в суд, — должно „быть приспособлено под помещение почетных посетителей выставки". — Генерал Баранов заявляет во 1 - х вскольз, что он „ходатайствовал, чтобы к 96 году в здании был открыт окр. суд" (т. е. чтобы почетные посетители в нем не помещались) и во 2-х, что спутанности дел в постройке окр. суда нет, а произведенные работы „стоят более, чем Ивановым получено за них".

19 марта

Еще эпизод с охраной. Дней около 10 - ти назад одного из учителей гимназии вызвали к Евецкому. Вызов имел место при самых нелепых условиях: прислали полицейского в гимназию, во время уроков и потребовали немедленной явки, без объяснения причин вызова, как это требует закон. Возмущенный этим учитель, ответил, что он не пойдет. Полицейский попросил письменного ответа, и Берсенев ответил, что такое учреждение, как охрана, в числе учреждений, имеющих право призывать к себе обывателей, ему неизвестно. „Если - же, — прибавил он, — это какое нибудь тайное общество, — то с тайными обще-

ствами он Б-в никакого дела иметь не желает“. Евецкий вскипел и прислал в гимназию на имя директора официальную бумагу, в которой значится, что учитель Берсенеv, будучи вызван по политическому делу (!) отказывается явиться, и он нач. охранного отд. требует явки его официально. После этого учитель пошел.

Оказалось, что это громкое политическое дело состоит в следующем: в Нижнем есть некто, кажется, Макаров (или Марков), бывший гимназист нижегор. гимназии, спившийся с кругу и ведущий существование золоторотца. Помнится, он приходил раз и ко мне, в качестве „бывшего студента“¹, высланного административно. При этом он называл меня, „г. доктор“, — и подал слезницу, в которой говорилось о моем „всем известном великодушии“, но верхушка листка была оторвана. Очевидно, слезница уже была в обращении и всем известное великодушие приписывалось уже какому-то другому имя реку. Я ограничил свое великодушие одним гривеником. Этот-то Макаров, напившись, — может быть при моем участии, — произвел где-то дебош. Когда же его пожелали арестовать, то он крикнул что-то в роде того, — что дескать и нового царя убьют, как Александра II. Для нашей охраны, изголодавшейся при полном отсутствии каких-бы то ни было признаков крамолы, — это уже целое политическое дело. А так как при сем оказалось, что Макарову порой из сожаления давали двугривенные его бывшие учителя, — то таким образом и учителя гимназии оказались причастны к „политическому делу“.

¹ Ошибка. Макаров (а не Марков) приходил ко мне уже несколько дней позже, просил „работы“. Я ответил, что его не знаю, у меня работы нет, а рекомендовать не могу, зная об нем только то, что он в пьяном виде произнес какие-то слова, из за которых возникло дело. (*Позднейшая приписка В. Г.*).

Евецкий расспросил об этом, спросил, „из каких побуждений“ Берсенева давал деньги Макарову, получил соответствующие раз'яснения — и „политическое дело“, по которому учителя оторвали от уроков, оказалось конченным.

— И только? — удивился учитель.

Тогда Евецкий внезапно вспыхнул, поднял голос и стал кричать, что учителю не следует иронизировать, что его письмо дерзко что „я вас в 24 часа ушлю в Сибирь“ и т. д. Учитель в свою очередь ответил, что он г. Евецкому не мальчик и его угроз не боится.

По поводу этой дикой сцены и по заявлению учителей даже директор гимназии Самойлович, ярый приверженец „Моск. Вед.“ и гонитель всякого либерализма, — поехал с жалобой к Баранову, который пригласил учителей к себе, угощал их завтраком, рассыпаясь в любезностях, и просил Берсенева придти к нему одновременно с Евецким „для примирения“. Состоялось - ли примирение — не знаю. Говорят в городе очень серьезно, что Евецкий — совершенный маниак преследования крамолы, человек не совсем нормальный, утративший способность смотреть прямо на самые простые вещи и считающий себя гением сыска. Это получает подтверждение в небольшом эпизоде того-же столкновения.

— Знаете - ли, — какое это тайное общество? — кричал он Берсенева. — Это, милостивый государь, тайное общество, в котором участвует он — (жест в сторону царского портрета) — и я - с (жест себе пальцем в грудь)...

На - днях некто Романов ходил к нему просить свидания с товарищем Лебедевым, „отсиживающим“ срок, по административному приговору в местном замке. Некоторое время все „политические заключенные“ находились в ведении того - же Евецкого (теперь — перешли к прокурору). Дав соответствующие раз'яснения Романову, — в том

числе, какой опасности он подвергает себя этой просьбой,— Евецкий вдруг устремил на него „проницательный взгляд“ и сказал:

— Вы пришли сюда, чтобы познакомиться с деятельностью нового учреждения?

— Я вам сказал уже, зачем я пришел.

— Я не даром столько-то лет ношу этот мундир (трясет себя за рукав). Меня не проведете... Не проведете-с...

И по тону, по глазам бедного маниака видно было, что за этим приходом скромного юноши,— ему уже чудится целый политический план нижегородской крамолы...

И целый город живет вот уже сколько времени под каким-то кошмаром сумасшествия. Горделивый маниак вмешивается в деятельность всех учреждений, высказывает свои взгляды на приемы лечения душевно-больных, отрывает из за своих фантазий учителей от уроков и пишет аттестации, на основании которых в неблагонадежные попадает даже виц-губернатор! А руку маниака направляет по своему, тоже совершенно повидимому обезумевший, Баранов.

25 марта

Разнесся слух о том, что, будто-бы С. С. Баршев, председатель О-ва взаимопомощи учителям и учительницам,— в Москве, куда он поехал по делу, как адвокат,— обязан подпиской о невыезде, впредь до окончания дела о наших нижегородских лекциях. Мало вероятно, но возможно,— что Баранову удалось раздуть эту историю до размеров политического дела, за неимением других. А так как в Москве тоже „охрана“,—то можно думать, что эта нелепая „подписка о невыезде“ есть результат симпатии охраны московской к охране нижегородской,

находящейся в понятном затруднении от полного отсутствия чего либо, подлежащего „охранению“.

27 марта

Приезжала А. А. Штевен¹. На ее школы грамоты поднято гонение и уже две без всякой причины закрыты. Кажется вчера, 27-го, она была у Баранова, чтобы потолковать о гонениях, поднятых против ее дела земским нач. Хотяинцевым, который в заседании церковно - приходского училищного совета просил занести в протокол его мнение, что школы Штевен вредны и что их все следует закрыть. Мотивов никаких, если не считать учителя Мазинга, против которого очень ратовал Хотяинцев, но который тем не менее оказался вполне благонадежен. Теперь одно ведомство признало возможным дать Мазингу место учителя в Костянке, а в другом ведомстве даже прошедшее участие его в школах ставится ему в вину — впрочем пока только доносителем из земских начальников. Затем тот-же Хотяинцев уличил Штевен в том, что в одной из школ дети читали по книге Баранова². Книга Баранова не только одобрена, но и рекомендована для школ министерства нар. просвещения, но в церк. - приходской школе — она опять преступление. Наконец, какая-то учительница купила где-то для собственного употребления биографию Ренана, кажется Чуйко, издание пропущенное цензурой. Те-же доносчики распускают по этому случаю слух, что учителя г-жи Штевен „читают Ренана“. И т. д.,

¹ А. А. Штевен (впоследствии Ершова) деятельница по народному образованию, организовавшая в Нижегород. губ. на собственные средства целую сеть школ грамотности.

² А. Г. Баранов, педагог и писатель по педагогич. вопросам, автор „Книги для чтения“, „Хрестоматии для нач. училищ“ и проч. Учебные книги Баранова расходились в сотнях тысяч экземпляров.

и т. д. Все это еще недавно отскакивало от Штевен, как горох от стены, потому что было известно, что школами заинтересован Победоносцев, который хвастался ими во всеподданнейшем докладе, лично принимал Штевен и т. д. Однако, г-жа Штевен вскоре убедилась, что под крылом церк. - прих. ведомства дело идти успешно не может, и как человек преданный делу — все порывается расширить его, а как человек искренний не скрывает своих взглядов на школы земские и церковно - приходские от самого Победоносцева. Начался разлад и, как только слухи об этом дошли сюда, — вся свора доносчиков кинулась на скромное дело грамоты в арзамасском, лукояновском и княгининском уездах с удвоенным рвением. Начинается какая - то бессмысленная и безобразная травля. Естественные защитники школ трусят и отступаются. Одна из учительниц пожелала напр. построить на свой счет земскую школу. Сначала ее ободряли в этом, но теперь инспектор училищ И. В. Смоленский в ужасе замахал только руками, — когда Штевен явилась к нему по этому делу.

— Нет, нет, ради бога не надо. Какие там еще новые школы. Теперь неизвестно, что еще с вами самими будет...

Я знаю этого господина: это человек не злой, даже добрый, благожелательный, любит свое дело, но страшный трус, как и огромное большинство теперешних чиновников министерства нар. просвещения, этого стада без пастыря. Министр нар. просвещения — впавший в детство Деянов, не умеет и не хочет заступиться за свое ведомство. От этого происходит то, что всюду, где происходит нападение на учителя, инспектора, школу, — всюду дело считается заранее проигранным и теперь инспектор училищ не смеет ни отказать в открытии школы (на каком - же основании, да и стыдно), — ни постоять за это дело (опасно, начнутся,

пожалуй, доносы и на него). И вот, бедняга, упрашивает — погодить, не открывать, не ставить его под гнев церковно-приходских доносчиков.

Баранов еще недавно принимал г-жу Штевен очень любезно, смеялся над доносами и обещал содействие. Вчера бедная девушка, провинившаяся энергией в деле элементарного образования — расплакалась у него, от грубого и резкого приема. На героя „Весты“¹ оказало также свое действие веяние победоносцевской неблаго-склонности. Он сослался на те-же доносы, сказал, что ему лично предоставлено право закрыть все штевенские школы, что он еще посмотрит и что „я вас, сударыня, попрошу, по возвращении из Москвы, написать мне подробные ответы на вопросы относительно вашей личности и деятельности“.

— Вы шесть лет назад прогнали из школы священника.

Штевен вспоминает, что действительно, лет 6 назад во время урока явился в школу пьяный священник и вел себя так назойливо и неприлично, что ей пришлось сказать:

— Батюшка, прошу вас оставить школу.

Шесть лет этот случай оставался без последствий, а теперь выплыл наружу. Но еще два года назад в 1892 г., когда у Баранова выходили такие-то столкновения с архиереем (отразившиеся в его довольно резких об'яснениях с Колоколовым, секретарем консистории в благотворит.

¹ „Вестой“ назывался небольшой военный пароход, которым ген. Баранов, ранее служивший во флоте, командовал во время русско-турецкой войны 1877 — 78 г. В результате донесения Баранова о блестящей победе, одержанной „Вестой“ над турецким броненосцем, Б. получил целый ряд наград. Впоследствии однако выяснилось, что реляция Б. не соответствовала действительности и в 1879 г. он вынужден был по постановлению военно-морского суда, оставить морскую службу.

и продовольственном комитете — и даже в местной подцензурной печати) — тот же Баранов говорил мне:

— Эти попы самый вредный народ. Их не следовало-бы пускать никуда...

Невольно вспоминается теперь еще один разговор совершенно другого рода. Это было почти в то-же время. Я ехал по Волге и на том-же пароходе ехала А. А. Штевен. Она вся была проникнута наивной радостью от своего дела, от первых его успехов, от того, что ее жизнь получила в нем смысл и значение. И она с какой-то детски-наивной назойливостью все приставала ко мне с вопросом, почему вся русская интеллигенция не отдается такой элементарно-полезной, бесспорной деятельности, зачем люди известного поколения тратили силы на борьбу с существующим строем... Она доказывала, что всюду, начиная от низших и до высших людей — все проникнуто желанием блага народу, все стремятся поддержать добрые начинания. Она говорила, что собирается побывать у Победоносцева, что считает его искренним и честным человеком и ждет от него поддержки. Я отвечал нехотя и уклончиво. Мне уже надоели давно эти разговоры, в которых приходится и слушать и отвечать банальностями. Когда-же она стала приставать очень настойчиво, требуя ответа, я сказал, что предпочитаю поговорить с нею обо всем этом через несколько лет. Прошло года три — и бедная девушка вынесла на себе весь этот печальный, избитый силлогизм русской жизни, показывающий с такою осязательностью, почему у нас невозможна широкая, полная, увлекательная деятельность на поприще элементарных и бесспорно полезных вопросов, почему так много наших увлечений невольным и роковым образом сбивается в другую сторону.

Общее мнение о поводах отставки Чайковского останавливается все определеннее на нескольких пунктах. Во 1-х в гостиной у Чайковского кто-то высказывался неодобрительно о словах по поводу „бессмысленных мечтаний“. Генерал Лярский вынес это в публику. Говорят, будто сам Лярский донес в охрану, но это едва ли верно. Теперь достаточно повторить что нибудь в двух-трех местах, чтобы это попало в ухо шпиона. Итак, первая причина — частный разговор в гостиной. Вторая гораздо существеннее: Чайковский, будучи в Петербурге, писал жене о слухах относительно отставки министра вн. дел Дурново — и при этом не воздержался от некоторого сочувствия к этим слухам. Нижегородская „охрана“ перлюстрировала письмо и ген. Баранов услужливо препроводил копию этого документа, столь явно антигосударственного — самому министру. Третье — Чайковский, будучи в Петербурге, — только записался в книге у Дурново, а не явился лично. Все сие способствовало тому, что присутствие Чайковского на лекциях Иванова и Милюкова было истолковано в смысле „неблагонадежности“ и виц-губернатор слетел с места. Зато в газетах появился слух о том, что

„бывший орловский губернатор П. В. Неклюдов, назначается губернатором в Ригу“. (Ниж. Лист., 27/III — 95 г. № 83).

Неклюдов, бывший нижегородский виц-губернатор, перейдя в Орел, произвел там возмутительную экзекуцию над крестьянами по делу, в котором они, по существу, были признаны правыми (судом). Л. Н. Толстой очень ярко изобразил эту экзекуцию в статье „Следуйте тому, что внутри вас“, и в конце прошлого царствования Неклюдов слетел по личному приказу царя, после доклада

мин. юстиции о деле рассматривавшемся в сенате. Дурново лично привез это известие в Орел, Неклюдову, проездом через этот город. Теперь Неклюдов, „по слухам“, получает назначение в Ригу. Очевидно порка крестьян начинает служить ныне уже чем-то в роде рекомендации, так как Рига после Орла — очевидное повышение¹.

Жизнь нашего поколения проходит очень странно. Мы то и дело говорим себе, что хуже уже быть не может и вскоре же действительность убеждает нас, что может быть и еще, и еще хуже...

На - днях еще одно „политическое дело“. Есть в Нижнем некто Сахаров, человек семейный, живущий случайными заработками, в том числе уроками. Не так давно „на урок“ является околodочный, берет Сахарова и затем Сахаров исчезает. Жена ждет, мужа нет. А так как он подвержен внезапным обморокам, то беспокойство ее еще сильнее. Она отправляется в полицию спросить, не подбирали-ли ее мужа где нибудь в обморочном состоянии. Оказывается „подобрали“, хотя и не в обморочном состоянии, — и он сидит в тюрьме. Сидит неделю, жена носит ежедневно обед, — а за что сидит, неизвестно. Наконец, производят обыск, ничего не находят предосудительного, но зато находят много бумаг. Надо их разобрать, а на это нужно время, и это время Сахаров сидит опять. Потом ему пред'являют обвинение: он сидел на лавочке с соседним деньщиком, а затем деньщик донес, что он нехорошо говорил про царя. Очная ставка. Деньщик не

¹ Против этого места, на полях, позднейшая приписка карандашем: „Слух оказался неверен“.

может привести ничего определенного. Говорил нехорошо, а что именно, неизвестно. Между тем донос написан грамотно и видимо кем-то посторонним, а не самим деньщиком. Сахарова выпустили. Дело, вероятно, кончится ничем, но с этих пор одним „неблагоденственным“ стало больше. Куда-бы теперь ни сунулся Сахаров,— всюду за ним по пятам пойдет роковая справка: привлекался по „политическому делу“,— по донесению деньщика неизвестно о чем, обвинялся в произнесении слов неизвестно каких. Пожалуй, теперь и уроки, которыми бедняга кормил семью,— прекратятся. Если не запретит начальство, то испугается обыватель столь опасного человека!

В настоящее время в тюремном земке сидят еще: Лебедев, Кулябко и Петр Петрович Румянцев. Все по административному приговору, без суда. П. П. Румянцев на срок — 6 месяцев.

29 марта

Вчера Баршев вернулся. Слухи оказались совершенно неосновательными и указывают только настроение в нашем обществе.

В губернии ведется разом несколько расследований, направленных против школ и учителей. Во 1-х против Григорьевской школы. Там есть учитель Великанов, с которым я познакомился в „голодный год“. Его считают „толстовцем“, т. е. он держится учения о непротравлении зла насильем, может быть еще вегетарианства (хотя я и не знаю точно,— может быть он ничего этого и не держится). Учитель прекрасный; пользующийся любовью и оказывающий самое обаятельное влияние на учеников. Человек с чистыми, немного наивными глазами мечтателя именно

в пассивном толстовском роде,—но очень работающий и дельный в черной педагогической работе, которая для него скрашивается именно этими мечтаниями. Учителем давно.

В Григорьевской земледельческой школе преподает закон божий священник из Шутилова, человек смиренный и порядочный. Но священник села Обуховки давно желает приобщить к своим скромным доходам еще земское жалование за преподавание. И потому давно покушался доносить, а ныне осуществил это намерение: на Григорьевскую школу поступил донос, что там „преподается хула на Бога“. Откуда сие? Великанов — толстовец, и часть учеников отказалась от убоины, а отказаться от убоины,—значит покушаться на церковь и подрывать основы¹. В сущности же весь вопрос сводится к тому, что ученики о чем то думают, чем-то увлекаются, хотя бы даже и непротиплением. А этого современная педагогика допустить не может.

Другое расследование — о Ермолаеве, учителе из мордвы. Это опять человек не заурядный и потому легко привлекающий внимание и подозрение. Свою роль „учителя“ он понимает очень широко и серьезно и, не ограничиваясь преподаванием букваря в школе, стремится воздействовать на среду. Между прочим, его стараниями закрыт кабак в селе. А закрытие кабака еще хуже, чем неядение убоины. Оно показывает, что учитель „имеет влияние“, а затем стоит нацарапать донос тому же

¹ По этому поводу вспоминается невольню небольшой эпизод. Несколько лет назад в Нижнем судили скопцов. Экспертом был вызван свящ. Кармазинский, смотревший только в глаза прокурору и старавшийся угадать, что ему надо. Между прочим он говорил: кто не ест мяса, „гнушаясь яко нечистым“ — анафема — проклят... Потому что церковь не велит осуждать. (Примеч. автора).

кабатчику и уже это влияние окрашивается „политической окраской“. На сей раз выступили кабатчик и поп, бывший завсегдатай закрытого „трактира“. Кабатчик взял на себя часть „государственную“, священник защищает религию. Оказывается, что учитель Ермолаев ходил одно время в лаптях, „хотя имеет достаточные средства на покупку сапог“. Это во 1-х. А во 2-х, один молодой мордвин как-то не перекрестился, садясь за стол, и по донесению священника утверждал, что иконы — доски и что молиться на них не следует. А сей мордвин два года назад учился у Ермолаева, из чего ясно, что свои „идеи“ почерпнул именно у него. Теперь разом расследуют: о богохульстве мордвина и о вредном влиянии учителя. Бессмысленность и лживость доносов очень может быть и обнаружиться, но учителям все таки не сдобровать. Дело не в том, ложен или справедлив донос, а в том, что донос есть. А между тем и без того уже директор нар. училищ Глазов обвиняется в бездействии. И бездействие это выражается вовсе не в том, что училищ у него прибавляется мало и образование развивается тихо, а в том, что кое-где на учителей доносят, а он не принял заранее мер к сокращению зла, т. е. не достаточно ревностно исполняет роль жандарма по отношению к учителям и школам. Еще не так давно, лет 10—15 чиновники министерства нар. просвещения отвечали в таких случаях:

— Он учитель хороший, а если за ним окажутся политич. преступления,—уличить и доказать их ваше дело, а не наше.

Теперь это была-бы неслыханная смелость. Теперь дело дошло уже до того, что несколько недель назад Глазову Евецкий сделал прямое предложение — организовать шпионство среди учителей. Глазов, очень, даже

слишком пожалуй, много уступавший — тут возмутился и свое возмущение скромно выразил замечанием, что это — не „в нравах нашего ведомства“. И вот теперь идет уже переписка „о бездеятельности директора училищ Глазова“, в которой осуществляются угрозы Баранова!.. Что при таких условиях может сделать директор для защиты учителя, на которого любой кулак или пьяный поп нацарапают подлый донос.

Да, административный произвол обращается в какую-то стихию. Стоит первому подлецу царапнуть первую подлую бумажонку — и пошло! „Я знаю, что это чепуха, — говорит один, — но, что я могу поделать“. Он боится обвинения в укрывательстве и дает ход. „Я знаю, что это чепуха, — говорит другой, — но мне прислал такой-то. Что делать? И притом... а зачем вы ходили в лаптях“... — Сапоги отдал в починку... — „В починку, в починку... Ну там какнибудь-бы“. Но кроме всего прочего в душе у „начальника“ живет подозрение, что обвиняемый ходил в лаптях вовсе не потому, что отдал сапоги в починку, а из какой-то идеи. Он и не задается вопросом, что вредного в этой идее и в самом факте, а просто передает дальше и пожалуй прибавит, что по его мнению (и я в этом искренно убежден, — оправдывает он себя) — представляемое учителем оправдание о починке сапог не заслуживает вероятия. И пошло и пошло, — целый вихрь бессмысленных расследований и каждая инстанция считает, что это чепуха, — но что же делать.

— Вы думаете, — от меня зависит не дать хода самому бессмысленному доносу? Нет-с. „Мой солдат“ имеет право послать его и помимо меня, если я не сообщу куда следует. Или затем — случись чтонибудь... Он и скажет: я докладывал окружному начальнику, а они оставили без последствий...

Настоящая стихийная сила, превращающая всякое легкое доносительное движение в ураган, останавливающая всякие элементарные процессы общественной жизни, лишаящая их всякой живости, всякого увлечения, всякого индивидуального почина, всех оттенков, которые только известный личный простор вносит всюду... Это — истинная *main morte*¹, сжимающая в тисках русское общество, приводящая все к одному скучному, путанному, чисто чиновническому и казарменному „отправлению возложенных обязанностей“. Реакция не останавливается ни перед чем, посягает на самые мирные и безобидные проявления гражданского чувства, которое все таки пробивается в последнее время. И конечно, — тут именно ее гибель, — неизвестно только скоро-ли, или еще поколение сойдет в могилу под это гикание и травлю... Теперь неудобства произвола начинает уже чувствовать на себе обыватель и „чернядь“. В Москве полиция с января начала делать весну так усердно, что улицы превратились в совершенно непроезжие. Дума протестует и привлекает обывателей за нарушения ее постановлений „несвоевременной сколкой льда“, что затрудняет движение и портит мостовые. Обыватель указывает на „понуждение полиции“ и мировые судьи оправдывают обывателя. Полиция смеется над думой. Но вот движение действительно останавливается, начинается „протест“ стихийный, но зато уже наиболее действительный. Даже бочки с предметами, вывоз коих в дневное время воспрещается — присоединяются к протесту. Они останавливаются на улицах, наполняют их зловонием, — решительно не слушаются понуканий полиции и не двигаются по улицам, по которым „ни на санях, ни на колесах“. На вокзалах останавливаются грузы, не

¹ Мертвая рука.

выполняются подряды — и наконец дума вопит в один голос.

— Ну, дума хватилась за ум,— говорят извозчики, быть может впервые еще ясно представляющие себе, что дума и градоначальник, не одно учреждение...

Эта полицейская весна — истинный символ нашей русской жизни. Произвол и реакция всюду доходят до естественного предела,—покушаясь роковым образом остановить даже простейшие движения общественных отправлений „большинства обывателей“, как было сказано в корреспонденции о перлюстрации писем в Нижнем.

Вчера встретил Баранова. Стар, мрачен, болезнен.

— Почему вы меня забыли? Почему не приходите ко мне?

Вопрос, поставленный в упор, меня удивляет и застает немного врасплох.

Я с удивлением взглядываю на него и отвечаю:

— Не знаю, что вам сказать, Н. М. Просто... не приходило в голову.

Он пожимает мне руку и говорит, смеясь:

— Ну, так пусть придет...

Накануне появилась моя корреспонденция в „Русск. Вед.“ по поводу Ивановского дела,—первая с определенным указанием на нравственную ответственность в катастрофе „местного выставочного комитета“, т. е. Баранова. Он, конечно, знает, кто ее писал, а я знаю хорошо, что он писал обо мне в своих „секретных“ донесениях. И у меня просто не хватило духу на условно-любезный, лицемерный ответ...

Тем не менее, расставшись, я уношу в памяти его болезненное лицо, усталый взгляд впалых глаз — и мне

становится как-то жалко этого, в сущности, тоже несчастного, хотя и очень дурного человека. Конечно, он главный виновник многих нижегородских трагедий и гнусностей, он нагромоздил и над головой Иванова задавившую его катастрофу. Но и над ним, кажется, уже висит что-то роковое, кругом него начинает валиться и падать создание его собственных рук.

29 марта

Сегодня в „Волгаре“ (№ 86) напечатано об отставке Чайковского :

„Мы слышали, что нижегородский вице-губернатор А. И. Чайковский, выехавший несколько дней тому назад в Петербург, оставляет службу и более не вернется к своему посту“.

31 марта

Вчера проводили из Нижнего А. Н. Анненскую, и Т. А. Криль¹. Наш кружок в Нижнем уменьшился и потерял очень много с отъездом семьи Анненских.

Странные явления приходится наблюдать теперь в России. Недавно у нас из скромной записки А. А. Савельева о школах грамоты и отмене телесного наказания сделали чуть не покушение на государственный строй, и в „Московских Ведомостях“ какой-то Букеевский вспоминал по этому поводу о „конvente“. Теперь газеты сообщают о том, что в другом земстве гласный умер от волнения, защищая тот же элементарный вопрос „о пользе просвещения“.

¹ Т. А. Криль (впоследствии Богданович), племянница и воспитанница Анненских.

„В Белгородском уезде (Курск. губ.), по словам „Недели“, скоропостижно умер давний земский деятель г. Борщов при совершенно исключительных обстоятельствах. В земском собрании рассматривался вопрос о народном образовании, при чем г. Борщов горячо защищал новые меры к развитию школьного дела. Ему возражали и завязались горячие прения; г. Борщовым овладело столь сильное волнение, что он тут-же умер, стоя на посту защитника народного просвещения. Он принадлежал к числу видных местных общественных деятелей, был прежде уездным предводителем, потом председателем курской губернской земской управы, а в последнее время состоял земским гласным“.

(Волгарь, — 31/III — 95, № 88).

Грамота, школа, очевидно, грозит целости Российской Империи! Недавно у нас происходила интереснейшая переписка. Нижегородская охрана донесла в Петербург и оттуда пришел запрос подписанный самим Шебеко¹ — по след. поводу: некто Жемчугов читал в воскресной школе „свое“ (!) сочинение о том, что какой-то генерал ездит к своей содержанке и что тот-же генерал строго обошелся со своим подчиненным, отчего тот даже и умер. А для того, чтобы „начальство“ не могло застать Жемчугова за чтением таких ужасных вещей, — у дверей стояла стража из учениц, а на столе на всякий случай лежали стихотворения Некрасова. Кто-то из шпионов или шпионок охраны доносит это Евецкому. Этот маниак тотчас-же царапает об этом дальше. Это не удивительно. Но трудно не удивиться, когда от „высших правителей“ приходит не замечание Евецкому, что он доносит о таких глупостях, а запрос через учебное начальство. Новость о том, что какой-то генерал имеет любовницу и строго обращается с подчиненными — очевидно признается необыкновенно опасной для взрослых слушателей в воскресной школе. „Народ“ положительно не должен знать, что у некоторых генералов могут быть любовницы, и строгое обращение

¹ Жандармский генерал из III Отделения.

с подчиненными тоже должно казаться „народу“ совершенно невероятным в „самодержавном“ государстве!

Дальнейшее течение этой замечательной переписки еще интереснее. В Нижнем начинается тревога, идут расспросы, справки и т. д. Наконец, дело выясняется и пишут ответ, из коего видно: Жемчугов действительно читал рассказ, в котором встречаются оба эпизода: т. е. и строгий генерал, распекающий чиновника, и даже его „особа“. О генерале сказано: „Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но немногосложны. Главным основанием его системы была строгость. „Строгость, строгость и строгость“... У него была приятельница, „Каролина Ивановна, дама, кажется, немецкого происхождения“. А чиновник, которого генерал распек и который после этого умер — назывался Акакий Акакиевич Башмачкин. В доносе Евецкого одно только оказалось немного неточным: сей опасный рассказ написан вовсе не Жемчуговым, а Николаем Васильевичем Гоголем, и называется „Шинель“. Читать Гоголя в воскресной школе не воспрещено и потому ставить стражу не было надобности, а тем еще более класть на стол Некрасова, который именно к чтению не разрешается. Все сие и отписано на запрос через учебное начальство (Московский учебный округ), — но Жемчугов, читавший это опасное сочинение, — устранен уже ранее от преподавания в воскресной школе собственной властью остроумного и либерального генерала Баранова. И в самом деле, не дожидаться же губернатору, пока учебный округ дознается, кто сочинил рассказ „Шинель“ — нижегородский адвокат Жемчугов или Николай Васильевич Гоголь¹?

¹ Начало этого рассказа очень кстати: „Говорят, — недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, ... в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное

Наднях похоронили Вышнеградского, бывшего министра финансов. Недавно, в Париже, Цион (de Cyon), бывший союзник и приближенный Каткова¹, негодяй и шантажист, выпустил брошюру „M-r Vitte et les finances russes“², о которой очень много писали наши газеты всех лагерей. В этой книге Цион хвастается, что это он своими разоблачениями низверг Вышнеградского. Это очень вероятно, по крайней мере газеты не пытаются этого оспаривать. Преемник Вышнеградского лучше справился с шантажистом: он пошел ему навстречу и сам принял меры к распространению шантажного сочинения. Это очень ловко. Вообще Витте, повидимому, человек очень умный и талантливый, — но... разумеется заботится главным образом о карьере самого „M-r Vitte“. За этим уже следует les finances russes, а в остальном, конечно, m-r Vitte предпочитает плыть по течению.

имя его произносится всуе. И в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где, через каждые 10 страниц является капитан-исправник, местами даже в совершенно пьяном виде“. Мог ли Гоголь в 1841 г. подозревать, что в конце века адвокат Жемчугов понесет некую кару по подозрению в написании „Шинели“, разрушающей „государственные постановления“ упоминанием всуе о некоем „значительном лице“... Удивительно, как мало прогрессировали у нас взгляды „правительства“, в лице разных „значительных особ“ — и вообще и на литературу в частности. Мы читаем в „Русской Старине“ о Магницких, Аракчевых и Закревских — и смеемся. А современные Магницкие и Закревские поставляют точь в точь такой-же материал для будущей „Русской Старины“. (Прим. автора).

¹ М. Н. Катков, (1818 — 1887 г.), известный публицист, издатель „Моск. Ведомостей“. На протяжении своей публицистич. деятельности, К. из умеренного либерала превратился в крайнего консерватора.

² „Г. Витте и русские финансы“.

Заметно некоторое стремление оградить хоть отчасти государственное казначейство от окончательного разграбления „российским дворянством“, — а затем „энергические меры по взысканию недоимок“ и ловкие операции на бирже — поддерживают еще на неопределенное время российские бюджеты, и росписи выходят довольно приличными. Формула „ён достанит“ — еще служит России свою службу. Ен еще и еще достает.

1 апреля. Пасха

По рукам ходит следующее письмо министра Дурново к министру Делянову:

Его Сият. графу Ивану Давыдовичу Делянову.

М. Г.

Граф Иван Давыдович.

В ряду общественных явлений, особенно выдвинувшихся в минувшем году, следует отметить резко проявившееся в различных слоях интеллигентных классов стремление содействовать поднятию уровня народного образования путем организации нар. чтений, открытия библиотек и читален для фабричного и сельского населения и, наконец, безвозмездного распространения в народе дешевых изданий, книг и брошюр научного, нравственного и литературного содержания. Заботами столичных комитетов грамотности и всякого рода провинциальных обществ, комитетов и кружков разнообразного наименования, при содействии местных земств, пополнено весьма много библиотек при народных и приходских училищах, а также учреждено в различных местностях империи значительное число библиотек и читален для народа независимо от школ. Большая часть этих учреждений находится под некоторым надзором местной администрации; но контроль этот, конечно, более формальный, нежели действительный и к тому же разнообразно применяемый в различных губерниях, едва ли может обеспечить за этими учреждениями нормальное развитие в тех случаях, когда учредители читален или заведующие ими, проникнутые противуправительственным образом мыслей, усматривают в этих учреждениях легальное средство проводить свои теории в жизнь и воспитывать народ в желательном для них направлении, не всегда согласном с истинными

условиями нашего государственного строя. Но если библиотеки и читальни подчинены какому нибудь, хотя и недостаточному надзору, то безвозмездная раздача книг ускользает от всякого правительственного контроля, и обстоятельство это обращает на себя тем более серьезное внимание, что непосредственными распространителями книг в народе являются главным образом интеллигентная и часто еще учащаяся молодежь обоего пола, проникающая в народную среду в качестве учителей, фельдшеров, ветеринаров, санитаров, статистиков, заведующих столовыми и т. д. Неурожай 1891 г. и холера в 1892 — 3 гг., вызвали усиленный наплыв молодежи в деревню и в результате оживили несколько заглухшее в течении 80-х годов стремление русской молодежи к поднятию, по личному почину интеллигенции, умственного уровня народа.

Из имеющихся в Мин. Вн. дел сведений можно заключить, что это движение, охватывающее молодежь, развивается последовательно и носит в себе характер не случайного явления, а как-бы систематического осуществления программы и представляется одним из средств борьбы с правительством, на легальной почве, противуправительственных элементов, причем лицам, распространяющим народные книжки, рекомендуется не ограничиваться раздачей таковых, но по возможности и истолковывать их народу в смысле приготовления к восприятию революционных идей ¹.

Не следует упускать из виду, что в начале 70-х годов хождение молодежи „в народ“ было основано на исключительном стремлении содействовать скорейшему образованию народа, но эта благая цель вскоре приобрела своеобразную окраску от стремления агитаторов развивать народ в духе усвоенных ими революционных учений.

Народившееся движение вызвало в настоящее время усиление издательской деятельности Петерб. Комитета Грамотности, фирмы „Посредник“ и некот. других петерб. и московских книгопродавцев, причем за народную литературу принялись более или менее выдающиеся литераторы - народники: Михайловский, Засодимский, Успенский ² и др., не считая гр. Л. Толстого, сочинения которого

¹ Этот абзац в дневнике отчеркнут автором и против него на полях проставлен знак восклицания.

² Успенский уже несколько лет болен. Михайловский во всю свою жизнь не написал ни одной книжки для народа! (Примеч. В. Г.).

распространяются в народе в огромном числе экз. Цензура, поставленная в определенные законом рамки, не всегда может противодействовать искусно маскированной пропаганде известных лиц и, за отсутствием формального основания к запрещению книги, пропускает в народное обращение сочинения, не всегда соответствующие народному пониманию и мировоззрению и несогласные с духом православия и русской государств. жизни. Вот эти именно произведения печати и составляют главное орудие легальной пропаганды в народе и рассылаются в библиотеки и читальни, а также учителям, фельдшерам, санитарам и т. п. молодым людям обоего пола для безвозмездного и бесконтрольного распространения среди сельского и фабричного населения. Если принять во внимание, что во главе одного из наиболее деятельных по распространению народных книг учреждений, Петерб. Комитета Грамотности, стоит несколько лиц, политическая благонадежность которых более чем сомнительна, и что в издании и распространении народной литературы принимают горячее участие лица известные своим либеральным направлением, как Михайловский, Засодимский, Гольцев, Успенский (!), Рубакин и многие другие, то представляется вероятным, что указанное выше движение, вызванное наружу народными бедствиями последних лет, под влиянием столь опытных и умных руководителей, будет развиваться систематически, в духе несогласном с видами правительства, и в недалеком будущем может повести к весьма нежелательным результатам.

В виду изложенных соображений и озабочиваясь охранением общественной безопасности и порядка, я полагал - бы настоятельным ныне - же принять серьезные меры к тому, чтобы общественное содействие делу народного образования, всегда почтенному и ценному по своему принципу, не сделалось, под влиянием людей злонамеренных и при условии допущения вмешательства частных лиц и обществ в эту важную сферу государственных забот — источником извращения народного мировоззрения и отчуждения народа от освященных веками исторических заветов.

По моему мнению, активное содействие частных обществ и отдельных лиц делу народного образования может быть полезно и допустимо только при условии, чтобы содействие это согласовалось с направлением, которого придерживается правительство, в лице Мин. Нар. Просвещения, и чтобы деятельность всех подобных обществ и отдельных лиц находилась под деятельным надзором его органов.

Между тем, в настоящее время положение дела иное. Петерб. Комитет Грамотности, состоящий при Импер. В. Эк. Общ-ве (§ 3 устава О - ва) действует на основании правил, утвержденных Министром Госуд. Имуществ. Если при возникновении Вольно-Экон. О - ва, в 1765 году, учреждение это, в состав которого вошли лучшие люди того времени, могло играть роль рассадника просвещения и если в последующее время под сенью этого общества могли возникать отдельные учреждения, преследующие просветительные цели, хоть и не специально экономические, то в настоящую минуту оставление Комитета Грамотности и его отделений в ведении какого либо министерства, кроме М - ва Нар. Просвещения, наблюдению которого всецело подлежит, по своим задачам его деятельности, — представляется лишенным всякого основания.

Точно также большинство провинциальных Обществ Грамотности действуют вне надлежащего правительственного контроля, по своему почину и, следовательно, в направлении, которое наиболее соответствует взглядам их руководителей.

Сельские библиотеки, читальни и книжные склады для народа, если они состоят не при школах, находятся также вне контроля инспекции народных училищ, а потому доступ в оные книг, хотя и дозволенных цензурой, но могущих, по своей тенденциозности, дурно влиять на народное развитие, — открыт беспрепятственно. Мне неизвестно, существует - ли строгий просмотр книг, жертвуемых разными комитетами, обществами и частными лицами в народные библиотеки, состоящие при приходских и народных училищах, но было - бы крайне желательно, чтобы по сему предмету были установлены повсеместно точные правила, подобно введенным в прошлом году попечителем ковенского учебного округа для народных библиотек Ковенской губ. Наконец, безвозмездная раздача книг, неподчиненная надзору, которому подвергается, по существующим законоположениям торговля книгами, требует обязательного упорядочения, тем более, что, как это достоверно известно Департаменту Полиции, — этот способ распространения народных книг особенно практикуется кружками неблагонамеренной учащейся молодежи. Но и в данном вопросе, относящемся ближе всего к предметам ведомства Мин. вн. дел, я затрудняюсь принять какие либо меры без согласия с Мин. Нар. Просвещ., которое одно не стесняясь цензурными правилами, может указать с достаточною компетентностью, какие именно книги из числа изданных и издающихся для народа вредно влияют на народное развитие.

Сообщая вышеизложенные сведения и соображения на усмотрение Вашего Сият., я имею честь просить Вас, — не признаете - ли Вы своевременным и целесообразным ныне - же возбудить вопрос о передаче в ведение вверенного Вашему Сият. Министерства Спб. Комитета Грамотности и его отделений, а также принять надлежащие меры или испросить в государственном (законодательном?) порядке надлежащие полномочия для подчинения контролю Мин. Нар. Просвещ. всех частных обществ, преследующих цели нар. образования, и к учреждению единообразного для всей Империи надзора со стороны инспекции нар. училищ, за всякого рода библиотеками, читальнями и книжными складами, предназначенными для народа.

О последующем покорнейше прошу Ваше Сият. почтить меня в возможно - непродолжительном времени уведомлением, причем я буду весьма признателен Вашему Сият. за указание пределов и способов содействия, которое потребуется по этому делу со стороны Мин. Внутр. дел.

Примите, М. Г., уверение в сов. почтении и преданности

И в. Д у р н о в о

5 февраля 1895.

Интересно, как плохи сведения Мин. Внутр. дел о злонамеренных писателях, посягающих на целостность государства посредством цензурных книжек. Вся опасность приурочивается к голодным и холерным годам. Между тем, Успенский с самого этого времени совершенно не участвует в литературе и находится, с небольшими перерывами, в лечебнице для душевно - больных. Очевидно он не мог стоять во главе народно издательских предприятий и даже не написал ничего нового. Михайловский никогда не написал ни одной книжки для народа и в издательстве тоже участия не принимал. В общем документ все-таки необыкновенно интересный. Выходит, что „существующему строю“ весьма опасна всякая общественная инициатива даже в деле обучения народа грамоте и чтению. Притча о плевелах и пшенице ничему тут не научает и министерства готовы вытоптать всю пшеницу, так как горсточка могущих очутиться в ней плевел — способна

разрушить весь существующий строй и подорвать „исконные начала“. Если верить этому, — то России приходится решительно выбирать между самодержавием и просвещением народа. Даже дважды цензурированная книжка (т. е. цензурированная и „одобренная“) все еще несет в себе зародыши гибели „вековых“ русских начал. Хороши, однако, начала. Есть - ли еще где нибудь в Европе такой трусливый, такой всего опасующийся „порядок“?

Кто - то занес мне вчера „пермский адрес“ (т. е. адрес Пермского Экономич. Общества). Позвонил, отдал и пока я справился, кто принес, — принесшего уже и след простыл. Адрес на картоне, фотографией, — прислан в почтовом конверте, — для передачи мне. „Всепоподданнейшие адреса“ теперь идут чуть не за прокламации. Очень характерно. Самый адрес гласит тако :

Ваше Императорское Величество.

Великая прабабка Вашего Величества Императрица Екатерина II, удивившая современников и потомков необычайною прозорливостию в делах правления государственного, желая укрепить в державе своей истинное правосудие, изыскать меры к искоренению всяких неправд и утеснений и создать твердые основания внутреннего благоустройства Империи, повелела Высочайшим Манифестом 14 Дек. 1766 г., собрать в первопрестольную столицу излюбленных людей, избранных от всех званий российского народа и предстать им пред Лицем Своим для заявления истинных нужд народных. Восхищенные таким знаком Монаршего доверия и материнской любви, благодарные представители народа, торжественным актом, хранящимся в Правит. Сенате, с наиважнейшими государственными актами, постановили: поднести Ее Величеству от имени всей России наименование Екатерина Великая Премудрая МАТЬ ОТЕЧЕСТВА.

Учрежденное Ею, старейшее в России, Экономическое О - во, свято хранящее заветы Великой Основательницы своей,

заслужило от всех царствовавших Ее потомков Всемилоостивейшее покровительство и благоволение.

Пермское экономическое общество, учрежденное в царствовании в Бозе почивающего Родителя Вашего Императорского Величества, неуступающее старейшему своему собрату в пламенной любви к Отечеству, глубоко взволнованное знаменательными словами царственного обета Вашего Величества, милостями дарованными народу, по случаю бракосочетания Вашего и вниманием коим Ваше Величество удостоили слабые начинания всех экономических О-в, возносит моления к Вседержителю: да ниспошлет Он России в Вас Государь истинного ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, да укрепит Он незыблемыми узами единение Вашего Величества с русским народом и ниспошлет Вам Государь и юной Царице в беспредельной любви народа источник безмятежного спокойствия и в доверия к здоровым началам народного духа, опору в несении трудного бремени управления великим Государством, Провидением на Вас возложенного и к разрешению труднейших экономических задач нашего времени.

Пермь 14 декабря 1894 г.

Смысл адреса в тонких намеках, сквозящих даже в почерке. Адрес написан вязью, на одном листе. Сразу, всех крупнее кидаются в глаза слова:

„Мать Отечества“...

...„Отца Отечества“...

Екатерина заслужила это звание созывом представителей. Значит... и т. д. „Эзоповский язык“ Щедрина проник во всеподданнейшие адреса. Царю как бы предоставляют читать между строк, незаметно от министра Внутр. дел. Черта тоже современная и характерная!

6 апреля

Пасха была 2—4 Апреля. Я был нездоров с субботы (lumbago). В четверг уехали последние из семьи Анненских, с ними С. Д. Протопопов и Гориновы¹. Праздники прошли серо и скучно.

¹ В. А. Горинов, нижегород. земский деятель, близкий знакомый В. Г.

На третий день (4-го) захворали Соня и Наташа¹ (скарлатина). У Сони пока — только жарок и горло, Наташа мечется вся в жару (сегодня 40°) и в сыпи.

Сегодня вечером мне принесли из довольно достоверных источников слух: в 3^{1/2} часа кончилось заседание барановского „нижегородского распорядит. комитета по выставке“, а в 4 часа пришла из Петербурга телеграмма о том, что местный комитет упраздняется „по Высоч. повелению“ и назначается главный комиссар по выставке. Молва прибавляет, что главным комиссаром будет председатель технич. общества Кази, яко-бы давний противник Баранова. При сем-же, как-то уже само собой пристегивается возрожденное паки „упование“: Государь „берет бразды“, Дурново в отставку, почему-то еще и Витте в отставку и т. д. Приемником Дурново вот уже несколько времени (недели 2) все называют Шувалова, недавно назначенного Варшавским генерал-губернатором.

7 апреля

Вчерашний слух об упразднении комитета подтвердился. В газетах сегодня напечатана телеграмма в этом смысле.

(От Российск. Телегр. Агентства).

Петербург, 6 апреля. По всеподданнейшему докладу министра финансов Государь повелел: назначить ныне же генерального комиссара Всероссийской выставки в Нижнем и упразднить вместе с сим нижегородский распорядительный по выставке комитет, возложив ближайшие распоряжения по устройству выставки на генерального комиссара, заботы-же по приведению к выставке благоустройства города Нижнего и ярмарки — на попечение местных общественных учрежд., под ближайшим наблюдением губернского начальства; обязанности генерального

¹ Дочери В. Г.

комиссара Всероссийской выставки возложить на председателя Императорского русского технического общества Кази.

В городе продолжают еще толковать очень оживленно об отставке Чайковского и теперь упразднение местного комитета, которое все считают ударом Баранову и его влиянию,—связывают с этой отставкой. Ни падение гостинницы Смельницкого, ни самоубийство Иванова, которые уже сами по себе вскрывают очень много „закулисного“ в деятельности „барановцев“ по выставке,—недостаточны для обывателя, чтобы об’яснить эту, совершенно основательную меру. Так уж скептичен русский человек, рассуждающий о политике: вне личных влияний — он не допускает ничего. Теперь и говорят, будто Чайковский — товарищ Витте чуть не по гимназии,—и Витте, якобы,—отомстил Баранову за товарища. Надо думать,—чепуха.

Еще интересный рассказ: говорят (люди осведомленные), будто Чайковскому, посредством своих связей, удалось — было уладить свое дело. Дурново начал смягчаться и принял Чайковского для личных об’яснений. Все шло довольно хорошо, но Чайковский заговорил о „безобразиях“, творящихся теперь в Нижнем...

— Вскрываются частные письма... Даже мое письмо к жене было вскрыто.

Дурново вдруг вспыхнул. Может быть, ему вспомнился отзыв о нем лично, заключавшийся в этом письме,—только дело сразу испортилось.

— Как вы, чиновник мин. внутр. дел, говорите мне подобные вещи! Неужели вы не понимаете, что Баранов в этом случае исполняет только мои распоряжения!..

Характерно.

12 апреля

К РАССКАЗУ „ПОСЛЕДНИЙ МЫМРЕЦОВ“¹

Сегодня был в ссудной кассе. Пока я сидел, ожидая очереди, к прилавку подошел небольшого роста старик, с бритым подбородком, с длинными рыжими усами, с старинным высоким галстуком на шее, с фигурой, от которой так и несло полицейской будкой и участком. Но только платье на нем штатское, вид тихий, скромный и слегка сконфуженный. Мне почему-то сразу мелькнула какая-то аналогия с Каргером, отставным полицмейстером.

— Э! — сказал господин из за прилавка. — И тебя тоже?

— Тоже, — сказал старик так-же сконфуженно, угрюмо и грустно.

— Князь?

— Он.

— Что это, как развоевался?

— Да вот...

Он помолчал и прибавил, обращаясь зараз к господину и ко мне:

— Рослых подбирает, чтобы не менее 5 вершков... Всех, которые прежние, от Каргера остались — долой.

— Куда - же?

— Куда хошь, хоть улицы мети. 20 годов служил. Теперь выгнал...

Он сел рядом со мной. Помолчали. Но старик опять тронул меня за колено.

¹ Заголовок этот, повидимому, приписан автором позднее. Рассказ „Последний Мымрецов“ написан не был, но в одной из записн. книжек писателя имеется еще один отрывок на ту-же тему. Отрывок этот печатается в том же записн. книжке, мелочей и набросков. (Т. XXIII).

— Порядки завел теперича. Холостых и семейных, усах в казарму. Два рубли 65 коп. с каждого у котел. Теперь я, напримерно, на 2 р. 65 коп. дров купил - бы... Нет. Семейство кормится особо, а я подавай два 65...

Опять помолчал.

— К семейству два раза у неделю. Больше не могли. Хоть есть дело, хошь нету дела,— не могли.

Еще через минуту:

— Теперь на часы идти: должен я, напримерно, отправиться в час ночи на пост. Нет, прежде ступай у часть, запышись: отправился у таком то часу. Теперича сменился: опять дыбай у часть, запышись: сменился у таком - то часу... А что толку.

И я, и господин за прилавком, и публика с узелками, все признаем, что толку мало.

Быстро входит высокий околодочный.

— Выкупить? — спрашивает прикащик.

— Нет, процент заплатить.

— Рано еще. Срок 3 мая, можно даже в июне и июле.

— И июле? Отлично, благодарю вас.

Он уходит.

— Выдели? — спрашивает отставной. — Рост какой! Из Петербурху, из Москвы, из Кеиву—эдаких повыпысав, рослых. А спросите, что у голове, так ничего.

— Да, знаем и мы этих петербургских,— говорит прикащик. — Один помощник пристава часы заложил. Потом приезжает,— позвольте на часик, показать знакомому. Как не дашь?.. Так и до сих пор привозит. За квартиру не заплатил, так и уехал теперь из городу... Курила его выписывал.

— Да... Эх, вспомнишь старика Каргера,— вздыхает отставной.

— И вспомнишь,— несется несколько вздохов со скамей, занятых узлами, фризовыми шинелями и салопами...

12 апр.

А. А. ЗАРУБИН

Был у меня вчера интересный нижегородец Александр Алексеевич Зарубин, седовласый купец, из водочных торговцев, вечный протестант.

— До 30 лет,— говорил он мне,— я всякого чиновника в мундире за ангела небесного почитал. Ну, а теперь-то знаю...

Он услышал от кого-то, что „вы вот написали книгу и упомянули мое имя,— так вот это мне и любопытно“.

— Это верно, я упоминал ваше имя в книге „Голодный Год“ (стр. 288, II изд.). Если позволите, я охотно дам вам книгу на память.

— Ну, вот спасибо. Буду признателен вам. И если на том свете встретимся, и там буду признателен.

— А у вас,— спрашиваю я,— нет ли малых детей в семье?

— А что?

— У меня скарлатина в доме.

— А, батюшка, Владимир Галактионович,— не верю я этому, пустяки.

— Я тоже думаю, что это не так уж опасно, хотя и возможно. Во всяком случае считаю нужным предупредить.

— А я на вашем месте не предупреждал бы, потому, что это все бывает от мыслей. Ну, да я то не мнителен. Верю в одного только Бога.

Я вспоминаю при этом, как будучи гласным, старик уверял думу, что докторам верить не следует (речь, кажется, шла о дезинфекционной камере).

— Вот у моей знакомой ребеночек помер дифтеритом. Она на помин-те души все платьишка роздала. Бедная одна

вдова,—шестерых своих одеда. Нарочно ходил я недавно узнавать: все целехоньки. Она, может, и рада-бы, кабы Господь парочку то у нее с рук снял. Так нет вот... Все воля Божия. Да что,—господа,—вот Ивана Семеновича в июле месяце в шубу одели. В июле-то. Ведь это смех. Пустяки, не стоит верить...

Вскакивает Д. А. Венский¹ и просит остановить оратора...

В другой раз, ведя обычную оппозицию против головы Соболева,—лукавый старик сам прибег к „микробам“. Соболев, человек крутой и презиравший „голытьбу“ и „чернядь“, велел закрыть с трех сторон ворота в садике на Черном пруду. Прохожие, надеявшиеся пройти через сад,—попадали в западню и вынуждались искать опять прежнего выхода. Сделано было это для того, чтобы рабочие, идущие и возвращающиеся с работы,—не могли проходить по аллеям. Зарубин, всегда, наоборот, стоявший за мелкоту и за рабочих,—горячо оспаривал это распоряжение и как к последнему аргументу прибег к микробам.

— Иду как-то под вечер, наклонился этак, смотрю: батюшки мои!.. Микробы-то, микробы-то так тут и летают проклятые над прудом... Помилуйте,—прибавляет он среди смеха гласных и публики,—ведь выйти-то им некуда, всюду заперто. Тут и толкутся, проклятые...

Все хохочут, один только Соболев мрачно хмурит брови. Еще недавно он сам отрицал всякие эти микробы и попросту заваливал среди города овраги навозом. Но под конец сдался и, кажется, поверил, содействуя всячески санитарной комиссии. Теперь лукавый противник смеялся над его обращением.

¹ Д. А. Венский — главный врач Нижегородской земской больницы.

Зарубин — человек глубоко оригинальный, самобытный, — гражданин в чисто „русском стиле“, додумавшийся однако своим умом до конституции, — после долгой практики упорной борьбы со всяким хищением и беззаконием. Он великий законник и немного сутяга, однако есть очень много заслуживающего глубокого уважения в готовности, с которой он заступает за всякого обиженного. С Барановым он ведет давнюю и упорную борьбу. Началось это, кажется, еще с первого публичного сечения. Пьяный унтер-офицер поругался с евреем и что-то стал кричать на улице. Баранов придрался к этому случаю, сделал из него подстрекательство к еврейскому погрому и публично „жестоко наказал розгами“ Стугина (кажется, так фамилия наказанного). Об этом был приказ и, — возмутительная подробность, — полиция „сгоняла“ на это зрелище прикащиков из лавок. Зарубин писал Стугину прошения, перечисляя статьи нарушенных Барановым законов, но... Баранов красноречиво изложил весь эпизод во всеподданейшем докладе — и царь (Александр III) написал что-то в роде: „похвально“ или „так и следовало“, — еще раз царской мимолетней отметкой освятив возмутительное поправление той-же царской воли, изложенной в законах Империи. Таким образом всякие жалобы были напрасны, разбиваясь о „высочайшую отметку“.

Но Баранов не простил Зарубину этого вмешательства. А тут подоспело еще обличение архитектора Иванова в мелком хищении по ремонту некоторых ярмарочных зданий, — эпизод, в котором Баранову только посредством явных натяжек удалось выгородить своего любимца...¹ При этом произошла великолепная бытовая сцена,

¹ Эпизод этот, далеко однако не во всех возмутит. подробностях, всплыл на суде в 1890 году, — см. мой отчет о суд. заседании в № 282 „Волжск. Вестника“ 16 ноября 1890 г. „Дело Фирганга“. (Примеч. автора).

необыкновенно характерная для самого типа нашего российского гражданина, обличителя и протестанта.

Баранов назначил для „расследования“ по поводу заявления Зарубина (сделанного гласно в заседании ярмарочного собрания) комиссию из трех человек. Два—из членов того самого ярмарочного комитета, который вел ремонт хозяйственным способом и на которого значит падали обвинения Зарубина,—третий был архитектор Станкевич,—чиновник зависевший от губернатора. Очевидно, что заключение такой комиссии значило очень мало и Баранову, чтобы замять дело, нужно было усмирить самого обличителя Зарубина. Для этого в тот самый день, когда должно было происходить новое собрание, Баранов призвал к себе несколько членов ярмарочного собрания, Осипова (ярмарочного голову, известного воришку, увозившего с собой даже балыки и откупоренные бутылки с офицерских обедов)—и Зарубина.

— Зарубин,—обратился он к последнему очень грозно,—если вы тотчас не извинитесь перед уважаемым Павлом Осиповичем¹,—я в-в-вас вышлю в 24 часа.

Нападение было очень решительное, но его пр-во не рассчитал, с кем имеет дело. Зарубин встретил грозу очень смиренно.

— В 24 часа! Ваше превосходительство. Это очень скоро... Помилуйте, я человек семейный, завтра мои именины, пирог у меня, гости позваны,—а тут хозяина в 24 часа... Нет, это невозможное дело. Мало требуете ваше-ство... Что тут извиниться,—я в этаких обстоятельствах в ножки Павлу Осиповичу поклонюсь.

И повернувшись к Осипову, хитрый старик наклонился и коснулся рукой пола:

¹ П. О. Осипов, упомянутый выше ярмарочный голова.

— Слышишь, Павел Осипович, — извиниться приказывают, а то в 24 часа, — вот я тебе в ножки кланяюсь, только чтоб не высылали.

Баранов, глядевший на эту сцену вместе с другими, говорят, имел очень растерянный вид. И он, и Осипов попытались сделать из нее „извинение“ и заявили, что Зарубин отказывается от обвинения. Но старик в тот же день повторил в собрании обвинение, предлагая тотчас же выбрать из среды собрания комиссию, которой он немедленно докажет как дважды два — что тут было воровство.

— Как же вы отказались и извинялись?

— Я не отказывался ни от одного слова, — а в ноги кланялся, это верно, потому что губернатор грозил в 24 часа выслать, а у меня пирог...

Вышел огромный скандал, — и только при нашей бессудности — явное воровство и явное воровству потакательство, обнаруженное так публично, могло пройти без последствий.

Но зато началась месть. Впрочем, предварительно еще один необыкновенно характерный эпизод. В „Нижегородской Почте“ (кажется, 31 авг. 1884 г.) был напечатан приказ Баранова, в котором, на основании заключения вышеупомянутой комиссии из членов ярмарочного комитета, заявлялось, что ярмарочный комитет вел ремонт отлично, что он заслуживает всякой благодарности, что Зарубин сам отказался от своих обвинений и что поступок Зарубина генерал Баранов отдает на суд ярмарочного общества. Впоследствии один из свидетелей на суде говорил мне, что сам видел, как Иванов по прочтении Барановского приказа кинулся на шею Осипову, вышедшему на минуту из заседания в соседнюю комнату.

— Погоди, погоди, — благодарить — то, — сказал суровый купчина, — ты видно не знаешь Зарубина, еще не конец делу.

И действительно это не был конец. Зарубин, как сказано, настаивал на своем, разыгралась сцена с Фиргангом (см. ее описание в том-же „Волжск. Вестн.“, № 282), предстоял скандальный суд¹, и не мало хлопот с обличителем, причем, хотя ген. Баранов всеми силами стоял за Осипова, но зато всем было ясно, что Осипова и Иванова приходится прикрывать и выгораживать всякими натяжками.

Этого мало. Вскоре после этого, — Зарубин явился к редактору „Нижегор. Почты“ Пастухову, в газете которого были напечатаны приказы Баранова с нем и его обличении.

— Я к тебе, — говорит Зарубин.

— Что нужно?

— Ты обязан, на основании... статьи устава цензурного напечатать мое опровержение, ты меня оклеветал.

— Что — ты это, когда?

— А вот в этой статейке.

И Зарубин показывает приказ Баранова, и подает свое опровержение, в котором действительно и весьма основательно возражает против лживого приказа.

Пастухов приходит в ужас.

¹ А. А. Савельев, бывший тогда мировым судьей в ярмарке, — рассказывал мне лично, что в то время Баранов приглашал его к себе и просил — „отказать Зарубину в его жалобе“. Савельев передал дело судебному следователю. Суд — в губ. правление. Губ. правление, не опросив Зарубина и его свидетелей, а на основании одних показаний Фирганга, — дело направило к прекращению, и только уже по жалобе Зарубина в сенате, — дело всплыло и поступило в суд в 1890, а у губ. правления спросили „об'яснений“. (Примеч. автора).

— Да ты в уме - ли ? Ведь это губернаторский приказ.

— Так что - же ? Приказы должны печататься в Губ. Ведомостях, а коли ты напечатал ложь, ты и опровергни.

— Правду о тебе говорят, что ты сумасшедший. Что хочешь делай, а я твоего опровержения не приму.

— Да ты отправь к цензору, — там что скажет цензор.

— И отправлять не стану. Охота мне из за тебя начальство гневить.

— Ну, хорошо.

Выждав еще некоторое время, перед самым уже концом ярмарки (а стало быть и особых полномочий Баранова) — хитрый старик идет к нему в приемный час.

— К вам, ваше превосходительство, с жалобой.

— Что угодно ?

— В одной газете напечатаны обо мне неверные сведения, а редактор поместить мое возражение отказался. Так вот, — я прибегаю к защите вашего пр - ва. На основании статьи... устава цензурного, — прошу препроводить мое опровержение в редакцию.

Баранов пробегает бумагу и меняется в лице.

— Послушайте, Зарубин. Вы человек „беспокойный и опасный“. До сих пор мне, хотя и с трудом, удавалось защищать вас (обычная манера ген. Баранова: он меня тоже все „защищает, хотя и с трудом“). Но теперь я сам вышлю вас из города.

— Что - ж ваше пр - во. Ежели я провинился в чем, — поступите со мной за мою вину, как вам повелевает закон и совесть. А теперь я прошу тоже поступить по закону... Меня оклеветали, а я по закону могу ответить. Я по своей совести обличаю хищение, стою за правое дело.

— Интересно, — поводит Баранов плечами, — с каких это пор кабатчики заговорили о совести.

Зарубин выпрямляется, в глазах его вспыхивает огонек.

— Я ваше пр-во не кабатчик, у меня винный склад, а не кабак. Но ежели-бы и кабак был, то я удивляюсь слышать такие слова от губернатора. Вашему превосходительству известно, что кабатчикам администрация выдает особые свидетельства о том, что они люди добросовестные, иначе нельзя и кабатчиком стать.

Потом внезапно он опять становится смиренным, наклоняет голову и, как-бы испугавшись смелости своего возражения,— продолжает:

— Простите меня, ваше пр-во, я человек старого закала... Дозвольте напомнить вам из ветхого завета. Иосиф сидел в темнице, а с ним сидели двое и видели сны. Пришли к Иосифу, чтобы он истолковал. Одному он сказал: ты будешь вскоре повешен и тело твое расклюют вороны. А другому сказал: ты человек справедливый и будешь вскоре оправдан...

— Ну, и что-же из этого? — спрашивает недоумевающий генерал.

— А то, ваше пр-во, что второй-то был... виночерпий...

Баранов вспыхивает.

— Мне некогда выслушивать ваши рассказы... Можете куда угодно посылать ваше опровержение, в любую газету.

— Любая газета не напечатает, скажет,— не мы об вас писали. А закон обязывает ту самую газету, которая...

Генерал сердито поворачивается и уходит.

Разумеется, начинается тайная переписка о „беспокойном человеке“, но беспокойный человек тоже не дремлет. Он пишет прошение на высоч. имя, напоминает царю его призыв, при вступлении на престол,— „бороться с хищением“ и указывает, какие последствия для него имела попытка последовать призыву и какими последствиями она еще грозит ему в Нижнем.

Не получая ответа, он едет в Петербург. Оказывается, что его просьба передана в Мин. вн. дел, и попала в департамент полиции.

Зарубин ходит по министерствам, всюду излагает свое дело. Все видят вместо „беспокойного“ человека, чуть не нигилиста, — седовласого купца, старозаветную купеческую фигуру в русском стиле, слышат лукавую речь, метко, характерно, хотя и смиренно выдвигающую истинную подкладку дела. Свои похождения в Петербурге Зарубин рассказывал мне сам и между прочим передавал свой разговор с Плеве (кажется, в то время нач. деп. полиции).

— Послушайте, Зарубин, губернатор пишет об вас, как о человеке беспокойном. Зачем вы ссоритесь с губернатором?

— Что вы, ваше пр-во, как я могу ссориться с таким важным лицом. Я только исполняю повеление моего государя: вижу, — за работу в 15 рублей поставлено 150... Ведь это есть хищение. Я об этом заявляю. А его пр-во обижается... Чем же я виноват. Я покорнейше прошу назначить следствие: если я сказал неправду, — подвергаюсь законному наказанию. А его пр-во хочет меня административным порядком. Я вот и ищу защиты у моего государя...

— Ну, ну. Хорошо. Поезжайте в Нижний и не ссорьтесь с губернатором.

— Опасаюсь ехать, ваше пр-во. Потому что не смею нарушить царского приказа: с хищениями бороться обязан из всех сил. А ген. Баранов меня за это вышлет.

— Не вышлет.

— Ох, вы не знаете нашего генерала, ваше-ство. Человек характера твердого. Сказал: вышло и вышлет.

Плеве смеется.

— Ну, ну,— я вас уверяю, что не вышлет.

— Ну, если вы такое слово даете,— то конечно поеду.

А как же мое прошение на высоч. имя?

— Ну, это уже дело другое. Ждите ответа.

Разумеется, ответа не было и царь, призывавший к борьбе с хищениями, продолжал писать на отчетах ген. Баранова „одобряю“, „утешительно“, „похвально“. И даже ген. Баранову удалось мелкому воришке Осипову устроить аудиенцию лично у пок[ойного] государя (об этом Баранов мне рассказывал сам. При этом Осипов отпустил что-то неподходящее).

Однако, если обличения Зарубина не получали дальнейшего хода, то и Баранову „выслать“ беспокойного старика тоже не приходилось после того, как подкладка всей истории стала известна так широко. Тогда (пусть это послужит новым листком в венок героя „Весты“) — он все таки одержал победу и отомстил за все. Только, не в силах одолеть старого „виночерпия“, — он сделал диверсию и принялся за его сына.

— Дело это было такое... болезненное дело... — говорил мне вчера Зарубин и губы его вздрагивали. — Жене-покойнице несколько лет жизни сократил. Истерики эти, отчаяние... Знаете сами, — материнское сердце. Мальчик у нас был хилой, нездоровый, взглянуть, и то видно — какой уж воин. А подошла очередь — приняли на службу!

— Как-же это вышло?

— Андреева помните, предводителя. Хорош был с Барановым.

Андреева помню не один я. Это — настоящий Рокамболь, вор, одно время прославившийся на всю Россию и до сих пор оставшийся безнаказанным, благодаря махинациям Баранова. Он и доньше исключен из дворян,

он дал росписку в том, что украл 43 тысячи в нескольких учреждениях, но он смело говорил всюду:

— Меня на скамью не посадят иначе, как в хорошей компании.

И он занимает теперь отличное место в Петербурге. Баранов донес царю об этом деле в таком виде, что царь, призывавший к борьбе с хищением, одобрил наглое покрытие воровства, и с тех пор признанный вор — недоступен для закона. Жалоба С. Д. Протопопова в сенате так и лежит без движения и в новом царствовании, как в старом.

— Так вот этот самый Андреев устроил. Мальчик мне рассказывал: слышу, говорит, — доктор ленту кладет, а предводитель сзади, на спине у меня пальцы под ленту подкладывает... Слышит, а сказать не смеет... Взяли. Отправили в Литву, в драгуны. Оттуда в Ораниенбаум. Всюду видят — не годен к строевой службе. Потом перевели в Кинешму, в гарнизон. Тут я хлопотать. Назначили комиссию, переосвидетельствовали, составили протокол и уволили, как негодного к службе. Губернатор Калачев тогда был в Костроме... Вернулся мальчик мой домой, мать радуется. Вот встретил я Андреева в собрании как-то, в уголке, один на один, и говорю: видишь, подлец ты ведь вышел. Он к губернатору, тот распалился, стали дело обследовать; нашли крючек: на протоколе освидетельствования не хватило чьей-то еще подписи. Что же вы думаете: схватили сына моего, как беглого какого, или преступника, опять свидетельствовать. Я просить, чтобы в другой губернии. Нет, опять здесь, опять мерять и опять сдали.

— Сдали опять, и опять в Ораниенбаум, а отсюда бумагу послали, что дескать такой-то Зарубин очень ловко научился уменьшать по произволу об'ем груди, так

дескать иметь в виду. Вот в Ораниенбауме в строй его не отдают, помещают где-то в канцелярии, помещение отличное, пища хорошая, работы никакой. Малый пишет нам: хорошо мне, только удивительно и притом скучно: хоть бы работу какую. А на просьбу — освидетельствовать вновь, — отвечают, что уж дело кончено, и никакого больше освидетельствования не будет. Потом вдруг через месяц — в комиссию. Переосвидетельствовали, — чтож вы думаете: откормили, — а мера опять не вышла.

— Поехал я тогда в Петербург, был у военного начальства... Забывать стал фамилии, — я вам какнибудь все бумаги покажу... Говорю, — как-же теперь, ваше-ство, будет дело?

— Что-ж, говорит, старик! Делать нечего. Придется дослужить, потому что если теперь это дело поднять, — губернатора надо под суд, и две комиссии под суд. А это дело большое...

Теперь Зарубин разорен: несколько лет назад его разом лишили кредита в банках, — и его виноторговля лопнула. Сидел в тюрьме за долги, имущество продано, жена умерла. Живет философом, говорит, что только теперь понимает жизнь, — и... продолжает „кляузничать“ и бороться...

— А я сейчас к полицмейстеру, кн. Волконскому, — говорит он мне, прощаясь. — По моему мнению, — он дурак.

Я засмеялся.

— Как-же, помилуйте, — своей властью новые налоги установил. Есть, знаете-ли, такие домовые листки, для отметок жильцев. Прежде они печатались в типографиях и продавались по 40 к. 100 штук. А теперь запретил

частным типографиям продавать, печатает только в губ. типографии и продает 100 штук за рубль. Вот я тут, по просьбе домовладельца — понес 4 паспорта в прописку, достал прежних 4 листка, написал в них фамилии там, все, что требуется. Иду в участок. Письмоводитель не принимает, нужно, говорит, новые листки. „А какая-же, я говорю, разница?“ — А разница только в том, что наверху написано: цена одна коп. Не могу-с. — Позвал пристава. Тот тоже: не могу. Если вы настаиваете, я свои 4 коп. пожертвую. Вот 4 листка, перепишите.

— Нет, я говорю, — лучше я вам 4 коп. своих дам, а переписывать не стану.

— Вы меня оскорбляете...

— А вы меня, старого человека, не оскорбляете разве? Я вот тут трудился, писал, а вы мне жертвуете 4 коп. и заставляете переписывать...

— Ступайте на меня жалуйтесь полицмейстеру.

— И пойду.

— Вот и иду, — прибавил он, усмехаясь, — посмотрю, посмотрю, как это он своей властью налоги устанавливает. Прежде продавали за 40 коп. и имели барыш. А он теперь 150% сразу накинул. Вот и как-же не дурак?

— Да, вот до 30 лет и считал я их за ангелов небесных. А что, скажите пожалуйста, — если не обижу вопросом. Правду мне говорили или нет, что будто вы здесь живете потому, что вам въезд в столицы воспрещен?

— Нет, неправда. Это давно уже кончилось.

— А было?

— Было, было и еще многое другое...

— Ссылка?

— Да, приходилось даже с якутами в юрте жить.

— Ай, ай! Наверное потому, что в голове своя мысль завелась.

— В этом роде, Александр Алексеевич.

— И конечно уж — административным порядком.

— Разумеется.

— Ай, ай, ай! Ай-а-ай-ай!.. Что это, право, цари наши этого безобразия не уничтожили. Ежели я виноват, так ведь, и по суду окажусь виноват, а то административным порядком! Вот отчего у нас главное зло, вот отчего царь правды никогда не знает... Был я как-то в Петербурге, говорил с Рихтером¹; такое мое мнение, что человек это справедливый. А ничего тоже не может. Я говорю: надо бы так сделать, чтобы хоть минут на десять в день государь с простыми-бы людьми обращение имел, послушал-бы, что они скажут. На десять бы минут, простого звания людей... А то ведь министры представляют все по своему, из личных видов.

— А как вы думаете, Александр Алексеевич, разве нельзя было-бы, при желании, переодетых простого звания людей во дворец доставлять. Откуда царь узнает, — настоящие они или ряженные... Пожалуй, такого наговорят...

— Ай, ай, ай, — верно. Правда ваша. Нет, — одно средство, — парламент. Пар-ла-мент, положительно. А то на царе ответственность страшная, а он и знать-то ничего помимо министров не может. А министры и не отвечают ни за что... Что это за порядок... Нет, парламент, парламент...

На том мы и расстались с чудачком нижегородским обличителем.

¹ Вероятно О. Б. Рихтер, начальник канцелярии прошений на высочайшее имя.

О том - же Зарубине. Однажды приходилось что - то „увековечивать“, кажется „чудесное спасение“ 17 октября. В думу поступает проект — соорудить новый храм. Раз такой проект поступает, — возражать никто не станет (как тут возражать против храма, — безбожие!) ... Никто, кроме Зарубина. Зарубин выступает противником этого проекта, говорит в думе, что „у нас храмов даже в излишестве“ и предлагает употребить эти средства на „памятник нерукотворенный“ в виде какого нибудь постоянно действующего филантропического учреждения (в роде того - же, помнится, рабочего дома). И разумеется масса раздраженных обличителем людей тотчас - же кидаются на него, подхватывая удобное оружие: „Зарубин против храма!“ „Волгарь“ (или тогда еще „Биржевой Листок“, точно не помню) — обыкновенно зубоскаливший в угоду большинству — выражает это „общее чувство“ печатно. Но „старого виночерпия“ на этом щекотливом предмете все таки взять голыми руками не пришлось.

— Я так считаю, что я всех вас усерднее ко храму, от усердия и говорю. Посмотрите вы на простого, деревенского, серого человека: он - ли не богомалец: за десять верст к заутрене идет, трудится. Это видно, что купцы не так: им и два квартала пройти для молитвы лень. Ему - бы, с постели встать, да чтобы прямо ногою на паперть, без труда. Это не есть усердие. Вот оттого и настроили всюду храмов, для своей слабости. А ты, милый человек, для Бога то квартал лишний пройдишь, ничего...

15 апреля

С 10 на Оке была подвижка льда, 13 - го небывалый ледоход во всю Оку, с берега на берег, льдины лезут

на набережную, слышна дубинушка, тащут лодки и разрезы, убирают от ледохода. В двух местах „намыло“ огромные горы льда. Трудно даже объяснить, как могли они образоваться, такой вышины. Горы стоят неподвижно, очевидно уперлись в дно, а мимо, шумя и сталкиваясь, лезут друг на друга льдины. „С водой идет“. Быстрая прибыль выше устья подняла лед еще крепкий и прочный и оттого „чка“ плывет чуть не во всю реку. Когда мы подошли к Гребешку, — на реке, покрытой сплошным ледоходом, мчавшимся со скоростью 8 верст в час — несло огромную баржу. В Волге вода оказалась ниже, и — редкое явление, — окский лед скатывался, огибая стрелку, в Волгу и подходил к неподвижному еще волжскому льду. Баржу занесло к лугам и минут в 5 уже ее коверкало, уродовало и гнуло... В этот день — почта вернулась в контору, — случай, какого я не помню за 10 лет своего здесь пребывания. Бланк, представитель Варшавского общества, приехавший в Нижний нарочно к этому дню для окончательного решения вопроса о постройке скотобойни, — вел переговоры с думой по телефону из Кунавина.

Вчера лед уже прошел, только запоздалые мелкие льдины неслись еще по полной, могучей реке. А на той стороне с ночи горел какой-то завод — левее выставки. Днем прислуга принесла слух: горит выставка. Действительно, среди затянутых туманом желтоватых построек выставки вздымается белый султан дыма и стелется широко к северу, через полотно чуть заметной дороги. Тревога однако, ложная: говорят, это на выставке жгут щепы¹. Однако, этот быстро пронесшийся слух очень

¹ Очевидно, событие только запоздало. Уже в 1896 г. в № 7422 „Нового Времени“, напечатана телеграмма из Нижнего от 24 октября: Нижний-Новгород, 24-го октября. Сегодня, в 12-м часу дня, при сильнейшем ветре, загорелась выставочная гостинница Смелъ-

характерен: город как будто не удивился бы, если бы все эти гостиницы Ломачей, Смельницких и проч., которым предстоит вскоре предстать перед приемщиками, которые их станут принимать от закрытого недавно выставочного комитета,—если-бы весь этот „дурно сложенный материал“,—по выражению ген. Баранова, вдруг „сгорел со стыда“ до этой ревизии (если еще таковая будет). Вообще „доверие к власти в Нижнем“—выражается порой очень странно. Недавно (.... апр.), в последнем заседании председательствуемого им выстав. комитета,—Баранов вдруг возбудил вопрос о том, кто должен страховать недостроенное (Н. П. Ивановым) здание Окр. суда. В сущности тут никакого вопроса нет. По объяснению представителя контроля,—казна своих зданий никогда не страхует (при обширности „недвижимых“ владений казны,—она сама для себя страховое общество). Вдобавок,—суд еще и не сдан казне. Очевидно, если кому нужно страхование до сдачи,—то строителям (в данном случае — опеке наследников Иванова). Но Баранов „на свою ответственность“ предложил застраховать, впредь до решения вопроса,—на один или два месяца. Предложение принято. По этому поводу один обыватель, принимавший (более или менее невольное) участие в заседаниях комитета, говорил мне недавно:

— Просто гора с плеч свалилась, когда этот комитет закрыли. А то сижу, слушаю этот „вопрос о застраховании“, а по спине так мурашки и бегают. Кто-то вот будто шепчет на ухо: сгорит этот суд, непременно сгорит,

нищкого. Огонь угрожал соседним зданиям и выставке, но молодецкой работой пожарных удалось устранить опасность. Сгорел один корпус. На пожар приезжал из города управляющий губерниею барон Фредерикс. (Н. Вр. № 7422, 1896). (Позднейшая приписка автора на полях дневника; телеграмма вырезана из газеты).

да и только... А тут и ты, NN, постановление это подпишешь...

Подозрения более или менее нелепые,—но... такова теперь атмосфера около этих выставочных дел. Пахнет жандармом, который лупит глаза в пустое место или охотится за испуганным и ни в чем неповинным обывателем, и Рокамболом, который под „охраной“ обдeldывает весьма все таки рискованные и очень смелые делишки...

16 апр. 1895

МОИ ДЕТИ

Соня и Наташа обе с 4-го числа в scarlatine. У Сони легкая форма, даже без сыпи. У Наташи гораздо тяжелее. Явления параллельны у обеих: началось с боли горла, потом под вечер — жар, в 11 часов вечера у Наташи рвота, у Сони — только тошнота. Затем все течение болезни шло также параллельно, темп. у Сони высшая 39, у Наташи 40, у Наташи сыпь и шелушение, у Сони только сильнее явления в горле. Вообще, Соня все болезни переносит легче. Наташа металась в дифтерите, по ночам плакала и бредила, днем я носил ее на руках. У Сони налет был гораздо сильнее и на обеих сторонах. Помню, что, когда в горло заглянул ей д-р Тихомиров, — лицо у него сделалось сразу серьезно, и я по выражению понял, что „картина“ плохая. Затем я вышел к доктору в переднюю.

— Скажите мне, доктор, правду. Мы здесь теперь одни, а я хочу знать.

Он задумался.

— Да, налет очень сильный. Правда, окружающие ткани имеют хороший вид, организм борется энергично. А это кто у вас так смеется?

Из комнаты донесся звонкий смех Сони.

— Больная.

— Больная? Ну, знаете, не скрою от вас, что внешние признаки очень угрожающие, но при таком самочувствии можно ждать самого лучшего исхода.

Теперь она почти совсем здорова, температура слегка понижена. Наташа подается труднее, температура колеблется, ночи беспокойнее.

Сегодня уже в десятый по крайней мере раз обе они спрашивают: „Правда - ли, что ребеночек рождается в животе?“

Эту истину привезли деревенские братцы Малышевы¹. В деревне этот вопрос иллюстрируется так ясно на телках и лошадках, что не оставляет места сомнениям. Моим девочкам это странно. Вдобавок теперь Дуня беременна, в семье нет-нет и зайдет речь о будущем пришельце с „того света“. Мама полнеет не по дням, а по часам,— и девочки настойчиво возвращаются к вопросу.

— Ну, а вы как думаете, правда это?

— Пустяки,— говорит Соня.— Конечно, приносит наверное акушерка.

— А акушерка откуда берет?

— Бабушка говорит,— с неба падают. А что такое небо? Небо — воздух...

Я завожу речь о небе, о воздухе, о звездах и мы увлекаемся в космогонию и философию.

— Я прежде думала,— говорит Соня,— что земля обрублена. Потом стала думать, что за землей пойдет море, а если пароходик поедет, всё поедет, то упадет, потому что море обрублено. А потом стала думать, что море без конца, никогда нельзя доехать... А еще думала, что у Бога сундук, и он прячет в него тучи. Глупости (смеется).

¹ Дети А. С. Малышевой, сестры А. С. Короленко.

— Папа,— опять говорит она,— показывая картинку „Божия нива“. Темное поле, вдали садится солнце, на небе силуэтами вырезаются кресты деревенского кладбища.

— Почему это божия нива?

— Это художник хотел сказать вот что: как в поле рождаются миллионы колосьев, так у Бога — люди. Потом колосья жнут и они умирают. Так Бог убирает к себе людей. Потом опять родятся новые колосья на ниве, и новые люди приходят на свет вместо прежних...

— А может быть так, что люди умрут, а потом те-же самые родятся? Через некоторое время...

— Да,— чтобы опять те-же самые,— подхватывает заинтересованная Наташа. И тотчас-же сама себе отвечает:

— Нет, это не может быть. Умрут и кончено...

— Может быть, папа? — мягко настаивает Соня.

Между ними резкая разница. Вообще, наблюдая их, я замечаю, что некоторые умственные склонности,— как склонность к идеализму или материализму в значительной степени даны вперед, являются как-бы прирожденными. Наташа — непосредственная материалистка, Соня — очень склонна к идеализму, к поэтическому и мифическому. Она еще и сегодня, пожалуй, допускала, что дети „с неба“. О Леле¹ она легче представляет себе, что „маленька Лелечка“ где-то живет. Наташа очень любила Лелю, труднее помирилась с ее смертью, порой допускала тоже, что она слышит и видит нас, но раз вдруг озадачила меня:

— Нет, нет, папа. Я видела кошечку мертвую: у ней глаз нет, как-же она видит...

¹ Третья дочь В. Г., умершая летом 1893 г.

Теперь опять она по какому-то непосредственному побуждению ума говорит:

— Умрут и больше ничего...

Сам я скептик, хотя отчасти и верующий. Я допускаю и пожалуй верю, что „там“ не все кончено. Допускаю, потому что слепо и неразумно думать, будто наша форма сознания есть последняя ступень сознания мирового. Я беру материализм целиком и говорю: нет ничего вне материи и силы. Самый дух есть комбинация сил и материи. Но что есть материя, что есть сила? Данная сумма сознания — составляющая мое я — есть сумма. Разложите меня огнем или тлением — суммы нет. Но слагаемые? — Несомненно остались. А если они суммируясь давали во мне мое я, то кто знает, как еще они будут суммироваться, как еще они складываются, как всё вместе, что я вижу и понимаю, складывается в неведомое, огромное, бесконечное... И неужели в этом бесконечном — мысль и сознание светятся только в головках ничтожных микробов на ничтожной пылинке, называемой землей. Допустить это — было бы такой же наивностью, как и допустить, что Бог в такой-то день, — зажег на небе фонарики для Адама и Евы. Поэтому я и не допускаю этого, а по методу исключения — допускаю противоположное: наша форма сознания — песчинка перед громадным, бесконечным сознанием.

Это допущение. Теперь — вера.

Вера вытекает из глубочайшей потребности человеческой души — потребности найти свое место в бесконечной цепи сущего, потребности связать себя с этой цепью, потребности быть.

Человек хочет быть и вот почему человек верит, что есть нечто, в чем он сохранится. Что же именно из него сохранится?

Когда я, придавленный — внезапно обрушившимся на меня горем от смерти моей Лели¹ — ехал в поезде по Швейцарии и Австрии — вся природа казалась мне иною, чем до этого времени. Смерть — глубочайший источник мистицизма. Когда с этой безжизненной природой, с этим туманом, с этой пылью, землей, облаком, росой и морем — смешалось безвозвратно то, что недавно еще жило, сознавало, любило тебя и тянулось к тебе рученками, — то невольно туман, облако, волна — приобретают в твоих глазах какое-то особенное значение. Где ты моя Леля? — спрашивал я, глядя в темноту ночи, — и мне бывало страшно, или тоска грызла сердце, или тихая грусть спускалась на душу, — и все это в какой-то непосредственной связи с явлениями природы. Меня пугали снежные вершины Альп: как им холодно, как им высоко и жутко. Подъезжая к Синаю, в Карпатах, я с таким же мистическим страхом глядел на темно-синее ущелье, куда с усилием подымался наш поезд. Ущелье днем — поражало синию тьмой своего воздуха — и туманное, белое клочковатое облако тихо падало в него, как то робко цепляясь краями за вершину... А в моем сердце вставал все тот же вопрос: Леля моя, где ты? И когда облако, тая и расплываясь, грустно исчезло в холодной и синей тьме, — мое сердце сжалось сильнее... Вот и оно было, но исчезло. Помню еще, что после смерти Жени², а потом Лели —

¹ В. Г. получил известие о смерти дочери в Париже 14/26 сент. 1893 г., на обратном пути из своего американского путешествия. См. письма его от этого числа к матери и к свояченице А. С. Малышевой („Письма“ кн. IV) и „Дневник“ т. II, запись под 1 ноября 1893.

² Женья, племянница В. Г., дочь его сестры М. Г. Лошкаревой. О впечатлении произведенном на В. Г. ее смертью, см. „Дневник“ т. I запись под 17 сент. 1888 г. и письмо к В. Н. Григорьеву от 18 — 20 сент. 1888 г. („Письма“, кн. II).

я очень боялся раздавить самую маленькую мошку: так было жаль жизни, того, что было в них, и чего в них уже нет...

Я знаю, что — дай волю этим чувствам, начни искать в них скрытую в их глубине какую-то, нездоровую в сущности, отраду — и можно дойти до туманного, миазматического мистицизма, а может быть и сумасшествия. Но это особенное чувство, „чувство смерти“ (есть такое, очень цельное, непосредственное и сильное), — если только пустив его в душу — тотчас-же охватить его мыслью, сознанием, умом — дает очень много и мысли, и уму, и сознанию. Я пытался сделать все это в течении почти недели, в которую мчал меня поезд из Парижа в Добруджу¹, когда я засыпал с вопросом — где ты, моя девочка, — и просыпался со слезами на лице и с тем-же вопросом в сердце.

И я думал тогда вот что. Моя Леля как две капли воды походила на Соню в том-же возрасте. Портрет Сони — в том возрасте — отчасти заменяет нам портрет Лелечки. Теперь в Соне не сохранилось ни одной прежней черты. Известно, что в ней не сохранилось также ни одной материальной частицы, из тех, которые составляли это маленькое существо три года назад...

После этого я вдруг с необыкновенной ясностью вспомнил себя самого. Я — маленький мальчик, в руках у меня книги и тетради, я в первый раз один иду в пансион и остановился у ворот. Я горжусь, я радуюсь дню, радуюсь пансиону, радуюсь птице, которая вдруг кинулась с воздухом в мягкую пыль, но больше всего радуюсь тому, что я пришел один. И мне вдруг вспоминаюсь опять я года

¹ В Добрудже находилась в это время жена В. Г. с старшими дочерьми.

два назад, еще не умеющий писать и никогда не ходивший один по улице. И мне кажется, что это был, пожалуй, какой-то совсем другой мальчик, а я — большой, ученый, самостоятельный не имею с ним ничего общего.

Что у меня теперь общее с тем мальчиком, стоявшим в радостном раздумии у ворот пансиона? Ни одной материальной частицы, ни одного целиком сохранившегося чувства, также, как у теперешней Сони, которую я даже люблю иною любовью, с тою Соней, которая так была похожа на Лелю.

Той Сони нет, того меня нет, — и нет Лели.

Что же есть от меня и Сони? Человек умирает в сущности непрестанно и ежеминутно, выделяя часть своей личности и приобретая другую. Жизнь — как волна. Частицы воды несутся дальше и дальше вниз по течению, а волна колеблется все на том-же месте, пропуская через себя все новые частицы. Мы пропускаем через себя частицы бесконечного океана „материи и силы“, колебля их по своему в течение своей жизни. Что же есть в нас неизменного, в чем сущность того, что мы называем я, что связывает меня с мальчиком, стоявшим у ворот пансиона?

Только непрерывность воспоминания. Я помню себя, я помню свою любовь, свою печаль, свою радость, свое развитие. В моей памяти (далеко даже не непрерывно) лежат моменты моей жизни: кто-то на руках у кормилицы, кто-то ест штукатурку сидя на полу, кто-то учится азбуке, кто-то стоит у ворот пансиона, кто-то любит, женится, радуется ребенку, кладет его в могилку, и вот кто-то теперь думает об этом. Это — я, а того, о ком я думаю, уже нет, от этого кого-то не осталось ни одной частицы, этот кто-то постепенно расплывался и расплылся весь в воздухе, в земле, в воде,

но на его месте тотчас же становился другой и помнил всех прежних. И это жизнь, и это я.

Пока я думал таким образом,— не так систематично, медленнее, мучительнее и сложнее,— горевший надо мной электрический рожок вдруг погас. Он давно уже издавал надо мной тонкий певучий и скрипучий голосок, странно сплетавшийся с моим настроением. Но вдруг голос у него оборвался, свет стал исчезать, несколько секунд раскаленная проволока еще посветилась красноватой змейкой — и охладела. И в том странном настроении, в котором я находился, я сказал себе тотчас же:

— Бедный электрический рожок умер.

И тотчас же я сказал себе: что же с ним случилось?

Вот в вагоне 6 рожков. От каждого идет проволока к электро-динамической машинке. Пусть ток, ток идет во все 6 рожков. Ток — сила. Она вливается в змейку свечи,— змейка начинает светиться... Она все та же — только в нее влилась сила.

Светятся все шесть сестер. Но вот у одной заболело горло. Она хрипела и стонала давно. Сила льется в нее попрежнему, сила все та же, а свет в ней вздрагивает и меркнет, а жизнь гаснет, потому что силе нужна цельная проволока, известная комбинация материи, а у моей змейки заболело горло. Она вспыхивает, гаснет, холодеет, меркнет.

А сила? А силе не сделалось ничего, ток вернулся к своему источнику и в машине его стало больше и он может политься в другую лампочку или может вступить бог знает еще в какие комбинации...

И вдруг в моем воображении (вера всегда рождается в воображении, хотя часто материалом ей служит допущение, истекающее из знания) итак в моем воображении встала картина. Огромный океан первичной силы, той,

которая вечно равна себе, никогда не уменьшается, никогда не прибавляется... Огромный океан высшего сознания... (потому что не может быть, чтобы наше сознание было наивысшим). От нее льется „сила“, дающая память, т. е. дающая бытие. Сила вливается в маленькое тельце моей Лели. Оно светит, оно играет, оно растет, оно любит, оно освещает мне жизнь. Но проволочка ржавеет, портится, свет меркнет, тельце дрожит и стонет, Леля зовет своего папу (звала до самой смерти), потом стынет... И маленькая лампочка не светит более.

А сила? А память? А любовь, а сознание? Все целиком, как капля в недра океана, ее породившего, возвращается к источнику. И там — опять хранится или идет дальше, в бесконечной эманации жизни.

Ушла, значит ее нет? Но и мальчика у ворот пансиона, и Сони, похожей на Лелю, тоже нет. А есть — память их.

Есть и ее память. То огромное сознание — океан сознания, не есть личность. Это есть сознание всех личностей, которые чувствуют преемственно себя в ней и рядом других в ней. Моя Леля живет в ней, как во мне живет мальчик у ворот пансиона. Но я только человек и мое я выстраивается лишь в одну нитку, на которую я нанизываю, как бусы, разные моменты переливавшейся через меня жизни. А тот, великий, сам себе равный, кто или что служит источником жизни — бесконечно шире и потому в нем живет и трепещет живая память всего и былинки, и пылинки, и моей Лели и всех, когда либо любивших, страдавших, помнивших свою любовь и страдание существ. Ничто не потерялось, ничто не исчезло. И когда моя проволока проржавеет, когда я перестану светить другим, — вся память моя, и мальчик у ворот и человек, оплакавший Лелю, — все целиком перейдет

в тот же океан. И ни что не утратится, и эманация пойдет дальше и все будут помнить, чувствовать, сознавать и любить всех, кто был.

Был и будет. В этом моя вера, и этой вере не противоречит „допускаемое“, не оспаривает ее мое знание. И я теперь часто думаю: Леля меня чувствует и видит, — как же я загрязненный жизнью, стану с ней рядом. Потому что моя Леля есть часть допускаемого мною Бога, Бога, который совсем иной, но в которого я может быть только начинаю, а может быть уже и верю...

Сегодня получил письмо из Тульчи, от М-ску¹. Он пишет. „Le bruit, qui s'est repandu dans notre ville et le pays entier, sur vous personnellement, etait assez grave, sa gravité etait encore augmenté par la colportation de ce bruit par les journaux. Vous comprenez la situation de notre cher docteur, qui etait presque malade, quand le journal avec la triste nouvelle lui est tombé dans les mains“². И т. д.

Добряк румын прибег к французскому языку, потому что русского не знает, а письма Петра³ не доходят.

¹ Мелинеску, аптекарь в Тульче, знакомый В. Г. со времени его поездки в Добруджу осенью 1893 г.

² „В нашем городе и во всей нашей стране распространился довольно серьезный слух, касающийся Вас лично; значение его еще усилилось тем обстоятельством, что его подхватили газеты. Вы поймете состояние нашего милого доктора, который чуть не заболел, когда газета с этой грустной новостью попала ему в руки“.

³ Под именем доктора Петра жил в Тульче известный политический эмигрант, врач В. С. Ивановский, брат жены В. Г. Он выведен в Румынских очерках В. Г. „Наши на Дунае“ (т. XIX наст. изд.). После его смерти в 1911 г., В. Г. посвятил ему статью в „Русск. Ведом.“ 1911 г. № 199 — „Памяти замечательного русского человека“. (см. т. XXXI наст. изд.).

Что это за „грустная новость“, распространенная обо мне журналами Румынии,— не имею понятия¹.

17 апр.

6 Апр. состоялось заседание (в Петербурге) Исторического Общества, о котором сообщают телеграммы.

Телеграммы „Смоленского Вестника“.

От „Российского телеграфного агентства“.

9 апреля

Петербург. В четверг состоялось под председательством Государя собрание исторического общества, на котором Его Величество обратился со следующими словами: „вам памятно, господа, с какой любовью и с каким попечением относился Мой незабвенный покойный родитель к трудам нашего исторического общества. Принимая на себя звание председателя оно, Я буду стараться следовать Его высокому примеру и с такою же сердечностью работать над продолжением начатого им дела. Уверен, господа, что с вашей стороны встречу полную поддержку в новых плодотворных трудах по исследованию и разработке отечественной истории“².

В ответ на эту речь К. П. Победоносцев произнес целую лекцию, в которой очень досталось Александру I, „воспитаннику Лагарпа“. „Он родился в такое время, когда простой народ слыл под общим именем „подлых людей“ и сверху мало кто различал в нем облик достоинства“... „Не зная натуры народа, он мечтал о представительном правлении... Не зная церкви православной в народном значении (а не в христовом значении?), он мечтал об уравнивании с нею всех вероисповеданий, без различия церкви и вероучений, мечтал о восстановлении Польши, не зная истории, которая сказала - бы ему, что царство Польское означает рабство

¹ За границей распространился слух об аресте В. Г.

² Курсив В. Г.

и угнетение целого народа"... Из этой речи мы узнали, что бывают все таки цари, которые не понимают „ни истории ни духа своего народа“ и которые пытаются без этих знаний строить что-то, точно „в чистом поле“. Только это всегда цари уже умершие. Их назвать не трудно: Екатерина Великая, созывавшая собор, т. е. сделавшая нечто, о чем даже не смели мечтать тверские крамольники, просившие лишь права непосредственных ходатайств на высоч. имя. Это Александр I, в период его лучших стремлений, когда он не знал облика достоинства в своем народе и потому мечтал о допущении его к власти, а церковь представлял себе, как учреждение божественное, а не народное только. Это, наконец, Александр II, которого „Моск. Ведомости“ разносили (по смерти) так, как ни одна либеральная газета никогда бы не посмела отозваться об Александре III, за то, что он (тоже вероятно не зная облика достоинства) — освободил крепостных, призвал народ к участию „во внутреннем управлении“ и уничтожил впервые телесное наказание в России. Поносить этих мертвых монархов, имена которых все таки стоят на вершинах мировой истории — и льстить каждой прихоти живого монарха, — вот что теперь имеется преданностью самодержавию. Вместо этих образцов, — молодому государю рекомендуется подражание Николаю I, допустившему свою страну до позорного разгрома, как следствия развращенности и продажности всех „правлящих“ и стоявших у власти, и Александру III. Последний очевидно отлично знал и дух и нужды своей страны, когда всенародно говорил московскому дворянству: „слава Богу десять лет прошли благополучно“ — в 1892 году, в том году, когда в его стране только что закончилось бедствие небывалого голода и свирепствовала холера. Он признал „облик достоинства“ в своем

народе, и потому сократил самоуправление и одобрял розги... Превосходные уроки!

19 апр.¹

Интересное сопоставление: в одном и том-же № „Нижегор. Листка“ (№ 104, 19/IV — 95) напечатаны два известия: 1) —

— Не так давно газеты сообщали, что в Саратове образовалось новое благотворительное общество — „общество улучшенной жизни“, Задачи нового общества, по словам „Бирж. Вед.“, довольно широки.

Его главная цель заключается в искоренении пагубных и вкоренившихся в жизнь привычек и вообще в жизни частных лиц и общественной. Общество воспрещает употребление охмеляющих и в особенности спиртных напитков, злоупотребление винами до степени неприличия и расстройства, причем до этого не должен быть доводим хозяином и гость, и рабское пристрастие к табаку, особенно среди молодежи, азартные игры — карты, орлянку, кости и т. п. Вместе с тем общество восстает против явных соблазнов, оскорбляющих религиозно-нравственное чувство, грубой вольности по отношению к женщинам, сквернословия, драк, истязаний детей, жестокого обращения с животными и проч.

И рядом другое:

— Сыскною полицией открыта в Петербурге секта под названием „духовных христиан“, которые отвергают духовенство, проповедуют безбрачие, целомудрие, не употребляют в пищу мясного и спиртных напитков, не курят табаку, враждебно относятся к непринадлежащим к секте. Основатель крестьянин Рябов.

Сколько еще следов крепостного права в нашей жизни! Сыскная полиция „открывает“, как преступление в народной среде, то самое, что служит задачей благонамереннейших обществ в среде интеллигентной!

¹ Против этой даты приписка на полях: (Вчера вернулся Баранов).

22 апреля

Несколько дней назад „Ниж. Листок“ претерпел новую метаморфозу. Секретарем редакции стал Викт. Александр. Фидлер, сотрудник „Русских Вед.“.

Приехал, пока еще временно — А. И. Венцк[овский], приглашенный нижег. губ. земством для некоторых работ. Он передавал, что на литерат. петицию уже последовал ответ. Подписавшиеся первыми Альбов¹ и Бильбасов² получили через полицию извещение, что прошение их, на высоч. имя поданное, — „оставлено без всякого уважения“.

Вчера я получил письмо председателя Спб. Ком. Грамотности³ (от 18 Апреля, № 1193), в котором он извещает, что общее собрание Комит. Грам. в годичном собрании присудило мне золотую медаль имени Погосского.

14 мая 95

Давно не брался за свой дневник. Впрочем, — всюду затишье. У нас все толкуют о том, кто победит: говорят, будто Кази принял обязанности гл. комиссара выставки лишь под условием, что не будет Баранова, — и действительно сам Баранов рассказывал, что уезжает в Алжир лечиться. Потом вдруг появилось известие, что Кази уехал за границу, отказавшись от комиссарства. Теперь опять новое известие: вернулся и вступил в отправление своих обязанностей (Волгарь, № ...). Из этого обыватель делает вывод, что скоро Баранов поедет в Алжир. Но всего вернее, что будет тянуться канитель, будут под-

¹ М. Н. Альбов, беллетрист.

² В. А. Бильбасов, историк и журналист.

³ Петербургский комитет грамотности при Вольно-экономич. О-ве основанный в 1861 г., занимавшийся с 1881 года изданием книг для народа; им издано было несколько рассказов В. Г.

ставлять друг другу ножку и все будет валиться кое - как, через пень колоду. Это и есть общий тон теперешней жизни.

Письма вскрываются и пропадают. Кажется, вскрываются меньше или деликатнее,—пропадают больше. Шпионов что-то не видно,—может быть, стали осторожнее. Недавно арестован некто Цветков, работавший сдельно при земск. статистике, человек малоинтеллигентный и, повидимому, весьма ограниченный. Имел у себя какие-то брошюры и надумал спрятать их снаружи в отдушину под домом. Хозяева подглядели, нашли узелок и доставили куда следует (в жанд. управление). Обыск и арест. Говорят, будто к Цветкову был приставлен специальный шпион, который будто посажен под арест за то, что „ничего не знал“ и что „дело“ открыто таким образом не непосредственно охраной. Говорят, при составлении протокола Евецкий поступал след. образом: находят литографированные университет. лекции Милюкова, переписанную из „Современника“ статью Лаврова и рецепт для составления гектографической массы. Пишут: найден такой то рецепт, гектографированная брошюра Милюкова и брошюра Лаврова! В конце концов—все дело, кажется, в рецепте. Имел рецепт гектографа, значит намеревался что-то гектографировать. Бедняга не признает рецепта своим и—посидит пожалуй год, а то и больше в „Кресте“!

В феврале гостившая у нас А. Малышева подала просьбу о дозволении приехать в Москву для операции мальчику, представив свидетельство доктора. Месяц ответа не было. В конце апреля является околодочный с устным требованием: начальник охраны требует А. С. Малышеву в охранное отделение. Я удивлен и возмущен: с какой стати и что это за требование без объяснения

причин и формального вызова. Тогда окологдочный мнется и заявляет, что вероятно пришел ответ на просьбу и нужно об'явить. Всегда такие об'явления приносит полиция на дом. В данном же случае Малышева, вдобавок, действительно нездорова и не выходит. Я пишу в этом смысле отзыв, она подписывает, окологдочный уходит и — никакого ответа Малышева не получает. Мальчику делает благополучно операцию А. Ю. Фейт, а маниак Евецкий, наверное, для „очистки бумаги“ послал в Москву какую нибудь более или менее гнусную ложь.

Мои дети уже здоровы, выходят около недели. Вчера водил их на берег Оки. Разлив еще велик, восторгу не было конца.

С 15-го мая по 4 июня поездка в Петербург,¹ — В Нижний вернулся 4 июня. — С 6 по 9 в Растяпине² у мамы и Мани³.

10 июня

В Нижнем еще одно „политическое“ дело. Некто Савостьянов, служащий у Зевеке бухгалтером, выпивал

¹ В записной книжке - календаре 1895 г. под 19 мая записано: „Был в главном Управлении по делам печати“ и под 20 мая: „Подавал заявление об издательстве“. До тех пор издательницами журнала „Русск. Богатство“ были О. Н. Попова и Н. В. Михайловская. После отказа О. Н. Поповой от издательства, группой ближайших сотрудников, взявших журнал в свои руки, вторым официальным издателем был выдвинут В. Г. Короленко. С этими делами журнала и была связана поездка В. Г. в Петербург.

² Растяпино — дачное место близ Н. - Новгорода.

³ Сестра В. Г., М. Г. Лошкарева.

с кампанией на откосе и от полноты души запел песню. Помощник пристава довольно грубо окрикнул его: „не петь!“ Тот ответил, слово за слово,—Савостьянова стали выводить, говорят и он кого-то толкнул, вообще „вышел шум“. При этом кто-то из публики крикнул:

— Бей шляпников, валяй их по очкам!

Савостьянов вырвался из рук полицейских и кинулся к толпе.

— Кто кричит! Это наверное из „банды Евецкого“.

Составили протокол. На утро подкутивший россиянин превратился в россиянина, страдающего горьким похмельем. Скандалить случалось и прежде, но теперь скандал выходил уже, благодаря „банде Евецкого“ — на политической подкладке. Пошел бедный россиянин по мытарствам. Кланяется полицмейстеру, — тот его ругает. Идет к Евецкому. Это посещение в рассказе бедного грешника рисуется особенно характерными чертами. Звонит. Отворяет городской и придерживая дверь задернутую цепочкой, спрашивает шопотом:

— Что угодно?

— Нужно видеть полковника.

Удаляется, заперши дверь на замок. Потом возвращается, опять высовывает усы в щелку и опять шопотом спрашивает:

— Вы на вакантное место?

Т. е. проще — не проситесь ли вы в шпионы. Тот отвечает отрицательно и полицейский опять наглухо запирает дверь и опять идет совещаться. Наконец, святылище охраны открывается, грешника впускают в кабинет или канцелярию. Из за стола на него глядят испуганные глаза „начальника охраны“, устремленные на его зонтик.

— Что вам нужно?.. Не подходите, не подходите.

— Я, г. полковник, к вам... я, г. полковник...

— Не подходите, зачем вы с зонтиком, поставьте ваш зонтик, зонтик поставьте.

Бедного раскаявшегося грешника очевидно считают „покусителем“. Евецкий навстречу ему протягивает ладонями вперед руки.

— Я, г. полковник...

Наконец, смиренные ноты в голосе Савостьянова производят впечатление и начальник видит, что это не нападающий. Тогда он сам не медля ни мало переходит в нападение.

— Как вы смеее являться в „государственное учреждение“ без вызова. Сюда не входят иначе, как по повестке... Уходите вон и ждите приглашения.

Грешник смиренно берет злополучный зонтик и смиренно же удаляется. Идет искать милости у губернатора. Тот человек либеральный. Узнав, что проситель учинил скандал, — он его утешает. Ничего, какнибудь сойдет. Но бедняга должен сказать, что кроме скандала было еще...

— Что - же ?

Его пр - во ждет, что будет признание в неосторожных выражениях, может быть — оскорбление величества... В этом случае, пожалуй, тоже еще можно найти снисхождение... Но когда с языка бедного грешника срываются роковые слова „банда Евецкого“, — лицо его пр - ва принимает выражение непреклонности.

— Ну, — я ничего не могу сделать. Нич - чего ! Если вы это сказали, — я не могу !

Начинает ругать и этот.

— И что вам только сделала эта охрана, что, скажите ? Вызывали вас часто, беспокоили, тревожили ?..

Его пр - во не может понять, откуда это раздражение против охраны у людей, которых она не трогает

непосредственно. У пьяного на языке то, что у трезвых на уме. И его пр-во не доволен, что у трезвых на уме — раздражение против охраны... Ему кажется, что раздражаться могут лишь те, кто задет непосредственно... А это проявление „общественного“ чувства его беспокоит и раздражает в свою очередь.

После этого С-ва все таки вызвали повесткой, произвели допрос, сняли карточку с лица и с затылка! На четырех листах С-в написал Евецкому свою биографию и биографию всей своей семьи... Теперь это уже „неблагодетельный“.

При сем случае Евецкий особенно подробно расспрашивал об образе жизни и мыслей одной его сестры, учительницы, живущей отдельно от семьи. Раскаившийся россиянин не посмел сказать нахалу, что это нимало не относится к делу...

11 июня

Дня четыре назад (7 июня) В. А. Фидлер написал издателю „Ниж. Листка“ (Казачкову) категорический отказ от дальнейшего ведения газеты. Бедняга лишь истомился за это время, без всяких результатов. До сих пор ни издателем, ни редактором Казачков еще официально не признан. Издателем числится Волков, давно фактически отказавшийся, „за редактора“ пишется Казачков (Григ. Степ.), с разрешения губернатора. Т. образом газета целиком зависит от губернатора и если завтра губернатор возьмет свое разрешение обратно, — газета не может выходить. Так ли это в действительности, или так только это дело представляется издателям, — сказать трудно, несомненно одно, что неутверждение редактора зависит в огромной мере от местной власти и отдает газету ей в руки. Это мешает всяким попыткам

улучшить газету. Пригласить людей способных работать и оживить газету, — нельзя, будет неприятно „губернаторской канцелярии“. Приходится поневоле довольствоваться услугами Холодковского, человека глупого и сильно заподозренного в шпионстве, — да Ермилова — губернаторской канцелярии приятного. Затем — ножницы и ножницы! Бедный Фидлер, повидимому, очень лестного мнения о „своей газете“. — Читали? — спрашивает он у меня то и дело, и глядит в глаза торжествующим взглядом.

— А корреспонденция - то из Херсона. А? Каково! Там идут толки о регулировании переселений, а у меня — цифры: через Херсон прошло столько - то! Это в „Листочке“ - то!

Или:

— А у меня некролог Бунге¹ — из „Правит. Вестника“ - с! А? Каково! „Волгарь“ поторопился, взял из „Новостей“. А у меня — не угодно - ли - с. Из „Правит. Вестника“.

Как бы то ни было, — газета не двигается, Фидлер устал вертеться, как белка, на месте, и вопрос о газете вступает в новый фазис.

„Волгарь“, успокоившийся на счет моего участия в „нижегородской прессе“, неожиданно для меня еще раз изменил свое отношение ко мне: теперь я опять „симпатичный“, „вдумчивый“ и т. д. писатель, и мой „Голодный год“, в котором С. И. Жуков в прошлом году не признавал ничего, кроме бойкости, — теперь отмечается в „Волгаре“ самыми лестными чертами. Бедная провинциальная пресса!

¹ Н. Х. Бунге, известный финансист. 1881 — 1887 г.г. занимал пост мин. финансов, после чего был назначен председателем комитета министров.

Как трудно ей сбросить это клеймо торгашества, наложенное на нее специальным подбором, производимым „Гл. Управлением“ и нашими цензурными условиями.

Есть впрочем и утешительные черты. Несмотря на явное и беззастенчивое торгашество Жукова — „Волгарь“ все таки значительно улучшается и подается влево. Боязнь конкуренции, носящейся в воздухе, решительно гонит газету в сторону „либерализма“.

Во время поездки в Петербург, — 22 или 23 мая я за-
явлен соиздателем журнала „Русское Богатство“. Теперь
принимаю отовсюду поздравления, хотя это чистая фик-
ция. Журнал теперь почти чист от долгов и составляет
собственность кружка писателей и работников. Нужен
был офиц. представитель, кроме Гариной-Михайловской —
и выбор кружка пал на меня. 20-го я подал заявление,
23-го Гл. Управление санкционировало, 24-го в редакцию
присланы новые билеты на выпуск журнала. В этой по-
спешности, пожалуй, можно усмотреть некоторую любез-
ность со стороны Гл. Управления лично ко мне. Как
будто старались (в пустяках правда) загладить отказ по
изданию газеты¹.

¹ Весною 1894 г. В. Г. Короленко совместно с С. Д. Протопоповым и В. А. Гориновым пытались основать в Н. - Новгороде независимую газету и с этой целью условно приобрели у издателя Милова „Нижегор. Листок“. Однако Гл. Упр. по делам печати отказало В. Г. в утверждении его редактором, такой - же отказ получили и оба его товарища, и дело не состоялось. См. об этом „Дневник“ т. II „Моя попытка издавать газету“ и письма В. Г. к жене от 14 и 16 мая 1894 г. („Письма“ кн. IV).

Наднях был Архангельский, сотрудник „Сарат. Дневника“, приостановленного за статьи о нашей охране. Интересно, что уже после первой корреспонденции, цензор получил строгий выговор. В бумаге из Петербурга сказано было м. прочим, что Россия есть государство, управляемое на точном основании законов и потому слух о том, будто в Нижнем вскрываются охраной письма, явно нелеп, ибо законы ограждают неприкосновенность частной переписки! Жестокая официальная ирония!

Цензор поехал в Петербург объясняться, а его место занял молодой чиновник, когда-то в чем-то „заподозренный“ и едва наладивший опять свою карьеру. К временной цензуре он относился с пренебрежением и статей видимо не читал. Редактор тоже отсутствовал и его роль исправлял совершенный бездельник С. А. Марковский, человек распушенный, ленивый и беспорядочный. Он, говорят, тоже не прочитал двух следующих корреспонденций — и т. образом обе они, имевшие уже при наших цензурных условиях совершенно школьнический характер, — прошли случайно, в то самое время, когда цензор объяснялся в Петербурге по поводу первой...

16 июня

Как старо террористическое настроение в России! В отрывках из воспоминаний Н. М. Сатина („Почин“ Сб. О - ва Любит. Росс. Словесности) рассказан очень картинно следующий эпизод. На Кавказ присланы из Сибири несколько (6) декабристов, в том числе поэт кн. Алекс. [Ив.] Одоевский.

„Как нарочно, в эту самую ночь в Ставрополь должен был приехать государь (Николай I). Наступила темная осенняя ночь, дождь лил ливнем, хотя на улице были зажжены плошки, но заливаемые дождем, они трещали и гасли и доставляли более вони, чем света.

„Наконец, около полуночи прискакал фельд'егер, и послышалось отдаленное „ура“. Мы вышли на балкон; вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса.

„Действительно в этой картине было что-то мрачное.

— „Господа! — закричал Одоевский (компании офицеров). — Смотрите, ведь это похоже на похороны! Ах, если-бы мы подоспели“!.. И, выпивая залпом бокал, прокричал по латыни:¹

— „Сумасшедший, — закричали мы все, увлекая его в комнату, — что вы делаете! Ведь вас могут услышать и тогда — беда!

— „У нас в России полиция еще не училась по латыни“, отвечал он, добродушно смеясь“.

17 июня 95

Бедная Штевен дождалась своей очереди: после того, как стало известно, что Победоносцев против нее, — целая свора духовных и иных сыщиков кинулась на ее школы. Если бы напечатать целиком доклады этих духовных „наблюдателей“ — это был бы просто вопиющий скандал. Разговор попа в дороге с мальчишкой ямщиком, указание на то, что дед Штевен — лютеранин и т. д. и т. д. Епархиальный училищный совет, конечно, держит эти скандальные доносы под спудом и предпочел свести их якобы в одно определение, которое (голословно) и напечатано в Епарх. Ведомостях. И вот мы читаем теперь в газетах:

Состоявшимся недавно определением нижегородского епархиального училищного совета, арзамасской землевладелец г-же Штевен воспрещена всякого рода деятельность по открытию и организации школ грамоты в нижегородской епархии, а также г-жа Штевен

¹ Самая фраза заменена многоточием. (Примеч. В. Г.).

освобождена от звания попечительницы тех школ грамоты, при которых она в этом звании состояла. (Ниж. Листок, № 159, 14 июня 95)¹.

В „Волгаре“ (№ 175) напечатано следующее известие :

С а м а р а . На - днях получен ответ из министерства по поводу ходатайства бугурусланского земства о ссуде в 21.000 руб. на постройку 14 школьных зданий. Министерство говорит, по словам „Сам. Газ.“, что несмотря на горячее сочувствие его к ходатайству земства о ссуде для такой симпатичной цели, как народное образование, оно однако же не может разрешить ссуду в виду сильной задолженности земства правительству (до 150.000 руб.), и большой цифры земских недоимок за населением (до 250.000 р.). „Волгарь“, № 175, — 29/VI — 95.

„Несмотря на горячее сочувствие“ — отказать. После того, как молодой государь несколько раз заявил, что распространение грамотности „утешительно“, — принято отказывать в просветительных начинаниях не иначе, как с комплиментами. „Симпатичное начинание“, „при всем сочувствии“, „не взирая на все желание“ — отказать, воспретить, прекратить, закрыть! Недавно у нас ходатайствовали о дозволении открыть читальню имени Гациского. Нельзя! И нельзя не почему-либо другому, а потому что министерство заботится о процветании учреждений, коим присваивается то или другое „имя“. Необходимо представить капитал, как гарантию прочности учреждения. Но ведь книги есть, помещение есть, на содержание земство ассигнует деньги! Этого мало. И вот отказ и отказ не только в наименовании именем Гациского, но и в открытии! „Несмотря на сочувствие“. Надо думать, что

¹ Далее в дневник вклеены газетные материалы по делу о злоупотреблениях бывшего председателя самарской губ. земской управы Алабина, явившемуся отголоском „голодного года“. Материалы эти, как слишком обособленные и не имеющие общего значения, здесь не печатаются.

и Аракчеев писал об отравлении Куткина не иначе, как с „сочувствием“¹. В виду того, что Государю Императору благоугодно было обратить милостивый взор на несчастного страдальца — произвести оному полковничье довольствие — с прибавлением к оному такого-то количества мышьяку!

20 июля 1895²

На Ярославской большой мануфактуре были крупные беспорядки (в конце апреля или начале мая). Затем беспорядки повторились в Тейкове (Влад. губ.), причем директор „был растерзан толпой“. Даже в подцензурной газете „Волгарь“ было напечатано, что повод к этому был подан самим директором (переп. в № 137 „Русск. Вед.“). Ярославские беспорядки приписывались тоже действиям администрации, круто понизившей заработок. Но затем в печати

¹ В. Г. имеет в виду ген.-майора Куткина, заключенного Аракчевым без объяснения причин в Оренбургскую крепость и содержавшегося там в ужасающих условиях. Александр I, посетивший крепость в 1824 г., увидел здесь Куткина и, тронутый его участью, приказал улучшить его положение. Распоряжение это осталось неисполненным, а спустя некоторое время Куткина отравили. Рассказ о Куткине, перепечатанный газетой Волгарь (№ 155, от 9 июня 1895 г.) из „Рус. Старины“ вклеен в дневник непосредственно перед настоящей записью. Ниже В. Г. приписал: „... И однако — положение узника не улучшилось. Еще - бы, — нет человека бессильнее русского монарха. Он все знает! А после его приказа — „производить столовые деньги по чину полковничьему“ — арестанта просто на просто отравляют! При „слабой власти“ царь мог бы узнать об этом хоть из газет или из запроса оппозиции! Но сильный монарх не узнает ниоткуда!“

² С этого числа дневник ведется в новой тетради, на переплете которой имеется надпись: „1895 — июль — декабрь. 1896 — январь — 1897 и 1898“. См. описание рукописи в статье Ред. Комиссии (4).

все смолкло, и только наднях появилось опять краткое известие:

Ярославль. В местных „Губернских Ведомостях“ опубликован следующий приказ командующего войсками московского военного округа, № 114: „Начальник главного штаба уведомил меня, что на всеподданнейшем докладе о действиях войск, вызванных для содействия гражданским властям к подавлению беспорядков на фабрике товарищества ярославской большой мануфактуры, Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков“. Почитая за счастье о таковом Высочайшем одобрении действий во время упомянутых беспорядков объявить по войскам Высочайше вверенного мне округа, предписываю приказ этот прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батальонах и командах; молодцам же фанатикам, своим доблестным поведением заслужившим одобрение обожаемого монарха, объявляю мое спасибо; а ротных командиров 6 роты штабс-капитана Калугина и 9-й роты поручика Петрова, за умелое и своевременное употребление оружия, искренно благодарю“. Ниж. Листок № 195 — 20 июля 95¹.

Как кажется, при устанавливающейся прочно системе безгласия и произвола поводов для таких „благодарностей“ „за умелое (!) и своевременное употребление“ русского оружия против русских людей будет еще не мало².

3 августа 1895

Сейчас был у меня некто Матов, уроженец Княгининского уезда, сидевший по какому-то политическому делу в „Кресте“, потом сосланный в Орск, под надзор полиции.

¹ Газетная вырезка. Курсив В. Г.

² Далее В. Г. вклеил в дневник две газетные вырезки со своими статьями: „В Васильском уезде (бытовая картинка с натуры)“ (Самарская Газ. 1895 г. № 162) и „Удивительная философия“ (Нижегород. Листок, 1895 г. № 263). Первая подписана инициалами: „В. К.“; вторая псевдонимом — „Простодушный читатель“. Статьи эти не стоят в непосредственной связи с текстом дневника и потому здесь не печатаются. Из них вторая („Удивительная философия“) дается в т. XXX наст. изд.

Оттуда, по манифесту, возвращается на родину. Рассказывает, что в Орск, около 22-го июня прислан из того-же „Креста“ Владимиров, стрелявший в нижегородского губернатора Баранова¹. По рассказам Матова, это молодой человек не более 25 лет (теперь), очень худой (может быть последствия „Креста“), с какой-то странной шишкой на лбу, и сам тоже очень странный. Матов — человек повидимому простодушный — с некоторым недоумением говорит о его теориях, то и дело прибавляя, что „написано очень хорошо“. Владимиров давал ему читать два произведения: „Философия“, о которой автор говорит, что со времен Декарта не было еще написано ничего подобного, — и „Летаргия“, нечто в роде утопии, истекающей из „Философии“.

— Философия, знаете-ли, клонится к ограничению человеческого рода... в интересах низшего населения. Он начинает, знаете-ли, с древности, доказывает, что уже тогда заповедь плодитесь и множитесь теряла силу. Она имела значение в то время, когда человечество еще было слабо, нужно было усилить его в борьбе с животным царством. Львы, знаете, всякие чудовища... разумеется, людям нужно было усиливаться. А затем зло явилось уже от размножения. Берет древних пророков, потом секта назареев (sic), величайшим представителем которой является Христос, говоривший, что безбрачие лучше брака, Ориген, а еще ранее в классическом мире Платон. Много начитанности!.. Потом византийский период, евнухи, которые были и учителями, и политиками и артистами... Затем целая литература абортивных средств... Ему говорят, что это безнравственно, но он приводит свои

¹ Об этом эпизоде см. „Дневник“ т. I, запись под 8 сент. 1890 г. и статью В. Г. „Покушение на генерала Баранова в 1890 г.“, т. XXXI наст. изд.

резоны... В „Летаргии“ прием, знаете - ли тот - же, как у Беллами¹. Засыпает и во сне переносится в страну, где социальное зло чрезвычайно усилилось и обострилось. Страдание человечества необыкновенно. И вот, в ихнем там собрании или парламенте русский, Пановский, произносит речь. Речь, знаете - ли, действительно... написана замечательно. Развивает те - же теории и затем предлагает свои средства.

— Какие - же?

— Ограничение человеческого рода. Передовые должны прямо оскотиться, а кто не может — прибегать к абортивным средствам, наконец — монастыри.

— Он религиозен?

— У него свои взгляды на загробную жизнь, а также на астрономию, но монастыри у него не для религиозных целей, а просто, знаете - ли, производство продуктов, но без производства человеческого рода... А на астрономию у него взгляд своеобразный. По принятой теории — солнце потухает, у него напротив — разгорается... Все у него разгорается все больше и наконец гибнет...

— Ну, а что он говорит о покушении на Баранова. Стрелял он или нет? И из-за чего он на это пошел?

— Нет, не стрелял. У них, по его словам, был здесь кружок. Ну, Баранов их теснил. Они решили его „попу-гать“, а если понадобится, — убить. Вызвалось 6 человек, жребий пал на него.

— Ну, это все оказалось фантазиями. Никакого кружка не было, а предписание убить Баранова, как и другие „письма из Женевы“ написал он себе сам. А производит он впечатление ненормального человека?

— Да, несомненно. Себя он называет фанатиком.

¹ В известном романе „Через сто лет“.

— Фанатиком чего - же ?

— Ограничения человеческого рода...

— Ну, что он рассказывает о самом „покушении“ ?

— Он говорит, что пришел к Баранову, остались одни в кабинете, он стал говорить Баранову его вины против нижегородского края... Баранов заплакал.

— Чорт знает что такое ! Чего - же он плакал ?

— Да, сам Владимиров говорит, что он удивился. Он ждал, что тот встретит смерть, как боевой генерал... Но он стал на колени и закрылся листом. Ну, тут Владимиров увлекся, положил револьвер около себя и стал говорить. А он, действительно, поговорить очень любит. К тому - же он говорит, что никак не мог убить Баранова. Гуманизм проснулся, пред ним человек беззащитный, закрылся листом... Ну, он говорит, а Баранов высмотрел из-за листа и кинулся на него, схватил за руки... Тот видит, что не осилить, вспомнил, как в детстве боролся и дал Баранову „подножку“. Оба упали, а тут прибежали люди...

Как известно, уже после этого Баранов взял револьвер, отошел в другой конец комнаты и, со словами: „да он еще заряжен - ли“ — сам выстрелил вертикально в паркет. Половица, с вертикальной почти дырой, хранится в музее архивной комиссии, — а была она в противоположном (от стола) конце комнаты. Во всеподданнейшем докладе Баранов говорит, что он „не помнит, когда произошел выстрел, вероятно во время борьбы“. Что дело было не так, как рассказывает Баранов — несомненно. Что именно правда в рассказе Владимирова — сказать очень трудно...

Интересная черточка: Владимиров полагает еще, что для счастья человечества необходимо взорвать остров Великобританию („поганный английский островишко“) на воздух.

18 авг.

Вот уже второй раз вижусь с толстовцем А. Н. Дунаевым. В первый раз для этого пришлось бродить по пустым улицам ярмарки вечером. Пустым потому, что торговля кончилась и жизнь схлынула к Омонам, в Эрмитажи, к „Поварам“, в „Зори“ и т. д. Кой-где слышишь заглушенное окнами пение хора, кое-где ухнет барабан, прозвенит высокая нота скрипки... А среди пустых „рядов“ бродят лишь сторожа, или порой дремлют где-нибудь приткнувшись к фонарю спиной (так не видно).

В одном месте—в полуоткрытую дверь №№ виднеется щелка света. Татарин тихо шлепая своими туфлями, по пустым кладовым, ведет нас к лестнице. Подымаемся: пустая торговая контора, с решетками до потолка, во 2-й комнате кипит самовар и сидит „толстовец“—в парусиновой блузе.

Моложав, приятен на первый взгляд, говорит грудным голосом, чуть-чуть на 0, чуть-чуть с какими-то оттенком, в котором чувствуется, что этот человек уже себя ломал и что-то из себя выламывал. Очень мало у них у всех (почти) непосредственности.

Через минуту уже слышу, что он недавно был „в Ясной“... Потом рассказ о Хилкове: у Хилкова мать княгиня отняла сыновей, чтобы сделать из них князей. Жена—„чудесный человек“... но... уже сдается. Уже есть эта... трещинка, уже винит, понимаете, мужа... Приехала „в Ясную“, Льву Николаевичу показать просьбу на имя государя... Ну, понимаете, пришлось вычеркнуть некоторые выражения... Унижается... Да, да, есть трещинка...

Затем ряд сцен и эпизодов—обыски у „толстовцев“, требования присяги, героические отказы, преследования.

Но зато — прогресс. Им очень стыдно, ах как стыдно им... Правда, раз одному не было стыдно, старому полковнику. Но это потому, что тут была курсистка из Женевы, стала возмущаться, нападать. А полковник еще хуже. Пришел толстовец NN... Замечательная душа. Ну сейчас их помирил (кажется, тогда и полковнику стало стыдно).

Есть в этом что-то раздражающее, что-то даже фари-сейское. Рассказывается об этих подвигах, и страданиях других, как о чем-то, делающем честь рассказчику. Душа бедной Виннер (Хилковой) разбирается по частям „в Ясной“, и люди, которые никогда не теряли детей — качают головами: „треснула, подалась“!... И человек, который говорит это — преблагополучно совершает на ярмарке учеты и переучеты... Мы уходили с Вл. Адр. Г[оринным] меж тех же пустых рядов и обсуждали толсто-вца в свою очередь. Почему он учитывает векселя? У него жена и дети, как и у бедной Виннер тоже дети. И мы решили, что должно быть он учитывает векселя и старается, чтобы учитывающим было стыдно...

Сегодня — толсто-вец у меня. Опять о Виннер. Опять — эта трещинка. Женщины вообще — тормаз. Я заступился за женщин несколько, может быть, раздраженно. Требовать жертвы можно только тому, кто жертвует сам.

— Хилков не может уступить.

— И отлично. Хилков в праве не уступать, а другие не в праве судить эту мать в ее деле о ее детях.

— Да никто и не судит. Кто что может. Хилков не может повенчаться и солгать (сам Д. — давно повенчан), я — не могу вот чего (подымает два пальца кверху). Вот что хотите. Не то что с меня... с меня что, это только больно... Если-бы с детей стали сдирать кожу на моих глазах... Ну, если бы они были как Макавей — мне было-бы

только радостно. Но если бы даже они укоряли меня, просили,—сделай вот что (опять два пальца кверху)—ни за что не сделаю. Не могу.

Парень должно быть в сущности недурной, но в эту минуту был мне просто противен. „Не может“ (и отлично может) сделать то, чего никто у него и не требует. В остальном отлично учитывает векселя и обсуждает „в Ясной“, насколько „треснула“ мать, у которой отняли детей...

5 сент.

Сегодня в 9 ч. 37 мин. утра у меня родилась девочка¹. Из соседней комнаты я услышал сразу, с первого же мгновения по ее появлении на свет—громкий детский крик. Сколько помню, ни одна из моих дочерей не кричала так громко в первые минуты жизни.

16 сент.

Наднях в Нижнем получена брошюра А. А. Пороховщикова², озаглавленная: „Самодержавие на св. Руси накануне XX века. Его расхищение, обезличение и восстановление“³.

Содержание:

Гл. I. История моих попыток борьбы за самодержавие.

Гл. II. Самодержавие в три посл. царствования и конституц. планы.

Гл. III. Союз Chrétien - juif,⁴ финансовая политика и финансовые деятели.

Гл. IV. Экономическая политика Chrétien - juif.

¹ Дочь Ольга, умершая летом следующего, 1896 г.

² Издателя „Русской Жизни“.

³ Брошюра эта была издана за границей и предназначалась не для продажи.

⁴ Христианско - еврейский.

Гл. V. Chrétien - juif в союзе с расколом на всеросс. выставке в Нижнем - Новгороде.

Гл. VI. Император Николай II и надежды на восстановление самодержавия.

Гл. VII. Заключение.

П р и л о ж е н и я :

I) Письмо к Вел. Князю Конст. Константиновичу.

II) Письмо к Государю Имп. Николаю II.

III) Postscriptum.

Книга написана полуграмотно, в стиле, каким только и мог написать ее „отставной гвардии поручик“, литературно совершенно необразованный и смотревший на газету, как на орудие для каких то политико - финансовых гешефтов более или менее темного свойства. Пошлый тон псевдопатриотических газет, подогретые восклицания верноподданнического свойства, ссылки на „высокопоставленных лиц“, одобрявших направление „Русской Жизни“, проекты замены деревянно-соломенной Руси — глинобитной и несгораемой, какой - то фантастический союз Chrétien - juif, составляющий адские ковы против русского самодержавия, отец Иоанн Кронштадтский, возлагающий руки на голову А. А. Пороховщикова и пророчествующий: „высоко возведете вы „Русскую Жизнь“, — накануне почти ее закрытия; царь, Николай II, якобы восторгающийся сочинением Пороховщикова и говорящий (еще в качестве наследника) в князю Александру Михайловичу: „читали-ли вы эту чудную книгу“ и еще: „осуществление этих (т. е. „глинобитных“) идей будет первым делом моим по вступлении на престол“... Плеве, поощряющий экономический отдел газеты „Русская Жизнь“, какие-то архиереи, обоими руками подписывающиеся под той - же газетой, — все это дает какую - то довольно отвратительную смесь самохвальства, холопства и дерзости. Тем не менее — основная нота книги — жалоба на произвол в закрытии „Русской

Жизни“¹ без суда, без возможности оправдания и защиты,— придает некоторое значение всей этой ахинее довольно противного маниака. В этом пункте Пороховщиков является, волею рока, представителем одной из вопиющих и вполне сознанных нужд нашей печати, и его жалобы невольно отзовутся во многих умах. Другая нота той же книги тоже довольно верна: он говорит о том, что теперь самодержавие — фикция, что самодержавие „расхищается“ разными „случайными“ дельцами, что царь ничего не знает и является лишь орудием интриганов, что до него не доходит голос земли, что комитет министров — является лишь комитетом „взаимных одолжений“, что в России не монархия,— а анархия. По адресу Витте рассыпана масса грубых и дерзких ругательств и обвинений. Все это написано в пошлом тоне выведенного из терпения холопа, ругающего бар всенародно на улице... Разумеется, при этом улица имеет случай услышать кое-что интересное о таких вещах, которые никогда ей не приходили и в голову. Особенно сердит автор книги на Витте и Афиногена Антоновича². Он утверждает (в письме к вел. кн. Константину Константиновичу), что сей финансист и товарищ министра присылал в „Русск. Жизнь“ „заведомо - ложный донос на другое ведомство, на личного врага (проф. Пихно), на ограбление неповинной семьи его“... „Говорю с документами в руках“ (прибавляет он,— стр. IX, приложения в конце книги).

Вообще — вся почти книга — пошлые выкрикивания, лишенные серьезной критики и серьезных доказательств.

¹ Газета „Русск. Жизнь“ была прекращена 20 янв. 1895 г. по определению четырех министров.

² А. Я. Антонович, экономист, профессор Новоалександр. Института, а позднее Киевского Унив-тета. С 1893 по 1895 г. был тов. мин. финансов.

Но произвол, у нас царящий, до того очевиден, что и не нуждается в доказательствах, а книга Пороховщикова несмотря на всю пошлость тона—является однако знамением времени. Он напечатал ее у Брокгауза, в Лейпциге,—и разослал „членам царского дома, нашим посланникам при иностранных дворах, членам Госуд. Совета, сенаторам, предводителям дворянства, гор. головам губ. городов, архиереям и протоиереям, отцу Иоанну Сергиеву и Валентину Амфитеатрову“. Затем он указывает свое местожительство—Спб., Б. Морская, 23/12,—где готов дать какие угодно раз'яснения, буде таковые потребуются. Последняя часть книги—надежды на Николая II и на какой-то „взмах самодержавия“, который должен все исцелить и восстановить „истинное самодержавие“... Это, однако, плохо скрашивает целый ушат дерзостей, которые верный, но обиженный холоп излил в своей книге на то-же самодержавие...

В заключение г-н Пороховщиков предлагает также и свою систему „спасения самодержавия“. В общем—это устранение „средостения“ между царем и народом, чтобы голос земли достигал до трона. В частности это легко устроить, по мнению отставного лейб-гв. поручика, посредством упразднения „комитета министров“, который он довольно справедливо называет „комитетом взаимных одолжений“, и затем реформой комиссии приема прошений, на высочайшее имя подаваемых. Комиссия эта должна комплектоваться по выборам; выборы будут производиться в земствах и жалование члены комиссии тоже будут получать от земств. Целая конституция, увенчанная прошениями!

Теперь жандармы отбирают книгу от получивших ее по почте.

21 сентября 1895

Странная посетительница. Недавно в „Волгаре“ появилась дрянная заметка след. содержания:

От редакции. В одно местное благотворительное учреждение, как нам вчера сообщили, с некоторого времени является пожилая седовласая особа, невысокого роста, неряшливо одетая, которая называя себя репортером „Волгари“, требует для обозрения книги этого учреждения и вообще поведением своим вызывает неудовольствие.

Во избежание недоразумений, а может быть и такого рода поступков со стороны этой „особы“, которые могут вызвать нарекания, мы заявляем, что в данном случае представляется факт грубого самозванства. Упомянутая особа репортером нашим не состоит.

В то же время мы предупреждаем таинственную „особу“, что если слухи о ее похождениях повторятся, то нами будут приняты энергические меры, к обузданию ее недобропорядочности.

Р е д.

„Волг.“ № 244. 6 сент. 1895.

На это вскоре в другой нижегор. газете „Нижегор. Листке“ появился следующий ответ:

П и с ь м о к Р е д а к т о р у.

М. Г.

До меня дошли слухи, что некоторые лица, прочитав в № 244 „Волгари“ заметку „от редакции“, предположили, что речь идет в ней обо мне. В виду этого нахожу нужным заявить, что если только редакция „Волгари“, а с нею вместе и лицо, своими сообщениями подавшее повод к упомянутой заметке, подразумевали действительно меня в неназванной заметкою особе,— то вся заметка от начала до конца представляет одну только ложь и клевету: нигде я себя репортером или вообще сотрудницей „Волгари“ не называла,— а потому указываемый редакцией этой газеты „факт грубого самозванства“ ко мне не относится,— никаких книг не требовала,— да никто и не исполнил бы, конечно, подобного требования,— и ни в ком неудовольствия своим поведением не вызывала; вообще никакой „недобропорядочности“,

которую редакция „Волгаря“ собирается обуздать, не проявляла — ни теперь, ни тогда, когда еще состояла сотрудницей „Волгаря“.

Примите в уверение и пр.

А. Шмидт¹

Ниж. Лист., № 248 — 11 сент. 95.

Редакция „Волгаря“ разумеется хорошо знала, что г-жа А. Шмидт не имела надобности называть себя репортером „Волгаря“, состоя в действительности репортером другой газеты. Это был просто полемический ход, направленный к тому, чтобы лишний раз подчеркнуть смешные стороны нижегородской „девицы-репортера“, работающей для соперничающего издания. К сожалению, в портрете, действительно все узнали сразу примелькавшуюся фигуру, отмеченную резкими своеобразными чертами. Немолодая уже, маленького роста, с вечным пледом на одной руке, в стоптанных калошах, — она мелькает всюду — на улице, в театре, в собрании, в присутственных местах — и всюду наводит ужас своим появлением: ее допрос чисто американский, подробный, назойливый и бесцеремонный. Кроме того она имеет слабость, не ограничиваясь расспросами, сообщать собеседнику подробности своих личных дел, столкновений с редакциями и своих домашних обстоятельств. Все знают, что у m-lle Шмидт есть мамаша, женщина лет 70, которую недавно она рекомендовала в компаньонки одной даме отправляющейся

¹ А. Н. Шмидт, сотрудница нижегород. газет, приобрела впоследствии известность своей перепиской с философом В. С. Соловьевым на мистические темы, а так же своими произведениями на те же темы: „Третий завет“, „Исповедь“ и друг., изданными уже после ее смерти в 1916 г. Тогда же изданы были отрывки из ее дневника, исполненного мистической экзальтации. В. Г. имел случай ознакомиться с этим дневником в подлиннике и сделал из него много выписок. В архиве писателя хранится записная книжка с этими выписками, озаглавленная: „А. Н. Шмидт — Христова невеста“.

в Крым. Вместо всяких других аргументов в пользу этой комбинации, она говорила просто:

— Маме так нужен крымский воздух.

Еще недавно был также и папаша. Рассказывают, что этот почтенный человек был чиновник, что-то где-то растратил и потерял должность. И мать, и дочь тем не менее считали его каким-то кумиром и соседи имели случай видеть не однажды, как в солнечные дни почтенного родителя выкатывали на кресле на солнышко, подвязывали ему салфеточку и кормили с ложечки яичками в смятку. Это не помешало m-lle Шмидт однажды рекомендовать родителя, вместо себя, для занятий с детьми тех-же соседей:

— Папочка такой умный!

Хотя на это не последовало согласия,— А. Н. Шмидт тем не менее внедрила своего папочку и он приходил раза три, пока на это не последовало решительного протеста. Вскоре после этого родитель умер, и Анна Никол. по этому случаю заняла во многих местах сколько могла. Взяла и у меня 10 р.,— и никому не отдала. Одни (и сама она) говорят, что она очень бедствует, тем более, что в газете ее сократили. Другие уверяют, что она страшно скупа и что у нее лежит несколько тысяч в банке. Что она страшно скупа — это несомненно: в редакции она то и дело выпрашивает то чернил, то бумаги и в конце концов пишет все свои заметки на оборотах ненужных типографских полос и даже на клочках макулатуры. А Сергея Ив. Жукова окончательно вывела из себя требованием в дождь „редакционного зонтика“. Репортер она отличный, лекции записывала образцово, а однажды привела в большое смущение председателя губ. управы. Явившись к нему, она вынула зап. книжку и прочитала оттуда справку: в таком-то году такое-то

собрание постановило поручить управе собрать такие-то сведения и внести такое-то ходатайство. Прошло около 6 лет. Г-жа Шмидт желает получить сведения — какой ответ последовал на ходатайство земства? Справились: постановление было, но все о нем забыли...

Как бы то ни было, — в Нижнем есть девица - репортер, появление которой наводит некоторый трепет. Недавно она прислала мне письмо с вопросом, когда я могу ее принять для некоторой беседы. Эта беседа состоялась сегодня. Анна Николаевна, одетая опрятнее (может быть результат заметки „Волгаря“), предупреждает сразу, что не станет у меня отнимать много времени „обычными своими делишками“. На этот раз ее привело ко мне желание знать мое мнение по одному вопросу, который для нее очень важен.

— Прошу садиться.

— Я хотела знать ваше мнение о религии.

— То есть?

— Видите-ли... В настоящее время существует или вернее зарождается новая христианская секта, непохожая ни на одну из существующих. Принадлежат к ней люди интеллигентные; они признают и прогресс, и культуру, и науку. Они желают всем возможного счастья, но дело лишь в том, что счастья нет на земле. Полное счастье возможно лишь после пришествия Христа.

— Т. е. „второго пришествия“ хотите вы сказать.

— Да, второго пришествия. Полного счастья нет, и неправда-ли, оно невозможно. Допуская даже прогресс знания, культуры, прогресс социальный, все, что уменьшает страдание, все таки мы увидим, что есть горе, потому что есть смерть...

Какое-то особенное чувство проходит по лицу ее. Мне приходит в голову почтенный родитель, но мне не смешно,

и я слушаю со вниманием и интересом этот неожиданный монолог.

— Допустим даже, что прогресс науки устраняет самую смерть в будущем. Изобретен такой обмен вещества, который жизнь поддерживает постоянно в одном, известном напряжении. Это невозможно, но ведь мыслимо, неправда-ли. Но и тогда нет полного счастья, потому, что... смерть была и этого ничем не изгладить из памяти. Смерть была у каждого из оставшихся.

Образ почтенного родителя опять проходит в моем воображении, но опять мне не смешно. Я вижу, что эта смерть так-же важна для моей сгранной собеседницы, как всякая другая смерть для всякого другого любящего человека. И я утвердительно киваю головой.

— Полное счастье возможно только после конца этого мира, когда опять придет Христос. Эта вера не исключает никакой другой веры. Видете-ли,— нужно признать, что ни в одном из существующих культов нет достаточно объединяющей силы—все они спорят и все разделены. Та вера, о которой я говорю,—признает все остальные, не станет спорить, но внесет нечто новое, нечто такое, что дополнит все остальные и таким образом примирит.

— Ее догматы?

— Пока я не вправе сказать вам об этом более, чем я сказала. Мне очень, важно знать, что вы об этом думаете (странный взгляд искоса и исподлобья).

— Я не знаю еще о чем? То, что вы сказали,— есть лишь отвлеченное, почти обезличенное христианство. И теперь мы знаем многих христиан, не отрицающих прогресса культуры и науки, терпимых к другим верам... Мы знаем, пожалуй, даже и таких язычников. Здесь нет еще определенных признаков какой-нибудь новой веры.

— Виновата. Я поставила вопрос не ясно и неопределенно: допускаете ли вы дальнейшую эволюцию христианства? Вы знаете, многие верующие признают, что в христианстве уже дана вся истина и значит его развитие закончено навсегда. Мне интересно, думаете ли вы также, или допускаете, что христианство имеет еще свою эволюцию?

— Я несколько изменю формулу: я признаю, что религия человечества имеет еще свою эволюцию и эпизоды этой эволюции, быть может, оставят далеко позади самое (нынешнее) христианство. Но я не уверен, что эта дальнейшая эволюция должна считаться именно эволюцией христианства.

— Почему?

— Извольте. Я считаю, что вера есть мораль и познание. Она раскрывает сущность мировой жизни в познании и дает правила для человека в этой мировой жизни. По моему мнению, христианская мораль — очень возвышенна. Но христианское познание мира слабо и наивно. Мы можем быть накануне огромного потока совершенно новых мировых представлений, открытий, накануне новой космогонии. А тогда и мораль должна будет получить новые основы... Впрочем, я думаю все равно, как будет называться новая вера. Я полагаю, что она будет когда-нибудь...

— Вот это я и хотела знать... В Апокалипсисе говорится, что проедут по всему свету четыре всадника. У одного конь черный и сам он черный, у другого рыжий, у третьего еще какой-то, а у четвертого конь белый и сам он бледный. Это и будет, по толкованию этих людей — новая вера... Она призовет к себе всех, кто может во что-нибудь веровать, хоть во что-нибудь... Ее не примут только ни во что неверующие.

— То есть, атеисты...

— Видите - ли, — нет таких цельных людей. Все относительно. В одно время не верит, потом может быть поверит... Только те, кто ни во что совсем не верит...

— То есть все-таки, скажем, „закоренелые атеисты“.

— Ну, да. И притом будут гонения.

— При объединенной вере?

— Да, потому что сначала будет больше верующих, чем неверующих. А затем наоборот: верующих меньше, и они подвергнутся гонениям. Но это для них будет такая полная радость, эта близость Христа и конца, для которой они работают, что самые гонения не могут препятствовать счастью. И все должны способствовать приближению этого времени. Что вы думаете, г. Короленко, о такой религии?

— Повторяю, я ее еще не вижу и не знаю, в чем дело.

— Наступит время, вы узнаете и многие узнают... Пока я не вправе сказать вам больше. Вы сказали, что допускаете эволюцию религиозной идеи. Это пока все, что я хотела знать. Простите, что отняла у вас время.

Она встает, берет ридикюль и платок.

— Теперь скажите, когда будет собрание членов архивной комиссии?

— Я уезжаю на несколько дней. Мы соберемся по моему возвращении.

— А общества поощрения высшего образования?

— Этого не знаю.

— Но ведь вы в правлении?

— Да, но все-таки еще не знаю, когда назначат. Я давно не видал ни председателя, ни других членов.

— Не можете ли вы узнать и известить меня.

Одним словом, передо мною опять m-lle Шмидт, девица-репортер, заботящаяся о доставлении стольких-то строк ранее соперника Холодковского.

23 сент.

В новое царствование родился новый тип афериста. В разных местах, в провинции, получают посылки наложенным платежом. В посылках — альбомы царской фамилии и „патриотические“ брошюры. Альбомы очень часто присылаются в большом количестве экземпляров, и обыватель нередко, скрепя сердце, платит. Или не оглядишься, а и заметишь, как тут отказаться, на почте перед чиновником... Как бы чего не вышло,—думает обыватель, и... берет.

Недавно к одному из моих знакомых является субъект. Красный нос, длинные усы, tenue отставного предводителя, издавшего лучшие дни, теперь видящего худшие. Лицо обрюзгшее, кадык обвисший, взгляд наглый и мрачный.

— Благодаря мне, млстив... гдарь, вы имели возможность сделать очень ценное приобретение...

Хозяин смотрит с недоумением.

— Очень ценное приобретение, млстив... гдарь... — с ударением произносит кадык... — Мною были посланы вам портреты царствующего дома, с ныне благополучно царствующим государем во главе...

Хозяин действительно недавно попался на удочку наложенного платежа и у него является желание вышвырнуть гостя за дверь. Но гость нагло смотрит в глаза и продолжает:

— Теперь вы имеете случай приобрести еще лучший альбом, в шесть красок... Не угодно ли взглянуть имена подписавшихся.

И он почти насильно сует лист, с именами Морозовых и т. п. тузов коммерции.

— Надеюсь, млстив... сдарь, что вы при известном патриотизме ррусского человека не упустите случая...

Без сомнения, мстив... сдаться, я не ошибся, обращаясь к вам, как к истинно русскому... Вы и ваши служащие... Сколько прикажете экземпляров...

Мрачный и мутный взгляд вперяется в хозяина с вопросом и угрозой. Однако, на этот раз наглость возмущает собеседника и он холодно возвращает лист.

— Мне не интересно знать, кто у вас подписался. А так как один альбом у нас уже есть, то другого мне не нужно.

Гость с расстановкой и большим достоинством прячет лист в боковой оттопырившийся карман потертого сюртука, с какой-то проблематической орденской петличкой.

— Дело ваше,— говорит он тоном человека, который не ручается однако за последствия такого антипатриотического поступка...— Мы не принуждаем - с... мы не можем принуждать... Мы только предлагаем... Удовлетворяя патриотическому чувству русской души... У вас сколько рабочих? — внезапно прерывает он себя...

— Столько - то, — отвечает несколько озадаченный хозяин.

— Хорошо - с... Признаете - ли вы, что русский человек должен знать, что такое самодержавие. Да или нет - с? Не допускаю и мысли...

— Ну - с?

— Не допускаю и мысли об отрицании... Итак, в этом, хоть в этом - с мы все согласны. Русскому рабочему необходимо краткое, сжатое, сильное изложение сущности самодержавия... Вот - с... всего пять рублей сотня.

Он торопливо и решительно кладет на стол образец листка о самодержавии и другой, на котором написано: „Желая приобрести 100 экземпляров такого - то листка и прилагая при сем... покорнейше прошу“ и т. д.

— Но ведь эти листки стоят не более копейки...

— Дор-рого? Дорого пять копеек... Вся сущность самодержавного строя! Не допускаю и мысли. Всего каких нибудь пять рублей на пользу бедного русского рабочего.

У хозяина начинают чесаться руки, но мутные глаза жадно и выжидающе впились в него.

— Ударь,— умоляет этот взгляд.— Рази... за патриотизм... Я только этого жду...

И через минуту листок подписан, пять рублей исчезают в дрянном, засаленном бумажнике.

Говорят, душой этой махинации является известный генерал Богданович, бывший староста Исакиевского собора...

25 сент.

В 12^{1/2} часов дня выехал из Нижнего в Елабугу, на пароходе „Гоголь“, на заседание по делу мултанских вотяков, обвиняемых в человеческом жертвоприношении¹. День серый, вечер туманный и темный; легкий ветер гудит в широкой трубе, оглашая весь пароход каким-то глубоким, довольно унылым звоном и гудением. Все это вторит необыкновенно мрачным впечатлениям, вынесенным от чтения дела и жалобы защитника. Каков бы ни был вторичный приговор суда (первый отменен сенатом) — человеческое жертвоприношение несомненно было: если вотяки не принесли в жертву Матюнина (убитый), то вотяков принесли в жертву на алтаре полицейского и прокурорского честолюбия...

¹ Дело Мултанских вотяков слушалось первый раз в 1894 г., при чем вынесен был обвинительный приговор. По жалобе защиты приговор этот был Сенатом кассирован. Теперь предстояло вторичное разбирательство, на которое В. Г. ехал в качестве корреспондента.

Со мной едет мрачный лесничий, с черными глазами, очень грустный и угнетенный. Узнав, что я еду в качестве корреспондента в Елабугу, он пожимает плечами:

— Что пресса! Пишут пишут, а все... Нет, что тут пресса... Ну, и осудят невинных, мало-ли...

Из дальнейшего разговора я узнаю, что он — лесничий 2-го разряда в Макарьевском уезде, что управляющий госуд. имуществами Лепковский его преследует, заставил ездить бог знает зачем в Петербург, там признали его правым, а все-таки переводят на худшее место...

— Мальчик у меня в гимназии, в приготовительном. И тот, поверите-ли, изнервничался, начальство даже замечает: папу в Сибирь переводят, за что?..

В черных глазах лесничего мелькает что-то в роде слезы. Лепковский действительно дубина, человек грубый и несправедливый.

Мы разговорились. Мне передалась часть его тоски, а зато он немного оживился. — „Две недели кроме чаю почти ничего не ем и не пью... А вот разговорился — все-таки легче“.

Через некоторое время, выйдя опять из своей каюты, — застаю в общей молодого человека с закрученными кверху усиками и каким-то неприятным фатовским выражением лица. Встает и знакомится:

— Имею честь видеть г-на Короленко?.. Я — Печенкин, родственник Л. М-ны, которая к вам явилась так, можно сказать, странно...

— Я был очень рад, так как Людмила Матв. очень хорошая девушка... и мы все ее очень любим...

— Нет, но все-таки... Явиться незнакомой, так прямо, потому только, что вы — писатель... Это нахально... Угодно коньячку?

Мне кажется, что сам он действительно нахал. А через некоторое время у нас во 2-ом классе разыгрывается целый скандал. К молодому человеку подходит официант и подает счет. Оказывается, что он ехал сначала в 1-ом классе и на требование билета ответил высокомерным отказом. Теперь перешел во 2-й. Это возбудило в официанте сомнение, и он потребовал уплаты. Печенкин обиделся.

— Пошел вон, халуй.

— Это даже довольно глупо, что вы меня ругаете, вы требовали и обязаны уплатить.

— Не уплачу, по принципу... Пошел вон!

Призывают капитана. Тот сначала очень вежливо просит билет.

— Не желаю показывать. Я пред'являл уже.

— Нет, вы сказали, что пред'явите после.

Нетвердыми шагами молодой человек подходит к какой-то коробке и достает оттуда билет 2-го класса.

— Вы ехали до сих пор в 1-м, потрудитесь доплатить и заплатите также по счету.

— Убирайтесь вон.

— Прошу не говорить дерзостей. Я капитан.

— Что вам нужно?

— Требую уплаты.

— Как смеете требовать... Всякий холуй будет требовать... с меня! Гайка слаба-с!..

— Что такое?

— Гайка слаба.

Как это случается часто, это „гайка слаба“ выводит капитана из себя хуже, чем ругательства. Он обещает его привязать к брашпилю...

— Гайка слаба-с... Я гвардии поручик, и какой-нибудь халуй может мне приказывать...

— А, халуй, а, гайка слаба!.. Матросов!..

Являются матросы.

— Привязать его к брашпилю.

Тут я вмешиваюсь и говорю:

— Ни к какому брашпилю вы его не привяжете.

— Вы за него заступаетесь?

— Нисколько. И если вам угодно будет составить протокол,—я охотно подпишусь в качестве свидетеля. Но ни для каких привязываний к брашпилю не вижу оснований.

— Попробуй,—кричит Печенкин. —Я тебе голову прострелю...

Капитан сдается на мои резоны, матросы удаляются, а струсивший все-таки герой призывает буфетчика.

Приходит пьяный буфетчик, покачиваясь и подходит вплоть к нему.

— Который коньяк вы брали—должны заплатить...

Тот платит и обращаясь к официанту, говорит:

— А тебе на чай—ни звука!..

Затем начинает ломаться и лгать: в первом классе он ехал потому, что там молодая дама,—вы заметили?.. Она со мной, знаете-ли... ну попросту сказать...

Следует циничное и по всем видимостям лживое хвастовство. Мне становится противно и я ухожу на палубу. Он находит меня и там и заводит опять разговор. Оказывается, что он—земский начальник Семеновского уезда...

— Судил недавно: муж ищет с жены 2 рубля приданого. Обещали 60 рублей, дали 58... „По указу его величества... Обвинитель!.. Согласны вы дать отсрочку две недели?.. Подсудимая! Можете через две недели отдать?.. Ха-ха! А вот исправники—главное зло в жизни земского начальника“...

Я ухожу в свою каюту и запираюсь...

И этот гадкий щенок тоже судит и приговаривает, и распоряжается тысячами мужиков по своему усмотрению...

— Большая часть этакие — со вздохом и как то сентенциозно произносит в темноте под моим окном, какой-то пассажир, повидимому сельский торговец... — Что делать! Дадена власть...

(Кажется, вдобавок самозванец?)¹.

26 сент.

В Казани. Вечером выехал на пароходе Якимовых — „Уфа“. Это пароход, делающий рейсы по Белой и Каме. Меня он высадит в Елабуге завтра часов в 6 — 8 вечера. Пароход битком набит солдатами запаса. По большей части татары, черемисы, вообще инородцы.

27 [сент.]

Теплый, мглистый день. На небе легкие облачка, пропускающие лучи солнца точно сквозь летучую дымку. Левый берег рисуется черным силуэтом между серебристым небом и серебристой зыбью реки. Тихие, пустынные берега Камы, редкие, но большие села, старинной постройки грузные церкви тяжело выступают в мерцающей мгле теплого дня...

Вечер темный, хотя где-то за разорванными мглистыми (дымными, как любил выражаться Тургенев) тучами — бродит луна. Порой выглянет и тогда на темной, как чернила, Каме ляжет огненное отражение, — поиграет, померцает и угаснет. Берег неясен, — то дальняя полоска, то близкая гора, которая тянется, уплывает, едва заметно меняя свои очертания... Я все читал дело, — и теперь

¹ Повидимому, позднейшая приписка В. Г.

в воображении все ходит этот нищий Матюнин по вотским селам, пока наконец не лежит у дороги в лесу, — без головы и с вынутым сердцем. Потом беспощадное честолюбие чиновника - прокурора, талантливые пристава, два с половиной года истязующие свидетелей и производящие все те - же зверства, в каких повидимому совершенно напрасно обвиняют первых попавших под руку вотяков...

А на горизонте, назади, за оставленными пустынными извилинами Камы, — встает сначала легкий отсвет, который затем становится сильнее. Там, где до сих пор была бесформенная туча, — теперь обозначаются кроваво - красные полосы. И долго пароход на поворотах идет все в виду этого зарева — и мне так ясно чудятся под этой полоской — и суета, и вопли, и причитания. Как будто туча набухла людским отчаянием и смертельной тоской, которые так далеко и зловеще светят среди ночи нашему пароходу, бегущему среди спящих берегов.

Часов в 12 Елабуга. Ряд огоньков, дамба под горой, на горе башня, — Чортово Городище; застава, спящая деревня „Подмонастырка“, у в'езда деревянный домик с фонарем, болтающимся над дверью. Окно тоже грустно светит на темную улицу.

— Это у вас что?

— Этапный дом... Рестантов тут пригоняют когда с пароходу.

Я оглядываюсь. Какие - то фигуры чудятся мне или действительно виднеются в избушке. Может быть, здесь дожидаются в эту минуту и несчастные мултанцы!

Развеселили меня только №№ Веникова, куда наконец меня доставил извозчик и которые я описал с великим удовольствием в письме к Дуне¹.

¹ Письмо к А. С. Короленко от 27 сент. 1895 г. — „Письма“ т. IV. См. там - же другие письма В. Г., относящиеся к поездке в Елабугу.

В книге, которую мне подала прислужница — я прочитал во 1-х фамилию „становой пристав Шмелев“ (это — главный свидетель и главный истязатель мултанцев), а во 2-х М. П. Бородин¹. Последнее — почти примирило меня с номерами Веникова.

1 октября

Мултанцев признали виновными всех, — приговор жестоко несправедливый, возмутивший всю присутствующую публику до глубины души². Мне придется много писать об этом, — поэтому оставляю пока эту тему³.

6 окт. 95

6¹/₂ ч. вечера. Еду по Вятке — из Вятских Полян, откуда ездил в Мултан. Говорил с вотяками, был в шалаше, где якобы принесена жертва, ходил по мрачной тропе, на которой найден труп. И только все более и более убеждаюсь, что все это по отношению к вотякам лишь подлая интрига честолюбивого негодяя прокурора и выслуживающихся перед ним полицейских... Ни для кого из местных жителей не тайна, что пытки по отношению к вотякам практиковались самым наглым образом, точно в бессудной стране!..

¹ М. П. Бородин, провинц. журналист, сотрудник „Волжск. Вестн.“ и „Вятск. Края“, знакомый В. Г. по ссылке в Якутскую область.

² Приговор этот по жалобе защиты был впоследствии кассирован Сенатом. Третий раз дело слушалось летом следующего 1896 г. На этот раз процесс, на котором В. Г. выступал в числе защитников, закончился оправданием всех подсудимых.

³ Статьи В. Г. о мултанском деле были впоследствии объединены автором для Нивского издания под общим заглавием „Мултанское жертвоприношение“. Печатаются в т. XXVIII наст. изд.

Вятка — пустынна и угрюма. Кой-где выступит вдруг мощная гора, мрачно потянется мимо моего окна, закрывая небо — порой темный хвойняк торчит на ней доверху, порой село — с огромною, грузною церковью висит над рекой. Теперь впрочем уже ничего не видно. Сейчас миновали Мамадыш. Несколько огней, как будто воткну-тых в темную гору, едва видную на темном небе, потом полоса берега пониже, потом мерцающий силуэт церкви, освещенной снизу невидными мне фонарями — и еще огни, все реже, — вот и все, что видел я от Мамадыша, выйдя на палубу. Потом дождь, небо, как чернила, где-то не-ясная полоска левого берега, где-то „перевальный ого-нек“ на берегу и туманное пятно от фонаря на мачте, несущееся впереди парохода... Как много у нас доверия! Запоздавший пароход летит в темноте как стрела, и по бурлящей то по одному то по другому борту воде — можно узнать его повороты. И всем этим быстрым дви-жением правит три человека, которым глаза слепит теперь дождь и ночной ветер. Я не вижу ни эги, — а они ведут на всех парах эту махину, нагруженную сотнями довер-чивых людей...

Мой маршрут¹: 25 [сентября] из Нижнего. — 26 (час. около 9 веч.) — на Якимовском пароходе „Уфа“ — из Казани.

27, в 11 ч. ночи пристали к Елабужской пристани, верстах в 4-х от города. Подмонастырка, дамба (с за-ставой, земство взимает плату с проезжающих за дамбу), №№ Веникова.

¹ В настоящей записи В. Г. снова возвращается к самому началу своей поездки в Елабугу.

28 — поездка с В. И. Снеж[невским]¹, на гору, к городищу. Башня, видимо очень древняя хотя и подновленная усердием елабужских граждан, около 1885 г.

29 — начало заседания по Мултанскому делу. Пишем трое: я, Александр Никол. Баранов (провинц. беллетрист, землемер Малмыжск. у. земства) — и Влад. Ив. Суходоев, пож[арный] агент Елаб. земства².

30, — продолжение заседания.

1 окт. обвинительный приговор мултанцам. Вчера у В. И. Суходоева познакомился с дочерью Блинова³ (Н. Ник.).

2 окт. Внезапно решили ехать⁴. Весь день сверяли свои записи судебного отчета, решили продолжать на пароходе⁵.

3-го. На Курб[атовском] пароходе доехали до Чистополя, где ночевали на пристани (весь день работали) и 4-го поехали опять вместе (я, Баранов, Суходоев) до Соколов. (Выехали в 10 утра, приехали часа в 2). За Соколками вскоре падает Вятка в Каму. Здесь В. И. Суходоев пересел на камский пароход, а мы — на том же Якимовском „Златоусте“ поднялись в Вятку. Пароход шел

¹ В. И. Снежневский, бывший секретарь Нижегородской ученой архивной комиссии. См. воспоминания о нем В. Г. в т. XXV наст. изд.

² Оба последние присутствовали на суде в качестве корреспондентов вятских газет.

³ Н. Н. Блинов, вятский священник и педагог, признававший существование у вотяков культа человеч. жертвоприношений.

⁴ В село Старый Мултан, где был убит нищий Матюнин. Впечатления этой поездки В. Г. изложил в письме к матери и сестре от 8 окт. („Письма“, т. IV).

⁵ Отчет этот, проредактированный В. Г. и снабженный его примечаниями, печатался в конце 1895 г. в „Русск. Ведомостях“, а в начале следующего года был выпущен отдельным изданием.

на зимовку, в буфете только бутылъ водки и 2 холодных рябчика, которые буф[етчик] нам и предлагает за рубль. За Соколками вскоре Мамадыш, далее 4-го окт. часа в 4—в Вятских Полянах (ночь простояли за темнотой).

4-го же мы выехали на почтовых из Вятских Полян, переправа на пароме, луга, плохая дорога, вечером — в Малиновке — ночлег.

5-го на заре — далее. Ст. Старый Трык, потом дер. Кизнер, Нов. Мултаң и Стар. Мултаң. (3 станции, по 17 в. = 51 верста). Тут мы ездили и ходили на тропу, где б[ыл] найден труп Матюнина, были в шалаше М[ои́сея] Дм[итриева],¹ а к вечеру — опять выехали. Ночлег опять в Малиновке, а 6-го часов в 10 утра были опять у Перевоза, в виду Вятских Полян. Ветер, темно-бурая река, мутное небо — и с трудомдвигающийся, нагруженный паром. Пароходы уже не ходят по расписанию, говорят — либо будет, либо нет. Мы опять на земской станции, куда приезжает доктор Минкевич². Человек небольшой, полный, видимо отяжелевший и опустившийся, но с значительными остатками совести, которая и заставила его самоотверженно отречься на суде от собственного, действительно впрочем никуда негодного, протокола вскрытия. Вызванный в качестве эксперта обвинением, — он неожиданно стал самым серьезным свидетелем защиты. Волнуется и рискует схватить удар... „Пусть делает карьеру, — говорил он во время перерыва о тов. прокурора Раевском, — но не из крови невинных людей“. На станции мы только разговорились, как послышался под горой свисток подходившего парохода. Это „Товарищ“

¹ Один из подсудимых в Мулта́нском деле, в шалаше которого якобы было совершено жертвоприношение.

² Минкевич, малмыжский уездный врач.

Булычева. Наскоро попрощавшись — я на пароходе уезжаю часа в 2 дня. Опять.....¹ Мамадыш, Соколки, где мы и стоим в настоящую минуту.

7 окт.

Соколки — уже на Каме. Я стоял на палубе, вчера, когда наш пароход приставал. Темнота была такая, что я уже не различал ничего, — ни берега, ни воды, ни облаков; только в том месте, где на реку падает свет из окон кают — что-то колышется, неясное, как туман. А впереди точно горящие гвоздики — кучки огоньков. Вон одна такая кучка двинулась и плывет в темноте как будто нам навстречу. — Это пароход идет? — говорю я лоцману.

Он не отвечает. Днем они очень любезно давали все объяснения, но теперь уже второй мой вопрос оставляют без всякого ответа. У этих речных людей, руководимых в значительной степени инстинктом, есть свои приметы. Помню, на Дону я подошел к капитану и спросил:

— Будем ли мы через час у такой то пристани?

Он грубо отвернулся и сказал:

— Как бог даст.

После этого что-то торкало по дну парохода, что кидало его так, что он весь дрожал, между тем, как сзади два вала кипели и прыгали в пене, как два разъяренных змея. Через час мы все-таки были в станице, о которой я спрашивал. Но еще раньше, капитан, человек очень любезный, подошел ко мне и сказал.

— Вы меня простите. Теперь я могу вам ответить. Но ведь вы меня спросили перед самым опасным перекатом... У нас это дурная примета.

¹ Пропуск у автора.

Вероятно, какая-нибудь примета была и у этих лоцманов, хранивших глубокое молчание. Между тем кучка огней положительно резала мне глаза. Два огонька вверху на мачте. Два, точно глаза,— у самой воды, как у животного, положившего морду на самую воду и глядящего вперед,— и затем еще мерцание и поблескивание по всему корпусу. Я был уверен, что он уже у нас на носу, но только через несколько минут наш пароход дал пронзительный свисток... На том ответили — и звук долетал издалека, как будто совсем не от этих колющих глаза огоньков. А между тем один огонек отделился и замахал в воздухе... Еще через несколько минут огненные глаза бегущего на встречу чудовища засверкали сильнее,— и, шумя, пролетел, точно гора, с светящимися окнами большой буксир. Темнота за ним стала как будто еще гуще и едва можно было заметить, как тихо прокрадывалась за ним барка, с маленьким огоньком на высокой мачте...

Сегодня я проснулся часов в 5 утра. Большие облака, непроницаемые и холодные, закрывали небо, но дождя не было. Пароход сейчас только вывернулся из какого-то протока и шел вдоль левого высокого берега, между тем, как правый тянулся небольшой изорванной осыпью.

— Это уже Волга?— спросил я.

— Она.

— А Кама где?

— Вон она.— Я увидел только узенькую полоску, за небольшой косой. Могучая Кама в этой перспективе казалась теперь ничтожным протоком, потерявшимся за низкой полоской земли.

Вскоре открылся другой проток, с такими же некрасивыми берегами.

— А это что?

— Это Камска воложка¹ пала.

Холодно. Какой то толстый купец ходит по палубе, и подходит к термометру. Три градуса. Он очень беспокоится, так как ему нужно еще доставлять что-то до Кукарки и он боится, что Вятка замерзнет.

— Три градуса, а сивер какой, беда,— говорит он.

— Ветер с востоку,— отвечает лоцман.— Днем гляди, потепле будет.

— Ну?—с надеждой спрашивает купец.

— На небе то вон, подзорины пробивает, облака-те разорвало.

Действительно в густых облаках появляются будто окна, в которые на угрюмую землю то и дело проглядывает синее небо. Оглянувшись назад,—я вижу, что на востоке над красивой горой, поднявшейся несколькими смелыми уступами, и круто с высоты упавшей в Волгу,—в клубящихся тучах резко проступили красные, огненные полосы. Это восходящее солнце пробивает, по красивому выражению лоцмана,—свои подзорины и облака лениво, как бы с неудовольствием, начинают собираться в путь с ночлега...

За красивой горой, в излучине круто поворачивающей Волги, по горе — виден Богородск, стоящий версты на 4 выше падения в Волгу Камы.

27 ноября 1895

Вернулся в Нижний из Петербурга и Москвы. — Встречи, разговоры, хлопоты и свидания по Мултанскому делу²,

¹ Воложками называют небольшие притоки Волги.

² Хлопоты эти были направлены к тому, чтобы добиться нового пересмотра этого дела и чтобы привлечь к нему внимание печати, компетентных ученых, видных юристов и широких общественных кругов. Огромная работа, выполненная В. Г. в связи с этой задачей,

потом в Москве — известие о несчастье с братом Юлианом¹, — все это прошло такой длинной вереницей, — что не имею надежды восстановить ее в этом дневнике. Записываю только последнее впечатление — встречу на жел. дороге с одним еще русским „протестантом“ и законником. Это Николай Алекс. Жарков, — коммерсант, человек типа Зарубинского, хотя Зарубина не вполне одобряет.

— Задерен, ругает всех. А ты не ругай человека, убеди.

Главное зло нашей общественности видит в незнании законов. От этого, по его мнению, мы и бессильны при столкновении с любым самодуром. Рассказал мне, между прочим несколько случаев из своей жизни. Один особенно интересен.

Жарков еще молодым человеком имел пристрастие к чтению законов, торговый устав знал на зубок, дело-производство различных учреждений также. Всегда стоит на соблюдении всех формальностей, его уже знают, и ему всюду выдают росписки в тех случаях, где другим выдавать не принято. Вероятно поэтому его, тогда еще молодого человека 21 года, выбрали торговцы целого ряда своим доверенным после пожара, уничтожившего множество лавок в ярмарке. Торговцы ходатайствовали о дозволении построиться к открытию ярмарки, а так как обычного технического надзора было недостаточно для множества построек, то они просили дозволения строить на свою ответственность, без архитектора.

нашла свое отражение в его переписке конца 1895-го и 1896 г. (См. „Письма“ кн. IV и V).

¹ Ю. Г. Короленко, старший брат В. Г., работавший в качестве корректора в „Русск. Ведом.“; был разбит параличем, от которого впоследствии несколько оправился и прожил еще 9 лет (умер в 1904 г.).

Просьба эта почему-то была истолкована еще до подачи в смысле недоверия к чиновникам-архитекторам и даже в смысле жалобы на вымогательство, чего в сущности не было. Тем не менее губернатор Муравьев (декабрист)¹, человек крутой и с диктаторскими наклонностями — был уже вперед предубежден против ходатая и еще не прочитавши просьбы — распорядился отправить подателя в полицию.

— Я сижу в приемной, — рассказывал Жарков, — ожидаю ответа. Гляжу, выходит от губернатора полицмейстер (имя рек). Хороший господин, знакомый родителя моего, меня тоже знал. Подходит ко мне: „Пожалуйста за мною, молодой человек“. Выходим на крыльцо, полицмейстер кивает жандарму: иди за нами. Ну, я вижу, что, значит, попал в арестанты. Ничего не говорю, повинуюсь. Прошли площадью, вышли в ворота, на бульвар, против семинарии. Полицмейстер оглянулся, — окон губернаторских не видно, и говорит жандарму:

— Ступай назад.

Я говорю: это зачем-же? Если ему приказано, он должен сопровождать. Его обязанность такая.

— Пойми, молодой человек, — говорит полицмейстер, — Покровкой идти, нехорошо. Тебя здесь знают. А со мной никто внимания не обратит. Гуляючи пройдем.

— Нет, зачем гуляючи. Я гулять-то, может, совсем в другое место пойду. А ежели велено арестовать, то это уже не есть прогулка. Пусть провожает.

— Да ведь я тебя же от сраму оберегаю, зная твоего отца.

— Я вам очень благодарен за это, а только прошу вас исполнять, как вам приказано.

¹ А. И. Муравьев состоял нижегородским губернатором с 1856 по 1861 г. См. о нем статью В. Г. „Легенда о царе и декабристе“, т. XXVI наст. изд.

— Ну, это не твое дело.

— Опять - же я очень благодарен вам, — а только я без провожатого не пойду, как вам угодно.

— Тьфу! Ну, — говорит, — ступай, жандарм, за нами.

Идем площадью, потом Покровкой пошли, — а полицейское управление было недалеко, где теперь дума. Народ смотрит, ведут молодого Жаркова, точно политического преступника с жандармом. Привели. В управлении все знакомые: что такое, что такое! — А ничего, — говорю, — принимайте гостя. Послал домой, принесли подушку, одеяло, расположился, жду, что будет.

Ну, чему же быть! Конечно на другой день приезжает полицмейстер и говорит:

— Можете уходить, молодой человек.

— Хорошо. А только не угодно - ли вашему высоко-родию принять от меня доверенность и просьбу. Просьбу благоволите отдать его превосходительству, а мне пожалуйста росписку.

— Что - ты, что - ты, молодой человек, опомнись. Мало тебе, что - ли еще?

— Там много - ли, мало - ли, — а извольте принять.

— Ну, нет! Хочешь — сам пойди, подавай.

— Я не пойду. Я уже раз ходил для законного ходатайства и попал вот куда по распоряжению его превосходительства. Пойду вторично, — может еще дальше ушлет, с меня довольно. Если меня сюда с просьбой прислали, то значит здесь и прием.

— Уходи по добру по здорову.

— Не уйду, — силой на улицу выталкивайте.

Рассердился полицмейстер, уехал, а я сижу. Чиновники приходят, смеются, уговаривают, страшат, — а я себе посиживаю, жду, что будет.

Приезжает опять полицмейстер.

— Ты все здесь?

— Здесь, и просьба здесь. А только обязан я доложить вашему - скородию для нас каждый день дорог, если мы не построимся к сроку, — с кого прикажут искать убытки!

— Уходи, это не мое дело. Ты, молодой человек, не шути, я лицо официальное!

— И я официальное лицо. Вот у меня доверенность от целого торгового ряда. Я не для своего удовольствия пришел в канцелярию г-на губернатора, а для подачи прошения. Они меня прислали сюда, стало быть тут и приему быть.

— Да что ты это, шутишь ведь! Я вот сейчас велю тебя вытолкать.

— Зовите стряпчего, я обязан сделать заявление.

Позвали стряпчего, — тогда стряпчие были в роде нынешних прокуроров. Приезжает. „Прикажите, — я говорю, — от меня просьбу принять и росписку выдать. Меня сюда его пр-во прислали с жандармом. Так как я не есть политический преступник, а пришел для подачи просьбы, то, значит, здесь обязаны и просьбу от меня принять“.

Стряпчий туда-сюда. „Имейте в виду, — говорю, — что нам каждый день дорог, доверители мои могут понести большие убытки“. Делать нечего. Едет стряпчий с полицмейстером к губернатору, докладывают, так и так. — „Принять просьбу — говорит, — выдать росписку“!

Приняли просьбу, я с роспиской ушел. Через день — резолюция: „просьбу уважить, дозволить строиться таким-то под их личную ответственность“.

Проходит после этого сколько-то времени, — вдруг является ко мне губернаторский курьер (он говорит: курьер): явиться завтра в 6 часов вечера к его превосходительству. Тут, признаться, кинуло меня несколько

в дрожь. Не идти? Положим, имею право, потому, что по закону должен обозначить в повестке, по какому делу требует. Но подумают: трусил, не пошел. А пойти? Отваляет он меня,— думаю, чубуком-то... Старик свое-нравный был, сердитый... Пошел в часовню, господи помилуй, заступись владычице,— помолился, в назначенное время иду. Приему никакого нет. Выходит камердинер, Сергей Иванович (кажется так).— Вам что? Прием давно кончился.

— Мне, говорю, сами время назначили.

— Ну, когда так, дело другое.

Приводит меня в кабинет. В кабинете сидит старик, трубку сосет, чубук черешневый — дли-инный. Ну, думаю себе,— что теперь будет.

— По какому делу, кто такой?

— Жарков,—говорю,— по приказанию вашего — ства.

— А-а! Вот ты каков. Сколько тебе лет?

— 21 год.

— Только? Ну, садись.

— Постою, ваше — ство!

— Нет, ты садись, вот тут. Кофе пьешь?

— Не пью.

— И не пивал никогда?

— Пивал много раз, ваше — ство. Теперь, в настоящую минуту не пью.

— Я это и сам вижу. А принесут — выпьешь?

— Принесут, выпью, ваше — ство.

— Сергей, неси стакан кофею.

Принес, столик подставил. Муравьев посмотрел на меня и говорит:

— Кто тебя научил так со мною поступить?

— Никто не учил. Да и некогда учить было,— шел к вашему пр-ству не знал, что будет.

— Верю. Как-же ты это, да еще в таком возрасте решился со мной, губернатором, в борьбу вступить... На что ты рассчитывал?

— На закон рассчитывал, а еще на то... что вашему превосходительству стыдно будет из-за такого мальчика законы нарушать...

Он как держал чубук,— так даже рот разинул, смотрит на меня.

— Ну-у,— вот он какой... Вот какой, а? Ведь правда, как раз ведь в самое место угодил. Водку пьешь?

— Не пью.

— Опять „не пью“. А прежде пивал?

— И прежде не пивал и за счастье себе почитаю, что и пить не намерен.

— Ну, то-то. Водку станешь пить, так и знай, пропадешь! А пить не станешь да умен будешь,— с такими понятиями многим насолить можешь и поважнее меня. Очень рад, что познакомился с вами, молодой человек! Теперь, если понадобится за чем,— во всякое время прошу ко мне. Все, что могу, для вас сделаю¹...

¹ На этом записи 1895 г. заканчиваются. Далее один лист в тетради оставлен чистым и четыре листа вырезаны. Ведение дневника возобновляется под датой 13 окт. 1896 г., т. е. почти через год. См. об этом периоде статью От Редакц. Комиссии.

1896 год

13 октября 96 [Петербург]

Опять пропуски. Между тем, за это время произошло в моей жизни очень много событий. В том числе — опять умерла одна девочка, Оля...

4 июня решился мултанский процесс. Я уже боялся, почти знал, что моей девочки нет на свете, но радость оправдания была так сильна, хлынула в мою душу такой волной, что для другого ощущения на это время не было места (правда, эта смесь стоила мне после очень много. Мне кажется, что я за это время потерял несколько лет жизни)¹.

С мая моя семья в Петербурге² (переезд именно и стоил нам жизни нашей девочки: в Москве, проездом, она заразилась коклюшем от тетки Ольги Петр. Глупая привычка, с кашлем — носиться и целовать детей). Жили мы в Финляндии, у самого моря. Целые дни — звонкий и суетливый шум прибоя между камнями. Бедной Дуне приходилось слушать этот шум в последние дни угасания девочки (которую она кормила сама) — и теперь она ненавидит море...

С сентября мы в Петербурге. Работа по редакции отнимает много времени. Вообще — же — время для меня тяжелое и полно сомнений и печали. Я кажусь себе хуже

¹ Под конец мултанского процесса В. Г. заболел острой бессонницей, продолжавшейся затем несколько лет, неоднократно возвращавшейся впоследствии и значительно подорвавшей здоровье писателя.

² Сам В. Г. переехал в П-бург ранее (в янв. 1896 г.).

и слабее, чем когда бы то ни было. Порой не узнаю себя, хотя меня не оставляет надежда, что вернется опять вера и сила.

Было не мало возни с цензурой. На место Феоктистова¹ несколько месяцев назад назначен Соловьев², человек недоброкачественный, ненавистник литературы и кроме того полусумасшедший. Говорят, его лозунг: „я главно-управляющий, значит призван управлять печатью“. Вследствие этого он смотрит на себя, как на бурмистра в крепостном хозяйстве, наряжающего крепостных литераторов на работы. Потребовал некоторых издателей и стал „внушать“. У Проппера („Бирж. Вед.“) и Гайдебурова (сына, — „Неделя“) потребовал удаления сотрудников: Меньшикова³ и Далина⁴. Эти лакеи-издатели — согласились, и оба писателя исчезли из изданий, многим им обязанных. Далин упирался, ходил к Соловьеву, у них происходили объяснения, достойные щедринских героев, — но в конце концов Далин оказался все-таки „запрещенным“. При этом Соловьев весьма недвусмысленно предложил ему работать в консервативных органах. Он имеет в виду „перераспределение литературных сил“. Бурмистр хочет перегнать крепостного рабочего с одного места на другое и вместо одной — заставить его делать другую работу. „Консервативное направление представлено недостаточно“. Помочь этому очень просто: запретить либералу писать в либеральном органе и вогнать его в консервативный, как в стойло!

¹ Феоктистов, начальник Главн. Упр. по делам печати.

² М. П. Соловьев состоял нач. Гл. Управления по делам печати с 1896 по 1900 г.

³ М. О. Меншиков, известн. публицист, впоследствии один из столпов „Нов. Времени“.

⁴ Далин — псевдон. Д. А. Линева, беллетриста и публициста.

Из этого уже видно, что над российской прессой поставлен не то идиот, не то сумасшедший. Выходит что-то вроде того, как будто юродивому дали в руки ружье и посадили у окна. И он палит. Прежде всего — самодур, — он нахвастал с три короба: закрою „Р. Богатство“ и „Нов. Время“. Далее: закрою все мелкие издания. Еще далее: воспреещение розничной продажи „Новостям“, — и второе предостережение непротивляющейся „Неделе“. Затем воспреещение розничн. продажи „Гражданину“, наконец недавно: приостановка того - же „Гражданина“ на 1 месяц с отдачей под предварительную цензуру. Таким образом вместо какой бы то ни было системы — неожиданность, вместо давления на либеральную прессу — репрессии против сервилитов, непротивляющихся и льстивых, и — ретроградов. Еще интереснее — прямое столкновение с консервативным „Русск. Вестником“. Редактор этого журнала — Д. И. Стахеев, давно уже смотрящий на литературу, как на кормление. В помощники ему назначен К. П. Медведский, недавний полурадикал, потом юдофоб в „Наблюдателе“, потом доносчик в „Русск. Вестнике“. Его донос в июньской книжке „Р. В-ка“ на „Р. Богатство“ и на Мих-го¹ (названного даже „надпольным анархистом“ за ярко-радикальное направление, приданное им журналу) вызвал единодушное негодование всей прессы, и даже „Моск. Вед.“ и „Гражданин“ не вступились за этого явного негодяя, еще недавно в „Наблюдателе“ расхваливавшего того - же Мих-го и порицавшего „Р. Бог.“ лишь за недостаточно яркое направление². Этот же господин стал известен

¹ На Н. К. Михайловского.

² Упомянутая здесь статья Медведского („Ответ Русскому Богатству“) появилась не в июньской, а в июльской кн. „Русск. Вестн.“ за 1896 г. Н. К. Михайловский ответил на нее в сентябрьской кн. „Р. Богатства“ в ст. „Литература и жизнь“.

каким-то почти уголовным инцидентом в Астрахани (кажется), и когда комитет литературного фонда по поводу его просьбы о пособии пожелал исследовать эту историю,— то Медведский поспешил отказаться от своей правды. И он же был назначен помощником Стахеева, „за редактора“ „Р. Вестника“. Стахеев уехал за границу, а Медведский потребовал себе аванс (говорят 1¹/₂ т. рублей), не соглашаясь иначе подписать готовых листов. Издатели (Товарищество „Общ. Польза“) кинулись в Главное Управление, прося позволить им взять другого „за редактора“. Соловьев отказал. Книжка не вышла в срок, а так как по условию с наследниками Каткова, издатели, не выпустив книгу к 10-му, платят неустойку, то издатели пред'явили иск к Главному Управлению. Ирония судьбы,— распорядившейся таким образом, что первый истинно-гражданский (во всех смыслах) протест против произвола в области печати исходит из ретроградного лагеря.

Теперь мне пишут из Нижнего от 11 октября: „Соловьев приезжал сюда осматривать выставку. Весь вечер он провел у Фредерикса нового вице-губ. и нашего цензора... Этот то Фредерикс передавал суть своего разговора с С-вым, очень откровенно излагавшим свое *profession de foi*. „Моя ближайшая задача,— совершенно серьезно говорил Соловьев,— уничтожить провинциальную прессу (!). Ее читает народ, а провинциальная печать поставила своей задачей дискредитировать лучшие мероприятия правительства: земских начальников, церковно-приходские школы и... полицию!“ Когда же Ф. спросил, что-же читать народу,— то С-в ответил: „О, мы для него будем издавать свои книжки“.

Далее, в том-же письме мне сообщают, что Соловьев хотел приостановить нижегор. газету „Волгарь“ за статью о купечестве на 8 месяцев. Это опять был-бы выстрел

идиота в мимоидущего, более чем благонамеренного гражданина. С. И. Жуков,¹ малограмотный купеческий сын только и мечтающий о том, как бы угодить начальству. Статья очень курьезная, прославлявшая купечество, которое „все может“ и которое поставило свою охрану, в виде „молодых рынд“ в боярских костюмах к приезду государя,— написана не совсем грамотно С. Т. Морозовым. Жуков обрадовался. Он знает, что С. Т. Морозов приятель губернатора и запросто с Витте. От такой купеческой персоны могло - ли исходить что-нибудь опасное? Оказалось, что бедняга во 1-х очутился под градом насмешек всей прессы, а во 2-х — Соловьев чуть не приостановил начальстволюбивую газету. „Об этом, будто - бы (пишет мой корреспондент) состоялось постановление Главного Управления по делам печати, но министр не согласился“.

Министр, — Горемыкин, — человек пассивный, но неглупый и сравнительно здравомыслящий. Будь на его месте хоть недавний Дурново, — сумасшедший „управляющий печатью“, (я управляющий — значит, и призван управлять печатью, — говорил он) наделал - бы таких дел, как конь с норовом, попавший по нечаянности в посудную лавку.

Наднях в типографии разослан следующий циркуляр:

На основании ст. 6 Уст. о ценз. и печ. Св. зак. т. XIV изд. 1890 г. от предварит. цензуры изъяты в обоих столицах, м. прочим, все оригинальные сочинения об'емом не менее 10 печатных листов и все переводы об'емом не менее 20 печ. листов.

Между тем в печати постоянно появляются и такие безцензурные книги, которые, при об'еме — оригинальные в 10 и переводные в 20 листов, не составляют одного сочинения, как это должно бы быть по буквальному смыслу закона, а составлены из двух и многих сочинений. Кроме того замечено, что при издании переводных сочинений, могущих по об'ему не подлежать предварит. цензуре, в состав

¹ Жуков — редактор - издатель „Волгара“.

20 листов или - же сверх сего — включаются оригинальные предисловия и примечания переводчиков, непринадлежащие к тексту переведенного сочинения и, по своим размерам, подлежащие предварительному цензурному рассмотрению. Наконец, печатаются без предварительной цензуры и сборники скабрёзного и вообще неприличного содержания песен, куплетов, шансонеток и т. п. произведений разных авторов, рассчитанные на широкое распространение среди народа.

Признавая печатание подобных книг без предварительной цензуры не соответствующим тсебованиям указанного закона, Главное Управление по делам печати предложило раз'яснить типографиям, что без предварительной цензуры могут быть печатаемы установленного объёма лишь книги, заключающие в себе одно какое либо сочинение. Исключение может быть сделано только для таких сборников учебных или научных, каковы напр.: хрестоматии, историч. материалы и т. п.

Об'являя вышеизложенное распоряжение содержателям заведений печати для точного исполнения, прошу... и т. д. 24 Сент. 1896 г.

Этим распоряжением сразу отменялось действие закона по отношению почти ко всей книжной прессе. Теперь значит без предварительной цензуры можно было - бы печатать лишь большие романы и монографии не меньше 10 печ. листов. Все повести и рассказы, все сборники стихотворений, все критические статьи, хотя - бы и одного автора, но составляющие не „одно сочинение“ в буквальном смысле, — подлежали цензуре. Посмертной цензуре должны были подвергнуться „Записки охотника“, все повести и рассказы Гоголя, Достоевского, Щедрина (за небольшими исключениями). Предисловия - же, — буквально все, если только кто-либо не ухитрится написать предисловие в 10 печ. листов!

Разумеется эта новая резвость лошади в посудной лавке произвела настоящий переполох в типографиях и среди издателей. О циркуляре толковали факторы, метранпажи, наборщики, книгопродавцы, приказчики, не говоря об авторах и издателях. Тут уже не было речи о направлениях: ведь и Катков должен был идти

в цензуру наравне с Салтыковым! И всего характернее то, что искреннее недоумение водворилось среди цензоров: циркуляр изданный в разгар книжного сезона,—кидал в цензуру сразу целое море уже начатых изданий, а ведь цензурные силы на это рассчитаны не были.

Разумеется, все это и осталось совершенно неприменимым. Первым же издателям, кинувшимся в Гл. Управление — раз'яснено, что статьи одного автора будут считаться за одно сочинение (текст циркуляра: „без предварительной цензуры могут быть печатаемы установленного об'ема лишь книги, заключающие в себе одно какое либо сочинение“). Остаются переводы, альманахи и предисловия. Это сразу уменьшает размеры катастрофы в злополучной посудной лавке более, чем на $\frac{3}{4}$. Но все-же опустошения еще довольно значительны, если только — лошадь не будет убрана в более или мене близком будущем.

Кстати история петиции литераторов. 8 янв. 1895 г. было подписано (114 писателями) ходатайство об освобождении печати от произвола. Подано оно 24 января того-же года. 12 марта городской литейной части принес В. А. Бильбасову, как одному из подписавших петицию,—уведомление Мин. вн. дел (через полиц. участок и даже без вручения самой бумаги) о том, что ходатайство 114 лиц признано „незаслуживающим никакого уважения“. Бильбасову только показали эту бумагу, но не отдали, а потребовали росписку в прочтении, как это делала нижегородская полиция, исполняя барановские „подметные законы“¹.

¹ Далее следует текст петиции литераторов, уже приведенный однажды В. Г. (см. запись под 16 марта 1895 г.), и изложение записки К. Г. Градовского „О пересмотре закона о печати“. Дневник 1896 года заканчивается выпиской: „Из трудов с'езда книгопечатников“.

1897 год¹

ПОЕЗДКА В ВАЧУ И ПАВЛОВО²

13 января

Выехал в Москву.

14 января

В Москве.

15 января

Из Москвы (отослал конец статьи — о дуэлях)³.

16 января

В Ваче рано утром.

¹ Дневник этот (1897) ведется в записной книжке - календаре с надписью на обложке: „1897. Поездка в Вачу и Павлово“, под которой следует мелко написанный перечень содержания. Имеющиеся в книжке заметки справочного характера (о сне, о получении и отправке писем и т. п.), стоящие отдельно над остальным текстом, или на полях, здесь не печатаются. Они сохраняются только там, где входят в самый текст. См. описание рукописи в статье от Ред. Комиссии (5).

² Вача, село Владимир. губ. Муромского уезда, известное своим ножевым производством. Павлово, кустарное село Нижегород. губ. Горбатовского уезда, жители которого занимались выделыванием замков и ножей. В. Г. был в Павлове уже несколько раз: в июне и декабре 1889 г. и в апреле и сентябре 1890 г. В результате этих поездок явились „Павловские очерки“ („Русск. Мысль“ 1890 г., кн. 9 — 11), в которых изображен быт рабочих - кустарей и нарисована картина „скупки“, т. е. сбыта кустарями своих изделий оптовым торговцам — „скупщикам“ (см. т. XIV наст. изд.). Настоящая поездка сюда В. Г. имела целью отдых и восстановление здоровья, расстроенного острой бессонницей.

³ „Русская дуэль в последние годы“. См. т. XXIX наст. изд.

Ночная поездка. Часовенка на выезде, — занесенная снегом, — за ней влажный ветер, темное поле и пятна кустарника. Мглистое небо — и сыроватая изморозь, за-лепляющая бороду, лицо, шапку. Я с наслаждением подставлял лицо на встречу изморози и ночному ветру, — в голове под звон колокольчика вставали сумрачными вереницами то грустные, то как-то томительно приятные воспоминания из прошлого. Засиделся я, залежался! Хочется отряхнуться, сбросить будни, еще пожить, побороться, поработать, забыть себя, забыть скрипучие ноты собственного существования — за бодрой работой для того, о чем мечтал в старину. Яснее, ближе хочется почувствовать это.

Убогая деревнюшка, — Щапочево, — на рассвете, обле-денелый колодец, как будто озябшие фигуры девок пришли по воду. Все напоминает старое, — ссылку в Починки¹. Так же выступают в сумраке полосы лесов по склонам, так же чернеют пятна избушек и та же любовь встает в сердце к этим „дрожащим огонькам убогих деревень“. Оживаю, кажется. А надо, надо!

17 января

Прогулка в Козаково. — Петр Вас. излагает свои взгляды на деревню, на землю, на жизнь мастеровых. Он — кучер Кондратовых², но у него в Вязниковском уезде — земля и дом. Дом стал холоден, надо перестраивать, взял жену и детей на зиму в Вачу, но находит, что здесь детей держать нельзя: чего они в жизнь не

¹ Березовские Починки, Вятской губ., — место ссылки В. Г. в 1879 г.; см. „Ист. М. Современника“ т. III.

² Братья С. Д. и А. Д. Кондратовы, местные фабриканты, знакомые В. Г., гостеприимством которых он пользовался во время своего пребывания в Ваче.

слыхали, здесь работники л а г о л ю т. Вообще-же держится за землю, потому что та жизнь порядочная, хочет дочерей выдать за крестьян. „Мастеровые — посмотрите: народ тощой, исхудалый. Вот пошли после свистка домой, пройдите мимо окон, посмотрите — за столом он сидит, на столе у него самовар, да черный хлеб, это вместо ужину. Ну, в нашем месте у крестьянина все-таки щи, а то и без говядинки не садится. А крестьянину чего надо? Здесь говорят: за такого-то можно выдать, у него корова есть. А у нас что такое одна корова? Ну, конечно, мастерство,— да что! Заработает и пропьет. Нет, надо девочек в крестьянстве держать, а то не обучатся крестьянской работе,— никто не возьмет: скажут, они дурочки или ленивые“.

Одним словом, П. В. не хочет потерять „среду“, а к среде мастеровых относится с презрением.— Поми-луйте, есть — на гроб тесу просят, а то и холста на саван Елена Митревна уделяет. Это уж, как самый бедный житель за стыд почтет. А здесь это найдено.

В стороне, нахлобученная снегом — виднеется деревенька,— Попышевка.

— Вот здесь, в деревне, 40 вдов,— говорит Петр Вас.— Личильщики¹ они, мало живут, лет 30-ти уж он помирает. Вдова, она и пашет, она и косит. Плохое житье.

— А всех дворов сколько?

— Малая деревня, которые с хозяевами тех меньше, а вдов-то больше. Мужикам (смеется он) роздолье. Жена да вдова, а то еще жена да две вдовы!

С. Д. и А. Д. Кондратовы сомневаются, чтобы вдов было в Попышевке так много, но доктор подтверждает (думает, что больше). Но зато оба Кондратовы указывают

¹ Полировщики ножей.

на Лобково и Санницы, где это же явление еще сильнее. Там есть конные приводы для лички,—эти домашние заведения — нечто просто ужасное.

Еще к характеристике мастеровых и крестьян. „У нас носят одежи, конечно, иначе: у нас шубу носят овчиную, голую, а мастеровые, хоть скажем на 15 коп. аршин, а уж чем ни-то покроют. Покрой имеют суконной. А по нашему -то хуже, потому что шобонья-те у него обёрнутся, так и ходит. Сукно у нас тоже домашнее, тканное, крепко, у них опять тонко да гнило.

18 января

С утра поехали на охоту, в лес за село Мешёры. С нами регент, он-же конторщик на фабрике, Ник. Алексеевич Заварыкин и Фед. Алексеев. Один — длинный, сутулый, в очках, охотник плохой — но берет усердием; ходит, сугорбясь, высматривает и наконец — иной раз наткнется на зайчишку. Раз убил лису летом,—а раз через него перескочил заяц. Любит рассказывать охотничьи анекдоты. Выражается картинно и образно: „Озеро есть Култун, тут заводи, на заводах чирочки... Подхожу к озеру, оглянулся: один. А озеро сильное,—на заре птицы сила! Ну, думаю, этот раз один зорю возьму“. Или: „ночь-то месячная, светлая, а облачка идут все таки, заволакивает“...

Лесишко жидкий — а все-таки остатки муромских. Нечисть повывелась. „По ту сторону, — говорит Гронов (лесник), — народ живет пронзительный (мастеровой) — тюрьма-народ (боец). А в лесу — народ темной, тихой народ, смирной „старую державу держат“.

19 января

Перечитываю „Войну и Мир“. Это уже в третий раз, и с каждым разом это произведение Толстого кажется мне все более великим, и новые стороны все продолжают выступать там, где прежде внимание скользило равнодушно. Теперь, в моем почти болезненном настроении — великая, правдивая, спокойная эпопея действует на меня глубоко умиротворяющим образом, как сама природа. Никто не писал с такой захватывающей правдой. Золя ломака и лгун перед Толстым даже в лучших своих произведениях. Это — широко, свободно, искренно, правдиво. Какое изумительное обилие образов, какая волна жизни, эти образы одухотворяющая. Слог неотделанный, даже прямо распушенный: „Нынче, увидев ее мельком, она показалась ему еще лучше“. Такие, еще более неправильные, часто запутанные фразы попадаются то и дело. Но над всем этим бьется какая-то особенная, спокойно величавая и правдивая нота, которая придает слогу Толстого, запутанному и неяркому — внезапную силу и неодолимую прелесть. Это напоминает немного мгlistое освещение иных спокойно-облачных летних дней. Нет того сверкающего, ослепляющего света, который покрывает точно лаком все предметы. Но зато солнечный свет ложится ровнее и как будто даже яснее и правдивее. А порой вдруг сверкнет полный луч и внезапно из ровно освещенной шири выделится со всей выпуклостью и яркостью та или другая часть пейзажа. И опять все ровно, величаво и спокойно без резаных теней и бликов. Но взгляд идет все дальше и дальше вглубь этой необозримой картины и в душе что-то растет и ширится.

20 января

Утром ходили в училище Кондратовых. Два учителя, молодые, еще очень рьяные на дело. Уроки идут отлично, задачи решаются очень толково и довольно быстро.

Днем поехали в Городище. Там живет мастеровой Никитин, человек умственный, самоучка, химик и механик. Своими средствами добился способа никелировки и теперь в крестьянской избе стоят элементы. Провел из „половни“ (амбара) телефон к себе в дом, а когда-то сделал даже крылья и хотел лететь, да... брякнулся с забора. Его не застали, баба говорит, что он слышал „про гостя у Кондратовых“. Как бы, говорит, мне его повидать?

Затем были у мелкого фабрикантика Андр. Мих. Сидорова. У него личильное заведение, с керосиновым двигателем. Каменное здание под горой, с тесовой крышей. „Надо бы еще соломой“. Темный вход, керосиновый двигатель присвистывает, сопит, фыркает. Николаевский солдат с выцветшими волосами и глазами пускает его при нас в ход: и дует, и толкает точно ленивую старую кобылу, не желающую идти. „Дело наше хилое“, — говорит мелкий фабрикантик, а когда-то его отец держал всю деревню в ежовых кулаческих рукавицах.

21 января

Чувствовал себя очень нехорошо после почти бессонной ночи. Накануне долго засиделся с пришедшими учителями. Говорили о некотором умственном брожении, которое вносит в деревню книга. Есть рьяные читатели, свежий восприимчивый мужицкий мозг начинает жадно поглощать умственную пищу. Являются „увлечения“ и очень интересные типы. Один ревностно изучает астрономию.

Другой — „буддист“. Прочитал „Свет Азии“¹, стал много толковать о Будде, потом нарядился в белое, взял посох и побрел куда-то. Бродил неизвестно где, но раз в метель, полузамерзший постучался в крайней избе соседней деревушки. — Кто? — Брат твой. — Был в таком виде в Муроме, был в Нижнем, его стали звать Буддой, так эта кличка за ним и осталась, хотя теперь он опять заурядный мужик, остепенившийся и живущий „хорошо“ (его дочь — лучшая ученица в школе). — Есть целый кружок читателей, много спорящих о загробной жизни и пр. Раз двое выпивших философов разбудили учителя ночью: — скажи, будет-ли когда „мерзость запустения“ или это так? — Часто, наглотавшись книг, возбуждающих тревожные вопросы, приходят: „Дай чего-нибудь, что может меня успокоить. Дай (трет грудь рукой, волнуется)“. Учитель опытом узнал, что их успокаивают книги, заключающие положительные сведения о мире, людях, явлениях природы. „Первобытные люди“ (Бернье), сведения по астрономии и космографии (Фламарион — вызывает наоборот брожение умов, наивную веру к своим фантазиям и тревожные вопросы).

Есть здесь настоящий мужицкий нигилист и скептик, Ив. Матв. Это бывший начотчик, религиозный фанатик, устраивавший в горе пещеру и молившийся в ней. Потом усумнился (слишком много терся с попами). Теперь стар „в могиле 1½ ноги“, но насмехается и над смертью и над Богом. Говорит старчески, захлебываясь, со слезами... — Куда идешь Ив. Матв.? — А вот... кажись в силоамской-те купели Гришка-целовальник уже воду возмутил, иду туда, авось исцелею. И действительно, после стакана водки исцелевает, глаза видят и льются острые речи.

¹ Поэма Арнольда, посвященная жизни и учению Будды.

А на следующий день опять, как из церкви, так с 8 коп. (от попа) в кабак.

— Куда?

— А вот сказывают стакан тут вот где-то прошел, я за ним, за стаканом.

— О чем думаешь, Ив. Матвеев?

— А вот о смерти и о будущей жизни.

— Ну что-же?

— Да что? Говорят, праведники все будут созерцать и славословить. Я и думаю: не скучно-ли будет. День поглядишь в лик-те, два поглядишь, а все глядеть — пожалуй и надоест¹...

В тот же день ездили в Сурское, по кузнецам (ковалям). Выехали вечером. Над белыми полями тянула поземка, — легкая изморозь с полевым снегом. Кругом бело: небо, поле, горизонт — ничего нельзя было разобрать, все стояло белой стеной. Лошадь то и дело теряла дорогу и проваливалась, то и дело кучер бродил кругом, нащупывая потерянную дорогу, — и казался мне то вешкой, то мельницей. Потом сверху небо прояснело, — вызвездило, но сквозь мерзлый туман звезды казались какими-то странными — большими, как бы расплывшимися в тумане или как бы зажигавшими туман. Небо с этими большими огнями казалось необычным, — а внизу все так-же ничего не видно. Заезжали к Андр. Мих.

¹ О том-же скептике см. далее запись под 1 февр. Кроме того в архиве В. Г. имеется набросок (на листках вынутых из другой записной книжки), озаглавленный „Деревенский скептик“ и посвященный тому-же лицу. Набросок этот печатается в ряду других мелких отрывков в т. XXIII наст. изд.

Под горой (под узгорьем?) — низенькие кузницы. Окна то светят тускло, то освещаются огнями горнов. Заходим в первую. Бойкий коваль один кует ножи. Он считается одним из лучших ковалей, может сработать до 10 дюжин в день; по 28—26 коп. дюжина. — Да еще сталь и огонь мои (т. е. сталь и уголь). Остается коп. 12. Рабочий день — с 1 часу, 2-х, много 3-х ночи. „Когда уже проспишь — в два-те выдешь“. Часов в 8—9 завтрак, часа в 2 [обед], на обед уходит $1\frac{1}{2}$ часа. Кончают часов в 8—9. Значит часов 15—16 $\frac{1}{2}$ чистой работы. „Домой придешь, — ноги-те укладываются, а голова уж спит“. На утро-то едва подымешься.

Заработок средний рубля 4 в неделю.

— А то и более, — говорит коваль с оживляющимися глазами. Вот сорт ковал (показывает нож с железной ручкой). За него 26 коп., а он спорай. Рупь 35 коп. за день в карман кладешь (он смотрит на меня, как смотрел-бы биржевик, выигравший вдруг случайно на бирже огромную сумму). Да тебе-те мало.

Работает на мелких местных скупщиков (Тартыжов). Здесь — в полном ходу мелкое кулачество. Тартыжов — совсем не богатый человек, имеет р. 500. „Всплеснулось ему в голову“ — скупать по 23 коп. сков. ножи, продавать в Павлове по 25. Пошло дело, потом уже стал ковалям свою сталь давать, а наконец того впоследствии уже времени и лавку для забора открыл. Приходится рассчитывать. — Тебе на что деньги? — Да вот муки пшеничной. — Есть у меня мука пшеничная. — Даже до того — и ситцы есть, — что хочешь все есть у него. Вот и пьем чаек по 2 р. Иной раз лучше бы кажется травы какой заварил, — а 2 рубля. Мука пшеничная 1 р. 10, а у него 1 р. 50 и 1 р. 60 коп. Что станешь делать? А не согласен — ему не надо ножей, куда хочешь. А куда с ними?

Сам этот коваль — зажиточнее Тартыжова. Ему тоже всплеснуло было в голову заняться тем-же, но „не выходит продажа-те у него. На это опять свой талант в голове надо иметь“. И вот у человека с талантом в голове идет самая примитивная наивнейшая эксплуатация, клонящаяся к тому, чтобы из 4 рублей недельного заработка коваля, — сделать 3 или 2.

Мы переходили из кузницы в кузницу, взбираясь на сугробы, скользя и падая, проходя мимо таких-же кузниц, в которых из-за неплотно закрытых дверей неся в темноту стук молотков по железу, точно стрекотание кузнечиков. В 9 часов еще кое-где стучали молотки, и светили неровные огни горнов.

Назад опять плутали. Вверху туманные звезды еще искристее и больше, точно махровые цветы из огня, а внизу все так-же неопределенно и неясно.

Дело развивается, но цены (с фабриками) падают.

23 января

Опять легкая бессонница.

Ездили вечером в метель в Попышевку, где 40 вдов на 45 дворов. Были на личильне у Малафеева. Странное своеобразное впечатление. На краю обрыва, занесенный снегом амбар с соломенной крышей, сильно растрепанной ветром. Два тощих и голых дерева как то жутко шумят — внизу далекая перспектива синеющих под вечерней метелью снегов, две галки сидят на ветвях деревьев. Трудно представить себе, что это убогое сооружение, в роде кучи снега — обитаемо и кипит работой¹.

¹ В архиве В. Г. хранится альбом, в котором, среди прочих рисунков писателя, имеется и изображение „фабрики“ Малафеева.

Переступив через сугробы, нагнувшись под застрехой, подходим к двери, за дверью темно, и только что я хотел ступить — мимо меня в темноте прошла лошадь с глазами связанными тряпкой. Эта лошадь вращает колесо с зубцами, зубцы приводят в движение вал, который в свою очередь вращает четыре колеса в избушке, низкой и темной, с обвисшим потолком и бревенчатыми стенами, покрытыми каменной пылью. Четыре деревянных колеса вращаются с каким-то сухим шелестом под стенкой. От них проведены к противоположной стене четыре приводных ремня, вращающих четыре личильных „чарка“ с наждаком. Три взрослых парня и мальчишка лет 13, сидя у чарков, подставляют к камню обтираемые вилы. Снопы лучистых искр сыплются из-под их рук по диагонали. Искры эти не жгут, но от них стоит в воздухе какой-то характерный запах камня и селитры. Это три сына хозяина и работник.

— Сколько работаете?

— Начинаем в 1 ч.¹, а то в 2 и в 3, кончаем часов в 10.

— Что ты? Ведь помрут они у тебя этак.

— Что станете делать. (Покушать-то хочется).

Вечером разговор в избе у Андрея. Отец его славный старик, с седой бородой и кудрявыми седыми волосами, с особенной старческой складкой губ, благодушный и веселый. Сам когда-то личил „на бабах“², дюжин по 15 в неделю.

24 января

Ездили в Козаково. Кучер Петр Вас. уехал с Кондратовым, поэтому со мной ездил работник, детина рыжий

¹ В 1 ч. ночи.

² Т. е. колесо вращали вместо лошади — бабы.

и простоватый. — Это вот у избы народ сгрудился, — говорит он мне в селе. — Человек один в пятницу - те женился, а во вторник помер. — Отчего? Хворой что - ли? — Где хворой. Хворого - бы не стали женить. 40 р. за девку отдали. Где хворой. — Так что - же? — Насыл. — Что такое? — Волшебники есть такие. Озорничают. — Где? — Да где. Вот в Злячине есть, да и в Козакове. — Да верно - ли? — Верно. Бывают. У меня отец с лошадьми ездил с товаром. В Нижний ездил и в Урюпиньску станицю тоже ездил. Вот, говорит, раз приехали на постоялой 42 подводы. Дворник - те плачет и баба плачет. — Что такое, говорят, не можем сына повенчать, лошадей морят. А шел с обозом извозчик один. Ладно, говорит, возьмите меня, поезжайте. Я помогу. 7 рублей ему дали. Лег в сани. Поезжай, говорит, а как увидите, что по дороге попадется — толкните меня ногой, говорит. Ну поехали. Только за станицю - те выехали, глядят: собака бежит. Толкнули его ногой, говорят: собака, слышь. Он из саней - те вывалился, пал на землю: глядь — волк. Кинулся на собаку, давай ее трепать. Трепал - трепал, — глядь, по человечьи заговорили: собака - те волку говорит: что тебе надо трепать, говорит. А волк ей: а тебе, говорит, что такое непременно надо лошадей морить. — Я, говорит, на то поставлена, что ни одной свадьбы не пустить. — А я тебе это не дозволю. — И пошел опять трепать, задрал до смерти. Поезжайте, говорит, теперь ничего не будет. Поехали. Потом всей деревней его благодарили, — каку выкусу выкусил. А слышь, в соседней - те деревне сходку кликнули, чтобы всем собраться. А одной бабы нет. Пошли на поле, — там лежит вместо собаки. Волшебница - те.

25 января

Ездил в Козаково, никуда не заезжая.

26 января

Ездили в Козаково. Легкая метель. Были у Зинягина (больной чахоткой) и Ефрема. Ефрем служит у Кондратовых приемщиком товара. Был в артели у Штанге¹, вышел. Считает это делом хорошим, но только народ еще необразованный: „не понимает что, например, общее дело“. „Бывало и так, что черенки, например, артельные, а на сторону продает“.

Зинягин. Входим в избу, с печи слышится кашель, потом трудно дыша слезает нестарый еще человек с страшно исхудалым лицом. Он дышит быстро, тяжело, часто и ртом каждый раз будто ловит воздух, как рыба вынутая из воды. Тем не менее, глаза его начинают сверкать. — „Вот я как рад, вот... рад как, что тебя еще увидал. 7 лет назад видел²... Образ твой так и стоит. Спасибо тебе. Эти бедняки вообще питают какое-то почти мистическое благоговение к „писателю“. И Ефрем и Зинягин оба сильно тронуты образованием, читают, думают, спорят. Зинягин ставил у Кондратовых первый штамп для ножей, и это до сих пор служит предметом его гордости. После отошел, поступил к Завьяловым. В то время у Завьяловых был управляющий Коробков, откровенный жулик. — „Высосал он меня, — говорит тяжело вздыхая Зинягин. — Больше гнул на свою пользу, а о деле не заботился. Поехали мы с ним в Павлово, купили партию стали. Он получше-то куски отрезал себе, из остального приказывает делать ножи для Завьялова.

¹ А. Г. Штанге, организатор первой кустарной артели ножевщиков в с. Павлове.

² В. Г. был в этих же местах в 1890 году.

Наделал ножей, а они мягки, у меня все обраковали. На 42 рубля. Потом забором донимал. Одним словом высосал, насилу я от него отвязался. Потом штамп дали, стал я на дому работать, сын помогал. (Глаза у него начинают сверкать). Правда было всего два раза, — а все в неделю по 50 руб. зарабатывал — две недели таких, ну а остальное время — все рублей по 10 и 15 и 20. Жил, слава богу, долги уплатил, сыну избу построил. Да вот захворал. — Трое детей. Один в люльке, и две девочки. Вся семья грустная, убитая болезнью отца. Девочки смотрят тем простодушно грустным взглядом, в котором видится как-бы догадка о непонятном несчастье, нависшем над домом бедняги мастерового.

Под конец нашего разговора входит запыхавшись Макар. За ним посылали, мальчишка сказал, что он шел от шабра, нес книгу. Сейчас будет. Макар — человек небольшого роста, с густыми черным прямыми волосами, как у духовных, с черными, немного бегающими глазами, с остренькой бородкой, без одного переднего зуба. — Какую это вы книгу несли? — Это... Ен... (он как-то смигивает глазами и губами и кончает трудное слово) Енциклопедия новейших знаний и изобретений. — Вот вы какие книги читаете? — Да, читаем, только не все вразумительно. Скажите, где мне достать полное сочинение Сократа? — Это трудно. Сократа сочинений нет, а его учение изложено Платоном. Мы договариваемся: он читал „Сократ“ — изд. Посредника, листовку, а нужно ему „Сократ и его время“, 30 копеечное издание того же Посредника. Я обещаю прислать, и глаза у него блестят. — „Очень люблю философские сочинения“.

Возвращаемся к Ефрему, пьем чай и беседуем. Вострая старушка, с веселыми или просто очень живыми глазами, с детски-простодушной улыбкой очень тонкого рта, —

как-то боком все подвигается ко мне, рассматривая меня, как интересного, невиданного зверя. — У вас тут, говорю, беда случилась, молодой помер после свадьбы. — Да, в середу помер, верно. — От какой причины? — Кто знает. Килу, бают, привязывают. — Ефрем пренебрежительно кивает головой. Он не соблюдает постов, его называют молоканином (?) за то, что в середу ест молоко, даже детей дразнят (славная девочка и бойкий мальчик стыдливо прячутся за мать). В килу он тоже не верит. Но бойкая старушка, стреляя своими острыми глазками, продолжает: „На третий день, лежит на печи с товарищем. Ну, бает, женился слава-те господи, а что говорит этто у меня в нутре как болит. Потискай меня, говорит, тут вот живот. Стал тот ему тискать. Что, бает, у тебя ровно шар в животе катается. Ой, говорит, да и больно же ты тискаешь, брось. Полежу я. Полежал, потом стал рубаху на себе рвать, да катался. Тот говорит: Гриша, что такое? А он закатил головушку да и кончился“. Она опять быстрым боковым движением подвигается ко мне и говорит: — у нас тут двое есть в деревне... На их больно не верят...

— Брось, — пренебрежительно говорит Ефрем. — Глупости.

— Не верят, не верят на их, правду я тее говорю...

Макар и Зинягин рассказывали, как им в Ваче пришлось сжечь Некрасова и статью Пругавина о „Сютаеве“¹,

¹ Сютаев, крестьянин Тверской губ., основатель религиозно-нравственного учения, последователи которого получили название „сютаевцев“. Статьи о нем А. С. Пругавина напечатаны в „Русск. Мысли“ 1881 г. №№ 10 и 12. („Два слова о сютаевцах“) и 1882 г. № 1. („Алчущие и жаждущие правды“).

как „запрещенные“ (в последней, будто-бы пущено что-то о св. Николае - чудотворце)¹.

27 января

Ездили в дер. Городище, к Никитину, деревенскому химику и физику. О нем известно, что он тоже любитель чтения и прежде всего мне сообщили, что он изобретал летательную машину,— с которой и брякнулся с забора. Однако, несмотря на этот анекдот, мастеровые говорят о нем с уважением.

Когда мы под'ехали,— к нам вышел навстречу человек лет 40, с густыми темно-русыми волосами и бородой посветлее, с обыкновенными чертами лица, по мужицки выразительного и спокойного. Его речь нетороплива и как-то мягка, он выражает необыкновенное удовольствие, что видит писателя. Узнав, что я был у Зинягина, говорит, что это его приятель, что они вместе читывали, что он человек очень хороший и умный, Макар тоже хороший и умный, да зашибает. На мое посещение Никитин смотрит очень серьезно. Он меня ждал, что-бы потолковать.— О чем?— А вот видите. Читал я Волтер-Скотта. Очень мне это понравилось, что он пишет о своей земле. Например, пишет о старинных временах, а все равно, как сам там был и просто видишь все своими глазами. До чего хорошо. Отчего об нашей стороне ничего так не пишут? Вот я услышал, что вы здесь, думаю: поговорю я с этим человеком, может, не напишет - ли он об нашей стороне, что было, например, в старые годы. Хоть, скажем, не очень старые... Можно собрать от стариков, можно судные дела по волостным правлениям разыскать...

¹ Последние 4 строки занесены автором (в записной книжке) на свободном листке от 22 янв., но по содержанию они явно связаны с настоящей более поздней записью — от 26 января.

Повидимому его сильно огорчает свойство русской жизни — исчезать как-то без следа. — Ничего мы о своей стороне не знаем. Старики напр. умирают, — молодые не интересуются знать от них. Сами помрем — опять никто не знает. Вот устроили у нас школу грамоты. Не хотели, противились, староста мало понимает. Кому, говорит, охота, Федор Федорыч может научить. А Фед. Ф. не учит, только портит. Ну, теперь все таки диакон учит, настойчиво. А сначала отказали всякой помощи. Мине на сходе не было. Потом узнал я, духовенство с крестом поехали, я говорю: зачем оставили? Я от бедности готов дать 10 руб. одновременно, по 3 ежегодно, в течение 10 лет. Составляется 40 руб. Еще уговорю кое-кого. Ну вот, это передали, школа устроилась, а ничего нет правильного. Приходят: давай 10 руб. Погодите, говорю: сделайте правильно, запись сделайте, постановление. Может, вдруг вы школу прекратите или что, а, может, современем из нее двухклассное училище вырастет. В таком случае — можно спросить: почему прекратилась, или например — откуда такая теперь знаменитая школа начиналась. Сделайте правильные записи, — мы что следует внесем. Вот я и думаю: отчего так в нашем народе этого нет... А вы может тоже хотите что узнать, какие вопросы...

— Меня интересовали ваши изобретения. Говорят, вы изобрели летательную машину.

На его лице выражается неудовольствие.

— Это брат, ну, только это не стоит говорить, просто детская выдумка. Не стоит внимания, пустяки, невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Нет, это пустое. Ну, просто сделал хомут, к хомуту вроде весел, машут по воздуху. Летать не может...

— Ну, а как вы добрались до гальванопластики?

— А это, видите, это дело другое. Я любитель читать; прочитал тут кое-где — есть такое дело, электричество например и гальванизм. Что такое? А у нас тут в роде — кружок. Решились мы выписать „Свет“ — газету, — что такое, посмотрим, за газета. На месяц выписали. Ну, там опять встречаю о гальванопластике. Можно серебрить доскать и никелировать. Ну, как тут мне быть. Увидел как то Велединского Григор. Алексеевича (изобретатель, полупомешанный, изобрел ружье-кий и пр.). Так и так, говорю, вот что пишут про гальванопластику. У меня, говорит, есть, я тебе подарю. Ну, я и стал по этой книге доходить. Потом еще вот техническую энциклопедию выписал, вот тут книги „электричество“. Так вот и пошло. Сделал электрический звонок, так что кто в избу вошел, — звонит; телефон Беля провел, а потом думаю, — это здесь неприменимо. Надо которое, чтобы применялось. Стал никелировать ножи и вилки, сбывал в Павлово. Опять мало идет, ни к чему. Ну тут, спасибо, Кондратовы стали принимать. На фабрике-то, в большом сортаменте это идет. Теперь это у меня главный заработок, рублей имею по 50 в месяц на круг. Живу.

В избу торопливо входит высокий брюнет, в крытом синим сукном полушубке. Широкая борода с сильной красивой проседью, лицо несколько суживается кверху (напоминает Толстого), черные глаза жгучи и беспокойно быстры. Говорит с резкой отчетливостью, точно отрезывая слова. Он знакомится, вступает в разговор и излагает свое участие в деле деревенской химии. Это он изобретал „летательный хомут“ и у него тоже своя гальванопластическая мастерская.

— Я был взят в военную службу. Службу отбывал в телеграфном парке и понял хорошо телеграфное дело. Между тем, получаю от брата письмо: так и так. Интересуюсь,

говорит, что такое электричество. Я не мог ему дать, понятное дело, сведение рукописным способом, по обширности. То и послал ему книжку: краткое руководство к телеграфному делу. Ну, после того, вернулся со службы, думаю надо применять. Устроил у себя мастерскую и эта-же самая батарея у меня соединена со звонком. Кто во двор идет, я в мастерской слышу. А после и дальше. Так мы вместе это дело подвигали. Теперь я на Завьяловых работаю,— он на Кондратовых.

Были в мастерской. Тесная маленькая избушка. В одном месте из окна точно светлое гнездо в сугробах снега. В избе два мальчика (родня) ученика—доканчивают ножи. Никитин показывает черенки.—Какое дерево?—Похоже на кокос. Крашеное что-ли?—Он берет один черенок и раскалывает ножом. В середине дерево того-же цвета.—Собственное изобретение. Клен, а идет за кокос. Я делал опыты металлизации, а случайно попал на... иминитацию... Вот только дело из рук выпало.—Как?—Да так,—племянник у меня работал. Отошел. Сам стал работать. Ну это бы ничего, бог с ним. Да еще польстился, Коробкову(?) продал за 8 рублей. Тот его надул вдобавок: дал 1 рубль, больше не отдал. А дело выпало у меня...

Среди книг, лежащих на полке, попадаетея „Р. Вестник“, где напечатана „Анна Каренина“. —Любимое мое чтение,—говорит Ив. Петрович.—Прежде все читал маленькие книжонки его. Ну, так себе. Потом попала „Анна Каренина“. Во-от это, думаю, кто такой! Ну, не даром считается знаменитым. Заслуживает бессмертие. Как по вашему: правда это?

— Да, конечно, правда.

— Вот и Григ. Алексеевич говорит: заслуживает бессмертия, сама академия рассматривала. Ну, говорят, несвоевременно при жизни, а что после смерти признать: заслуживающим бессмертия. Любимое мое чтение...

Показывает мне лист с золотой печатью, — от Озябликовского Общ. трезвости, которого состоит членом. Общество это хлопочет об открытии читальни и библиотеки, но все не может дожидаться ответа.

Вечер у нас заканчивается опытом никелирования. („Мы производили опыт Франклина, перед грозовой тучей... Искры из человека добывали; неосторожно, конечно, ну, все-таки сошло благополучно“). Хотел устроить опыты при училище, с объяснениями физических явлений. Но на это нужны столь трудные разрешения, что дело представляется безнадежным.

30 января

Был в Городище.

31 января

Ночью бессонница, днем — тоска и мрачность. Читал и делал выписки из „Анны Карениной“¹. К вечеру прошло.

Уехал Свирский, стало пустее.

1 февраля

Ночь спал хорошо. Лег в 10 ч. веч., проснулся около 6 утром.

Долго разговаривал с деревенским нигилистом, Ив. Мать. Кульковым. Старик 73 лет, седая борода, слезящиеся глаза, говоря часто плачет, старчески захлебываясь. Но голос выразительный, густой и гибкий, выразительная

¹ В архиве писателя хранится толстая записная книжка в клеенчатой обложке с выписками из „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ и с критическими замечаниями В. Г.

мимика и жестикуляция. Одет в полушубок нагольный, и по первому взгляду — представляет самого обыкновенного серого мужика. Но это голова — замечательного по своему человека, сельского Вольтера и вольнодумца. Выучился грамоте у прадеда (дед был неграмотный), до 40 лет не пил ни капли водки, был необыкновенно набожен. „И даже, — говорил он мне, — бывало так, что в месячную ночь зимой выйдешь в лес, в уединение того... и акафисты читаешь“... Да, было, но давно прошло.

Начитан в свящ. писании необыкновенно, любит говорить по церковному. — „Завтра у нас праздник“. — Да, говорю, воскресение — „И Сретение, и потом начинается триодь и намек посту. Потом пойдет мясопуст, потом сыропуст, а уж там и пост. Значит, отвращайте взоры от житейского“... Всегда водился с духовенством. — „Был в Павлове отец Авраамий, протоиерей. Ну, умный был поп, настоящий. Ежели - бы я с ним так вот заговорил, как с здешними, он бы меня подогом¹ вот как, подогом, да. Авраамий то - бы. Раз сказал я ему... А тогда мыслей то этих у меня еще не было, страшных - те, противоположных - те самых. А так. Вот читал Иоанна Лествичника, и там сказано: человек желает например почерпнуть из источника чистой воды и находит жабу. Как же, говорю, Аврамию - то, недоразумеваю я, отче, к чему это применить... Если к писанию... Погрозил он подогом - те и говорит: не вопрошай, говорит, больно умен станешь. Я - бы у тебя и тот - то ум отнял... Значит, это гордость...“

Лицо его морщится, на глазах появляются слезы.

„— Жалел меня, значит, Авраамий - те. Подогом - бы меня, дурака, подогом - бы... А наши - те здешние что...“

¹ Посохом.

Так, только в свою пользу. Богачу - те о сребролюбии говорит, — значит не пожалей меня - то наградить...

„Один - те не позволяет же мне много говорить: ударит этак по голове: не бай! Ну, а тот, — что хочешь. Приду к нему до обедни: дай 10 коп. на шкалик. — Что - ты, ведь грех. А я ему: несмысленному и престарелому несть греха. Ну, и дает, чего поделаешь...“

„Качнулся“ первоначально от жалости. „— Жалостлив я всегда был, всякую животную тварь жалел. Вот теперь взять доброго человека, — и тот например своего щенка жалеет, любит, зла ему сделать например там — не допустит. А тут, думаю, бывают такие случаи, зайдет например корова или телица молодая в лес, и вдруг на нее волк, припадает, рвет вымя. Она значит — молит, просит пожалеть ее, а он пуще припадает, терзает ее мучительно. Что - же такое, как - же Бог - то смотрит, свою тварь не жалеет (всхлипывает).

„Теперь лошадь, — находится у человека. Мы ее не докормим, мы на ее переложим бремя, которое неудобно-носимое, мы ее перегоним. Она значит от недокорму, от перелогу от нашего, от перегону устанет. Пойдет на гору, — поставит воз значит поперек, чтобы изволоком - те, изволоком! Изволоком - те ей легче, животной бедной. И вдруг завалится воз в канаву, сама она упала; и прибегу я с дубиной, начну ее, бедную, гвоздить, где чтобы мне убить ее больнее (всхлипывает опять). Господи, а ты то что смотришь? Где ей будет награда, награда - то где?.. Издохла и все тут. Зачем - же ты, Господи, ее создавал, на страдание то, на муку? Мне значит награда — а ей что! Вот отчего качнулся, дурак, темный! Не понимаю, недоразумеваю“.

Плачет еще горьче и склоняет голову на палку.

„— Мне, старому дураку, чтобы сейчас тут, награду ей, сейчас чтобы. Вот тогда ты, Господушка у меня!

Вот я бы к нему припал-бы, не оторвался. А то борюсь, как Иаков...“

Смеется и плачет.

„— Яков - те боролся с Богом, взялся значит, всю ночь возились. Ну, повихнул ногу - те все-таки... Не так же дался! Эх, эх... Что мне старому дураку будет... (горько плачет).

„Давид говорит: делами руку твоею поучаюся. Вот — делами руку твоею, — хороший человек. А я писание читал, не то что делами руку... Пчела например летает от светка к светку, берет значит сок и с светка и с навозу — и делает приличное кушание (сквозь слезы — ироническая улыбка). А я подобен пауку (басом, глаза выкатываются, делаются сердитые). Паук теми-же светками питается, а делает противную паутину. Так и я окаянный: хорошие - те книги читаю, а не поучаюся, только вижу противоположное... О, Господи! А тут помирать надо. Что там - то будет? Огонь вещественный. А что такое огонь вещественный? Прииде к одному ангел небесный и говорит: знаешь ли вечный огонь, хочешь - ли избавиться, положи во временный огонь руку на 3 часа. Положил. Терпел, терпел, ждет — когда ангел придет. А тот не идет. — Что - ты, окаянный ты ангел. Забыл меня, что не идешь (подлая душа)! — Что ты орешь, грешный. Еще и полчаса не прошло. Вот что значит временный - те огонь. А то — вечный! Тоже у Иоанна Лествичника есть. Много он наболтал, Лествичник - те. По ступеням у него расположено, так в ступени 3-й рассказано это. Праведник один 30 лет спасался, все вопил: Господи, аще хочу, аще не хочу, ими-же веси путями, спаси мя. Достиг до той степени, удостоился значит, что ангел небесный сам ему обед доставлял. Ну, раз приходит, — а обеда - те нету. Так, в роде как коты трапезовали, да пораскидали.

Крошки одни. Ну, собрал он кусочки - те, благословился и с'ел. Глядь, на другой - те день — уж и ничего нет. Что такое, чем согрешил? Вот ангел - те и говорит ему: тридцать лет ты взбирался, а теперь в самый попал опять в тартар. Вот! Правда - те! 30 лет все вопил. А тут и человека живого не видел, значит и покушения не могло быть... Гордость видно: что вот я вознесся до божией благодати... Да, отделяет нас от гибели самая тонкая перепонка (опять улыбка).

„Две заповеди нас могут спасти: любовь к ближнему и вера. Трудно, а на одну нельзя облокотиться. Возлюбись отца и мать — несть мене достоин. Веришь, — а дела те где?

„Или теперь так: Христос распятие принял волею. Значит, да совершится по писанию. За что Иуду - те треклянут: трижды анафема! Ведь он значит содействовал предопределенному, без него ничего бы и не вышло... Ох - хо - хо! Так - то вот и грешишь, окаянный... Господи Иисусе. Дела твои воскресли, — верно (тоном пояснения: писания - те живы), да сам - то ты, милый! Сам - то воскрес - ли, Господушко!.. (плачет).

„Николай теперь чудотворец. Чудеса творил. В Прологах (?) сказано: надо на собор ехать, — кто - то лошадям головы отрезал. Ничего, — святитель - то говорит, поставьте им головы, поедут! Приставили. Что - ж ты думаешь, — покатили. Даром, что и головы - те перепутали: которая серая голова — на гнедую шею попала, которая гнедая — на серую! Волокут карету - те! Вот оно чудо! Это мог сделать, а стал против Ария - те говорить, — куда и слова - те девались. Не может так дополнить, чтобы значит смешать ересь ту. Этого - то вот, этого и не хватает, смыслу - те. Он его ключами - те, ключами - те вместо слов. Как же это? Хорошо?

„О других - те святых и говорить нечего. Много дураков было! Он чудеса - те делает, по вере - то, а смыслу в голове не имеет. Вот тоже в Прологах есть. Был святой, делал чудеса по вере. И прииде к нему человек и вопроси: что, говорит, ваше преподобие, как понимать о Мелхиседеке: бог он или человек? — Бог, говорит. Бог, верно. Потому сказано: первосвященники по чину Мелхиседекову. — Вот и узнай об этом архиерей. Ах, говорит, не хорошо! Приехал к нему сам, принял благословение и говорит: вот что, ваше преподобие. Очень мне прискорбно: недоразумеваю я, как понимать о Мелхиседеке: бог или человек. Помолитесь, говорит, чтобы Бог вам открыл истину. Ну, тот стал молиться... Известно, благодать - те у него не отнята. Видит: идут значит праведники и между ними Мелхиседек, в числе - же людей, а не в числе божества. — Человек, говорит, не бог. — А — то - то - о! — говорит архиерей (приставляет пестерню к носу). То - то и есть, ты чудотворец, а дубина... Не бог, не бог, а ты что зря наболтал!

„Царство божие внутри вас. Мы то Господушку хвалим, что он нас создал, а и он - те нас благодарит: спасибо и вам, что вы меня - те создали. Без вас и меня бы не было... Так вот все и думаю: то направляюсь на ум, все как следует вижу, то опять придет помешательство крови, — качнусь в противоположное.

„По вере бывает. Вот взять меня. Иду ночью - те, поздно. Подхожу к такому месту, которое для меня ужасно: громом человека убило... И стал про себя думать: как бы мне тут не испугаться. А луну - те этак тоненько прикрыло, облаком - те. Вдруг слышу — будто как на хвост кошке наступил. А на ту пору забылся, да вместо молитвы - те — матерное слово с языка и слети. И вдруг как замежджит, кошка - те, а не видно, чтобы

пробегла из под ноги, чтобы этак зашáмтело. Тут я вспомнил: „да воскреснет бог и расточатся врази его“ (читает все заклинание, страшно выкатывая глаза и размахивая угрожающе руками). Бог за мя, кого убоюсь!.. Ну и ничего не было больше...“

Вообще, как истый русский волтерианец, отрицая бога, — признает нечистого.

„Прежде хуже было, не было света истинного просвещения. Попы были волхвы. В Калязине была библиотека, книги были черномagia и прочие. Сунулся в ту библиотеку поп Савелов... начитался, пошел волховать. Была эта библиотека еще может от языческих народов, еще до Владимира Равноапостольного“.

— Какой же силой волхвовал?

„— Значит, нечистой силой. Ведь уж если есть Бог, должен быть и злой дух. Килы тоже привязывают, — это верно!“

Жизнию своей теперешней доволен. „Только бы жить: 7 сыновей, 32 внука, 3 правнука. Последнего сына женил“. В прежние годы не видел радостей временной жизни. Теперь видит — в чтении книг. „Будто придут к тебе разные народы, умнейшие господа, и сядут и станут говорить. Читал недавно про американца Жемса, который был из англичан простой человек и стал президентом“ (Гарфильд)...

„Только бы и жить теперь. Да день от мой смеркся... Смерть лезет. Ее бы и не надо, а тут она, проклятая“. (Еще насчет лицезрения).

2 февраля

Уехал из Вачи в Павлово.

Вечером в павловском любительском театре. Давали „Грозу“, с участием г-жи Зыбиной (Ал. Н. дочери Баранова). Места от 1 р. до 5 коп., сбор в этот вечер до 150 р.

3 февраля

Спал плохо. Утром в 6 часов начинается скупка.

Мне обещал придти Теребин, но я боялся пропустить. Ночью кто то приехал, ходили по корридору, — вследствие этого я почти не спал. С 5 часов по улицам уже движение. В 6 выставили красный фонарь. Выглянув в окно, — я увидел, как в 3-х местах вспыхнули огоньки и над ними затемнели кучи голов. Я оделся и сошел вниз. В это время кто-то зазвонил в колокол, прозвучавший под нашими воротами, в роде вечевого. Это пришел Теребин. „Номера“, где я остановился находятся на Стоялой улице, главной арене скупки. Я думал, судя по тому, сколько явилось в Павлове перемен, что характер скупки тоже смягчился. Но ничего не изменилось. Сначала казалось, что разговоры не так мрачны, как во время кризиса в 1889 г. Но когда с Теребиным мы стали заговаривать с рабочими, то вокруг сразу образовалась куча, запрудившая улицу — и опять полились те-же рассказы, и в них та-же горечь. Цены с 1889 г. не подымались до прежнего предела. 3 р. в неделю считается очень хорошим заработком.

Одним словом, почти ничего не изменилось. Промен, правда, почти исчез, но „треть“, т. е. выдача товаром, осталась. Остались и те-же порядки при самой скупке: так-же тискаются, давят друг друга, лезут через головы. Так-же сидит Корочистов и ничего не покупает, так-же к Онучину подходят редко, избегая этого грабителя. Те-же рассказы про него: возьмет по одной цене, рассчитывает по другой, выдает чуть не всю плату товаром.

— Чего уж, помилуйте: ножевщику красной меди навязывает. — Куда она мне? — Ничего, другим отдашь,

кому надо. — Чай на бандероли рубль шесть гривен, ставит два. А станешь говорить — в загорбок накладет, кучера позовет. Что ты с ним поделаешь?

— Без полицейского редкий расчет у него обходится. Все приходится полицию беспокоить.

— А то вот еще чего делает. Баба с товаром - те придет Ей богу. Прихожу это недавно, за расчетом. Дверь - те приперта, а окно разбито. Я рукой задвижку отодвинул, вхожу И товар тут - же. Уж я и не рад, — только бы уйти...

Все то - же. И даже залог жен и детей.

— Да, муж с товаром пошел, а жена или ребенок — позябни тут. Конечно, в котором человеке уверится, так отпускает.

— А бывает и так, — вмешивается какой то старик, — взял товар, получил деньги — и свищет.

— Ну, это один - два за все - те времена сделали, а уж на всю губернию слава.

— Худая слава бежит, добрая лежит, известно.

И также никто не знает причины упадка. Лучше - ли было прежде, или хуже? Мастерок в пальто, с тонким, белобрысым лицом и мягким выговором, находит, что прежде было хуже. „Я 32 года хозяйствую, видал худшие времена. Бывало отец идет с товаром, семья - те вся на коленках стоит, богу молится...“

Это мнение, однако, встречает шумные возражения.

— Нонче не то что на коленках, на брюхе елозий — не поможет.

— Прежде десяток у тебя 16 рублей брали, теперь 6. Тогда на треть все давали, — говорили мы: ах на треть, вот тяжело нам! А теперь то рассуди, — так тогда треть - то эта даром доставалась, прибавкой.

— Главное дело оборот малый. Здесь, господин, в Павлове таких людей, у которых месячный оборот, — может есть - ли 50.

— Где 50, — 10! А то на неделю немногие могут купить себе припасу. Он три замочки сделал — несет на неделе. Отдает за что возьмут. Вот у меня замок, ему цена 32. За 31 я не отдам. Моих братьев вот сегодня нет, — я домой несу. Я могу терпеть. А сегодня вот такой же замок, под эту форму — 25, а недавно был 30. И отдают. Значит у него пятака нет, с десятка — полтина скоски; он выработал шесть десятков, значит три рубли у него уничтожились. А ведь он в выработке чегонибудь стоит.

— Воду и мелют...

— Воду молоть — вода и выйдет...

4 февраля

Эту ночь (на вторн.) спал хорошо.

Имел слабость отступить от своих планов и подчиниться Штанге, который навязал мне визиты и знакомства, совершенно для меня в данное время ненужные. Был у Ив. Дм. Маклакова (податн. инспект.) и С. Петр. Меделева (з[емский] нач.). Потом Штанге потащил меня к Мих. Андр. Ефремову, технику артели, на заседание, уверяя, что это на $\frac{1}{2}$ часа и что артельщики огорчатся. Пришлось уйти около 12-ти и расплачиваюсь бессонницей. А главное — ничего не видал. Рассуждали о мелочах, причем Штанге не мог сговориться даже с Ефремовым. Потом насильственно перетащил разговор на вопросы принципиальные, которые я утром ставил Штанге. Что будет, когда артель станет собственницей? Артельщики, ребята повидимому хорошие, — отвечали, как урок. „Мы много довольны“. Нет, не то, а не захотят - ли прекратить

доступ новых артельщиков. — Зачем? Мы понимаем, что не нам одним. — Это мы должны сделаться кулаки. — Устав не позволит. — Это будет зависеть — как правление (самое искреннее).

— Спросите еще что нибудь, спросите, спросите. — Это понукание ставит меня в самое дурацкое положение. Я чувствую себя в роли экзаменатора, которому инспектор показывает благонравных учеников. Я заявляю, что не имею вопросов. Штанге экзаменует сам.

— А что было бы если бы мы трое (Штанге, Ефремов и Влад. Ник. Зельгейм) вдруг бы уехали? — Зачем уезжать. — Ну, случилось - бы. Поехали в лодке и потонули. — Дело бы расстроилось, — говорит один. — Мы бы обратились к начальству, что дескать определите нам таких людей, которые, чтобы могли вести наше дело. — Мы - бы, как ни - то уж схлопотали - бы, а что попрежнему жить, на кулаков работать не согласны.

— Почему - же так, — из своей среды не могли бы выбрать людей? Что - же мы из другого теста что - ли?

— Известно... Образованность...

Штанге производит впечатление человека, удаляющегося уже на некоторую высоту. Он находит все это естественным и на мое замечание, когда ясной лунной ночью мы идем мимо молчаливой новой артельной фабрики, — что ведь будет же время, когда правление будет только исполнительным органом, — отвечает, что такого времени долго не будет. Иначе сказать — смирные ученики артельного принципа так и проживут и помрут под учительской указкой. Ему нужно (нерешительно) тысяч 30, — тогда артель станет. По разочарованному и угнетенному виду Ефремова, я заключаю, что 30 пожалуй мало. Штанге говорит, что Ефремов — плохой техник, но кажется все таки Ефремов работает больше всех. Книжки, билеты, под

счета, выдачи — на это ушло 4 года молодости и уйдет еще бог знает сколько. 30 тысяч достать трудно, а если и будут, — неизвестно, не понадобится ли еще столько, чтобы выдерживать конкуренцию с существующими фабриками. Труд их почти не оплачивается — и когда будет оплачиваться — тоже неизвестно. И Ефремов медленно, с тусклым взглядом и подавленным голосом говорит о делах артели и ее видах на будущее. „Могла бы стать на ноги... Теперь есть небольшой чистый доход“... Зап[асного] капитала нет, первая сильная заминка и все кончено. Артель, — я вижу это, держится искусственно, требует совершенно экстраординарных усилий и самопожертвования и в конце концов, — только от будущего правления будет зависеть — удержать артель от превращения в товарищество предпринимателей, в случае успеха.

А в случае неуспеха, — какое горькое разочарование для этих 60 человек, над которыми смеялись, которых пугали, которым предсказывали неудачу!

Все это вместе взятое произвело на меня такое впечатление, что я проворочался с этими мыслями до 5^{1/2} ч. утра, и надев валенки подсел к столу, чтобы набросать все это в книжку и выбросить из головы и сердца. А еще Штанге все требует, чтобы я побольше написал об артели. Что написать? Лгать — не хочу и не могу. Написать правду — значит толкнуть хоть сколько нибудь налаженное дело и содействовать его скорейшему разрушению. А может быть я и не прав. Придется, кажется, опять промолчать.

Вдобавок ко всему — артель ножевщиков захватывает отрасль, лучше всего оплачиваемую и дающую сильных конкурентов. Замечательно, что в ножевом деле всего дальше подвинулась машина и фабрика, — и все таки кустарям - ножевщикам лучше, чем замочникам, где фаб-

рики нет и значит, кустарный строй остается в перво-бытной силе.

5 февраля

Всю ночь не спал напролет.

Лежу на постели в своем номере. Тихо открывается дверь, входит господин в пальто с кунным воротником, молодой еще, с беспокойно и юрко бегающими глазами. Рекомендуются Влад. Вас. Суханов, торговец павловскими изделиями, пришел изложить мне свое прохождение жизни. Желает непременно помочь кустарю, даже имеет такой девиз, что непременно помочь и помочь. Конечно, замочное дело в упадке, потому что прочие замки подпирают, ковенский, варшавский, рижский, потому что там работают штампом. А он имеет в виду не производство, а продажу. Для этого хотел артель, собирал у себя мастеров, даже у исправника спрашивал. — Что - ж, говорит, можете. Чаю например напиться, — кто может воспретить. Согласилось человек 150. Предполагал посылать по России агентов для продажи изделий. Советовался с земским начальником Обтяжновым, но тот при сходе его осрамил. Тогда и мастера отшиблись. Теперь имеет в виду прежде составить капитал, а потом „помочи“. Капитал составит продажей изящных коробок с ассортиментом павловских изделий (7 вещей, в мужской коробке — бритва, в дамской — „преимущество женского полу“ — щипцы для завивки волос).

Ходили по горам¹. Зрелище удруч[ающее].

¹ По горам, на которых расположены лачуги Павловских кустарей. В. Г. зарисовал в своем альбоме вид этих гор, а также домики кустарей, типы их и пр. Впоследствии с этих рисунков художницами Бем и Шнейдер были приготовлены иллюстрации для печати.

6 февраля

Спал хорошо.

Рассказы рабочих о щеткинской фабрике у Личадеева (вчера): в недавнее время померли: Александр Горшков („вчера хоронили“) 35—38 л. (лопаточник), Петр Харламов Чиченков—23—5 л. (с месяц назад), Гуляев месяца 1¹/₂. „Ножи личил, ну заработок показался мал, на топоры - те перешел, тут и готов“. „А то еще один говорит управителю - те: Михаил Алексеич, точило - те больно плохо.—А плохо, такой сякой, так убирайся! Ну, за неволю сел, что станешь делать. Точило - те как развернулось—на месте! Вдова - те пошла к самому: как мол теперь быть. Ну, трешну дал на шаль, с тем и ушла“.

7 февраля

Ночь всю на пролет опять не спал.

Выехал из Павлова. Плохие лошаденки, крытые сани, звон колокольчика... Влажный ветер, легкая сырая изморозь. Мне видно только мутное небо, кусок дуги, мокрый зад коренника и кусок спины ямщика в рыжем зипуне с поднятым воротником. Так прошло часа четыре,—и я был рад, что мы ехали так долго. Мне казалось, что ветер—забиравшийся то и дело ко мне из за высоко поднятого фартука,—развеивает мою тупую тоску и разметаёт ее по этим белым полям. В Вачу приехал часов в 5¹/₂. Застал старичка инспект. нар. училищ. Катковец, классик. Тонкие черты лица, как бы высосанные длинным рядом годов отупляющей педагогики, пригорбленная спина и добродушное в сущности лицо. Чиновник и формалист. Учителя и учительницы слегка насмешливо приносят свои журналы и он в них что-то пишет и пишет. Даже катковец—приятен в такой обстановке. Вечером я лег

со страхом: а что если не засну и эту ночь. Это станет уже настоящей болезнью...

8 февраля

Вчера лег в 8^{3/4}. В 9 уже заснул. Сегодня проснулся в 1-й раз в 5^{1/4}, посмотрел на часы, и радостно, с сознанием, что сон опять пришел ко мне, что я не зарезал его, как Макбет, повернулся, потянулся и немедленно заснул опять. Проснулся опять в 8^{1/2}. Инспектор нар. училищ, в вицмундире и при звезде — пьет чай, и мы беседуем о разных разностях. Я так доволен, что „не зарезал“ своего сна окончательно, что мне все как то радостно; хочется писать, хочется изображать природу, людей, катковца, нахлобученные снегом деревни... Но я не позволю себе сесть сегодня даже за „Павловские очерки“¹. Буду только ходить и рисовать. Знаю, что наверное, — еще будут периоды хандры, тоски, ноющего замиранья и глухих укоров совести за многое, что прежде не казалось важным, а в такие минуты встает со всею свежестью раз'едающей душевной боли. Но знаю, что и эти периоды должны сменяться такими, как сегодня. Я был на рубеже сильной и тяжелой болезни, и — еще недалеко ушел от этого рубежа. Хотел описать этот процесс, но побоялся: об'ективировать еще не могу, а новое переживание его может укрепить в мозгу. Особенно мучительна бессвязность и отрывочность идей и мыслей. Сегодня видел опять длинные, но связные сны.

¹ Т. е. за переработку очерков, которые В. Г. предполагал издать отдельной книгой с иллюстрациями (по собств. рисункам). Намерение это осталось неосуществленным. Переработанный текст „Павловских очерков“ был напечатан впервые в собр. сочинений издания „Нивы“.

9 февраля

Эту ночь опять спал очень плохо.

Вчера и 3-го дня решился принять бром. натра, а вчера в 2^{1/2} ч. ночи, когда все еще не мог сомкнуть глаз,— принял 1 гр. сульфону. Говорят, он начинает действовать через 3 часа, но задремал через 1^{1/2} часа, а через 3^{1/2} проснулся, и уже не спал. Встал в очень плохом настроении, несколько испуганный повторением бессонницы. Днем забылся опять часа 2, одетый. Потом отряхнулся, вытерся холодной водой и решил поступать, как бы ничего не было. Ходил по Ваче, рисовал. Вечером была свадьба. Женился сын конторщика на единственной дочери зажиточной вдовы. Венчал о. Дмитрий, небольшой рыжий человечек, которого я встретил незадолго на улице. Тогда он уже был сильно выпивший, а теперь его возгласы были едва слышны. Завтра приезжает следователь (духов.) расследовать его поведение, а сегодня бедняга все таки пьян. Мастеровые его любят: берет, что дашь, не ведет записи долгам, с бедных не взыскивает. Ну, а если в самую торжественную минуту жизни от него на невесту и жениха несет полугаром,— за это русский человек тоже не взыщет. Во время свадьбы в церкви набилось много народу, особенно баб. Мастеровщина — народ вольный: стали вплоть, головы, головы — точно вода заливают всякое свободное место, отделив даже священника от жениха с невестой. Когда диакону нужно пройти в алтарь,— начинается давка, колыхание, толпа образует течения и водовороты. В середины стоит сотский в синем кафтане и ругается на всю церковь: Что это, что эт-то так-койе! Что за свинство, пошли, пошли! Другой, помужиковатее, берет в правую руку тяжелую шапку и взмахивает, шлепая по лицам ближайших. Темным

вечером пьяный попик, в сопровождении певчих — ведет молодых в венцах — до дому.

10 февраля

Вчера лег опять в 9 часов, но заснул не очень скоро: мешала боязнь бессонницы и самонаблюдение. Подумаешь: кажется засыпаю, — и тотчас, будто какая волна пробежит по телу и сна нет. Однако часов в 10 заснул (ни бром. натра, ни сульфонала не принимал). Было страшно главное то, — что это уже была - бы 2 - я ночь. Если - бы и она прошла без сна, значит болезнь пошла бы вперед, не назад. В 3 часа ночи проснулся, и увидев, что все таки спал 5 часов, успокоился и опять тотчас заснул, часов до 7^{1/2}.

Утро чудесное, не светлое, но теплое, вдумчивое, из тех, в которых слышится как бы раздумье природы перед весной: кончаться или не кончаться зиме, выступать весне или погодить. Но уже от одного раздумья все мякнет и рыхлеет. Снег тихо опускается под каблуком, полосы лесов на снегах посинели, как будто набухли, ворона каркает густо и значительно, на крышах проступают темные тесины из под подтаявшего снега. Тропинки кругом завода, обыкновенно присыпанные изморозью — теперь выступили черными полосками (от угля). Я пошел без определенного намерения, перешел по тропке за речку и вошел в занесенный снегом лесок. Меж голых березовых стволов виднеются скромные деревянные кресты, а в одном месте жел[езная] решетка и в ней два памятника. Черный мрамор с высеченным евангельским изречением, но имени еще нет.

№. (Купили готовый, да так и не закончили). И все здесь, начиная с фабрики и кончая кондратовским домом и могилами — незакончено... В трех местах среди сугробов.

снега и белых стволов — виднеются сырые неприятные для глаза кучи вывернутой глины. Это свежие могилы. Вчера венчали 6 свадеб мастеровых, сегодня троих хоронят. Я подхожу к одной могиле. Около нее стоит мужичонко, с неприятно скомканными чертами лица, грязноватый, в лаптях с распушенной оборкой, запачканой в глине. Он только похаживает, между тем, как из могилы то и дело подымается лопата и комья сырой глины ложатся на бугор. Повременам из могилы видно красивое лицо мужика, в сером кафтане. — Бог на помощь, — говорю я. — Спаси Господь. — Для кого готовите? — Киселев помер. — Из за снежного бугра выходит мастеровой, идущий после праздника на фабрику. Он останавливается испуганный. — Какой Киселев? — Ларион. — Может-ли быть... Верите, господин, в субботу беседовали, на ногах был мужик. — Да, жалеют, — произносит грязный мужичонко. — Главное дело таким бытом помер... На своих ногах значит, неожиданно. И хворал мало.

— Чем занимался? — Личильщик. — Наше дело такое, — угрюмо говорит подошедший, крестится с серьезным и строгим лицом и идет тропой, временами проваливаясь в рыхлый снег. На березе садится ворона, избокает голову и каркает раза два или три. Грязный мужичонко кидает в нее комок снега.

— Да, господин, что станешь делать, — грустно произносит мужик в сером кафтане, обтирая рукавом потное лицо. — А вы здешние? — Я значит здешний, — говорит грязный мужичонко. — А его — к себе присогласил. Он — проходящий.

— Судогодского уезду... Что станешь делать. В Сормово иду, а не сойти никак. Вот нанялся.

— Да, вот не сойти ему, — я его нанял, — говорит грязный мужичонко. — Я значит здесь около Кондратовых,

по печной части, то - другое. Теперь две могилы взялся выкопать, по 8 гривен, 1 руб. 60 коп. за пару. — Мне, значит, 40 коп. Что станешь делать. Не сойти никак. — Вот как — соображаю я, — стало быть ты стоишь, и получишь 80 к., а он копает, тоже 80 к. — Что станешь делать, — все также скорбно повторяет работающий. — Не сойти, а дома жена да четверо... Не будет - ли милости вашей, помочи сколько нибудь.

Я даю двугривенный.

— Ну, вот, благодарим покорно... благодарим! — гордо распоряжается грязный мужичонко, как будто чувствуя себя главной причиной моей щедрости. Работник принимается опять за лопату, могила углубляется. Я обхожу кругом село, и подходя опять к этому месту, вижу, как по черной угольной тропе, с трудом спускаясь и скользя по накатанному слипшемуся снегу мастеровые, без шапок несут на плечах некрашенный гроб. Сверху мне виден желтый лоб покойника, ветер шевелит на нем прядь волос. За гробом идет молодая еще женщина, за ней жмутся двое детей. По временам резкий жалобный вопль прорезает мягкий воздух и также внезапно стихает. Сама - ли вдова перестает вопить, ветер - ли несет вопли в сторону — разобрать трудно, только весь этот мягкий весенний день кажется мне насыщенным слезами и печалью... Через минуту темные фигуры мелькают уже за речкой, подымаясь по угору, меж сетью березовых стволов.

Со святыми упокой...

В тот - же день ездил в дер. Щербинино (Тумбатовости, Горбат. у.), о которой мне говорил раньше Ник. Фед.¹ Статистиков поразило зрелище личильни:

¹ Н. Ф. Анненский.

в подполье в полутьме — слепой старик ворочал колесо, приводящее в движение точило. Я поехал туда посмотреть. День теплый, липкий снег и мутное небо. Ехали на Таломское, в стороне: Горы (деревня), Озяблино, Погост, Белавина. Потом Иголкино (большое и малое), Вареж и Щербинино.

От последнего уже видны Павловские горы и церкви (8 в.). В Вареже — паров[ая] личильня Гутьяра, — деревянный корпус. В чан девки носят воду ведрами. Щербинино — бедная серая деревнюшка в два порядка. Остановились у Артемья Петровича местного торговца. В его семье — молодая солдатка вызвалась сводить меня в личильни (домов 10). Молодая, краснолицая, с бойкими глазами и разговорчивая, она охотно меня водила, а мужики охотно показывали заведения. В первой-же избе — я увидел бабу, до половины вылезавшую из под печи. В ту же дыру пришлось лезть и мне. Подполье освещается двумя отверстиями. В углу — деревянное колесо, у меньшего окна — чарок, у большого верстак. В одном из осмотренных мною подполий — находился в углу теленок. Вертят по 2 бабы на уповод. Семейных баб не хватает „берем с улицы“. По 6 — 8 коп. с дюжины ножниц. Обходится дороже чем „пассажирам“. Очень жалели, что Гутьяр убрал свою личильню, надеются, что я открою свою (затем дескать и приехал). А то работать хоть бросай. Особливо летом: девки и бабы уйдут по грибы, не заманишь, а свои не выдюжат. Между тем — неделю не поработай — смерть! Хлеба ни у кого нет (у самих только поемный луг). Да и личка с ручным колесом — плохой сорт.

У хозяина — давняя лихорадка: „разрушит, аки весь раздробленной, апекит отрезало“.

Личили на „перскòм камне“. „Пыль-те едуча, востра, в нутренность проникает“... (на нутро садится).

11 февраля

Спал часа 4^{1/2}, бессонница изменила характер, и очередь нарушена. Спал - бы больше. Какое то беспокойство и нервность.

12 февраля

Тяжелая бессонница. До 2-х часов заснул только минут на 10. Прежде бывало всего труднее заснуть, а тут заснул хорошо, но проснулся. Что-то изнутри толкнуло и сжимает сердце. Потом часа в три забылся тяжелым, „верхним“ сном. В 5 опять проснулся, поворотился и заснул до 8. Вторая ночь (сегодня бессонница не в очередь) расстроила мне сильно нервы. Главное — выезжаю значит отсюда не лучше, чем приехал. Месяц потерян. Правда, могло бы быть и хуже.

День морозный и ясный. Пошел по селу, вышел на дорогу в Козаково, потом пройдя с версту — повернулся: — Бойся! — Сзади наезжает мужик в розвальнях. — Мир дорогой, хошь подвезу? Я сажусь. Мужик светло-русый, сильно обросший бородой, с добродушным славянским лицом спокойным и слегка грустным. На одной стороне ему сильно запорошило изморозью и шапку и бороду, но он этого не чувствует. Снег лежит на нем, как лежал - бы на статуе. Маленькая лошаденка с вытертой кое-где шерстью болтается как котенок в широких оглоблях. — Молода еще? — спрашиваю я у хозяина. — 8-й год. — Что больно мала? — Вишь кормы-те плохие, а ёзда. Детей у меня много, а судимся мы. Вот главное дело. Ей 8-й год и тягаюсь 8-й год. Из за зёмли. Вот она и того... — Эта связь юриспруденции с жалким видом кляченки меня удивляет, но связь прямая: купили землю челов. 12, на имя троих. Один из покупателей продал

свою часть, а покупатель и требует все, что по записи. В волостных книгах хоть и записано, но все же волостной суд присудил в его (истцову) пользу. — А я подал на окружный. Вот 8-й год. — Что больно долго? Ты грамотный? — Неграмотный. — Смотри пропустишь сроки какиенибудь. — Не-е... Меня добры те люди наставляют. Тут главная причина 7 денный срок. Как значит с получения, так чтобы в семь ден. Ну, уж я стараюсь... Как получил в 7-й день от себя опять выпускаю. Вот како дело! Истиранили, главное дело, марками-те...

Зинягин умер. Осталась вдова и трое детей. Об этом идет разговор на фабрике. — Что же теперь будет делать вдова? — Ткать, — говорит один. — Ежели точёт хорошо, может заработает рубля 2 в неделю. — Вдвоем надо, — девченку возьмет, на двоих-те три рубля можно выручить. — Да ведь свои дети у ней, — один грудной, да две малые. — Ну, так не выработать и двух. — Сын у него у Николая есть, у нас работает, на фабрике — отделеной давно. — Он, сын-те, в имение вступится, — говорит черенщик, улыбаясь. — Отец-те на второй женился — ему ничего не дал. Теперь он ее пожмет.

Он улыбается так, как будто говорит о самой приятной вещи. — Не иначе, придется девченок с кузовом посылать.

Девочкам лет 8 и 10. Я не могу без боли думать об этой перспективе — ходить с кузовом для таких детей, а черенщик опять улыбается, причем рот его складывается каким-то удивительно веселым образом. Впрочем — это у него всегда такая улыбка. Черенщик человек счастливый. Недавно он женил второго сына. „На стол положил“ (родителям невесты) 30 руб., на свадьбу и на

снаряжение ушло рублей 60. Пировали отлично, потом осталась еще пятишна. Он вынул ее после конца празднеств и говорит: ребята, а ведь пятишна то еще тутось. Чего с ней? — Пропьем! — Валяй! Еще погуляли. Одним словом эта пятишна является каплей переполнившей чашу его радости. Теперь остается еще сын — да мал. „Успею и на него заработать, на свадьбу - те“. А там — жизненная задача выполнена, остальное дар судьбы... Поэтому в улыбке черенщика столько радости, внутренней, накопленной, запасенной...

— Трудно ведь детям с кузовом ходить — говорю я с некоторой укоризной за его веселье.

— Трудно, — отвечает он, — беда, — и опять показывает зубы детски радостной, немного лукавой улыбкой. Улыбка вызывает во мне недоумение: она явно неуместна, но в ней есть что-то странно-доброе: доброе веселье по поводу чужого да еще детского горя!

Мое недоумение разрешается: черенщик останавливает привод и поворачивая улыбающееся лицо с небольшой бородкой, в которой чуть видны кой где седые волосы, произносит:

— Сам ходил с кузовом - те. Знаю.

Это мне все раз'ясняет: сам ходил, значит имеет право не очень сокрушаться о других. Теперь счастлив, — значит, может оглянуться на кузов с улыбкой.

— Отец - те у меня на вдове женился. Своих у него пятеро нас, я старший 12 лет, да у нее трое. Значит с обчими вместе, всех восьмеро. А сам - те был не очень... слабоват. Кормить нечем. Ну и послал нас - те, старших, с кузовами.

— Трудно было?

— Когда не трудно! Люди - те где ещ спят, — нигде огонька нет, а ты уж в ходу, с кузовом - те, на заре,

а то и до зари. Знать, зимой - те, холодно, дороги - те не видать, да иную пору метель. А ты бежи, где чтобы пораньше.

— Зачем так рано? Ведь спят.

Он опять улыбается своей детски лукавой улыбкой.

— Иного сам и разбудишь, стучишь в окно. Поддай дескать Христа ради. Ну, встанет подаст, что станешь делать. В Новоселках, в кабаке - те по трешнику в субботу сиделец подавал. А 6 верст, ну и бежишь.

13 февраля

Эту ночь опять сначала не мог заснуть. Боясь, что бессонница перейдет в сплошную, попросил морфия. Принял в 11^{1/2} до 12^{1/2} не подействовало. Встал, сошел вниз, выпил молока с коньяком. Заснул часа в 1^{1/2} ночи. Проснулся часов в 7, потом заснул до 11. Легкая головная боль. В 4 часа выехал из Вачи¹.

14 февраля

Ночь в вагоне спал изрядно. Приехал в Москву. Узнал о бедняге Саше² (у нее умер Шура³). Горе за горем.

15 февраля

Ночь почти без сна в Москве.

¹ О пребывании В. Г. в Ваче и Павлове см. в дополнение к настоящему дневнику письма писателя к жене и родным. („Письма“, кн. V).

² А. С. Малышева, сестра жены В. Г.

³ Маленький сын А. С. Малышевой.

16 февраля

Спал с перерывами часов 9. Маня¹ мне читала до 12 час. рукопись В. М. Михеева². В 1 ч. заснул, в 5 проснулся и опять заснул до 9. — Выехал из Москвы.

11 марта [Петербург]

Был Пав. Ив. Якобий, психиатр. Человек интересный. Говорит очень остроумно, но больше все парадоксами. — Ах, господа, господа! По моему наша передовая интеллигенция сделала смертельный грех, примирившись с земством. Это господство капитала в самой грубой его форме — земельной. Господство экономическое и даже политическое. — А чем вы желали бы заменить его? — Ну вот! У меня был, извините, сумасшедший. Очень милый и остроумный человек. Часто приходил ко мне, очень приятный собеседник. Вот раз застаёт у меня кружок врачей. Идут толки о том, что такой-то открыл бактерию оспы. Оказалось — пустяки, но тогда еще верили. Почему бы и нет? Ну вот, он слушал и говорит:

— Что-же дальше? Вы надеетесь лечить оспу?

— Конечно, — добудем вакцинную сыворотку.

— И значит, современем совсем уничтожите и оспу и дифтерит.

— Надеемся.

— Все это хорошо, а чем же вы думаете заменить их?

Я смеюсь. „Послушайте доктор. Этот случай доказывает слишком много. Вы вентилируете больницу. Вентиляция плоха, — вы говорите надо сломать. У вас

¹ Марья Галактионовна Лошкарева.

² В. М. Михеев, беллетрист, автор повестей и рассказов из сибирской жизни.

спрашивают, а какой системой вы замените? Вы тоже расскажете свой анекдот об оспе?¹“

Он был гарибалдийцем, знал отлично Бакунина¹, до сих пор любит эти воспоминания, но о земстве рассуждает в униссон с „Московск. Вед.“. Это — оспа, которую ничем заменять не надо. Он видел республику и видел бойню, устроенную республиканской буржуазией. Когда один отвечает — он не вынесет ответственности за 48 тыс. расстрелянных, а коллективная ответственность выносит. Лучше Луи Филипп, лучше Наполеон, чем эта буржуазная республика с ее 48 тыс. расстрелянных! Свобода печати, — ну, вот я вам скажу, что такое свобода печати. Я знал одного известного журналиста. Сиж у него, приносят статью от Лессепа². Прочитал и кинул на стол. О, старый волк, какую гадость написал. — Вы не напечатаете? — Разумеется напечатает. — ? — Но ведь он купил у нас вторую страницу! — Все знали эту панаму насквозь и все таки хвалили, пели дифирамбы. А наша печать еще свободна от этого, благодаря тому, что ее давят сверху (!)... Становой лучше всякого земца, хотя должен признать, что еще у нас люди хороши. Только хорошими людьми и держится это дрянное учреждение. И вы еще хотите, чтобы оно победило правительство, и вместо двух грызущихся врагов вы получите одного господина. Не дай бог. Правда школы и больницы оно настроило. Я враг его, но признаю, что это так. Но

¹ М. А. Бакунин, (1814 — 1876), знаменитый революционер-анархист.

² Фердин. Лессепс, известный французский предприниматель, дипломат и журналист, а после строитель Суэцкого канала и один из главных виновников знаменитой панамской аферы. В целях сокрытия истинного положения дел с прорытием Панамского канала, Л. широко организовал подкуп должностных лиц и печати.

знаете зачем? Когда выступила буржуазная республика после 48 тыс. жертв, — от нее ждали чуть не рая. Надо-же дать чтонибудь за эти 48 тыс. жизней. А дать нечего! Она и сунула тотчас же школы и больницы. Вот вам. Также и вам земство сунуло школы и больницы. Вот и подкупило вас.

— Т. е. кого нас?

— Вас всех, радикальную интеллигенцию!

В этом ключ к его мировоззрению. Он думает до сих пор, что „мы“ делаем всю историю. Не подкупят нас — сейчас перевернем мир!

8 апреля

Уже около недели сплю без лекарств, часа по 4—5 в ночь.

Вечером у Яроцкого¹ собрались: К. К. Арсенев², Л. В. Ходский³, П. Б. Струве⁴, Лозинский, Мякотин⁵, В. И. Семевский⁶, (?) я и для обсуждения дела Андр. Алексеевича Исаева⁷. Этот „почтенный профессор“ свои счета и свою полемику вел при помощи между прочим анонимных и подложных писем. Одно из таких писем,

¹ В. Г. Яроцкий (род. в 1855 г.), экономист, профессор Петербургского Университета.

² К. К. Арсенев (1827 — 1919) известный писатель, критик и общественный деятель, редактор „Вестника Европы“.

³ Л. В. Ходский, (род. в 1854 г.) экономист, профессор финансового права.

⁴ П. Б. Струве (род. в 1870 г.), известный публицист и экономист, позднее редактор „Освобождения“ и „Русской Мысли“.

⁵ В. А. Мякотин (род. 1867 г.), историк, публицист, сотрудник и член редакции „Русского Богатства“.

⁶ В. И. Семевский (род. в 1848 г.), известный ученый, историк.

⁷ А. А. Исаев (род. в 1851 г.), экономист, профессор политической экономии в Петербургском Университете.

помеченное вверху „от профессора Яроцкого“ и начинавшееся словами: „Наш известный ученый...“, заключало известие, будто Яроцкий прочтет лекцию, в которой докажет, что низкие цены¹ — „основа благополучия России“. „Новое Время“ вычеркнуло рекламное начало — и в доброй вере напечатало самую заметку (27 марта). Яроцкий прислал возражение, законченное вопросом: кому нужно было выдумывать эту нелепость („об основе благополучия“ и о самой лекции, которая даже не предполагалась). „Нов. Время“ отметило, что это уже не первая заметка в этом и даже худшем роде, которые получались в редакции от имени проф. Яроцкого. Самая заметка была разыскана и оказалась писаной рукой профессора Исаева! Тот сначала заперся, Яроцкий отдал заметку и ранее полученное дрянное анонимное письмо эксперту, признавшему, что писано это Исаевым. Исаев приехал к Яроцкому, признал письменно факт, что заметку в „Нов. Вр.“ писал он и просил пощадить его. История распространилась, первоначальные слухи приписывались неблагоприятному вымыслу самого Яроцкого, в видах избирательной борьбы (в Вольно-Эк. Обществе) и поэтому Яроцкий обратился к нам с просьбой посоветовать ему, как быть. В. И. Семевский представил на справку лекцию Исаева, читанную в 1881 г. в Ярославле об освобождении крестьян в России. Это восхваление самодержавия. Реформа совершена лишь самодержцем и „служилыми людьми“. Ни при конституции, ни при республике освобождение с землей невозможно. Все дальнейшие упования возлагаются опять на престол и на царя. Читано 31 марта 81 г., а в апреле автор уже утвержден ординатором профессором. Вообще — человек беззастенчивый, теперь

¹ Низкие хлебные цены.

пожинает аплодисменты от радик[альной] молодежи, и тут - же пишет грязные анонимные и подложные письма!¹

11 апреля

Начал учиться на велосипеде. Ездил $\frac{3}{4}$ часа.

ПОЕЗДКА В ДОБРУДЖУ²

22 апреля

Выехали из Петербурга.

23 апреля

В Москве.

1 мая

В 3 часа из Москвы.

2 мая

Курск утром. — Из Курска в 12 ч. 40 дня. — Под вечер Путивль. Вечером Конотоп. Поезд проходит мимо самых окон гостиницы, — виден бильярд, слышен стук шаров. Вокзал окружен большими раинами. Луна, шопот густой молодой зелени, мелькающие пятна лунного света и темные тени. Густая толпа на перроне...

3 мая

В Киеве утром. Из Киева 10 ч. 20 утра.

¹ См. об этом инциденте письмо В. Г. к брату Иллариону Г. от 24 апр. 1897 г. („Письма“ кн. V).

² В. Г. ехал с семьей в Румынию. В письме к брату Иллар. Г. от 24 апр. он сообщает: „Едем за границу, в Румынию, — доктора мне решительно и единогласно приказывают удалиться на время от русских впечатлений“. Выбор Румынии объяснялся главным образом тем, что там жил брат жены В. Г., — В. С. Ивановский.

4 мая

Утром в 8^{1/2} ч. в Одессе. — „Крымская Гост.“ (№ — 2 р. 50 к., — недорого и недурно). Вечером у А. Ив. Цомакион¹. Назад шли с детьми пешком. Одесса производит особенное впечатление. Прямые улицы, засаженные молодыми деревьями. Очень широкие тротуары большой простор пешеходу и узкий проезд, по которому то и дело мелькают со звоном вагончики, — это признаки европейской демократизации города. Движение бойко, живо. Улица в непосредственном общении с домом. В окнах ресторанов видны целиком фигуры сидящих за столами, в нижних этажах двери открыты, окна не занавешены, и проходя мимо, мы видим семьи за вечерним чаем и ужином. Фонари не горели, огромная луна проглядывала сквозь жидкую еще молодую зелень...

6 мая

В 4 часа дня вышли из Одессы на пароходе Гагарина „Русь“². Плохонький пароход, сильная качка. Только общие каюты 2-го кл. Ночью — сорвало умывальник в дамской,³ разбросало все вещи, перебило посуду. На пароходе ничего не прилажено, хлопают двери, звенят разбитые стекла, стучат падающие вещи. Прислуга прислоняет к дверям буфетного шкапа то метлу, то ведро, то доску. Все это тотчас — же отлетает. На случай морской болезни для всех пассажиров одно ведро. Оно то и дело опрокидывается. Откуда — то льется вода, — оказывается из плохо заделанной пробоины где-то на носу

¹ А. И. Цомакион, вдова одесского профессора Ф. М. Цомакиона, долго жившая в Н.-Новгороде, хорошая знакомая семьи Короленко.

² Переезд из Одессы до Сулина на пароходе „Русь“ подробно описан в очерке „На синем Дунае“ (напечатан впервые в т. XIX, наст. изд. стр. 131 — 139).

парохода. Все испуганы... Лакей ночью сучит веревку — это он будет завязывать хлопающую дверь. Наверху также хлопают двери сортиров. — Закрепи! — кричит капитан. Матрос сует в дверную щель гнилую щепу и за-талкивает ее ногой. (В Сулин мы должны придти в 4 ч. утра. Приходим в 10 (7-го).

7 мая

10 ч. утра. Истомленные ночью всяких приключений, мы долго шли все по такой-же качке, имея направо какой-то берег. Долго, однако, не знали какой. К счастью потом оказалось, что хотя и на 8 часов позже, но мы таки попали в Сулин. Матрос черпает воду — „пресная“. Потом показывается маяк, на моле, глубоко вдающемся в море, буйки, обозначающие рейд, один из них раскачиваемый волнением, звонит привешенным колоколом. Входим в простр[анство] меж двух молов. Домики, крытые черепицей, на одном — надписи, гласящие, что это административные учреждения. Далее — консул Ватсон, он-же — Ватсон и К-ия торгует углем. На берегу молдаване, турки, русские, — загорелые, изрядно ободранные. Это грузчики. Пара худых костистых лошадей, запряженных в фаэтон — привезла кого-то из администрации. На берег пассажиров не пускают.

После 2 часовой стоянки — спокойное плавание по Дунаю. „Тихий и синий Дунай“ — ирония. Тихий правда, — но не синий, — а весь серожелтый от глины. Такая вода течет у нас только весной по глинистым оврагам. От пароходных мачт на воде виднеются не отражения, — а черные густые тени, как на земле. Небольшие речушки, разлившиеся от дождей и падающие в Дунай — резко выделяют свою воду — точно синька, она дает прекрасные лазоревые пятна на желтой воде Дуная...

10 мая

В Тульче.

Праздник румынской независимости и об'явления королевства. — Парад у церкви. Церковь бедная, голые стены (амвон и готический конфессионал). Гнусавое пение хора, напевы русские („Домну милуешти“) ¹. Военные — без военной выправки (наиболее brave — два болгарских офицера). У церкви ждут господ биржари ². Полковник и высшие чины садятся в коляски, на козлах которых сидят еврейчики, в потертых светлых пиджаках. — Затем шествие школьников и школьниц с национальными значками и знаменами (сине - желто - красное). Последние шли турки. — Вечером факельшуг с музыкой и иллюминация. Дождь, клочья туч вверху, сальные свечи в окнах, на улицах в честь Карла сожжено много деревянных коробов и старых бочек. Слякотно и дымно. Повременам слышны выстрелы из пистолетов.

11 мая

Празднование Кирилла и Мефодия (праздник болгарской колонии). Болгарская церковь, просторная и богатая, полна народом; нарядные дамы, богатые купцы и багаджии ³, простой народ (женщины в национальных костюмах). Все время богослужения 4 сборщика обходят церковь и звон денег не смолкает. Пение попов — гнусавое, чтение апостола тоже (чтец заканчивает каждый период особенной вибрацией голоса, напоминающий еврейское: Ой - вай - вай...). Хор певчих лучше. Служат румынские и болгарские священники. От этого часть богослужения

¹ „Господи помилуй“.

² Извозчики.

³ Виноградари.

идет по румынски, другая по славянски. На румынские возгласы диакона хор отвечает: Господи помилуй. Херувимскую поют, как у нас, („тайно образующие“). — После богослужения — все собрались в училище. Учитель говорил речь о значении Кирилла и Мефодия для славянства, закончив благодарностью румынскому правительству. Последнее действительно очень терпимо (говорят на тульчанскую колонию болгарское правительство тайно тратит не мало денег); результаты однако, — полное отсутствие национальной обособленности в местных делах. Идя назад, — я увидел над одним из балконов красное знамя, с надписью: Пролетарии всех стран соединяйтесь. Это сегодня собрание социалистов-рабочих.

Вечером того - же (11мая) дня — вечер в училище. 2 речи (учитель — о семье и школе, учительница — о женском образовании. Неизбежное упоминание о Дж. Ст. Милле, Спенсере, Жан Ж. Руссо). Затем стихи Вазова¹, Ботева² и др. — Жанр интенсивно-патриотический — тирания турок, борьба юнаков, героизм и мученичество. Было жарко, понимал я плохо, поэтому еще до конца вышел из душевого зала. Мягкая, звездная, но безлунная южная ночь, шопот деревьев. При сомнительном освещении фонаря — маячит у входа какая-то фигура: вытянутая шея, согнутая спина, широкие штаны, короткая куртка, на голове феска и тюрбан. Это один из тиранов (турци те тиране) — предлагает публике, разгоряченной призывами к жаркой борьбе с ними, — прохладительные напитки и орехи...

¹ Иван Вазов (род. в 1850 г.), болгарский писатель и революционный деятель.

² Христо Ботев (1847 — 76) болгарский поэт и революционер.

17 мая

Поездка в Чалык - дере (записано в маленькой книжечке)¹.

18 мая

В Чалыке. Вечером домой.

19 мая

Бессонная ночь (принял порош., заснул поздно).

В 1 час дня выехал на пароходе в Сулин (оттуда поеду в Кытерлез²). — Ночь в Сулине в гост. *La beula vista*³ (ехал с греком Яни и социалистом Стериан⁴).

20 мая

Утром поездка в Кытерлез с греком Яни. Путь по самому берегу моря. День в Кытерлезе. (Аким Александров....(?), Савелий Петрович, Назар Петрович, греки: Яни Фардуле, Яни Милану, Костя, „жид“ и др. Поп Григорий, учитель....(?))

Поездка „по Ду́наю“ в большую Ивончу. Ермолай Никитич и.... Ермолаевич.

¹ Запись эта печатается в т. XXIII наст. изд. („Из записных книжек 1897 г. III. Все стихло“).

² Кытерлез — место расположения рыбных промыслов. В. Г. ездил туда дважды с целью ознакомления с положением рабочих на промыслах. Впечатления этих поездок даны в ряде очерков, из которых один („Нирвана“) появился в печати при жизни автора, остальные печатаются впервые в настоящем посмертном издании (т. XIX).

³ Прекрасный вид.

⁴ Социалист Стериан выведен под именем Катриана в очерке „Наши на Дунае“.

21 мая

Вернулся в Кытерлез. Ночью грек Костя отвез меня обратно в Сулин. Немного туманная ночь, сильное движение прибоя. Утром в Сулине. В 6 ч. уходит пароход „Carmen Sylva“ („джерман“¹ — как здесь называют).

22 мая

Утром на заре приехали обратно в Сулин. В 6 час. пароход отошел. Я весь почти путь спал. Проснулся под Махмудие.

В 11^{1/2} в Тульче.

23 мая

В Славе. Ночевал в келье диакона инока Ставриона.

24 мая

Приехал из Славы.

25 мая

Рассказ Петра Мих. Лукьяниченкова² и затем разговор с Вас. Федоров. (молоканским попом).

Дополнение к беседе с молоканским священником³.

— „Я не настоящий пресвитер. Потому, что я вторोजен, т. е. сказать: второй жены муж. Я исправляю должность“.

¹ Немецкий.

² Старый николаевский солдат, бежавший в молодости с русской службы. Введен в очерке „Турчин и мы“ и в незаконченном рассказе „Землячек“ (т. XIX).

³ Первая беседа В. Г. с тем же молоканским священником, происходившая осенью 1893 г. (в первый приезд писателя в Румынию), занесена в записную книжку - календарь 1893 г. под 2/14 окт. (См. „Дневник“ т. II).

— Какая - же разница ?

— „Разница двойная, по форме и духовная. Апостол Павел писал, что второй жены муж не должен быть пресвитером. Значит, у нас это соответствует строке. А духовно опять так : я могу быть святой жизни и получить венец славы от Бога, но венца пресвитерского мне не уготовано ...“

— Это как ?

— „А как же ? Известно вам, что напр. венца апостольского никто не может получить, потому — уготовано от века 12. Апостол Павел, он может быть всех был сильнее, — но и он венца апостольского не получил, — потому что он тринадцатый. Тоже и пресвитерские венцы. Как я второй жены муж, то не могу иметь ...“

— „Вот недавно от гражданских властей пришло предписание, чтобы были метрики, и чтобы никто не мог повенчать, ни похоронить без записи в мерии (?) ¹. Хорошо. Приходить ко мне (полицейский) и говорить : вот так, должны вы исполнять приказание министра. Я выслушал это, говорю : а, вот как. Больше ничего. Потом приходится так, что умер у нас человек, я его хороню, ничего никому не заявляю. Разумеется, узнали это сейчас, зовут меня : как вы могли это сделать, так что похоронили и никому не сказали ? — А зачем мне кому заявлять ? — Требование министра, правительство приказывает. — А на чем я могу основаться, кому об'являли ? По корчмам да по кабакам что - ли вы об'являли ! Вы должны мне бумагу прислать в нашу церковь, я об'явлю обществу, церкви, тогда общество узнает и рассудит. — Выслушал префект,

¹ Знак вопроса у автора.

подумал. — А, говорит, ладно. Ласса (оставь его). Отпустили меня. Потом присылають мне на дом бумагу, что вот об'яви в своей церкви. Я об'явил, общество выслушало, говорить: отчего не исполнять. Это не противно правилам. После этого — все записываем. А другие и теперь не повинуются... Ездили в Бухарест. Там сказали: военной налог, прищепливать оспу и записи, все чтобы исполнять“.

(В. Интересный политический прием: добились признания своей церкви).

К собору.

„Было в 1872 году. От липован¹ много перешло к молоканам, им стало обидно. Зовуть нас человек 8, приходите побеседовать. Устроили собеседование в сторожке, при церкви. Говорили тут, договорились до того, что отвечать не могут. Ну, говорить, у нас теперь всех книг нету и священник только один; вот мы соберем книги и покличем еще священников из Славы, из Гуриловки, из Сарыкоя. Хорошо. Так мы и разошлись. Я пришел домой и забыл про это.

„Приходить святая. Зовуть. Приходите опять. Устроили около церкви на горе. Скамейки поставили, стулья, столы. Сошлись тут и начальники: Паша турецкий (при турке дело было) и консулы от Румании, француз, немец, русский. Книг привезли два воза, — после их у конак забрали. Народу высыпало, — дак уся Тульча: тут и болгар, и молдаван, и грек, и турок, и арнаут, и черногор, и липован, и малороссиянин — всю гору обсыпали. Пришли мы, стали говорить. А я в стороне сидел, слушал. А потом один

¹ Липоване — русские старообрядцы в Румынии.

наш, молокан, говорить нашему священнику (а я тогда учитель был): помолчите вы, может Вас. Фед. что скажет. А у них священник из липован председатель был. Говорить: что за человек, видно недавно, не видали мы. — Это, говорить, учитель у нас в школе. — Ну, подойдите к нам, побеседуйте. — Хорошо, говорю. Стали говорить. — У вас нет церкви. — Как у нас нет церкви?.. (без главы. Глава — крест... и т. д.; записано ранее).

„Этого убрали. Вышел Сарыкойский, о крещении говорить. У вас нет крещения. — Вы, я говорю, как крестите? Вот я признал бы вашу правду, как вы меня введете во храм свой? — А как введем. Приведем к аналою, молитвы прочитаем, дадим покаяние, потом причастим. — Так вы всегда поступаете? — Так всегда. — Ну, несите требник. — Принесли требник. — Читайте, что вот тут написано. А написано, что таковых надо держать на паперти, исповедать, потом приобщить (крестить?), а потом ввести в церковь. А вы что делаете: оскверняете церковь свою... Так и этот провалился.

„Вот они видят, что их дело плохое, пошли меж народом, стали говорить (и ранее), что мы крест не признаем, богородице ругаемся. Греки и кинулись с кинжалами. Да паша знал...

№. — „Вы креста не признаете. — Хорошо, принесите апостола Иоанна. А у Иоанна в откровении говорится: было в Азии основано 7 церквей, и устроено устное целование. А потом в первой церкви, в Лидийской началось отступление и уничтожено лобызание устное и введено целование креста.

„Вот они закричали: видишь, когда еще крест заведен, при апостолах. А я говорю: вы бессмысленные, чтете,

а не ведаете смысла. Видите, — началось отступление и тогда появился крест.

„... Потом об иконах. Ну, тут и говорить уже нечего...“

27 мая

Поездка на курган, разрытый кладоискателями. Между дер. Кышлыком и Сомовым по Иссакчинскому шоссе. 10 километров 200 метров, затем направо, к дунайским плавням ¹.

Кладоискатели - соперники: молоканин и хохол. Хохол роет уже 6 лет. „Правительство уже на него негодуешь: что-же ты сказал, что знаешь, знаешь, а наконец того ничего не нашел“. „Правительства здешняя тоже обманула несколько раз“... „Иные клады не даются: роешь, вот пришел до камня, вот он, щупом его найдешь, а потом опять щуп идет у землю, и идет у землю, значить он утопает“... „А то возьми ты зеркало, и есть такие ребеночки, маленькие, усё видеть в земле. Положить на земле ето зеркало и сам накроется, чтобы стало темно и тут ему в етом зеркале засияет усё, что у земле. Был тут один, дом свой имел, и другой брат у него сапожник. Так им девочка сказала, посмотрела в зеркало: вижу, говорить, что два человека выходить из двери, из каменного подвалу, и ето самое, что они закопали... Ну, и нашли, только не сказуют... Я и девушку ту розыскал и зеркало дал ей. Да она говорить: нет, дедушка, не вижу, кончено. Потому что который человек

¹ Впечатления этой поездки послужили материалом для очерка „Над лиманом“ (гл. II „Искатели“), т. XIX наст. изд.

познал чувство похотения, так вот это самое препятствует...“¹

28 мая

Выехали из Тульчи. Разлив Дуная. В 10 час. веч. из Галаца.

29 мая

Ночь в вагоне (утр. бессонница).
Приехал в Плоэшти 4 час. утра.

30 мая

Ночь спал хорошо.

31 мая

В Плоэшти.

1 июня

Приехали в Сланик² часов в 12^{1/2} дня (выехали из Плоэшти в 10).

4 июня

Ездили в Валени де Мунть. 4 часа верхом. Сильная усталость.

15 июня

В 4 часа выехали из Сланика. В 6 часов Плоэшти. В 8^{1/2} из Плоэшти в Бухарест. Дорогой у Петра³ украли бумажник.

¹ Весь этот абзац занесен автором на свободных листках под другими более ранними датами, но по своему содержанию явно примыкает к настоящей записи от 27 мая.

² Сланик — городок в Румынии (в округе Прахово), известный своими солеными купаниями.

³ У В. С. Ивановского.

16 июня

Приехали в Бухарест. Петр остался в Переше искать бумажник и 600 фр. Вернулся часа в 4^{1/2} утра. Я только что заснул. Беспокойство о нем и страшный шум под окнами на мостовой. Порошек сульфонала не подействовал.

17 июня

В Бухаресте. Сон плохой — гром под окнами.

18 июня

Вернулись в Сланик.

26 июня

Разговоры детей. Наташа¹ больна. За нею очень ухаживает Роман Стери; старше ее на 1 год, он окончил первоначальное училище и уже отчасти наход[ится] под влиянием гимназического социализма. Мы обедаем, когда Андрюша², посланный зачем-то в дом возвращается и с хохотом заявляет, что у Наташи с Романом идет разговор о Боге: есть или нет?

— И что же?

— Наташа говорит: есть, а Роман говорит — нету. А Наташа спрашивает: кто-же все сделал? Ктонибудь сделал все? А Роман говорит: какие-то насекомые из воды вышли и все сделали...

Я подхожу к Наташе и Роману тихонько, но разговор уже переменялся: говорят о солдатах, собирающихся по звуку трубы напротив, у тюрьмы. Становятся в кружок, Роман передает значение команды. Вскоре однако труба

¹ Вторая дочь В. Г. (в то время ей было 9 лет).

² Племянник жены В. Г., сын А. С. Малышевой, ездивший в Румынию с семьей Короленко.

начинает сигнал вечерней молитвы,— звуки протяжные, тихие, выразительные. Наташа еще хранит выражение некоторой горечи и как будто грусти. Солдаты продолжают молитву.

— Папа,— говорит девочка,— разве это правда, что Бога нет?

— А кто тебе сказал? — Он говорит. — А тебе кто сказал? — Котик и еще один мальчик. — А ему кто? — А вы верите,— значит, вы напрасно учились,— бойко говорит мальчик.

Солдаты кончают молитву, солнце заходит и звуки трубы протяжно замирают в воздухе. Наташа делает гримасу великолепного пренебрежения и говорит:

— Все люди верят... и молятся. А он и какой то мальчик один всех умнее...

Роман не находит возражений.

28 июня

В Кымпине.

29 июня

Вернулись из Кымпина.

12 июля

Уже несколько дней сон становится все хуже. Засыпаю все позже, настроение портится; прекратил соленые купанья, но расстройство усиливается; приписываю действию ванн.

13 июля

Выехал в Плоэшти.

14 июля

Из Плоэшти в Сланик.

17 июля

Выехал из Сланика в 4 часа дня.

18 июля

Приехал в Тульчу¹.

21 июля

Вечером поехал в Сарыкиой².

Хаджи - гиол над узким заливчиком протянувшимся из „Разина“³. Молдаванская деревня. Потом наполовину молдаванская, наполовину болгарская, и затем Сарыкиой.

Иван Тимофеевич, Захар Ив. Корнеев, Иван дяк и „беспопский“⁴.

22 июля

Вернулся из Сарыкиоя вечером.

24 июля

Не работал.

¹ В. Г. переехал в Тульчу один, без семьи, с целью переменить купанья и приняться за работу. Здесь написаны им очерки „Некрасовский корень“ и „Искатели“, объединенные впоследствии под общим заглавием „Над лиманом“. Очерки эти появились в печати осенью того - же года („Русск. Богатство“, № 11). О пребывании В. Г. в Тульче см. письмо его к Н. К. Михайловскому от 25 июля 1897 г. („Письма“ кн. V).

² Сарыкиой — село населенное старообрядцами, выходцами из России. В. Г. был уже здесь в свой первый приезд в Румынию (осенью 1893 г.). Впечатления от посещения Сарыкиоя послужили материалом для очерка „Некрасовский корень“

³ „Разиным“ называли русские выходцы в Румынии лиман Рязельм (Reaselm).

⁴ Все перечисленные здесь лица выведены в очерках „Над лиманом“.

25 июля

Работал.

26 июля

Работаю.

27 июля

Работаю.

28 июля

Настроение недурное, работал.

29 июля

Настроение плоховато; работал много. Приехал Стере¹.
Обедал у Б.

1 августа

Днем настроение ровное, почти не работал. Принял хину перед вечером.

3 августа

Ночь не спал всю напролет. Встал часов в 7, выкупался в Дунае. Настроение днем сравнительно сносное.

На сегодня Clubul muncitorilor din Tulcea² разослал convocare³, объявляя большое собрание⁴

¹ Стере, эмигрант из Бессарабии, журналист и политический деятель.

² Рабочий клуб в Тульче.

³ Convocare — повестки.

⁴ Далее следует длинная румынская выписка из повестки.

Затем сообщалось, что эта *importanta conferinta*¹ произойдет в местном рабочем клубе, улица Elisabetha Doamna в „чайнике“ Коста Михайлова, в верхней зале, ход через чайник.

Но в 5-м часу явились Влад. Бурлаков, содержатель градины², с двумя другими членами и заявили, что новый префект запретил собрание (эти собрания существовали 2 года). На улице против Кости Михайлова толпа. Над „чайником“ развевается красное знамя с белой надписью: *Proletarii din toata lumea uniti - va!*³. — Хохлы, румыны, турки в фесках, болгаре в своих широких вверху и суживающихся книзу штанах — стоят группами против знамени, на которое раньше не обращали внимания. „Чайник“ Кости Мих. торгует очень бойко.

7 августа

Выехал на пароходе грека Милану в Кытерлез. Флотилия баркасов сзади. Выехали в 9 ч. утра, вместо 4-х. Часа в 3 дня — в Кытерлез (Прислав, Махмудия...).

9 августа

В Кытерлезе. Купался в море.

10 августа

Вернулся из Кытерлеза на пароходе *S-t Georgio, Jani Milani*.

Из Кытерлеза в 6 ч. утра, Бугаз, промеры. Свежий ветерок на море, за пароходом зачалены два „баркаца“ с рыбой еврея Кривина. В 10 часов утра в Сулине. В 12 из Сулина. В 7¹/₂ в Тульче.

¹ Важное собрание.

² Градина — погребок.

³ Пролетарии всех стран соединяйтесь!

13 августа

Работал больше обыкновенного, почти весь день.

15 августа

Сегодня — празднество в честь присоединения Добруджи в Тульче и освящение знамени „Liga pentru propasirea Dobrogea“ („Totul pentru partia“) ¹.

17 августа

В birt iconomic ² (vin si bere) сидел с белокриницким.....

В это время в „градину“ входят 9 человек с русскими окладистыми бородами, в косоворотках и сибирках. Один одет в шитую малороссийскую рубаху, в пиджак и соломенную шляпу.

— А! Все сошлись воедино,— говорит мой собеседник.—Нужда стиснула. Это все разные веры.

Оказывается, что с краю сидит лысый рыжебородый федосеевец (безбрачник), далее филиповец (женятся „по благословению“), в пиджаке „хатник“, за ним еще два хатника беспоповца. Молятся в избе по 5—6 семей. Еще дальше беглопоповцы. Один „хатник“— маленький щуплый мужичонко, с прилизанными прямыми волосами и небольшой бородой клином—имеет вид загнанного зайца. Он недавно высидел 15 дней за то, что похоронил покойника, не заявив в примарию.

— Они все друг друга почитают за антихристов. А все одним миром мазаны, друг друга стоят... Вот смотрите.

Компания заказала 1/2 ока вина и теперь почти все вынимают из карманов свои собственные стаканы.

¹ Лига содействия процветанию Добруджи („Все для отечества“).

² Пивная.

— Отчего же они сошлись все, если не любят друг друга?

— А это,—картинно отвечает собеседник,—как во время потопа, все сошлись на едину скалу. „И лев ста со овцой“. Это они на совещание.

— Да. Насчет воспы, метрик и записей. Притиснул румын. Этот вот в соломенной шляпе тоже с ними, а я верно знаю, что он своих детей уже записал в примарии. Грех—грех, антихрист не антихрист, а говорит, верно знаю, что как помру, у моих детей имение отнять. А так крепче. Вот теперь совещаются...¹

19 августа

Спал мало. Не мог заснуть часов до 3. Днем настроение отвратительное. Поехал в 11^{1/2} ч. из Тульчи в Галац, к консулу, так как в Тульче мне не могли выдать отдельного паспорта. Перед входом на пароход ко мне подошел какой-то штатский господин с полицейским офицером и заявил, что меня желает видеть полицмейстер. Я уже взял билет, пароход дал свисток, поэтому я заявил нежелание следовать приглашению и пошел на пароход. Оказалось, что меня обвиняют ни более ни менее, как в оскорблении его румынского величества короля Карла! Ни о чем подобном мне и не снилось. Полицеймейстер объяснил на вопрос Петра², что ему донесли, будто кто-то, по имени Владимир, ругал короля 15 авг., во время торжества. А так как я Владимир,—то полицмейстер решил, что это я. Проще же — полиция не знает что делать. Префект шовинист наделал бездну глупостей, закрыл

¹ Над этой записью имеется позднейшая пометка В. Г.: „Использовано в расск[азе]“ (См. „Турчин и мы“, гл. VIII, т. XIX наст. изд.),

² В. С. Ивановского.

собрание рабочего клуба, не имея на то никакого права, рабочие все таки собрались и потребовали составления протокола. Полиция отказалась, собрание состоялось, и теперь префект и полиция стараются раздуть все, что может иметь вид беспокойства и русской или иной интриги. Таким образом я оказываюсь чем-то вроде политического агента России! А я как раз написал отсюда корреспонденцию в „Русск. Вед.“¹, корреспонденцию, где расхвалил Карла румынского — действительно, повидимому, замечательного человека и политика.

Вечером в Галаце был у скопца Павла Иванова. Первый еще скопец, производящий после знакомства приятное впечатление. Лицо несколько искаженное на скопческий лад, но глаза добрые и веселые. Со своими не очень в ладах. „Я им все говорю — вы люди все запачканные“. Людей узнает по году рождения и по планетам.

— Вы в каком году родились?

— В 53.

— Как вы в 53 попали? Ето год Сатурна. Такие люди бывают очень крепкие и здоровые.

В лавке, когда я пришел, находился худой истощенный скопец в плисовом кафтане и фуражке, в каких в Галаце ездят извозчики.

— Видели того человека? Етот родился под Меркурием. Таковые имеют лоб низкой, ум короткий, тело тяжелое, к работе мало охотны. Философы и ворбитори (рум. - оратор), а без веры или сказать закону. Полководцы и великие обманщики именем Божиим. Вот как раз. Тут таких у нас много. Етот называется Федор-Бог. Я, говорит, Бог...

¹ „Из Румынии“ — „Русские Ведомости“ 1897 г. № 158.

— Вот как? А чем занимается?

— Биржарь, извозчик. Значить, дадите ему франку, — поезжайте не с простым извозчиком, — Саваоф везет! — Он засмеялся добродушно и продолжал: — Полиция и то его знает. Гвардист приходит и спрашивает: унди есте Тодор? — Кари Тодор? — Тодор Думне-зеу (значит, Тодор-бог). Надо, говорить, Тодора-Думнезеу в часть зачем-то. Да, так вот етот родился в 1837. Все такие: 37, 44, 51, 58, 65 — всё люди сухие, ума короткого, обманщики именем божим.

— Неужто все?

— Все. Как-то несколько лет назад приходит из России человек. Ну, зашел ко мне, сидеть, чай пить. Лоб маленькой, глаза с мечтой, глядять не глядять, из себя сухой. Вы, говорю, когда родились? — В 1851 году. — А пророком не бывали? — Нет, не бывал. — Ну, так будете вы большой пророк. Так и вышло. Оказался такой пророк, что хлеба не стал есть и обнаружились у него ученики; не есть: молоко, снёски (яйцы), творог; капусту — можно, хлеба нельзя. Так и не ел, скоро помер от этого. Постится 7 ден, на восьмой тоже хлеба не ест. Много таким родом померли.

— А то еще есть в Добрудже, Констанцкой Жудецы город Мангалия, около Мангалии, туда уже к болгарской фронтьере есть деревня. Там наших семей 29 есть. У них опять такой, меркурьевской звезды был. Тот 100 дней постился. Не то что, — воды не пил!

— Сказывают ночью девки яиц да молока носили, — вмешивается высокая женщина, вероятно тоже скопчиха. Говорит она не так благодушно, как Пав. Ив. В ее голосе страстность бывшей адепки. — Мы собираемся к нему. Сказал, на сотый день помру. Ходим в избу, в восторге бываем, плачем.

— А он и не помер,— сверкая глазами с тонкой улыбкой на губах говорит Пав. Иванов.

— И теперь у Галац приезжает — чистый бык,— с брезгливой ненавистью говорит скопчиха.

— Что же ему, теперь не верят?

— Где не верить. Там у него свои есть,— говорят: он лучше Христа! Тот только 47 ден постился, а наш сто!

Пав. Ив. смеется тонким смешком:— Етот родился в 44 году! Тоже под Меркурием. Собрал таких-же: сухие, коротколобые. Там они около Мангалии стали собираться в хатах: кричать, вертятся, неистово делают. И дверей не зачиняют. Народ идет, едет: бѣлгары, молдаваны, турки,— стануть, глядеть: нехорошо. Вот другие наши-же, которые в другие годы рождѣны, особливо под Сатурном,— тыи раз повскакали у хату, где они вертелись,— давай кулаками их потчивать. Той вертится, а он его кулаком, той и свалиться под стол, под лавку, куда попало...

— Да, не люблю я их. Одного я тут человека любил,— той был жид. Ну, правильный человек. В 28 годе рождение имел, под знаком солнца. Раз приходить ко мне — давай 100 рублей. На завтра надо. Поглядел я на него: когда родился?— Тогда - то. — Гляжу: лик у него открытый, взгляд быстрый и светлый. Дал, на слово. Через неделю принес. А как после меня постигло несчастье — погорел до чиста,— он мне дал 5000 франок, росписки не спросил. Об етом человеке, когда он умер,— я плакал горько - слезно.

Румынами очень доволен: начальство здесь мягкое, много милостивее русского. Да и нельзя иначе: ничего не сделают. Один раз префект подозвал извозчика нашего, а он по румынски не понимает, отправил в полицию.— Ну, я иду выручать к комиссару. Той на меня накинулся:

был приказ, чтобы не сажать таковых, незнающих на козлы в извозчики. — Я говорю: ошибка на 1-й раз прощается. — Я его вышлю за фронтьеру! — Я кланяюсь: не высылайте, домнуле, на первый раз. Сам улыбаюсь. Он закипел: и тебя вышлю. — Ну, я говорю, етого нельзя. Мой, говорю, отец жил у Браиле. От турка кто Браилу защитил? Мой отец. А я его сын. Вы сегодня директор, а завтра нет. А я был Павел Иванов и буду Павел Иванов. — Повернулся и ушел, да к адвокату. Адвокат у два дня етого малого вызволил. Вот опять директор меня зоветь:

— Ты как это поступаешь: я заварил себе плачинду¹, а ты адвокату отдал. — Понимаете? А я говорю: вы очень со мною сердито говорили. Думаете адвокату много дал. Всего 20 франков. Да, тут им ходу мало. Мяжки они.

— А в выборах депутатов участвуете? — Нет, не хочу. Не спокойно, низкость происходить... Не хочу. Один только у нас участвует...

Я стал прощаться. Павел Ив. долго держал мою руку и тряс ее, глядя мне в лицо: — В 53 году? — задумчиво повторял он. — В городе или в деревне? — В городе.

— Так. — Он опять смотрел и все с большей нежностью жал руку. — А зачем сюда? — К консулу нужно. — Были? — Был, но не застал. Видел только секретаря. — Армян, темноликий. Рождение Марсовой звезды. Дурной человек...

Он проводил меня за двери, все пожимая руку. 2 женщины радушно кланялись и слали поклоны в Тульчу.

Я шел по темной улице, обрамленной маленькими домиками. Ставни были плотно закрыты. Из редкого окна в щели виднелись полосы света. Это все „голуби“,

¹ Плачинда — род лепешки с начинкой.

родившиеся под Меркурием и иными планетами — за этими закрытыми ставнями, — подумал я. И мне стало жутко: хорошо тем, кто родился все таки под Меркурием. Благо фанатикам до конца. Но какой ужас — оказаться в этой „вере“ уже без веры. Один мой знакомый подозревал одного из таких скопцов в том, что он, в сущности, сожалеет о совершившемся. На вопрос об этом скопец ответил: какая по твоему лучшая вера? — Не знаю. — Ну давай рассудим: переходят люди из православия в еврейство? — Да. — А из католичества, из лютеранства, из магометанства? — Тоже. — Ну, братец, а уж скопцу некуда идти. Значит — самая лучшая вера. Понял?

Н. Пав. Ив. рассказывал о Чернове (поповал в Бухаресте): он в России (кажется в Екатер. губ.) на своего батька „копии продавал“. В 60-х годах было постановление, — не преследовать заявленных скопцов, если они указывали своих оскопителей. Один „садился в острог“ и затем принимал на себя все заявления. — Ты этого оскопил? — Я. — Таким образом набиралось по 100 и больше жертв оскопления на одного оскопителя. Интересно, что полиция, подкупаемая богатыми скопцами, выдавала такие копии щедрой рукой и часто принимались заявления от лиц еще неоскопленных, — своего рода тецелевские индульгенции еще несовершеннолетних грехов. Вот Чернов, посадив батька, сам продавал на него право получать копии. „Батько сидеть, сын ходить в высоком цилиндре, у зубах цыгарка, в руке тросточка — и продает батьковские грехи: по 200, по 300 р., а из Москвы приезжали и по 2 т. платили... Потом подался сюда, все спустил“.

Есть и в Галаце Христы и богородицы и Иоанн Креститель и евангелист Лука... (все под Меркурием?).

В Галаце скопцов домов 250 — 290. В Бухаресте — меньше.

20 августа

В Галаце. Консул Ник. Ник. Лодыженский, человек довольно любезный. — В 1 час выехал на пароходе „Русь“. В Рени происшествие со Степаном Русиновым, которого не пустили в Россию¹.

В 6 ч. в Тульче.

21 августа

Сон хороший, но утром какое-то легкое отражение дурного настроения. Писал днем, — работалось недурно.

22 августа

Утром в 9 часов попрощался со своими и выехал на лодке из Тульчи в Измаил². Около 12 — начало Килийского гирла. В 2³/₄ на тамож. пристани. Меня отпустили, вещи оставили. Потом — тщательный обыск. Таможенные читают мои рукописи. Этого мало, — их передают еще жанд. капитану! — Замечательно, что здесь также сестуют на наст[оящее] и жалеют румына, как в Румынии — турка. Первый заявил об упадке — жандарм. Измаил погубили по его словам 4 чел.: Филипов, Романенко, Ефимов и Добрин, подбившие жителей отказаться от порто-франко(!). Торговец говорит: прежде было открыто, свободно. А теперь мы на краю света — ни мы ни к кому, ни к нам никто. Меняемся друг с другом. Кто уже все выменял, кто остатки доменивает.

¹ Происшествие это описано в очерке „Эпопея“ (см. т. XIX наст. изд.).

² Семья В. Г. оставалась еще на время в Румынии.

23 августа

В Измаиле. — Утром пошел к жандармскому офицеру. Молодой балбес. Принялся тоже читать мои рукописи и обсуждать их содержание. Я два раза чуть не вспылал очень сильно, и поднял голос. Повидимому этот идиот, как и таможенные, перечитывавшие мои рукописи вчера, — не знают, что им можно и должно делать... Днем ко мне явился Ал. Ник. Павловский — частный пристав Измаила и мой товарищ по Ровенской гимназии ¹.

24 августа

Лег около 12, заснул и потом вдруг проснулся в отвратительном настроении, которое подкрылось откуда-то среди дремоты.

Два дня провел в Измаиле. Город скучный. Пыльно, сухо, зелень свареная зноем, улицы прямые, обсаженные акациями, площади огромные, движения почти нет. Разговоры с торговцами. Общие жалобы. Причины: уничтожение порто - франко, — говорят одни. Большое утеснение, налоги, шлагбаумы... Торговец Филипов, человек интеллигентный, бывший фельдшер, женатый на бывшей учительнице. „Понимает вещи, научился различать добро от зла“. В городе здешнем — одна печаль. Здесь вот по площади идет человек и смотрит — на другом конце движется его подчиненный: отдал ли ему подобающий привет еще издалека, снял ли за версту шляпу. Порто-франко... „Живем теперь, как на Сахалине“. Обнесите дерево канавой, подсушите корни — должно пропасть. А у нас кругом города канава, на в'ездах шлагбаумы.

¹ Инцидент с чтением жандармами рукописей В. Г. и встреча его с гимназическим товарищем подробно описаны в письме из Измаила от 23 авг. к А. С. Короленко („Письма“ кн. V).

Город отдал шоссейные сборы на откуп жидам. Со всякого воза 10 коп. Отдал он, — тут с него опять за все, да еще не так встал. В шею. Другой раз не едет. А на Дунае? Прежде сколько кораблей приходило... Грузка, выгрузка, забежит сюда: фунт табаку, канату, смолы, хлеба, — все требовалось. Теперь ничего нет. На той стороне покупают. Таможенные своим порядком тоже придираются... Так все сократилось.

Гор. голова Захарьяди. Агитация по поводу выборов управы. Магалы¹ липованские, простой народ спаивали, они выбрали, потом плачутся, да поздно.

— Значит лучше, если-бы по назначению?

— Это всякий скажет. Что-же, мы надеялись, что хватятся за ум, подошел новый срок. Я тогда в управе служил. Прихожу, голова сам не свой. Спрашиваю: как сделать то-то. — Не знаю, не знаю. Я не знаю сейчас, голова я завтра или нет? Вот до чего все-таки был неуверен. Ну, а все-таки вышло. Не знаю, не имею чести знать, кто вы и с какой целью, а скажу хоть на площади. Дело было вот как: губернатору надо было совсем в другое место, а его все-таки завернули сюда. (Речь губернатора: последний раз выборы. Голова у вас прекрасный и т. д.). Выборы по запискам, без баллотировки — и готово.

— Хорошо. Вы говорите, по назначению лучше?

— Как же помилуйте! У нас мировой судья назначенный. Хоть тут министр, — если не прав — он не спустит. Он знает закон, он не боится.

— Отлично. Но ведь вы сказали, что голову рекомендовал губернатор.

— Да.

¹ Магала — пригород, окраина.

— А кто-же бы рекомендовал его, если-бы голова назначался?... Ведь тот-же губернатор.

— Да, правда. И так плохо, и так нехорошо.

— А, может быть, и возьмутся за ум, тогда лучше выберут.

— Пожалуй. Главное тут все боятся. Если-бы изобразить все, что в нашем городе происходит... Помилуйте! Если-бы человек 300 подписалось... Да боятся: вышлют в 24 часа всех подписавших, а то через двух—третьего.

— Да ведь нельзя так. Ведь на это нужно согла[сие] министра.

— А министрам кто пишет. Они знают разве?

— И это правда...

И т. д.

Выехал из Измаила в 8 ч. в. Пыльный ураган.

25 августа

В Болграде со вчерашнего вечера. Видел Степ. Григ. Русинова. Выехали в 12 дня, в 12¹/₂ в Троян[овом] валу (ст. около нее — Троянов вал). „Змиевина“. — В 1 ч. выехал на Бендеры. Пароход по Днестру у Саганского. — До Кишенева.

26 августа

Днем настроение плохое; к вечеру поправилось (беспричинно и то и другое).

Приехал в 9 ч. веч. в Киев.

27 августа

Спал хорошо в гостиннице в Киеве (приехал в 9 ч. в.).

Осмотрел собор Владимирский, Андреевскую церковь, Софиевский [собор], посещал лавры. Вечером — по Киеву и на выставке.

О ВЛАДИМИРСКОМ СОБОРЕ

Водил меня по собору старичок генерал Петр Егор. Жуков, раньше служивший в кадетском корпусе в Нижнем, — ныне староста собора. Он отзывался очень неодобрительно о строителях: строили долго, здание садилось, понадобились контрфорсы, обезобразившие наружный вид, — действительно снаружи это какая то куча, без гармонии и пропорциональности. Затем и внутри многое сделано на живую нитку. Четыре раза срывались тяжелые медные шары с люстр, раз чуть не свалилась семипудовая хоругвь, — что грозило, разумеется, большой опасностью молящимся (шары падали счастливо, — не во время служения). Над иконостасом массивные металлические украшения припаяны просто серой! Главное значение собора — в его живописи, а первое место в этой живописи занимает Васнецов.

Впечатление, которое я вынес из собора — очень сложно. Мне многое очень понравилось. Все производит впечатление сильное, а вчера, когда я стоял у всенощной, среди молящихся, и когда невидимые электрические лампочки вдруг осветили колоссальную фигуру богоматери над алтарем, до тех пор таинственно склонявшуюся в полумраке, — я испытал впечатление просто чарующее. Да, тут чувствуется что-то особенное, есть трепетание какого-то особенного волнения, поселившегося под этими куполами и арками, в этих „икосах“¹, алтарях, приделах, под этими обильно расписанными сводами.

И все таки я вышел с тяжестью на душе, с ощущением какого-то разлагающего болезненного недоумения. Я видел много храмов, перебивал во многих монастырях, спускался во многие пещеры, затерянный в толпе простодушно-

¹ Так у автора. (Икос — богослужебное песнопение).

молящегося люда. И не раз, конечно, к умилению при виде этой наивной и детской веры присоединялось ощущение какой-то подавляющей грусти. Но всегда в этих случаях это были эпизоды, с ясно-выраженным характером, обусловленные понятными причинами. Здесь же сердце сжималось каким-то особенным очарованием при взгляде на чудные произведения искусства и непонятной неудовлетворенностью и даже как будто досадой... Поэтому я нарочно остался в Киеве дольше, чем думал, и каждый день возвращался в собор и смотрел, стараясь дать себе отчет в этом смутном и неразгаданном личном ощущении.

Кроме Васнецова здесь работали: Нестеров, Сведомский и Катарбинский. Картины гг. Сведомского и Катарбинского исполнены прекрасно, в духе италийской школы, с тем изящным реализмом, который доставляет истинное наслаждение глазу, хотя мы к нему уже давно привыкли. „Суд Пилата“, „Распятие“, „Вход в Иерусалим“ и „Тайная Вечеря“, — написанные гг. Сведомским и Катарбинским в сотрудничестве, — прекрасные картины, проникнутые порой („Распятие“ особенно) довольно заметным чувством. Но эти картины остаются нейтральными в общем характере собора и в том своеобразном впечатлении, какое выносит из него зритель. „Воскрешение Лазаря“ г-на Сведомского произведение истинного мастера, — отлично передающее и света и тени и экспрессию лиц и фигур. Эта картина особенно охотно копируется и распространяется во многочисленных снимках. Но опять таки, если-бы все стены собора были покрыты такими картинами, — мы смотрели-бы их с художественным наслаждением и оставили-бы собор с миром в душе, чувствуя, что в Киеве прибавился еще один чудесно-расписанный храм — и только.

[Главное не в этом, основное ощущение выносимое из храма Влад. — не изящество, не красота, не душевное умиление, не успокоение молитвы, не скорбь о грехе и не надежда. Нет, — это ощущение какого-то мрачного веяния, сурового, угнетающего и почти безнадежного].¹

То-же и даже более нужно сказать еще о некоторых работах этих художников.

Надпись: Боже великий. Призри на новыя люди твоя и утверди в них веру...

28 августа

В Киеве. Был в пещерах.

29 августа

Выезжаю сегодня из Киева в 1 ч. 50 м.

30 августа

Приехал в Москву в 5 ч. 15 м. вечера.

31 августа

В Москве.

1 сентября

Настроение к вечеру плохое. Выехал из Москвы.

2 сентября

Приехал в Спб. около 10 часов.

3 сентября

В Петербурге. Первая ночь сплошь бессонная. — Настроение отвратительное. Днем работал. К вечеру лучше (холодная ванна утром)².

¹ Взятые в скобки — в подлиннике перечеркнуто.

² Далее во все следующие дни до 10 сент. в записной книжке имеются отметки только о сне и самочувствии и о различных мерах борьбы с бессонницей.

10 сентября

Был в 1-й раз у д-ра Черемшанского ¹.

14 сентября

Перечитывал Шекспира. Сколько риторики во многих монологах и сколько порой, среди этой риторики, удивительных, за сердце хватающих своей искренностью и глубиной, лирических мест. „Король Филипп“ (Констанции):

Ты к скорби привязалась будто к сыну.

Конст. Да, место сына скорбь моя взяла!

Дитятею лежит в его постели,

Со мною ходит, говорит, как он,

В лицо глядит мне светлым, детским взглядом,

На мысль приводит милые движенья

И крадется в его пустое платье,

И платье то глядит моим ребенком!

Вот почему я так отдалась скорби...

16 сентября

Был в заседании Комитета.

17 сентября

Работал немного.

18 сентября

Работал. Днем настроение хорошее. Вечером засиделся в редакции.

¹ А. Е. Черемшанский, известный врач, специалист по нервным болезням, заведывал Больницей Всех Скорбящих. В. Г. лечился у него от бессонницы. О впечатлении этой первой поездки к Ч. см. письмо В. Г. к жене от 13 сент. 1897 г. („Письма“ кн. V).

19 сентября

Вечером сильно хотелось спать, — пересидел, много разговоров в редакции.

20 сентября

Ночью настроение удрученное и сердечная жуть.

21 сентября

Работал днем.

22 сентября

Работал. (Писал и большая корректура).

28 сентября

Ездил опять к Черемшанскому.

1 октября

В 6 часов приехала Дуня и дети.

2 октября

Работаю.

3 октября

Работал немного. Захворала Наташа.

6 октября

У Наташи брюшной тиф.

10 октября

Все эти дни сон „натуральный“ без компрессов и лекарств, но не продолжительный. Часа 4—5 сплю крепко и хорошо, — остальное время поверхностно и с просыпаниями. Работал каждый день порядочно. Работается однако с трудом.

4 ноября

Письмо Климина¹. („Слепой Музыкант“ разошелся, нужно новое издание)².

5 ноября

Суд чести между Вас. Павл. Гайдебуровым³ и Н. А. Энгельгардтом⁴. (Вечером с 8^{1/2} почти до 1 часу ночи).

6 ноября

Вчера засиделся в суде чести до 1 часу ночи.

Вчера 5 ноября был комитет министров, по поводу Ухтомского⁵ и „Спб Вед.“ Большинство решило отнять газету у Ухтомского (за него был Витте, гр. Муравьев (мин. иностр. дел.) и кто-то 3-й).

7 ноября

Читал в пользу литературного фонда „Тени“⁶ в Кредитном О-ве. Вечером поздно у Анненских. (Т. Ал.⁷ выходит замуж за А. И. Б.⁸).

¹ И. Ф. Климин, завед. конторой и книжным складом журнала „Русская Мысль“.

² Для этого издания (6-го) В. Г. подверг „Слепого Музыканта“ значительной переработке и вставил в него новую главу (встреча с двумя слепыми на колокольне монастыря).

³ В. П. Гайдебуров, журналист, редактор - издатель „Недели“.

⁴ Н. А. Энгельгардт, публицист, сотрудник „Недели“ и „Нового Времени“.

⁵ Э. Э. Ухтомский, публицист, арендатор и редактор казенной газеты „Петерб. Ведомости“.

⁶ Рассказ „Тени“, появившийся в печати в 1891 г. („Русск. Мысль“ кн. 12). Вошел в т. XXI наст. изд.

⁷ Т. А. Криль.

⁸ А. И. Богданович (1860 — 1907), публицист и критик, редактор журнала „Мир Божий“.

11 ноября

Заседание вечером суда чести. (Гайд. и Энг.).

14 ноября

Заседание юридической комиссии Союза Писателей.
Выбран председателем юридич. комиссии¹.

19 ноября

8 часов вечера суд части.

21 ноября

3 часа дня юридическая подкомиссия.

22 ноября

Работал днем.

23 ноября

Вечером к Руд. Руд. Минцлову².

26 ноября

Заседание юридич. подкомиссии и суда чести с 7¹/₂ часов.

¹ Юридическая комиссия при Союзе Писателей была избрана для разработки вопросов о нуждах печати. В комиссию вошли выдающиеся юристы и крупные представители литературы и прессы. Ходатайство об облегчении положения печати, представленное Союзом правительству, было оставлено без движения, но часть „записки“ появилась в печати (в „Петерб. Ведом.“ 1898 г. № 89, и в друг. газетах). Подробности об этой Комиссии см. далее в Дневнике 1898 г. (февраль — март), без даты.

² Р. Р. Минцлов, юрист, член юридич. комиссии при Союзе Писателей.

9 декабря

Заседание подком. юридич. при Союзе Писателей
(записка о положении провинциальной печати)¹.

15 декабря

Слухи о закрытии „Нового Слова“².

17 декабря

Заседание в вольно-экономическом обществе.

18 декабря

Объявлено о закрытии „Нового Слова“ в „Правит.
В-ке“ (на основании ст. 148, прим. 1882 г.).

20 декабря

У Ганейзеров³ долго.

24 декабря

Вечером с 7—9 у меня будет Р. Р. Минцлов.

18 декабря 97⁴

Сегодня в „Правит. Вестнике“ объявлено о решении
4-х министров (вн. дел Г о р е м ы к и н, нар. просвещения

¹ Записка о положении провинц. печати была составлена В. Г-чем.
Печатается в т. XXX наст. изд.

² „Новое Слово“, ежемесячный журнал, орган марксистов; в состав
его редакции входили М. И. Туган-Барановский и П. Б. Струве.

³ Е. А. Ганейзер — писатель беллетрист и жена его — писательница
(псевдоним — Юлия Безродная).

⁴ Печатаемые ниже две записи, от 18-го и 22-го декабря 1897 г.,
заключаются уже не в записной книжке-календаре, а в той-же те-
тради, в которой В. Г. вел дневник с 20-го июля 1895 г. (См. примеч.
к этой записи на стр. 202).

Делянов, юстиции — Муравьев, и об. прок. св. синода Победоносцев) о закрытии журнала „Новое Слово“. Мотивов — никаких. Ссылка на примеч. к ст. 148 Уст. о цензуре и печати. Это примечание — Высоч. повеление 27 авг. 1882 года и притом весьма спорное по отношению к данному случаю, так как и статья 148 и 1 пункт закона 1882 года говорят о прекращении после третьего предостережения, а „Нов. Слово“ не получило ни одного!

Слухи об этом носились уже несколько дней.

22 дек. 97

Вся переписка журнала „Нов. Слово“ конфискована: „по распоряжению мин. вн. дел. все пакеты, письма и прочее вместо редакции направляются в министерство“. Пример еще небывалый! Интересно, что журнал обязан ликвидировать свои дела, удовлетворять подписчиков, отвечать авторам и т. д.! А тут вся переписка поступает куда-то помимо адресатов.

История крайне возмущающая все общество. „Нов. Слово“ получает массу писем и телеграмм, которые теперь читают вероятно в департаменте полиции. Интересно еще, что Гл. Управление по делам печати играло в этом деле роль чисто провокаторскую: имея возможность налагать руку на каждую книгу, оно выпустило 8 книг без существенных изъяснов, задержало одну за провинциальную хронику, совсем не „марксистского“ характера и, при объяснениях по этому поводу, М. П. Соловьев (нач. гл. управления) сказал: „Занимайтесь своим „марксизмом“. Вот статья Зомбарта¹... Против таких статей мы ничего не имеем“.

¹ Вернер Зомбарт (род. 1863) германский экономист.

Теперь статья Зомбарта, в которой действительно есть много резко-социалистических подчеркиваний — служит краеугольным камнем обвинения!¹

¹ О впечатлении, произведенном на В. Г. и его товарищей по журналу закрытием „Нового Слова“, В. Г. писал матери 21-го декабря 1897 г.: „... Очень нас всех взволновало закрытие „Нового Слова“, тем более, что это случилось как раз в разгар полемики с нами. Правда, на эту полемику мы не шли довольно долго, а они сами все задирали, но все-же очень это неприятно, когда оказываешься в таком союзе, да и само по себе — жалко и неприятно. Я лично в очень хороших отношениях с Т.-Барановским и Струве. Они — славные ребята, и я за них очень огорчен. Припадок мой (острая бессонница — Ред.) повторился после долгого промежутка, именно в тот день, когда я узнал об офиц. закрытии“. („Письма“ кн. V).

1898 год¹

7 января [Петербург]

МОИ ДЕТИ²

Сырое, ветренное и пасмурное утро (около 10 ч., но я с трудом пишу без свечи). Сегодня все встали раньше обыкновенного, потому что Соня в первый раз отправляется в гимназию. Перед Рождеством она выдержала довольно легко экзамен во 2-й класс. Ей теперь 11 лет (12-й), она очень высока, тонка, с несколько угловатыми движениями. У нее доброе и чуткое сердце, хорошая память, но она не смела и не полагается на себя. Есть признаки нервности. После экзамена — стала как-то вялая, невеселая, потом появилась сыпь по всему телу, перед которой стали втупик доктора. Одну ночь — вдруг явилась бессонница, страхи, беспричинные слезы, так что Дуня взяла ее к себе. Теперь прошло. Сегодня пошла в гимназию радостная и несколько торжественная.

Натаалья хворала 2 месяца тифом. Теперь еще бледна, худая, черные глаза, как угольки, на бледном лице, большая голова с выдавшимся затылком на тонкой шее, волосы острижены. За болезнь исхудала так, что страшно было смотреть, и мы называли ее „Голод в Индии“ — так она напоминала одну картинку под этим названием. Время она теперь считает от еды до еды: „Это было

¹ Дневник 1898 г. ведется в тетради, на обложке которой написано „1898. Замерки для памяти“. См. описание рукописи в статье Ред. Комиссии (6).

² Позднейшая пометка пером на полях дневника.

в самый чай“, или „это было в самый гоголь-моголь“. У нее много характера. Поэтому, наслушавшись, как другие больные нервничают, когда им не дают в волю есть, — она вела себя спокойно и с достоинством и сравнительно хорошо подчиняется диете. Зато уже своего не упустит — ни одной минутой позже назначенного, ни крошкой меньше. Чай ей нужно наливать „с верхом“. Она болезненна страшно. Что бы ни делалось с Соней — никто не пугается, но малейшее недомогание Наташи повергает весь дом в тревогу. В детстве у нее было много непосредственного эгоизма, но она очень рано и сознательно боролась с ним, видя, что это нас огорчает (отчасти может быть и из самолюбия, но несомненно больше — подчиняясь сознательно лучшему строю чувств, который она видела между прочим и у Сони).

Теперь ей доставляет большое удовольствие отдать что-нибудь другому. В ней больше „игры“, чем в Соне. Когда здорова, — она по часу бегаёт из угла в угол, или прячется по укромным уголкам, лукаво наслаждаясь, — хотя порой никто ее и не ищет. У нее есть неожиданные выходки и мнения, вообще — есть что-то своеобразное. На все выработаны свои приемы: одевается всегда известным образом: прежде разложит кругом себя принадлежности костюма, потом берет каждую известным образом. Известным-же образом должно быть положено одеяло и простыня, и она не накроется, пока не выровняет концов. Сегодня она проснулась, когда Соня собиралась уходить.

— Вставай, Наталка.

— Я сейчас встану, только ты прежде затуши ночничок и открой занавески. — Она следит, как я открываю занавески, и затем раскладывает кругом одежду. Через минуту она уже почти одета.

— Дай, застегну башмаки.

— У тебя заболят пальцы, ты не знаешь как.

И действительно, пока я вожусь с первой пуговкой, ее тонкие худые пальчики бегают проворно, и она отстраняет меня.

Соня начинает уже развиваться физически (несколько рано). У нее нет еще чувства стыдливости, и нам приходится внушать ей, что нельзя при посторонних надевать штанишки, как внушают приемы поклона и вообще внешнего обращения. У Наташи есть и какое-то инстинктивное чувство, заставляющее ее обдергиваться в тех случаях, когда Соня и не подумала бы. Соня знает больше и лучше, чем кажется по наружности и чем показывает. Наташа берет отгадкой, сама уверена, что она знает то, чего совсем не знает, и ответ, порой самый чудовищный, у нея всегда на кончике языка. Они обе очень любят друг друга, но Наташа, как младшая, немного еще преклоняется перед Соней и ревнует ее. Теперь ей будет очень трудно переносить $1\frac{1}{2}$ дня ее отсутствия.

Моя болезнь проходит. Прошлый месяц — из 30 ночей 20 обошлось без искусственных средств для сна. Вспоминаю теперь, что болезнь начиналась еще раньше мултанского процесса: первый удар ее — была Америка, смерть Лели, неделя в вагоне от Парижа до Румынии... Потом ее питало постоянное недовольство собою в последние годы в Нижнем. Затем мултанский процесс, страшная работа над отчетом, потом $7\frac{1}{2}$ дней заседания, последние 3 ночи без сна и в это время смерть Оли. После 2-й речи мне подали телеграмму, из которой я понял, что все кончено... Затем осенью, после лета без отдыха, на первом

же напряжении — наступила решительная болезнь. Я шел еще, как человек, у которого сломана нога. Сначала не чувствуешь. Но — еще шаг и человек падает.

Я поседел и постарел за этот год борьбы с болезнью (острая бессонница). Кажется, теперь проходит, несмотря на то, что заботы по журналу, которые совпали с периодом болезни прибавляли много нервного расстройства. Но все же я и благодарен журналу: приходилось перемогаться все таки за делом, и в тяжелые минуты, когда казалось, что и голова и сердце пусты, — обязательная работа приходила и за ней уходило время в сознании, что хоть что нибудь делаешь. Так, в колебаниях, среди временного под'ема и временных тяжелых припадков прошел этот год, самый тяжелый во всей моей жизни. До этого кризиса я был молод. Стареть начал с этого времени, которое провело резкую грань в моей жизни.

7 января¹

В конце старого года умер Делянов², уже много лет лежавший гнилой колодой поперек дороги народного образования в России. Только у нас и возможны десятки лет министерства, выжившего из ума и впавшего в детство человека. Царь человек „добрый“ и ему трудно „огорчить старика“. Неприятность „огорчать старика“ — это неудобство, а „огорчение страны“, огорчение отцов и матерей, негодование общества — все это не достигает до царя. Поэтому на весах — близкое неудобство личного характера — всегда перетянет отвлеченные соображения о пользах и нуждах безгласной и недвижимой отвлеченности, называемой Россией.

¹ Дата проставлена автором повидимому позднее, карандашем.

² И. Д. Делянов — министр народного просвещения.

Десянов тоже был человек добрый. Главный его недостаток именно тот, что это была пассивная колода. У него не было даже чиновничьего честолюбия, заставляющего „отстаивать свое ведомство“. Поэтому у него обрезывали бюджеты, попы в проповедях громили правительственные и земские светские школы, обвиняя всё ведомство в крамоле и даже в цареубийстве, — а 80 - летний младенец на всё улыбался детской улыбкой.

А впрочем, теперь, если останется Аничков¹ — может быть и еще хуже.

В прошлом же году закрыто без предостережений „Новое Слово“, а в начале нынешнего подцензурный „Казбек“ приостановлен на 8 месяцев. Все это — естественная инерция реакции. Царь считает себя благорасположенным к литературе, Горемыкин — пассивен. Прессу жмет полусумасшедший М. П. Соловьев, который, очевидно, пришелся наиболее ко двору при той комбинации „случайных“ бюрократических влияний, которая характеризует в данную минуту наше „правительство“.

В глубинах общества весьма заметен отлив реакции; в элементарных процессах общественной жизни намечается ясное течение „вперед“. Царь по настроению или безразличен или благожелателен, — но созданная 13 годами „благословенного“ царствования Александра III давящая бюрократическая машина всюду ставит плотины. Во всяком случае — интересно.

¹ Тов. министра народного просвещения при Десянове.

8 янв.

МОИ ДЕВОЧКИ

Соня приходит из гимназии немного бледная и усталая, повидимому от волнения. Наталья ждет ее с нетерпением. Соня рассказывает не очень охотно все происходившее в классе, но Наталья жадно подхватывает каждое слово и запоминает все. Оказалось, что с Соней случились важные события. Во 1-х ее заставили читать по славянски, и она прочитала отлично. „Вам поставит 5, — сказала одна девочка, — а мне четыре“ — поясняет Наталья, уже ранее меня слышавшая эти рассказы и теперь считающая их как бы своей собственностью.

— Потом служили молебен по каком-то министре (Деянове).

— По рабе-божием министре, — опять добросовестно поправляет Наташа.

— Это все равно, — говорит Соня. — А я ела бутерброд. Все встали, а я сижу. Не знала.

— Девочки сказали ей — встаньте.

— Ну, с кем-же ты познакомилась?

— У них, папа, есть девочка... она влюблена в Таню¹... — опять подхватывает Наташа.

— Да... — подтверждает Соня. — Не она, а ее сестра в 3-м классе. Узнала, что Таня женится, чуть не заплакала. А я ей говорю: она все равно будет у нас учительницей.

— А она говорит сестре: ты уже по всей гимназии рассказала, что Т[атьяна] Александровна женится. Не смей говорить.

¹ Т. А. Криль, в то время преподававшую историю в гимназии Таганцевой.

— Да, а она говорит: я не рассказывала...

— И обе велели Тане кланяться.

— Да, велели. Когда увидишь, поклонись от нас...

В общем первый день сошел благополучно и сегодня Соня отправилась уже без особенного волнения¹.

20 янв.

На днях предостережение „Мировым Отголоскам“ „за легкомысленную и вредную“ статью об аграрной реформе. — Вчера об'явлено о применении примечания к ст. 144 к газ. „Сибирь“ (особый порядок представления № № в цензуру) — за опубликование верных фактов (об изнасиловании арестантки зрителем и о самодурстве какого-то сибирского прокурора). Соловьев об'явил войну обличительному направлению.

16 января я получил телеграмму из Вятки: „Висим на волоске, при Клингенберге² — два лица не утверждены редактором. Помогите узнать причины. Голубев³“. Это вопль редакции „Вятского Края“. Прочитал телеграмму в заседании юридич. комиссии при союзе писателей, в которой заседают: Таганцев⁴, Спасович⁵, Арсеньев⁶, Бильбасов⁷ и др. На другой день, в понедельник ко мне явился Бильбасов и сообщил, что он „говорил по телефону“ об этом деле с Ив. Л. Горемыкиным (мин. вн.

¹ В этом месте в тетради дневника вырезаны два листка.

² Клингенберг — вятский губернатор.

³ П. А. Голубев, сотрудник „Вятского Края“, знакомый В. Г.

⁴ Н. С. Таганцев, известный криминалист, первоприсутствующий кассационного департамента сената.

⁵ В. Д. Спасович — известный юрист.

⁶ К. К. Арсеньев — крупный юрист и писатель, редактор „Вестника Европы“.

⁷ В. А. Бильбасов, историк.

дел), и тот посоветовал ему прежде всего поговорить с самим Клингенбергом. У Бильбасова по субботам обедают разные сливки военно-административного мира, и за обедом хозяин спросил, „не знает ли кто негодяя Клингенберга“. Отозвался ген. Сухотин, к которому Клингенберг просится в начальники какой то части. Заручившись его карточкой, Бильбасов отправился к Клингенбергу и беседовал с ним около часу. В результате, Клингенберг, вероятно, несколько удивленный толками в Петербурге о несчастной газетке, которую он душит где-то в далекой Вятке, обещал содействовать утверждению редактора и т. д.

Выйдет-ли что-нибудь из этого — сказать трудно. Бильбасов, бывший редактор „Голоса“, получивший миллионное насл[едство] Краевского¹ — тип очень любопытный. „Всегда надо найти ходы“, — говорит он. „Найти ход — это главное дело“. Во время подачи петиции² 2 года назад, он „нашел ходы“ через ген. Даниловича к самому царю. Царь предварительно ознакомился с запиской, ободрил к подаче ее, Бильбасов собирал у себя писателей, сообщал радостные вести, полученные через „ходы“, и все это длилось до тех пор, пока через околоточного литейной части не получил извещения, что записка, им поданная, „оставлена без всякого уважения“. И все таки при первом-же знакомстве со мной он опять внушал, что главное „ходы“. Участвуя в работе комиссии, вырабатывающей проект ходатайства союза писателей (о нуждах печати), он сначала стоял за то, чтобы (через „ходы“) подать какую-нибудь одну частную просьбу. Потом взяв на себя общую часть работы — написал

¹ А. А. Краевский, основатель и издатель газеты „Голос“.

² Петиции литераторов (см. о ней запись под 16 марта 1895 г.).

нечто очень громкое, со всевозможными гасконадами и громкими фразами, заканчивавшееся проектом двух чуть не единственных статей закона о печати: „всякий....“¹

Эту записку, по его словам, нельзя читать даже в собрании писателей, не то что уж подавать. Но затем, когда на записку стали возражать, он разгорячился и стал необыкновенно радикален. Из „ходов“ ему известно, что мы накануне либеральнейшего пересмотра устава о печати и наши скромные просьбы рискуют остаться позади правительственного проекта². В этом его поддерживает другой радикал Я. В. Абрамов, который в 4 стенах союза гремит и „готов на все“ („пусть закрывают!“), а потом на страницах народнического „Сына Отечества“ пишет, что Россия являет первый пример (!) фабричного законодательства и у нас впервые во всем мире (!) ограничено число рабочих часов!

Так, среди „умеренных и крайних толков“ мы потихоньку вырабатываем проект ходатайства „на предмет оставления оного без последствий“.

Бильбасов — интересный тип! Седой „гасконец“, с подвернутыми кверху концами желтых усов и бородкой à la Henri IV, одет в кургузые пиджачки с иголки, каждый раз приносящий в заседание какую-нибудь костюмную новинку, он любит огорошивать своих администраторов знакомых либеральными суждениями. Во время беседы о „Вятском Крае“ Клингенберг жалуется, что главный сотрудник газеты, П. А. Голубев, человек

¹ Эта фраза в подлиннике не закончена и далее три строки пропущены.

² Недели через две или три согласился на скромное ходатайство, имел в заседании очень сконфуженный вид и сознался, что речь идет о комиссии для окончательного стеснения печати, а не для ее облегчения: говорят вырабатывается проект „утверждения“ издателей даже для отдельных книг! (Прим. автора).

озлобленный и неблагонадежный. Состоя чиновником контроля, он собирает на ссыльных...

— Позвольте,— прерывает его гасконец.— Из этого я вижу, что он не настолько еще озлоблен, чтобы не сочувствовать несчастным. Позвольте вам сообщить, что я получил с Лорис-Меликова 10 р. на полушубки для ссыльных вологодской губ.

— Не м-может быть!

— Честное слово!..— Затем идет захватывающий анекдот о том, как Лорис-Меликов подписался сам на листе („с тем, чтобы после подпись была уничтожена“) и т. д.

Но затем, когда Клингенберг заявляет какие-то глупейшие жалобы на Голубева,— сильно напоминающие известную басню о волке и ягненке — Бильбасов готов стать в этом на его сторону и предлагает мне написать на бланке юридической комиссии что-то в роде отеческого внушения вятской газете (подозреваю, что он наболтал что нибудь в этом роде и Клингенбергу). Я, разумеется, указываю всё неудобство такого внушения,— он легко отступается.

Провожая его, я обращаю внимание, глядя на его лакированные ботинки, что он вероятно забыл калоши.

— Ник-когда!— отвечает он с ударением.

Действительно, „в Европе“ обходятся без калош, а гасконцы и в Петербурге остаются европейцами.

Если бы нужно приурочить Бильбасова к какому нибудь периоду русской жизни, я сказал бы:

— Это человек из времен Лорис-Меликовской „диктатуры сердца“. Громкие фразы и никакой системы, апофеоз административной ссылки (нельзя же!) и „полушубки для несчастных“. Герой этого периода одной рукой подписывал приговоры о ссылке (на сроки, точно по суду),

а другой рукой ставил свое имя на подписном листе в пользу тех - же ссыльных¹.

7 февр.²

О ф ф и ц и а л ь н ы й о т д е л .

Распоряжение министра внутренних дел.

7-го февраля 1898 года.

На основании ст. 154 Уст. о ценз. и печ. Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г., министр вн. дел определил : приостановить издание газеты „Нижегородский Листок“ на восемь месяцев.

Изложение этого возмутительного акта см. в копировальной книге № IV стр. 158 (проект прошения на высоч. имя)³. Подкладка этой гадости следующая : несколько негоде-ев из местных дворян, родственники которых обворовали банк (Демидов, Панютин, Зыбин и Хотяинцев с К^о), накинулись на губ. управу по поводу мелкого воровства мелкого управского чиновника. Газета напомнила этим господам, что они не были так строги, когда директора сами обворовывали банк, или когда Хотяинцев отец закладывал в банке, коего тоже состоял директором, свой дом по удвоенной оценке (дом подкинут банку и теперь). Кучка

¹ В этом месте дневника В. Г. вклеил между страницами письмо С. Д. Протопопова от 7 февр. 1898 г., заключающее сообщение о цензурных притеснениях „Нижегород. Листка“, закончившихся распоряжением о его приостановке на 8 месяцев.

² Записи от 7 - го февр. 1898 г. и следующая за ней без даты случайно попали в конец предшествующей тетради дневника, при чем В. Г. впоследствии сделал над ними пометку : „1898. Все дальнейшее сюда попало по ошибке. Относится к след. книге, стр. 19“.

³ В означенной копировальной книге писателя сохранился оттиск прошения на высоч. имя, составленного В. Г. для „Нижегород. Листка“. Сверху имеется позднейшая надпись карандашом : „От „Нижегор. Листка“. Не подано, т. как „Листок“ разрешен ранее срока“.

задетых дворян отправилась с жалобой к Фредериксу, цензору и виц-губернатору, который уже ранее обещал прекратить нападки на них газеты. Оказалось, что заметка пропущена не им, а чиновником Робушем, который и раньше, по его поручению, цензуровал газету и которому Фредерикс вручил свой штампель (в квартире Робуша он и жил в это время, т. как дети у него были больны скарлатиной). Фредерикс, — либеральничавший негодяй, заигрывавший сначала с печатью и одновременно приятель ультра-реакционной кучки дворян. Несмотря на то, что ему были представлены гранки с его штампелем и Робуш подтвердил, что именно он разрешил статью, — Фредерикс (в отсутствии Унтербергера¹, человека порядочного), в качестве цензора и губернатора послал донос, будто Листок выпустил статью без разрешения цензора. Объяснений у газеты, конечно, не спросили, и тряпица Горемыкин, который уже не в 1-й раз попадает таким образом, утвердил доклад бешеного ненавистника печати Соловьева, и 7 февр. газета приостановлена на 8 месяцев. Издатель - ред. Казачков приезжал в Петербург и представил гранки. Все товарищи министра и, кажется сам Горемыкин были возмущены этим наглым чиновничьим обманом. Сначала казалось, что дело газеты стоит хорошо. Потом... начали охладевать. Горемыкин заявил Казачкову, что недоразумение со штампелем — не единственная причина. Это, конечно, очень удобная лазейка, когда г-ну министру с одной стороны приходится признать свою ошибку, а с другой — можно придумать что угодно и даже не объявить редактору, что им еще придумано в его обвинение. Министр все таки обещал хоть сбавить на половину. Соловьев же прямо заявил, что

¹ Унтербергер — нижегородский губернатор, сменивший Баранова.

он будет против сбавки и что, наоборот, он будет дальше преследовать газету и требует, чтобы Казачков представил кого ниб. другого в редакторы, так как у него нет образовательного ценза. Иначе сказать—г. Соловьев желает очистить еще одну синекуру для кого нибудь из своих приятелей. Один из таковых, некто Головинский, никогда не бывший писателем юнец, теперь получает несколько тысяч в двух редакциях, куда „назначен“ Соловьевым. Последний считает печать чем-то в роде департамента и стремится сменять и назначать редакторов, как чиновников.

Весной прошлого года Союз Писателей избрал Юридическую Комиссию для разработки вопросов о положении печати. С осени прошлого года комиссия приступила к работе. В нее избраны: К. К. Арсеньев, В. А. Бильбасов, Руд. Руд. Минцлов, Вл. Дан. Спасович, Н. С. Таганцев, ... Дерюжинский¹, А. С. Суворин² (не был ни разу), Я. В. Абрамов³, О. К. Нотович⁴, С. Н. Южаков (?)⁵, я.

Комиссия выделила из себя подкомиссию: Арсеньев, Спасович, Бильбасов, Минцлов и я. В комиссии председателем избрали меня за отказом Арсеньева, в подкомиссии председательствовал Арсеньев. Члены последней разобрали между собой части работы. В. А. Бильбасов взял историч. очерк законодательства и общую часть. К. К. Арсеньев—вопрос о присвоенном себе

¹ В. Ф. Дерюжинский, юрист, редактор „Журнала Мин-ва Юстиции“.

² А. С. Суворин, редактор - издатель „Нового Времени“.

³ Я. В. Абрамов, — писатель и педагог.

⁴ О. К. Нотович, редактор - издатель „Новостей“.

⁵ Знак вопроса в подлиннике. С. Н. Южаков — публицист, член редакции „Русского Богатства“.

Гл. Управлением по делам печати праве утверждать редакторов лишь на время. Таким образом Соловьев держит и редакторов и газеты в самой постыдной зависимости (страх быть „сменным“ для редактора и не получить редактора вовсе — для газеты!). В. Д. Спасович — о нарушении издательских прав новым постановлением Госуд. Совета об утверждении издателей. Р. Р. Минцлов — о давности для предостережений. Я — о положении провинциальной прессы. Наконец, — комитет от себя внес доклад (Н. Ф. Анненского) о прекращении изданий без предостережений („Новое Слово“ и др.), а Я. В. Абрамов прибавил записку об административных карах для подцензурных изданий. Всё это было сведено в одно целое К. К. Арсеньевым, прочитано в соединенном заседании юридич. комиссии и комитета и затем мне поручено сделать еще кое-какие редакционные поправки, а также связать общую часть с отдельными ходатайствами. Я постарался подчеркнуть необходимость общего пересмотра Уст. о ценз. и печати, — что и имела в виду комиссия, — в смысле освобождения печати от администрат. усмотрений, так что частные ходатайства явились как-бы в ожидании общей реформы. Разумеется, мало вероятия на удовлетворение частных ходатайств и еще менее — общего. В виду этого являлось чрезвычайно желательным по крайней мере оглашение нашей работы. По этому поводу были разногласия, но в конце концов постановлено предать ходатайство гласности. Князь Э. Э. Ухтомский согласился напечатать часть доклада, что и сделал (после того, как проект ходатайства целиком принят общим собранием 27 марта) в номере 89 „Спб. Ведомостей“ (от 1 апреля 98). Вслед затем, одна часть доклада напечатана в „Сыне Отечества“ и „Русские Ведомости“ перепечатали из „Спб.

Ведомостей“ (в №№ 92 и 93). Таким образом хоть одно достигнуто: работа комиссии увидела свет и с ее скромными требованиями ознакомилось общество прежде, чем она потонет под сукном в Гл. Управлении по делам печати. Говорят, что Соловьев уже вперед ответил одному господину, заговорившему о ходатайстве: „будет положено под сукно“¹.

11 апр. 1898²

Молодежь начинает волноваться по поводу самоубийства Костромина³ в д[оме] предварительного заключения. Жандармские прокуроры... — есть теперь такая порода, нечто в роде священников, которые бы благословляли именем Божиим „временные браки“ в лупанарах — г.г. жандармские прокуроры именем закона освящают безобразия „административного порядка“⁴, — так вот этих-то прокуроров предупреждали, что Костромин — душевно-больной и что с ним может случиться несчастье. За несколько дней перед катастрофой Р. Р. Минцлов говорил мне лично, что был в каком-то управлении, желал видеть Кичина, что не удалось, но его подчиненный сказал, что Костромина освидетельствуют. Освидетельствовали, но подошло

¹ Далее на девяти листках дневника наклеен вырезанный из „Петерб. Ведомостей“ доклад, озаглавленный „К вопросу о нуждах печати“. На полях, рукою В. Г. проставлены фамилии авторов. Работа В. Г. о положении провинц. печати в эту напечатанную часть доклада не вошла.

² Начиная с этой даты дневник снова ведется в тетради 1898 г.

³ С. С. Костромин, даровитый молодой статистик, только-что начинавший свою деятельность. (В архиве В. Г. хранятся материалы, относящиеся к делу Костромина).

⁴ Главный из них — Кичин. (Примеч. автора).

воскресение... Стоит ли беспокоить г-на Кичина из-за пустяка. А пока все это шло — Костромин, — переведенный вниз из опасения, что он бросится сверху, так как он уже пытался раз это сделать, — вскрыл себе жилы обломками разбитого блюдечка!..

Вышел новый том „Жизнь и Труды М. П. Погодина“¹ — изд[анный] Барсуковым² (1852 — 54). По поводу славянофильского „Московского Сборника“³ известный Дубельт⁴ полагал: Ив. Аксакову, Конст. Аксакову, Хомякову, Киреевскому⁵ и кн. Черкасскому⁶ — сделать внушение... воспретить даже представлять к печати свои сочинения и подвергнуть не секретному (которому они все были подвергнуты и ранее), а явному надзору полиции. Гр. Орлов⁷ не согласился впрочем на столь строгие меры⁸.

В 1852 году благонамереннейший Погодин напечатал некоторые возражения против восторженного панегирика

¹ М. П. Погодин, (1800 — 75) историк и журналист, издатель журналов „Московский Вестник“ и „Москвитянин“.

² Н. П. Барсуков, историк и библиограф.

³ „Московский Ученый и Литературный Сборник“, славянофильский орган, издававшийся в конце 40-х и в начале 50-х г.г.; всего вышло 3 тома, последний в 1852 г.

⁴ Л. В. Дубельт, начальник тайной полиции при Николае 1-ом.

⁵ Ив. и К. Аксаковы, А. С. Хомяков и И. В. Киреевский — писатели-славянофилы 40-х годов.

⁶ В. А. Черкасский, государственный деятель, близкий по направлению к славянофилам.

⁷ Гр. А. Ф. Орлов, шеф жандармов и нач. III отделения при Николае 1-ом.

⁸ Против этого абзаца на полях дневника написано: „Неблагонадежность Аксаковых, кн. Черкасского, Погодина и др.“.

Петру Великому (Кукольника¹) и зато сам был отдан под надзор полиции (вероятно секретный, см. Никитенко²). „Таким образом, — пишет Барсуков, — люди, отмеченные высшими дарами, православные, монархические... официально признаны людьми открыто неблагонамеренными и обречены на безмолвие“.

В списке московских славянофилов, представленных имп. Николаю фигурировал... Чаадаев³! „Вот с каким толком, — писал по этому поводу кн. Вяземский, — с каким знанием личностей и мнений наша высшая полиция доносит на личности и мнения“ (Р. Вед. № 97 — 1898).

Мы все это читаем, как старину! А между тем еще, кажется, в прошлом году Л. Тихомиров, по поводу смерти Говор[ухи] - Отрока рассказывал, что Отрок, давно уже „обратившийся“, давно сотрудник „Южного Края“ и „Моск. Вед.“ все еще состоял под очень стеснительным „секретным“ надзором и не имел права „в'езда“ в столицы. А уже в этом году гр. Салиас⁴ сообщал в „Спб. Ведомостях“, что сам, со времени какой-то студенческой истории (кажется по поводу матрикул), около 15 или 19 лет состоял под надзором. А в это время он был видным представителем „консервативного лагеря“ и получал благодарности от государя.

Русская жизнь несомненно, в общем, прогрессирует, но политическая полиция и „политический“ суд не прогрессируют во время общего прогресса и резко

¹ Н. В. Кукольник (1809 — 1868), писатель, драматург.

² А. В. Никитенко, писатель, цензор при Николае I, автор известного „Дневника“ („Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был“).

³ П. Я. Чаадаев, писатель-западник, автор „Философских писем“.

⁴ Е. А. Салиас, писатель консервативного направления, автор историч. романов.

ухудшаются в периоды реакции, какова теперь. Мы видим в 1898 году столь-же бесцеремонные аресты, Кичин „жандармский прокурор“, соперничает в свирепости с Шмаковым, жандармским полковником. И даже в области цензуры то самое, чего не мог добиться Дубельт — осуществляется Соловьевым. У нас есть уже писатели, которым запрещено фактически писать (Соловьев опять потребовал удаления М. О. Меншикова из „Недели“).

В Курске совершено загадочное преступление, о коем телеграфное агентство рассказывает так:

К у р с к 8-го марта. В 1 час. ночи на 8-е марта в Знаменском монастыре произошел взрыв какого-то сильного взрывчатого вещества, подложенного неизвестным злоумышленником под сень, в которой помещается чудотворная икона Знаменския Пресвятыя Богородицы. Разрушены сень, чугунная ступень, свещник, и стекла в окнах и дверях и повреждена стена, давшая трещину. Судя по остаткам заряда можно предположить, что он был с часовым механизмом. Чудо совершилось воочию: Господь и Божия мать сохранили святую икону в неприкосновенности и она осталась нерушимой среди обломков. Храм все время переполнен молящимися. Когда после молебна, совершенного архиепископом Ювеналием, он осенил народ чудной нашей святыней, тысячи народа, как один человек, преклонили колена с молитвой и вопияли: „Пресвятая Богородица, помилуй нас!“ Слышны были плач и рыдания ¹.

Разумеется, случай оказался очень подходящим, и синод поторопился, не ожидая даже результатов дознания, об'явить о чуде. Росс. Телегр. Агентство, сразу взявшее такой высокий тон, усердно содействует, в течении двух недель заполняя столбцы газет известиями о молебствиях,

¹ Набранное петитом — газетная вырезка.

совершаемых епископами по всему лицу русской земли по поводу „явного чуда“. Разумеется, начато дознание и следствие, но об нем ничего не пишут. Даже описания самого места и повреждений не подробны и не точны. В публике разные толки: одни говорят, что это дело соперничающего монастыря, другие, — что сами монахи, видя падение доходов вследствие конкуренции ново-явленных мощей, Феодосия Черниговского, решили несколько оживить усердие народа к своей чудотворной иконе. Интересно сообщение газет, что всегда на ночь икона уносится на сбережение, и только на эту ночь „случайно“ осталась в своей „сени“. Взрыв произведен посредством часового механизма и, как видно по обломкам, рассчитан был к часу и 15 м. („Новости Дня“, цит. из „Сам. Газ.“ № 59, 15 марта 98 г.). Механизм был — „обыкновенных карманных часов (?) т. назыв. „варшавской работы“, ценою рубля в три“. Хотя и странно, как мог быть приспособлен для взрыва механизм карманных часов, — но пикантно, что в телеграмме „Нов. Времени“, а также в перепечатках агентства слово „варшавской“ взято в кавычки и подчеркнуто курсивом.

Один видный юрист передавал мне слух, будто из Москвы было командировано десятка 1½ агентов сыскной полиции, которые вернувшись заявили, будто-бы, что все нити приводят... в среду самих монахов. Может быть это и не верно, но невозможного ничего в этом нет. По этой версии — взрыв произведен ранее, а икона внесена позже... Как бы то ни было, — чудо уже заявлено на всю Россию ранее, чем дознание пришло к каким ниб. результатам, и следственным, а также судебным властям придется смириться перед всемогуществом... российского синода и российского суеверия.

А между тем, часть прессы уже „выкликает“ и даже „философ“ Вл. Соловьев¹ напечатал какие-то канты по сему поводу в либеральной некогда „Неделе“!²

Интересно, что напр. в Исакиевском соборе молебен совершен 15 марта, т. е. неделю спустя после „чуда“. Затем пошли остальные. Неделя ушла, очевидно, на рассмотрение „чуда“ в синоде, когда и до сих пор еще ничего не известно.

26 апр. 98

Сегодня был у меня Вл. В. Лесевич³, который был в Курске, где читал лекцию. По его словам, в Курске, будто-бы, все „до последнего извозчика“ знают, что взрыв подготовлен в самом монастыре. Чтобы подsunуть коробку с взрывчатым составом и машинкой „злоумышленнику“ пришлось работать не мало: вынуть часть решетки и продолбить отверстие. Затем местному репортеру монах будто-бы проговорился, что на эту ночь он оставил икону в соседней церкви, — где не было совсем взрыва. Впрочем — это altera pars и, конечно, требует проверки. Лесевич слышал все это от курской интеллигенции.

¹ Вл. С. Соловьев (1853 — 1900) изв. философ - мистик.

² Стихи Соловьева озаглавлены „Знамение“:

„Мы в сонном ужасе к святыне прибежали...

И гарью душною был полон весь наш храм.

Обломки серебра разбросаны лежали

И темный дым прильнул к разодранным коврам...

И только знак один нетленного завета..." и т. д.

(„Неделя“, № 12, 22 марта 1898). (Прим. автора).

³ Вл. В. Лесевич (1837 — 1905) философ - позитивист, сотрудник „Русск. Богатства“.

ПРИОСТАНОВКА „РУССК. ВЕДОМОСТЕЙ“.

Петербург. 23 апреля. Министр внутренних дел определил: За сбор пожертвований в пользу духоборов с распубликованием о сем в № 93 - м „Русских Ведомостей“ и за уклонение от исполнения распоряжения московского генерал - губернатора объявить газете „Русские Ведомости“ третье предостережение в лице редактора - издателя, кандидата прав Василия Соболевского и приостановить издание на два месяца ¹.

И опять, не обошлось без лжи, как и в деле „Нижегор. Листка“. Оказывается, что в редакцию явился простой околодочный с требованием от канцелярии Градоначальника, — отдать ему деньги, присланные через редакцию для духоборов. Недавно еще газеты разных лагерей были полны известиями о бедствиях, переживаемых духоборами, и вот несколько сердобольных людей прислали деньги, с просьбой переслать их Толстому, что и исполнено ². Редакция ответила, полицейскому, что деньги уже доставлены Толстому, а имена жертвователей неизвестны.

Есть какой - то закон, на котором было основано требование полиции и потому редакция могла быть привлечена к ответственности у мирового. Чувствуя, вероятно, что дело отнюдь не „литературное“, и добиваясь не наказания штрафом, а приостановки или закрытия самой газеты (кажется, в значительной мере на пропит „Московск. Ведомостей“) канцелярия ген. - губернатора

¹ Набранное петитом — газетная вырезка.

² В то время гонимые духоборы получили от русского правительства разрешение выселиться за границу. Л. Н. Толстой обратился к обществу с призывом помочь духоборам деньгами и руководством в трудностях переселения. В февральской кн. „Русск. Богатства“ за 1899 г. В. Г. посвятил переселению духоборов специальную статью. См. „Переселение духоборов в Америку“, т. XXX наст. изд.

сообщает о неповиновении распоряжениям князя Сергея Александровича⁴. Это уже привносит нечто „серьезное“ — и газета приостановлена. Когда по этому поводу возникли объяснения, и редакция обратила внимание на то, что ни от князя, ни от его канцелярии никаких требований не поступало, и значит о неисполнении распоряжения ген.-губернатора не может быть и речи, то почтенный князь, Его Высочество, принц крови — не счел несогласным со своей велико-княжеской честью взять под свое высокое покровительство дрянную канцелярскую плутню и ответил, что так как полиция находится под его начальством, то значит распоряжение полиции есть его распоряжение!!

Теперь говорят, что „Р. В.“ будут отданы под цензуру, т. е. убиты!

12 мая 98

Вчера появился № 127 „Спб. Ведомостей“ с открытым письмом Председателя Богород. з[емской] управы (гр. Бобринского) тульскому губернатору, бар. Шлиппе. Бобринский печатал в газетах воззвания о помощи голодающим его уезда. Шлиппе донес министру, что эти и другие сведения о нужде в Тульской губ. — неверны, а случаи, указанные Бобринским, проверены и опровергнуты комиссией: ни голода, ни тифа эта комиссия не нашла. Горемыкин — эта тряпица, на которую российские обыватели когда-то возлагали какие-то упования, — счел возможным и нужным напечатать это сообщение в виде „опровержения“ в „Нов. Времени“ и обязал перепечатать это офиц. опровержение во всех других изданиях,

⁴ Великий князь Сергей Алекс., московский генерал-губернатор, убитый в 1905 г. Каляевым.

заимствовавших первоначальные сведения Бобринского. Таким образом последний был, так сказать, административно ошельмован на всю Россию лжецом. Теперь, благодаря особому положению „Спб. Ведомостей“, его письмо появилось в этой газете. Оно производит впечатление настоящей пощечины официальным лгунам: Бобринский опровергает сообщение Шлиппе по пунктам. Оказывается, между прочим, что в донесении его сделаны ссылки на врача и священника, которых комиссия даже не опрашивала и которые ничего подобного приписанному им не говорили! Весь интеллигентный и официальный Петербург читает это письмо. Это новость в русской жизни: газетная полемика частного лица с ложью правительственного сообщения.

Сейчас ко мне явился Д. А. Линева с известием: сегодня „Спб. Ведомости“ не вышли. Вчера вечером последовало распоряжение — приостановить выпуск газеты.

Вчера же объявлено дозволение выхода „Нижегор. Листку“. Одна ложь цепляется за другую: едва кончатся последствия одной — начинается другая.

Сообщение Линева оказалось ошибочным : „Спб. Вед.“ только воспрещена розничная продажа.

Интересна мотивировка кары газете кн. Ухтомского:

13 мая 98 (тел.)

Принимая во внимание, что в газете „Петербургские Ведомости“ напечатано открытое письмо председателя богородицкой земской управы графа Бобринского тульскому губернатору, заключающее публичное обвинение тайного советника Шлиппе в неправильных по службе действиях, и что редакция „Петербургских Ведомостей“, помещая такое письмо, не могла не знать, что тульский губернатор, как высший представитель правительственной в губернии власти, не может

в объяснение своих действий входить в газетную полемику с подведомственным ему должностным лицом, министр внутренних дел определяет воспретить розничную продажу номеров газеты „Петербургские Ведомости“¹.

Выходит, что если администрация печатно оболжет частное лицо и последнее эту ложь опровергнет, то это будет „обвинение в неправильных по службе действиях“, подлежащее наказанию! Теперь очевидно, приобретается новое право: административного шельмования в печати частных лиц, без права последних — оправдываться и опровергать.

Пришел Андрей Алексеев. Якманов, черемис, — представитель 7 семей Вятской губ., Яранск. у., отпавших от православия в веру Кугу-Сарта, старую черемисскую веру. Судились окружным судом и судебной палатой. Приговор суда — отдать дух[овному] начальству для „убеждения“, а имущество отобрать в опеку. Духовенство увещевало, — „мы не отступали“, они общество принудили... Земский нач. стал со священником, да опекун Феофан Мак. Головин стали настаивать — общество решило удалить из своей среды. 3 года и 7 месяцев прожили в Сибири. Подали прошение и вернулись по манифесту. „Мы пришли в Царево-Кокшайский уезд, где временно проживаем“.

„Пришли в Петербург, просить Мон[аршей] милости, что общество по принуждению признало нас вредными, а Комитет выставки признал полезными, выдал благодарность“...

— Как благодарность, за что?

¹ Газетная вырезка, наклеенная на полях дневника.

— За коллекцию, значит, — бойко отвечает черемисин. — За наше моленное имущество, вещи, из чего состоит наше моление... богослужебные принадлежности...

— ?

— Наши деды были кугу-сартà. А мы, три колена, считались православными, но исполняли только три обряда крестьянсково: крещение, брак, покорон. Больше никаких обрядов не исполняли. А после старики придумали: два обряда нечего держать, лучше с прежним, своим остаться.

— Давно - ли ?

— В 77—8 годах. А после этого, годов около 87, 89 и 90—91-го году стали на нас припадать и судить.

— А у вас есть свои священники ?

— Нет священники, у нас изустики, беспоповцы... Жертва — у нас бескровная, свеча только. Признается один только Бог, который свет создал... Только в Христа не веруем, считаем не за истинного Бога. За сына Божия признаем, искупителя считаем, спас мир, а за истинного Бога не признаем. Бог сам не переродился, а это его сын. Бог есть дух бестелесный. Илью признаем и Авраама — за праведников. Икон не имеем. Религию исполняем не по книгам¹.

С ним другой: Михайло Гаврилов Калинин:

— Мы тоже делишки имеем, насчет веры. Мы православные, а деды тоже по старой вере приносили жертвы... Теперь полиция воспрещает... Мы просим дозволения... Много обет дали Богу... Хоть один раз в год всенародное моление... Проезжал архиерей, а поп сказал: у нас

¹ Против этого места на полях дневника, рукою В. Г. написано: „Интересно, почему не чтят иконы: „это, говорит, искусственно приобретено; остальные черемисы называют иконы — богами (юмын). А это не годится. Бог — дух“.

черемисы пропавшим собакам и пропавшим кошкам приносят жертвы Богу. Так мы этим не занимаемся. Мы приносим животных, как следует.

Просят: в год один раз производить всемирное моление. По русски не понимаем, бабы и дети особенно... Теперь молений не делали, так уже 3 года градовитые ¹.

.....
К этому ² Михайло Гавр. Калинин присоединил написанное им самим на клочке бумажки следующее исповедание веры,— в руководство мне при составлении прошения на высочайшее имя:

„Деды, отцы и мы поныне отправляли свои обряды и жертвоприношение по прежней языческой Вероучение. свободно безо всякой стеснения, но ныне местное Администрации и Духовенство стали стеснять и подвергать штрафу за это моление, а мы Черемисса согласны только на то, что три обряды по православной Веры исполняют крещение, браки и похороны для формальности закона, начальство насильно хотят нас ходить в церков молиться заставить. Церковное моление для нас непонятен, потому мы народ мало понимаем русской язык и глаголемые речи, при обычной же моление мы можем понять о Боге, что Бог есть Небесный Судья для вес мир и покаяние дадим Ему греховном проступке нашем и поэтому мы не желаем свое прежнее Вероучение оставить, а желаем всегда исполнять его без нарушение“.

Кроме этого своеручного исповедания Михайло Гаврилов принес мне связку бумаг, затасканных по карманам зипунов и за пазухой, измятых и пропахших мужицким потом. Это все попытки и проекты приговоров, не получивших официальной санкции и приложения печатей,

¹ В этом месте дневника В. Г. приводит копию с приговора земского начальника Уржумского уезда по делу о крещеных черемисах, исполняющих обряды своей старой веры. Этот приговор, также как и другие обширные документы, касающиеся черемисов и имеющие характер сырого материала, здесь не печатаются.

² То есть к приговору земского начальника (см. предыдущее прим.).

составленных, как и предыдущее исповедание веры — очевидно наивным черемисским грамотеем, а не официальным писарем. Он заявил, что официальные волостные сферы отказались внести в книги эти удостоверения и приговоры, уполномочивающие на ходатайство в пользу „старой веры“¹.

Прощение кугу-сартинцев²:

Ваше Императорское Величество
Всемилоостивейший Государь.

Я, Андрей Алексеев Якманов и товарищи мои Тих[он] Алекс. Якманов, Иван Игн[атьев] Якманов, Григорий Гаврилов, Григ[орий] Захаров, Михаил Антипин Изотиков, Федор Филипов с женою Натальей — исповедуем религию кугу - сарта; поклоняемся Единому, Вечному, Бестелесному, Духовному Богу, Творцу Вселенной, Которому приносим молитвы и бескровную жертву, — в виде свечей из чистейшего воска и плодов нашего земледельческого труда, — откуда и происходит название нашей веры („кугу - сарта“ значит по черемиски „большая свеча“).

Вероучение наше учит кротости, повиновению законам Царя Небесного и Царя Земного и поклонению Духовному Богу в духе и истине. Мы не имеем ничего скрытного. Напротив, когда в 1890 году, под покровительством Вашего Величества, открылась Казанская научно-промышленная выставка, то мы, желая ознакомить русское

¹ Далее приведены копии сельских приговоров и удостоверений, уполномочивающих выборных от черемисских селений на ходатайство перед властями в пользу старой веры. Подсчитав подписи под этими приговорами, В. Г. пишет: „Целых 852 подписи черемис под „петицией“, явно не одобряемой властями. Вот где русский обыватель, темный и забитый, все таки проявляет гражданское мужество и настойчивость!“

² Приведенное здесь прошение кугу - сартинцев является первоначальным проектом, составленным В. Г - чем и позднее значительно им переработанным. Позднейший текст прошения, поданного черемисами на высоч. имя (в июне 1898 г.), сохранился в копировальной книге писателя за 1898 год.

общество с обрядами нашей веры, охотно доставили коллекцию предметов, относящихся до нашего богослужения, с кратким описанием молитв. За эту коллекцию мы получили от комитета выставки благодарность, и ученые люди, ознакомившиеся с подробностями нашего вероучения, не нашли в нем никаких черт, присущих вредным сектам. Напротив, вероучение „кугу- сарта“ они признавали лишь „трогательно-наивным сектантством“.

И действительно законы, установленные на этот предмет Предками Вашего Императорского Величества и Вами, не давали никаких оснований для преследования нас за наше вероучение. Тогда представители местного духовенства и администрации обратились к иному способу, а именно: судьями в деле веры сделали наших мало-сведущих однообщественников, которых им нетрудно было склонять к постановлению приговоров о высылке нас в Сибирь. Под влиянием давления и угроз, многие из нас отступили наружно от своей веры. Мы - же, считая, что в деле веры лицемерие, хотя бы и ради страха, есть великий грех перед Богом, который требует искренности и прямоты, не решились отступить от своего вероучения. Тогда по приговорам сельских обществ Упшинского, Керговского, Оршинского и Рудкинского, Яранского уезда, утвержденным Вятским Губернским Присутствием, нас признали „вредными“ и подлежащими удалению из обществ, вследствие чего мы были высланы в Сибирь в 1893 году. Через три года, по Всемилоstitейшему Вашего Императорского Величества манифесту, нам разрешено вернуться в пределы Европейской России, за исключением мест, откуда мы высланы. Вернувшись, мы поселились временно в Царевококшайском уезде, где пытались приписаться к обществам, но нас нигде не приняли. Тогда мы обратились в Казанское губернское присутствие с просьбой об отводе нам участка земли до 150 дес. для образования отдельного выселка и общества, так как нас всех с семьями будет около 20 душ. Но и на это ходатайство мы получили отказ, в виду того, что „свободных казенных земель под поселение переселенцев из других губерний в Казанской губернии не имеется“. После этого у нас, не имеющих никаких иных занятий и промыслов, кроме земледелия, осталась единственная надежда: вернуться на родину, где остались у нас дома, семьи, своя земля и могилы отцов, около которых мы всегда думали сложить и свои кости.

Ныне мы, бездомные и беспомощные скитальцы прибегаем под защиту великодушия и милосердия Вашего Императорского

Величества и всеподданейше просим, дабы разрешено было нам вернуться на родину и поселиться в местах нашего прежнего жительства, где мы могли бы продолжать честно трудиться, обрабатывая наши родные поля и вознося молитвы Всевышнему Богу о здравии и благоденствии Вашего Величества и о процветании Отечества.

О „Кугу - сарта“ напечатана статья Н. М. Соколовского в „Спб. Ведомостях“, 21 июня 98, № 167 („Большая свеча“) ¹.

30 мая выехал в Москву встретить Дуню и Наташу и проводил их в Растяпино, переночевав в Москве ². Вернулся в Петербург 7-го июня. Болезнь моя (нервное расстройство и бессонница) еще уменьшилась от поездки.

Распоряжение министра Внутренних Дел.

1-го июня 1898 года.

На основании ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г. министр Внутренних Дел определил: приостановить издание газеты „Вятский Край“ на восемь месяцев ³.

¹ Статья эта была написана юристом - писателем Н. М. Соколовским по инициативе В. Г - ча, причем он прочел ее в рукописи и сделал в ней некоторые поправки. В письме к автору статьи от 8-го июня 1898 года („Письма“ кн. V) В. Г. говорит: „Прекрасно и очень убедительно. Юридическая сторона дела освещена особенно сильно, и я очень жалею, что эти соображения (о незаконности самой ссылки) не вошли в прошение „Кугу - сартинцев“... Надеюсь, что статья будет иметь успех, но, так как прошение уже подано, надо просить о скорейшем напечатании“.

² А. С. Короленко с дочерью возвращались из Крыма, куда ездили для поправления здоровья девочки. Растяпино — деревня на Оке близь Н. - Новгорода, где обычно проводили лето родные В. Г. (мать и семья Лошкаревых).

³ Газетная вырезка.

Таким образом, вятский губернатор Клингенберг успел таки отомстить за статьи П. А. Голубева о сборе податей в Вятской губ. В „Спб. Ведомостях“ была изображена яркая картина разорения крестьян выколачиванием податей. Губернатор Трепов изменил сроки взыскания в более удобном для крестьян смысле. Клингенберг восстановил прежние сроки: полиция кидается за податями, когда цены наименее выгодны для продавцов и т. д. В телеграмме „агентства“ было сообщено по этому поводу, что в Вятке „удивляются“ статьям „Спб. Вед.“, так как никаких экстр[енных] мер по взысканию не принималось. На это газеты ответили оглашением (ранее напечатанных) циркуляров губернатора к исправникам. Лживость опровержения была доказана... И вот — газета приостановлена на 8 месяцев!

14 июня

„Природа сотворила только самок, а уж человек создал женщину“. Афоризм Альфонса Карра¹. В романе „Clotilde“ он повторяет и развивает его следующим образом:

„Жены матросов, загорелые, плотные, смелые, как мужья их, с голыми и красными ногами, черными и жесткими руками, громким и резким голосом, твердою и увесистою походкою, пьющие исправно водку, и работающие без усталости — эти женщины-самки, которых самцы из их же породы ласкают раз в год и наделяют ребенком, которым они разрешаются в конце зимы... Клотильда, напротив того, была замечательно маленького роста“ и т. д.

Следует описание „женщины“, которая и „подобрана“ и одевается и держит себя так, что ее хочется ласкать

¹ Альфонс Карр — французский писатель (1808 — 1890).

во всякое время. Взгляд чисто французский, даже специально парижский. А. Карр не замечает, что он уменьшает, даже впадая в крайность, все свойства самки в рыбачке. Надо бы сказать: это не столько самка, сколько человек и работник. Но у него даже „умеренность ласк“ — признак самки!

16 июня

Вчера получил письмо Голубева о причинах приостановки „Вятского Края“ и об обстановке этого события. К сожалению, на этот раз газета дала очень сильное оружие в руки обрадованных врагов. Ей попрежнему всё не утверждали редактора, попрежнему только выжидали промаха. И в это время в № 48 „Вятского Края“ появились две следующие „пиэски“:

Памяти С. С. Костромина².

В № 102, от 15 апреля „Русск. Ведомости“ сообщают, со слов „Хозяина“, о кончине в Петербурге даровитого молодого статистика С. С. Костромина, только - что начинавшего свою деятельность.

„Его работы по движению населения, — пишет упомянутый журнал, — участие в капитальной работе по исследованию народного образования в России, оставленной в наследие бывшим комитетом грамотности, деятельность по таможенной статистике, — все это говорит о той силе и энергии, которую проявлял покойный, и доказывает, что статистика имела в его лице серьезного даровитого работника, имевшего все шансы занять в ней почетное место“. К этому краткому некрологу добавим, что безвременная смерть молодого деятеля произвела удручающее впечатление в интеллигентных кружках Петербурга.

Ал. Хав...

Это на четвертой странице. Дело идет о том самом Костромине, который, в припадке душевной болезни, вскрыл себе обломком блюдечка жилы в доме предвари-

² Набранное петитом — газетная вырезка.

тельного заключения, и по поводу смерти которого в Петербурге готовились демонстрации молодежи. Говорили за верное, что только усиленные просьбы вдовы, обращенные к нескольким студентам и переданные на курсах и в университете, помешали этим демонстрациям. Говорили также, будто вдова намерена была пред'явить иск в законном порядке, обвиняя жандармов и жандармских прокуроров в „небрежности, следствием которой была смерть“. Как бы то ни было, некрологи Костромина были напечатаны в газетах, и если-бы „В. Край“ ограничился этим, придаться было бы возможно, но все таки трудно. Но к заметке на 4-й странице, подписанной Ал. Хав., газета прибавила стихотворение на 2-й странице:

(С арабского).¹

Ночью товарищ погиб.
Жить ему стало не в мочь.
Труп его свежий зарыт
В ту - же зловещую ночь.

* * *

Сгинул живой человек...
Нечего плакать о нем!
Мало - ли близких людей
Гибнет и ночью и днем?

* * *

С другом надежным сойдишь,
Острый клинок отточи:
Надо не плакать, а мстить, —
Мстить за погибших в ночи!

Ал. Ленцевич.

Разумеется, цензура не в праве сопоставлять эти две вещи и „читать между строк“. Но так как о формальном „праве“ речи нет, а на сей раз власти уже в Петербурге

¹ Газетная вырезка.

всполошились не на шутку, то, конечно, на газету обрушилась гроза более сильная, чем могли бы вызвать нападки на основы. Основы — вещь отвлеченная, а тут речь шла о прямой жестокости и преступлении самих этих властей. „Министр, — пишет мне П. А. Голубев, — потребовал от губернатора доставления сведений об именах, фамилиях и звании авторов с их рукописей, а этот потребовал их бумагой от Желвакова (временного редактора). Желваков заявил, что ему не позволяет совесть доставить эти сведения, и по сему случаю вчера вечером были произведены внезапные обыски жандармерией, купно с полицией, но без прокурора и пред'явления предписания о сем, — в редакции, в квартире Желвакова и в типографии, причем все искали рукописей Ленцевича и Хав. Ничего не найдено“.

Разумеется — во всем этом эпизоде местная администрация дала волю своей ненависти к газете. „Протоколы еще не составлены, но обещано составить. Жандармерия вела себя благородно“ — прибавляет Голубев, — оно и понятно, жандармы не имеют причин ненавидеть местную прессу, — их то она во всяком случае трогать не могла!

„Требования министра и губернатора делались на основ. 135 ст. уст. о ц. и печ. и следовательно — законно. Но были-ли законны вымогательства и 3 обыска для отыскания рукописей и побочных указаний на „звание“ авторов и сведения об их адресах? Эти обыски производились, конечно, по требованию губернатора. На вопрос о предписании, жандармами было показано печатное правило, указывающее, что у „людей подозрительных“ жандармерии можно делать обыски без прокурора. Таким образом начальство нас (т. е. газету!) признает официально подозрительными! Очень может быть, что Желваков подаст мин. вн. дел телеграмму с жалобой на

ничем не вызванный обыск, но единичные жалобы в наш „просвещенный“ век ничего не значат“. Поэтому Голубев просит,—„нельзя-ли этот вопрос рассмотреть принципиально в Союзе Писателей“? ¹

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1898 ГОДА ²

24 июня

Выехал из Петербурга в Растяпино.

25 июня

Приехал в Москву.

26 июня

Приехали в Растяпино.

27 июня

В Растяпине.

28 июня

Выехал из Растяпина в Геленджик ³.

29 июня

Приехал в Москву.—В 12 ч. 45 по Рязанской ж. дор. Вечером Ряжск.

¹ После этой записи (от 16-го июня) в тетради дневника наступает перерыв до 3 октября. В течение этого времени В. Г. уезжал на Кавказ и в деревню к семье, откуда возвратился в Петербург 4 сентября. Во время своих поездок он вел подневные записи в памятной книжке-календаре на 1898-ой год. Записи эти, как дополняющие дневник, печатаются здесь - же.

² Здесь печатается часть записной книжки-календаря за 1898 г. с 24 июня по 4 сентября, т. е. за тот период, когда эта книжка замечала В. Г - чу тетрадь дневника. Описание ее см. в статье от Ред. Комиссии (7).

³ На Черноморском побережье, близ Новороссийска.

30 июня

Ночью мимо Козлова. Часов в 6 утра проснулся на ст. Воронеж. Часов в 9 — Лиски (буф.). — Дорога у малорос. села (на меловых буграх) перекинулась через Дон. — Вечером Новочеркасск и Ростов. В вагоне интересный разговор с станичным атаманом ст. Каменской о казачестве и о Свят[ополке] Карском¹.

1 июля

Спал в вагоне часа 4 изрядно. — (Легкая гол[овная] боль от насморка).

В 5 ч. утра ст. Тихорецкая, затем — по Тихорецкой ж. д. — Степь, кое - где хлеба, кое - где пестрые от цветов луга, маленькие домишки станций с кирп[ичными] стенами, увитыми диким виноградом; поезд идет в ср[еднем] 20 в. в час. — Встреча с Ратимовым².

Челбас, Выселки, Станичная. На последней станции, среди поля высится серое, кам[енное] здание элеватора. Жарко, пусто, неподвижно. Короткий поезд стоит у станции и сам точно изнывает от жару. Около локомотива — усталый машинист с сонными глазами. Разговарием. Дорога прин[адлежит] компании, в составе которой Мих. Ник.³ Вообще кто-то из Романовского дома. Эксплоатация служащих страшная.

— Проспишь станцию или что, кончено...

— Да разве же можно проспать станцию?

¹ Генерал Д. И. Святополк - Мирский, участвовавший в штурме Карса в турецкой войне 1877 - 78 гг.

² В. А. Ратимов, профессор военно - медицинской академии, хирург.

³ Великий князь Михаил Николаевич.

— Неможно иной раз не проспять. Работаем без смены. Приедешь в 5, назад в 8, приедешь в 9 — назад у 11. Часа три отдыху...

За Екатеринодаром сразу видны горы. Прямо невысокая гряда, влево, т. е. к востоку, задернутые туманом уходят вдаль неясные вершины настоящего кавказского хребта. С каждой станцией поезд все ближе к гряде, лес становится гуще и выше, степь кончается. Боканскую станицу уже всю обступили горы, Туннельная расположена на самом хребте (103 саж. над уровнем моря). Почти непосредственно за ней — начинается туннель версты в 2 и другой поменьше. По выходе из второго туннеля поезд и без того тихий — спускается осторожно в низину, и сразу же перед глазами окрывается синяя морская бухта, окруженная горами, и поближе над ней, точно гряда вывороченного из гор известкового щебня, — виден Новороссийск.

Город тоже окружен горами и производит впечатление скорее каменной модели города, в которой намечены...¹

— Спрашиваю у обыв[ателя], „который час“. Говорит. Я смотрю на свои.

— Странно, — говорю, не могу все сообразить ваше время.

— Да у меня по петербургски. Знаете: машина ходит по петербургски, пароходы по машине, так уж и мы...

2 июля

Ночь в Новороссийске, в гостинице Морозова. Город Новороссийск — губернский Черноморской губ., округа:

¹ Фраза недописана:

Новороссийский, Таупсинский и Сочинский. 17 тыс. в городе, 14 тыс. „в округе“. На „Французской стороне“ франц. компания. Сначала нефтяные промыслы в Ильской станице, потом предприятия по постройке домов. Перетянули таможню, отвели место под постройку огромной церкви... Антагонизм домовладельцев и французов. — Казна строит набережную и железнодорожную станцию для пассажиров (это в пользу города). Кроме этих 2-х частей города есть еще „Нахаловка“. Это постройки на городской земле, занятой самовольно беднотой, которую пытались согнать, но тщетно. Пришлось помириться — и теперь до 600 домов составляют „Нахаловку“.

Пока — город представляет как бы только модель города или чертеж, намеченный кардинальными линиями. Эти линии — элеваторы, хл[ебные] конторы, заводы, железнодорож. сооружения. Скелет будущего Новороссийска, еще не обросший плотью настоящего, бытового поселения. Турок, персианин, армянин, черкес, грек, русский, кубанский казак, пиджаки, бешметы, кители, тюрбаны, — все это как будто еще пришлое, как будто только присматривается. Улицы спланированы широко и длинно, но обставлены маленькими, часто недоконченными домами. Магазины просторны, освещены, но пусты и за прилавками тщетно ожидают приказчики. Масса трактиров с биллиардами, но около 8—9 час. вечера я лишь в одном слышал стук шаров. Множество гостиниц; у входа в город сразу кидается в глаза вывеска: „Духан Константинополь, с номерами распивочно и на вынос“, но когда я прошел мимо него вечером, в нем сидело двое турок в кр[асных] фесках и играли на каких-то странных инструментах странную и унылую мелодию. Слушал их духанщик и мальчишка прислужник.

Вообще, Новороссийск производит впечатление „готовности“ к будущей кипучей жизни, которая, кажется, приходит тихо. Обыватель поэтому унывает и ропщет, и только французы суетливо и с доверием готовят путь этому будущему¹.

Есть библиотека, основанная частным лицом (Эварест Эрастович Буллиан — представитель науки и мысли в Новороссийске). Воскресная школа и чтения. — Газеты 1-го июля я нашел лишь за 28 июня, даже Одесские. — Своей газеты нет, но есть корреспондент — г. Зильберман, история которого обошла недавно все газеты...

— Не иначе, только тут действовал один из приставов, — сказал мне один из обывателей — буфетчик гостиницы Егорова.

Утром 2-го июля напившись в гостинице чаю и расплатившись, я отправляюсь на „городскую пристань“, откуда идет пароход в Геленджик. В кассе мне выдают „билет на катер „Работник“ из Новороссийска в Геленджик“. Самый „Работник“, маленький катер, принимает кладь и пассажиров. К моему приходу он издает какой-то сип, потом свисток, но такой, что нельзя отличить, который это — второй, третий или десятый. — Который? — спрашиваю я.

— 1-й. — Нет 3-й... — После этого было еще 4 свистка.

— Шкипер! — окликает властно какой-то военный, сидящий на кубрике. — Трогайте, давно пора.

— Сейчас.

Шкипер опять пускает струю пара, свисток опять надрывается, оглашая бухту и отдаваясь эхом от каменных гор. Но по тому, как он смотрит зоркими глазами на

¹ Следует вспомнить, что Новороссийск тогда только-что стал центром края (Черноморская губ. учреждена была в 1896 г.) и развивал свою портовую деятельность.

пустую набережную, видно, что еще кого то дожидаются. Через несколько минут опять прерывистые свистки, уже без счета.

— Будет, будет,— кричит военный, как оказывается окружный начальник (исправник).

Публика смеется.

— Шкипер что — шкипер тут не виноват,— говорит засмоленный босой матрос, стоящий у чалки,— хозяин, он приказывает, ждут кого то... Не дожدهшься, обижаются...

Окружный начальник сходит на берег. Какая то полная дама, запыхавшись сбегает на катер, принимаемая матросами и публикой и еще минут через 5, благодаря вероятно энергичному вмешательству начальства, мы трогаемся.

— Билеты, ваши билеты господа! — Какой то колченогий господин отбирает билеты.

— Ваш билет,— обращается он к сидящему недалеко от меня полицейскому офицеру (низшему). Тот застенчиво улыбается. Господин проходит мимо, как человек, по рассеянности сделавший неловкость.

„Работник“ выходит в бухту, минует мол, маяк и идет вдоль горного берега, к югу, разрезая голубоватую воду Черного моря, светлую, напоминающую обмылки в прачешном корыте.

3 июля

Хороший сон 7^{1/2} ч. (в Джанхоте у Щербины¹, — несмотря на то, что 2 раза выкупался в море). — Чудесное утро. Проснулся в 6 ч. Прямо против моей двери высокая

¹ Ф. Д. Щербина, статистик, сотрудник „Отеч. Записок“, „Русской Мысли“, „Русского Богатства“.

и близкая гора. Солнце играет на зелени, тени глубокие, синие. Кричат цикады... А вчера ночью все безмолствовало. Море не шелохнулось, горы казались тучами и только где-то трещал одинокий сверчок, да перекликались две совушки. Сплю! Сплю!..

4 июля

Сон плохой. Просыпания и полусон. Вчера осматривали продажный нерудовский участок¹; часа 2 ходили по горам, перед обедом и часа 3¹/₂ после обеда. Усталость, а может быть и морские купания.

Вечером вернулись в Геленджик. Сильный N-O, — теплый и душливый.

5 июля

Приехал вчера вечером в Геленджик, чувствовал легкое возбуждение и отчасти предчувствие бессонницы. Не мог заснуть часа 1¹/₂, потом заснул и проспал часа 4.

В 11 часов выехали в Криницу², со Штанге³. Часа в 4 приехали в Колонию (миновав село Береговое). Кучер Иван, хохол, с замечательной объективностью рассказывал о Колонии.

— Приехал до их практикант. Говорять, запрягай лошадь. Он клещами до груди, а хомутиной наружу хомут надел. После велели запрещь у борону да волочить. Он стоял, стоял. Глядить: лошадь, а у руках мотузок. Он взял, да за хвост борону и привязал.— „Что ты

¹ Участок этот (в Джанхоте) был приобретен впоследствии братом В. Г. — Иларионом Г-чем, по вызову которого В. Г. приехал на Кавказ.

² Криница — известная интеллигентская колония типа „толстовской“, основанная в 1886 г. В. В. Еропкиным.

³ А. Г. Штанге, основатель Павловской кустарной артели.

делаешь?“ — А что? — „Зачем за хвост привязал?“ — А на чорта - же ей хвост издался?..

— А сами как работают?

— Сами пообучились. Где один мужик сработаеть, туда их пять иде...

Колония расположена в чудесном месте, в конце прекрасной долины... Небольшие белые домики, разбросанные среди зелени. Сначала большая пасека, потом разные постройки. Небольшое кладбище на утесе, над морем. Море при тихой погоде разбивается о скалы и покрывает берег пеной прибоя... Ритмическое движение и шум прибоя... Впечатление очень сильное. Сама вечность как будто говорит в этом движении и шуме.

Еропкин болен — заграницей. К нему уехала Нат. Ник. Коган. Заправила колонии Семен Григ. Калетаев, человек высокого роста, могучего сложения, с длинной белокурой бородой... В его манерах видна некоторая надменность и властность. В разговоре — пренебрежение человека, переслушавшего слишком много теоретических мнений, чтобы придавать им значение. Видно, что он для себя лично сказал давно: „будет“, взял известную систему с ее логическими из'янами, закрепил ее и признал практически достаточной. Другой, Изот Семенович Сычугов, — большой худощавый человек, с редкими длинными волосами и как будто перебитым носом. Некрасив, на первый взгляд, и очень непривлекателен, но, видимо, хороший, простой человек. Это первый столп колонии. Не очень далекий, непосредственный и непосредственно преданный семинар; он поверил в Еропкина, с ним вместе перепробовал разные эксперименты, основывал колонию в Уфе, потом, после неудачи, надел котомку, исходил пешком черноморское побережье и выбрал настоящее место

для колонии. Любит иногда теоретические рассуждения, причем ссылается на Виктора Васильевича (Еропкина).

— Виктор Васильевич находит, что артельное начало одно, само по себе, без нравственной основы — не имеет значения. У Вик. Вас. была мастерская учебных пособий. Рабочие получали жалование вдвое против обыкновенного, но нравственность их не улучшилась. Вместо сапогов надели ботинки, вместо картузов — цилиндры — и ничего больше.

Натура видимо добрая и мягкая. А главное — младенчески доверчивая и простая. Для него — колония это действительно мир душевный, а „бремена“ сомнений он возложил на Виктора Васильевича.

— Много еще колоний такого типа? — спросил я у него.

— Таких больше нет, — ответил он. — Есть колонии, но они не применяют идеальных начал к условиям жизни. А мы стараемся найти применение к условиям.

Говорит догматически и со спокойствием человека, уверовавшего в компромисс, как в догмат. Очевидно, прежде все это было вопросом: и отношение к властям, и наемный труд рабочих, и выделка вина и т. д., и т. д. И теперь опять для всех новичков это вопросы, которые они и ставят очень горячо и страстно. На все эти нападки новичков — Калетаев отвечает пренебрежением, а Изот — догматом, выработанным на многих соборах, с участием Виктора Васильевича.

Затем оказались у меня и знакомые: Апенченков, когда-то являвшийся ко мне в Нижнем. Был в дисциплинарном батальоне, был в Григорьевской школе, мыкался по свету и наконец пристроился практикантом в колонии. — Затем старый радикал, „бывший студ. медиц. академии“ Березневский (Вадим (?) Павлович); много лет провел в ссылке, вернулся в 80-х годах в Казань,

чувствовал себя вне жизни. В один прекрасный день решил идти в Крым из Казани — пешком. По дороге жил у раскольников, сторожил баштаны, читал на ночлегах книжки мужикам и через 6 месяцев пришел в Крым к Перовскому только для того, чтобы быть высланным, т. как на паспорте стояла отметка „за исключением мест усиленной охраны“. Выехал в Мелитополь, где опять стал читать, все расширяя круг слушателей. Через некоторое время „пропаганда“ его захватила уже солдат. Последовал донос, и Березневский попал в Бердянскую тюрьму. Оттуда написал письмо Шебеке („не помню уже, что писал, а складно вышло... на счет низших агентов власти, обирающих народ... тащут последнюю корову... Вот, говорю, где истинные враги, а не мы, социалисты“). После этого письма его освободили и даже сняли ограничения места жительства. Наконец успокоился в колонии. Был библиотекарем, аптекарем, лечил лихорадки, теперь присматривает за виноградником и лечит — болезни винограда. Имеет вид благодущный и довольный, — а в Казани я его знал уже начинавшим озлобляться и становившимся нетерпимым.

Когда мы сидели с ним на скамейке маленького кладбища, и он рассказывал мне свои злоключения под немолчный шум прибоя, далеко, внизу под обрывом, — к нам подошел юноша лет 20. Это — выращенник колонии (8 лет живет в ней), представитель ее молодого поколения. Мне много говорили о молодежи Криницы, но я ее почти не видал: есть дети, есть 2—3 подростка-девочки, и этот юноша, первый, которому придется отбывать воинскую повинность. Он здоров, угловат, говорит резко и быстро. По некоторым предметам подготовлен хорошо, но по математике напр. очень мало (нет преподавателей). Ему придется подготовляться, чтобы держать

экзамен на льготу по воинской повинности. Еще держит экзамен его ровесница девушка.

— А ей зачем?

— Она желает в учительницы. Хочет непременно помогать народу.

— Значит, выйдет из колонии?

— Да, выйдет, чтобы помогать народу.

Он говорит эти высокие слова с какой-то почти неприятной простотой, в которой слышится полное непонимание их истории, их значения, того, как это трудно, и как часто этим злоупотребляли...

Предстояло собрание. Штанге с обычной своей настойчивостью, напросился на собрание, несмотря на явное нежелание Калетаева. Тот, наконец, согласился, сказав, что в таком случае они поставят лишь формальные вопросы: отпустят практикантов и решат еще что-то в этом роде.

Я не пошел. Неприятно навязываться насильно, да и не интересно: будут стесняться, и мы только испортим собрание.

Апенченков проводил меня до шк[ольного] здания, где мне отвели ночлег в полном одиночестве.

— Что, собрание будет? — спросили нас, когда мы проходили мимо открытого освещенного окна какого-то домика.

— Началось.

— Семен, на собрание! — весело крикнул молодой голос. Видимо собрание — представляет интерес среди скучной трудовой недели.

Пишу эти строки на балконе. Темная южная ночь без луны. Ветер шелестит в листьях деревьев, лают в колонии собаки. Чуть слышно доносятся отрывочные звуки какого-то музыкального инструмента, вероятно

играют рабочие, а колониетские собаки отвечают лаем на непривычные звуки...

Тихая ночь полна какой-то томной печали... Мне вспоминается фигура старика Березневского, вспоминается столько жизней, метавшихся и искавших решения проклятых вопросов. Нашли ли хоть здесь успокоение эти представители одного из самых, может быть, несчастных поколений российского разночинства?..

Боялись, что Еропкин умрет. Никто не знает, что тогда было - бы с колонией. Все юридически принадлежит Еропкину. Он хотел все записать на Калетаева. А этот властный человек, говорят, для многих в колонии — загадка. Говорят, что некоторые колонисты сильно тревожились. Один Изот, наверное, с простодушным доверием смотрит в будущее... Впрочем, мне кажется, что совершенно немыслимы опасения корыстного присвоения общинной земли. Возможна, однако, диктатура сильной воли и ломка согласно с желаниями Калетаева.

6 июля

Долго не мог заснуть. Смутный шум моря, шорох листьев, печальные вскрикивания совушки, — и сумрачные, печальные мысли. Я ехал сюда скорее с предубеждением в пользу колонии, совершенно не сочувствуя „совершенствованию в изоляторе“ — я однако был склонен признать, что свою задачу они выполнили и, значит, ждал атмосферы может быть узкого удовлетворения и спокойствия. Вместо этого, на меня повеяло невыразимой грустью... Замирало сердце, в шорохе листьев слышались вздохи, в шуме моря — почти угроза вечной и таинственной природы: „вы все пройдете без следа, а я все также буду шуметь и набегать на прибрежные скалы на глазах у новых безумцев и искателей“... Сегодня мне дали из архива

две книги, содержащие историю внутренней жизни Криницы. По большей части, это „писание“ Нат. Ник. Коган, которой, к сожалению, нет в Кринице¹.

7 июля

Спал изрядно часов 5.

Поздно вечером разговор с Сем. Григ. Калетаевым. Мои предположения оправдались. Когда я заговорил о молодежи и ее отношении к Кринице, — он с грустью признался: „Хоть закрывай лавочку“. Теперь подрастает целый выводок криничанских воспитанников. Выпустят их в свет... Вернутся-ли...

¹ Далее, на 32 страничках записной книжки В. Г. переписал устав Колонии и сделал выписки из записей ее руководителей. Возможно, что В. Г. имел в виду использовать этот материал в особой работе. Такая работа написана однако не была. Только десять лет спустя, в заметке, по поводу книги Г. Василевского, посвященной истории Криницы, В. Г. изложил свою оценку этого явления. Отметив распадение и замирание Колонии, покидаемой ее молодежью, он пишет: „Такова печальная и поучительная история группы глубоко искренних людей, свернувших в своих исканиях в глухой тупик, откуда нет дороги... Они заслуживают благодарности уже за то, что дали опыт, результаты которого, впрочем, многие предвидели и ранее. История „Криницы“ еще раз подтверждает мораль, — что рай на земле не может быть водворен ни в келье, ни в скиту, ни в отдельной общине. „Взыскуемый град“, если мы его найдем когда нибудь, в свою черту должен будет включить все человечество, а значит, и стремиться к нему можно лишь участием в жизненной борьбе на основаниях, все шире охватывающих общие интересы масс и примиряющих личную свободу с совершенствующимися общественными формами... Это — две стороны одного и того-же процесса, которых нельзя отделить друг от друга, и личное совершенствование может идти нормально и п о л н о лишь на общественной почве“... („Русск. Богатство“ 1908 г. № 12, отдел Новые Книги, заметка без подписи: „Г. Василевский. — Интеллигентная колония Криница“; т. XXXI наст. изд.).

— Як не вёрнуться — закрывай лавочку! — говорит Калетаев.

— А ведь не вернутся, — говорю я.

— Пожалуй!

Разговор этот опять обвеял для меня грустью тихую криничанскую ночь. Опять я долго глядел на звезды и слушал шум листьев и моря. Только что стал засыпать, — в лесу закричал озорник шакал — тонко, жалобно, протяжно. Поднялись все криничанские собаки и кинулись на крик... Лай долго наполнял тишину ночи.

Днем — опять в Геленджик с Штанге и Влад. Виктор. Томашевским.

По дороге на Береговую (туапсинское шоссе), в длинной цветущей балке, за именем принца Ольденб[ургского], живет В. В. Томашевский. Домик его приютился вправо от дороги под горой, над горным ручьем. Господин лет 50, в синих казацких штанах и кор[отких] сапогах с голенищами, встретил нас любезно и радушно. Небольшой, с брюшком, подстриженными седыми усами и бородой — он похож на старого запорожца, подвижен и весел. В своей щели он — владетель неисчислимых богатств.

— Во 1-х цемент — лучший портланд в мире. Французы в Новороссийске завод построили, чтобы работать вот из какой дряни. А у меня вот... Затем недавно нашел смолистый сланец. Он у меня дает газ — освещение и двигатель для электромоторов. Ручей дает минимум 15 сил — это летом. Зимой до 120. По этой дороге пойдут у меня электрические моторы на Геленджик. Только столбы с проволокой и ничего больше... Теперь вот нашел еще источник. Настоящий Эссентуки № 7... Вот на моем участке сколько угодно...

Когда мы ехали назад, — новый сюрприз.

— Пока вы ехали, я здесь горький источник открыл. Вот.

Дает пробовать из бутылки какую-то гадость.

— Вода Франца Иосифа! Эссенуки были. Теперь еще этот источник.

И маленький запорожец бойко бегают по своей комнате, в счастливом обладании эссенуками и всем прочим.

Нужна только компания и деньги.

Разок уже, кажется, на чем то прогорел.

СТРИГА (ФЕДОР ФЕДОТОВИЧ).

Он приехал в Геленджик лет 30—40 назад фельдшером. Теперь он уже стар; большое лицо, круглое, с седой кочковатой растительностью, большая голова, странно сидящая на небольшом туловище, одетом вдобавок в парусиновую блузу такого покроя, как носят кадеты или гимназисты. Говорит по малорусски очень картинно и с юмором. Любит рассказывать о здешних местах. Норд-ост и Борей — у него живые лица.

— Железо хватает здорово: свернет усю крышу, как бумажный листок. Доски тоже берет. Була у такого-то соломенная крыша, под гребенку, хорошо сделана: усю раскидал. А дранку не может. Годов 15 назад здоровый норд-ост кинулся. Так из горы отвагом и падает. Кинулся на крышу из дранки: и так и сляк, — не может узять. То что-ж вы думаете: подхватил усю целиком, поднял, да у море бросил. Стояли мы тут за хатой, так только присели: летить над головами крыша уся как есть. Страшно. Бросил у море — поплыла крыша у Трапезунт.

Долго был старостой и здесь отстаивал самостоятельность схода. Раз разбирали вопрос очень бурно. Видит Стрига, что идет галдеж большой, — и говорит: ну, столкнитесь пока друг с другом, а я постою в сторонке. Знает, что как между собой накричатся, так уже после

гладко пойдет. А урядник пришел на сход, — ему и не понравилось, потому — беспорядок. Вот один кричал погромче, урядник его за шиворот.

— Ты что шумишь? Удаляю тебя со схода. — Тот не идет, тот толкает. Так и валяются мимо Стриги. Тот заметил. — „Это что? Куда тебя, за что?“ Тот, конечно, объясняет. Он его, взяв за плечо, повернул опять на сход и говорит: „иди, иди, говори о своем деле“. Тот и пошел. А уряднику Стрига и говорит: „А вы хотите тут стоять, то стойте себе. А распоряжаться не можете, потому — я тут хозяин“.

Урядник сконфузился, ушел. Вот приезжает округа начальник. Зовет к себе Стригу. Приходит.

— Ты такой-сякой. Ты сопротивляешься полицейской власти. Я тебя, такой-сякой сын, сейчас смежу.

А Стрига говорит:

— Як можете, то сместите. А по́ки я староста, то полиции на сходе царствовать не позволю.

— Что - о?

— Царствовать, говорит, полиции на сходе не дам, по́ки я староста.

— Ты какое слово сказал: царствовать?

— Царствовать!

— Да как ты смел это слово сказать.

— И еще скажу.

— Да я тебя под суд. Ты знаешь, что значит царствовать?

— А знаю: царь закон дал, а мы все повинuemся закону. А как он закон отменит, то мы опять должны повиноваться. А когда полиция хочет царский закон отменить, а свой поставить, то значить, уже хочет над нами царствовать. То я этого уже не могу терпеть и царствовать здесь уряднику не дозволю. И когда

хочете, то я это кому вгодно скажу. А когда вы не можете слушать, то я и уйду...

Взял да ушел. Да з того горя прямо в корчму. А в корчме народ.

— Что такое?

— Так и так.

А уже выпил чарочку, то у него и сердце загорелось. — Вот что, кажесть, громадо. Выбрали вы меня, то я и стою за правду. А как он сейчас позовесть опять, да вызверится, — то не знаю, что уже и будет. В Сибирь, то и в Сибирь, а я ему на зневагу не дамся.

— Ты пойдешь, то и мы за тобою. На зневагу старосту не дадим.

Бежит тут урядник. — Старосту к начальнику.

Встал Стрига, идетъ, люди за ним. Стрига полез у хату, люди подле хаты стоять.

А начальник, видно, уже и спохватился.

— Ну, Федор Федотыч, — и руку к нему тянеть, — помиримся. Нельзя же так. Горячий вы человек...

Вот какой он, Стрига. Теперь устарел. За писарями не усмотрит, — сделали на него начет 300 р. Общество слова не сказало, — внесли. Только говорить: пора вам уже Федор Федотыч на покой. С етих пор не служить. Другого выбрали.

8 июля

В Геленджике часов 6 изрядного сна. — Видел утром Романа Вас. Юшка, обитателя Лысой горы. Молодой человек, с добрыми глазами и мягкой пр[иятной] улыбкой. Толстовец. Криничан упрекает в компромиссах. На верхушке горы на 3 слишком тыс. футов над уровнем моря устраивает общежитие „трудами рук своих“. Пока еще держится в сфере подвига. Местные жители смотрят

на него с уважением, как на человека не от мира сего. Ветеринар. „Волки ищут скот, — абы дыхла, то он может выпользовать. А денег не берет. С'естное возьмет: курицы, картофель, хлеба скольконибудь... А денег никогда не берет“.

Одним словом, он начинает тот самый путь, который Криница заканчивает, и колеблется перед вступлением на путь компромисса (уже есть это). Мне пришли на память настоящие подвижники: они жили милостыней; жизнь идет своим путем, а он стоит на своей высоте, не заботясь ни о чем, как птица небесная. А раз речь идет о „колонии“ и „общежитии“ — дело кончено: монастырь становится „имением“, подвиг кончен.

Утром в Новороссийск берегом с Влад. Викт. Томашевским.

9 июля

В Новороссийске. 5 часов сна, несмотря на духоту в гостинице Морозова.

В 2 ч. 20 м. из Новороссийска. 11 ч. в Тихорецкой.

10 июля

В 3 ч. с Тихорецкой.

В 3 ч. 10-го по жел. дор. на Царицин. — Голая, какая-то запыленная степь. Жел. дорога заканчивается, вокзалы деревянные, — рядом строятся каменные, поезд осторожно переползает по временным мостам через Маныч, Сал, Аксай.

11 июля

Ночь в поезде царицынской ж. дор. Встречные: Ив. Мих. Аккерман, служащий военного ведомства из николаевских кантонистов и Фед. Мих. Слепушкин. Типичный русский

обыватель, получивший политическое воспитание на „Нов. Времени“. Характерно: возмущается приемами нашей политической полиции, брал на поруки арестованных, сочувствует гонимым раскольникам. Но только заговорит о поляках или евреях — слышишь совсем некультурного человека.

В 5 ч. утра — в Царицыне. В 6 ч. — на пароход „Ратьков Рожнов“.

Опять Волга и опять разговоры с лоцманами.

Опять Волга! Еду кверху от Царицына. На правом берегу повыше Камышина — к воде выбежал причудливый бугор с плоской будто срезанной вершиной. Что это за бугор? — спрашиваю у молодого помощника. Тот спрашивает у молодого — же матроса. Не знает. — Погодите, пожалуйста за мной. — Помощник капитана ведет меня на нос парохода, где сидят на связках канатов два лоцмана. Они согнали к Астрахани шхуну и теперь опять едут в Нижний.

— Что за бугор?

— Ураков бугор это. Урак разбойник стоял. Жительство имел. От него и деревня пошла, Ураковка, тут вот пониже.

Один из лоцманов, худощавый, с тонкими чертами и длинной узкой бородой, поседевшей полосами. Другой — толстый, с круглой физиономией и подслепыми глазами, — от дождей и ветров.

Охотно начинают рассказывать:

— Урак большой атаман был. Стенька у него в кашоварах жил. Вот раз говорит Урак: гляди-ко, судно бежит. Иди раззори! — А он, Стенька, пошел, да не раззорил. — Почему такое, — Урак спрашивает, ты это судно не раззорил. Много-ли взял выкуп? — Ничего, говорит, не взял, даром отпустил. Урак промолчал. Другой раз опять

суденышко. — Ступай раззори. А Стенька говорит: не трог, не надо. Что его, бедного судна, раззорять. Нам богатые набегут. Урак, значит, рассердился. Ты говорит, мою волю не сполняешь, я, говорит, тебя застрелю. Сейчас ружье навел, как грохнет пулей. Пулина-те в кулак. А Стенька эту пулю сгреб в кулак на лету, и говорит: тебе атаман пуля может пригодиться. А мне не надобна. Я тебя холостым улучу. Всыпал пороху, пыж забил, навел на Урака, выпалил и уложил на месте. Сам атаманом стал.

— Какой-же он силой действовал, — спрашиваю я. — Колдун, что-ли был, с нечистым знался?

— Зачем? Молитвой.

— Вот мне отец сказывал, — вмешивается худошавый. — Бурлачили они, в те поры лямкой еще суда водили. Ну, хорошо. Пристал к ихней артели старичек один. Водки не пьет, матерщинным словом никогда не обмолвится, значит, вот какой чистый старик. Плыли они в лоточке, значит книзу. Заспорились, ругаться стали. Сейчас этот старичок котомочку на плечи вздел и в воду. — Что ты, это, старичок? — Прощайте, говорит, мне с вами нехорошо, дело не подходящее. Они глядят, а он по воде да по воде, — уже на тот берег вышел, пошел себе полем, лугами... Вот она чистота!

— Так то, видишь сам, — старик богобоязненный, а то Стенька; разве у него чистота?

— А как-же? Ему тоже нельзя матерним словом. Опять женск пол. Ежели ему на работу итти, заговор делать — уж тут например нельзя с женским полом... Как он с женским голом посакупился, — заговор не действует...

— Да, это верно. Вот тоже разбойник был: Каржев, что-ли; из под Доскина он, на Оке село есть. Ничем не могли взять. Тряхнет руками-ногами, — кандалы долой. Ну, имел полюбовницу и признался ей: водой, говорит,

очищаюсь, а связать меня можно только мочальной веревкой. Вот она это и пересказала. Потом он к ней пришел, спал у ней. Наутро: дай, говорит, бога ради напиться воды. А она воду убрала. Молока, говорит, не желашь-ли. Квас тоже есть. А квас, видиш не действует... Он тосковать. Дай воды, дай воды. Нету. А тут десятские, сотские, скрутили мочальной веревкой рученьки-ноженьки. Кончено. Так и расстреляли. Не мог очиститься.

— Есть, есть такие люди. И по нашему времени не без того. Вот, при мне, почитай, и было. Иван Елизарыча знаешь,—спрашивает он у другого.—Ну, с ним и было. В Казани от волжской пристани сплавливали баржонку. Зачалили чалкой за чужую баржу,—травятся потихоньку. Как тут матросы в лоточке плывут:—Что вы делаете, тут якорь у нас. Слово за слово, знаешь сам наши обычаи, пошли ругаться, стон стоит. Иван Елизарыч в сердце взошел, ткнул багром, проткнул у лоточки дно. Так что вы себе думаете: сказал один матрос слово,—баржа-то и пойди кверху. Знаете в Казани вода от Услону как прет, а баржа все кверху, да кверху. Все испужались вот как...

— И тоже чистота?

— А как-же... Без чистоты, тут его всякий может потребить. Потому молитва, заговор значит, не действует...

— А сами вы ничего такого своими глазами не видали?

— Нет, ничего...

— Мой отец видал и сам. Шли ночью,—зги не видать, осенью темно. Вдруг летит над рекой огненное, искрами сыпет. Отец-то испугался, а лодман с ним ездил, старый человек,—и говорит:—Стой, куда летишь?—Она и стала. Отец глядит—стоит на кожухе в женском облике, белая.

— Зачем, говорит, можешь ты меня остановить? Какую имеешь в себе смелость?—Скажи, говорит, к кому

летишь? — Я, говорит, вот к кому летаю кажинную ночь. — Не моги, больше летать, я тебе не приказываю. Ну, она снялась, да назад, была в облике женщины, а то стала опять огонь, в роде осетра, — голова огромная, сзади хвост болтается. Полетела. Отец говорит: как ты мог ее остановить? — Это, говорит, очень просто. Теперь не станет к тому человеку больше летать...

Ветер тихий, немного сырой, прохладный. Снизу, смешиваясь с шумом волны, несутся звуки протяжной песни, — мужской голос, глубокий, грудной баритон и женское сопрано, немного визгливое но не лишенное приятности, — может быть заимствуемой у этой задумчивой ночи, у едва видных спящих берегов, у плеска невидимой волны. Мотив духовных кантов. Я спускаюсь книзу и прислушиваюсь. Поющих окружили матросы и публика 1-го кл. Песня духовная, отзывающаяся сектантским настроением:

Ой горе мне горе,
Горе мне великое.

Во иной я край иду,
Там не знаю что найду.

Ой горе мне горе,
Горе мне великое.

Возмечтанием своим
Крепко бога раздражим.

Ой горе.....

Я не чтил отца и мать,
Всех старался раздражать.

Мимо царства прохожу
Воздыхаю и гляжу.

12 июля

На пароходе между Царицыным и Саратовом. Ураков-бугор выше Камышина. — Потом Холодный бугор — с которого видно Ураков. — Между Воскресенским и Баронском — Хлопков бугор.

Саратов.

Песня: Не осенний мелкий дождичек...

— Слышал ты, как горох сыплуть: один то из горшка, другой из корзинки.

— А вы?

— Мы поем стариковские, казацкие.

— Например?

— Прости, отец и мать родные,
Простите сына своего...

13 июля

Спал часов 8, нормальный сон.

Самара в 1^{1/2} ч. дня.

Жегули, 80 верст между Сам[арскими] воротами и Ставрополем, начинаются (сверху) от Ставрополя (Сторожевой бугор). Урочища: Бахиллов-враг (правый берег), Разбойников-враг (тоже), Соколова гора (за Царевым курганом на левой стороне).

Деревни (сверху): Моркваша, Отважная, Яблонная, Ширяево.

14 июля

Сон нормальный и крепкий. Утром Симбирск.

Повыше Тетюш, верстах в 15, — 2 пещеры, около с. Секеева (Секевские пещеры). „В одной вода-те не мерзнет зимой, в другой не тает летом. Клады были.

Ну, девку какую то задушило, правительство дверь и сделало, что не можно теперь войтить“.

У Сенгилея—горы странного вида „Сенгилеевские уши“.

Один из лоцманов — старообрядец — белокриницкий... Спрашивает конфиденциально: вы по какому состоянию?

— Это насчет веры?

— Да. Видно вы это для своего спасения все узнаете, землю проходите, землепроходцы!.. (Я говорю кое что о терпимости). — Да, за что преследуют. Всяк по своей вере. Ну, конечно, сказано: иже не принял крещения, не войдет в царствие. Жид, татарин никаким родом не может взойтить.

Много вер — разных „упований“: Спасово согласие, покрещенцы и самокрещенцы, приемлющие брак и не приемлющие. Много. Вот еще есть, образу Отца не поклоняются. Потому они рассуждают так: Бога никто - же виде нигде - же и т. д. Значит, написать нельзя.

15 июля

Приступ дурного настроения и бессонницы. Сначала не мог заснуть, — недолго. Потом спал, часов 5^{1/2}.

Днем опять дурное настроение.

Вчера и сегодня написал (со слов Лекгера)¹ очерк (из нравов колонии малолетних преступников)². Начал вчера с удовольствием, писал долго, не отрываясь. Написал около листа печатного в 2 дня. Не совсем доволен. Не это ли причина?

¹ Лекгер — нижегородский прокурор.

² Очерк этот, озаглавленный „Зарубка“, при жизни писателя не печатан не был. Вошел в т. XV настоящего издания.

Из разговоров с лоцманами:

На Керженце была девка - атаман. Рассказчик (Егор Никиф. Шустов) знал ее сестру, ро́стом выше высокого мужика. Сестра этакая же была. Раз не велела своим молодцам идти караван грабить. Песня поется: Вам, удалцам, сложить буйные головы, мне молодой быть на волюшке.

И еще песня: Повыше (или пониже?) было села Юрина, против самого села Богомолова. — Богомолов тоже разбойник был.

„Увидишь решминских, спроси ты про Ивана Евилова, еще дом у него (железом крыт) на берегу стоит. Я этого Ив. Евилова знал — мне было лет шонадцать, ему лет 80, а случай с ним был, ему было 26. Посчитай, много ли времени. Почитай сто годов и выйдет. Дело было в Жигулях. Вел он баржонку, в прикащиках состоял. А беспокойно было. Думает себе: беспрёменно ограбят. Ладно. А мужик был дюжой, косая сажень в плечах, одним словом старичище привольный. Выбрал он значит в казенке слань, сделал люк. Вот пошли Жигулями — наезжают на легкой лоточке пятеро. Одного в лодке караулить оставили, четверо влезли. — Где прикащик? — А где мол. Вон в казенке сидит. Они одного - те посылают к нему. Тот заглянул в люк, — он его ломом. Тот не пикнул, свалился. Ждут они — что нейдет? Посылают другого. Тот другого — хлоп, да туда - же в люк. Так и третьего. Четвертый остался один. Ну, тот уж думает с одним - те справлюсь. Полез из люку, — да тот вишь доганулся, да к лодке. Э! Вишь ты. Иван - те Евилыч за ним, да ломом в него и луканул (кинул). Ломом - те дно прошиб, ну они - те все таки, добрались, уплыли. Так потом Ивана - те Евилова затаскали. Кабы не такие - то (называет троих купцов), — быть бы на каторге.

Да! Вот оно как трудно было... Разбойники - те не коренные (разве с коренными-те управишься).

16 июля

Несмотря на вчер[ашнее] дурное расположение — сон около 6 час. нормальный.

В Нижний около 10 ч. утра.

Вечером в Растяпино.

20 июля

Ездил в Нижний. (Настроение хорошее).

21 июля

Послал корреспонденцию „С ярмарки“ в „Р. Ведом“¹

28 июля

Кончил очерк „На даче“²

7 августа

В 2 ч. на пароходе „Островский“ вниз по Волге с Володей³. — Розговор с купцом из Исад — шапочник, по роду торговли живет „на два смысла“ — дома и в Саратов. губ. Рассказывает о холере: мы, можно сказать, не

¹ В сопроводительном письме к В. М. Соболевскому от 21 июля („Письма“, книга V) В. Г. писал: „До сентября я в Нижегород. губ. и вместе с тем, по старой памяти, во мне немедленно же проснулась жилка Вашего „ярмарочного корреспондента“. Итак, если у вас никто еще не пишет с ярмарки — посылаю письмо и затем пришлю еще несколько“. Письма эти печатались в „Рус. Ведом“. №№ 140, 147, 173, 176, 183 и 189. („С нижегородской ярмарки“). См. т. XXX наст. изд.

² Первоначальный вариант очерка „Смиренные“ (Т. XIV наст. изд.).

³ Племянник В. Г., сын Юлиана Г-ча. В. Г. совершил с ним поездку по Волге, сначала на пароходе, затем на лодке.

вполне темный народ, а тоже: слышно, — будто в Нижнем и прочих городах как вышел с пароходу, встречает на пристани комиссия, смотрят напр. в обличье. Ежели явится в глазах этакая, сказать, туманность — сейчас берут в барак. Конечно, глупо. А все таки приехал, под Нижним Богу помолился, давай холодной водой умыться, бодрость наводить. Гляжу в зеркало — нет ли туманности? Потом приезжаю в ярмарку. Зашел к Ив. Прокофьичу, может знаете, Московские они? Показывает письмо, от своих: напишите нам, правда ли, будто по обличью прямо берут в бараки. В акурат, как у нас...

8 августа

Ночью стояли два раза на мели, и оттого запаздываем часа на 4 — 5. — В Чебоксарах были в 8-м часу, в 10-м подходили к пристани в Сундыре.

По словам лоцмана (Шустова), стан Пугачова был на Кокшаге. Перевоз выше Сундыря и теперь называется Пугаев своз. Утром 8 авг. часов в 9 мы проехали мимо этого своза. Еще задолго над глинистым обрывом берега виден лес, кажется это над р. Кувшик. Речки Кокшаги две: Верхняя и Нижняя. Обе падают в Волгу ниже Сундыря. На левой стороне видна сначала избушка, вероятно баканщиков (и две землянки), далее несколько избушек, перевоз, вероятно это и есть Пугаев своз, и над лесом купол церкви, значит село (какое?). — Через некоторое время на правом берегу на обрыве появляется деревня Новый Починок (286 от Нижнего), потом Конюхово, и затем уже из лощинки как будто выползает к Оке Сундырь. Сначала лощинка кажется просто овражком, из которого течением намыло что-то к самому берегу Волги. Только по мере приближения овражек становится значительной лощиной между гор,

и кучка каких-то беспорядочных предметов вытягивается целым стройным посадом с каменными домами, церквями и неизб[ежной] каланчей. Посад как будто робко спрятался в свой овражек, так что только под'ехавши вплоть, можно разглядеть его весь. Сундырь — в 287 верст. от Нижнего. 7 верст ниже Сундыря падает Кокшага (верхняя) и недалеко Нижняя Кокшага, на которых будто-бы стоял „стан“ Пугачова¹. — Еще несколько дальше „Ураковская пристань“.

В Казани часа в 2 дня. (Опоздание).

9 августа

На пароходе „Островский“.

В 4^{1/2} ч. из Ставрополя, в 5^{1/2} в Отважном². Покупка фонаря. — Хвонар е, стикла немає.

Курские в 40 г. выведены гр. Орл[овым] - Дав[ыдовым]. — Отчего Отважное?

— Что земля важная.

— Так, Отважное и Отважное, что выведенный народ за 1000 за 104 версты значит. — Вот и Отважное.

— А не оттого что разб[ойники]?

¹ Внимание В. Г. к местам, с которыми предание связывало воспоминания о Пугачеве, объяснялось исключительным интересом его к истории Пугачевского движения. Еще со времени работы в Нижегород. архивной комиссии (1889 — 95 г.), В. Г. начал собирать материалы, относящиеся к Пугачевскому восстанию. В 1891 г. он ездил для этого в Уфимскую губ., где осматривал место нахождения лагеря Чики, а позднее (в 1900 г.) провел целое лето в Уральске, где работал в малодоступном войсковом архиве. В. Г. имел в виду написать исторический роман из эпохи Пугачева и произвел для этого огромную подготовительную работу. Самый роман остался однако ненаписанным; в архиве писателя сохранилось лишь несколько отрывков к этому произведению („Набеглый царь“), печатаемых в томе XXVI наст. изд.

² От этой пристани В. Г. поехал дальше вниз по Волге на лодке.

— Может и оттого... Было так что выйдет на весь народ человека 3—4. Ложись! И ляжешь...—Отчего?—Оттого, Стенькой Рагозиным заведено. Так и было.

10 августа

Плохо спал.

В с. Моркваши, в Жигулях, у торговки из с. Печерского. Клопы, жарко, скрипучие рамы, сиплый бой часов. Я слышал 11, 12, 1, 2, 3.—Володя тоже ворочался и не спал. Часа в 3¹/₂—4—заснул, до 7¹/₂ ч.

Вчера вечером долго разговаривали с пом. лесничего гр. Орлова - Давыдова (Алексей Вас. Алексеевым?). Мужиконенавистник.

К ночи на „Сечи“ стоянка рыбаков.

11 августа

Ночь в землянке с рыбаками. Пол земляной, сырой. Холодно. Плачет мальчишка,—у него нарыв на ноге. Отец все ругает его „мызой“...

Спал все таки лучше прошлых ночей.—Утром—на веслах—дальше. Володя захворал.—„Бекет“¹ на „Говняковой“. Потом Ширяев буерак.—Встреча с художником Вас. Фед. Сергеевым на пристани купца Макарова. Известковый завод.—На парусе из одеяла часов в 5¹/₂ прокатили от Ширяева до Самары.—„Гостиница с номерами“ на берегу.

13 августа

Выехали на пароходе „Грибоедов“ кверху.

¹ Бекет — лесной кордон.

14 августа

Вечером в Казани.

15 августа

Пожар на Волге.

17 августа

Вечером в Растяпино.

30 августа

Был у сумасшедшего на цепи¹.

31 августа

Выехали из Растяпина в 11 ч. вечера.

2 сентября

В Москве.

4 сентября

Приехали в Петербург.

¹ Этот сумасшедший (в соседней с Растяпиным деревне) изображен в очерке „Смиранные“.

Указатель имен и произведений

к III тому Дневника ¹

- Абаза А. А., государств. деятель. 77.
Абрамов Я. В., писатель. 341, 345, 346.
Аксаковы Конст. С. и Ив. С., писатели - славянофилы. 348.
Алабин, председ. самарск. губ. земск. упр. 201 примеч.
Александр I, император. 188, 189, 202 примеч.
Александр II. 93, 189.
Александр III (в тексте упоминается также как „покойный государь“).
29, 40, 44, 47, 94, 95, 163, 170, 189, 337.
Альбов М. Н., беллетрист. 191.
Амфитеатров А. В. (псевд. - Old Gentleman), писатель. 38, 212.
Андреев М. П., нижегород. уездн. предвод. дворянства и председ.
уездн. земск. упр. 112, 122, 170, 171.
Андрюша (Малышев), племянник жены В. Г. 307.
Аничков, тов. министра нар. просв. при Делянове. 337.
Анна Иоановна, императрица. 95 — 96.
„Анна Каренина“ Л. Н. Толстого. 266, 267.
Анненская А. Н., писательница и переводчица, жена Н. Ф. Аннен-
ского. 62 — 64, 146, 156.
Анненский Н. Ф., изв. статистик, обществ. деятель и журналист, близ-
кий друг В. Г. 28, 36, 61, 93, 285, 346.
Антонович А. Я. проф. экономист, тов. мин. финансов. 211.
Апенченков, член интеллигентской колонии „Криница“ на Кавказе.
374, 376.
Аракчеев А. А. 202.
Арсеньев К. К., изв. юрист и писатель, редактор „Вестника Европы“.
293, 339, 345, 346.
Архангельский, сотрудник „Саратовск. Дневника“. 199.

¹ Произведения В. Г. Короленко выделены в указателе курсивом.

- Баранов А. Г., педагог и писатель, автор многих учебников. 134.
- Баранов А. Н., провинц. беллетрист, землемер Малмыжского земства. 230.
- Баранов Н. М., нижегородск. губернатор. 27 — 33, 41, 42, 44, 55, 56 — 57, 58, 59 — 67, 70 — 74, 82 — 86, 97, 100, 108, 109 — 110, 112, 114, 117, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 129, 130, 132, 133, 134, 136 — 137, 138, 143, 145, 148, 157, 158, 163 — 171, 177, 190 примеч., 191, 204, 205, 206.
- Барсуков Н. П., историк и библиограф. 348, 349.
- Баршев С. С., председ. Нижегород. О-ва взаимопом. учителей и учит - ц. 59, 61, 106, 107, 133, 140.
- Башкиров Я. Е., нижегородск. крупный хлеботорговец. 123.
- „Без языка“. 99, 104.
- Березневский, участник интел. колонии „Криница“. 374, 375, 377.
- Берсенов, учитель нижегор. гимназии. 130 — 132.
- Бестужев С. Н., земск. начальн. Нижегород. губ. 27.
- Бильбасов В. А., историк и журналист. 191, 247, 339, 340 — 342, 345.
- Бирон, всесильный временщик при императрице Анне Иоановне. 95, 96.
- Бобринский В. А., председ. Богородицкой земск. упр. 354, 355.
- Богданович А. И., публицист, редак. журнала „Мир Божий“. 328.
- Богданович Е. В., генерал, писатель и издат. книг и картин патриотич. содержания. 222.
- Бородин М. П., провинц. журналист, знакомый В. Г. по ссылке. 228.
- Борщев, земск. деятель Курской губ. 147.
- Бунге Н. Х., министр финансов в 80-х г.г. 197.
- Валуев П. А., госуд. деятель и писатель, автор романа „Лорин“. 68.
- Васнецов В. М., изв. художник. 323, 324.
- „В Васильском уезде. (Бытовая картинка с натуры)“, газетная корresp. 57 примеч., 203.
- „В голодный год“. 28, 77, 161.
- Вдовствующая царица, жена Александра III Мария Федоровна. 113.
- Великанов, учит. Григорьевской с.-хоз. школы. 140 — 141.
- Виннер, жена кн. Хилкова (толстовца). 208.
- Витте С. Ю., изв. госуд. деятель, мин. финансов. 36, 39, 41, 149, 157, 158, 211, 328.
- Владимиров, покушавшийся в 1890 г. на жизнь нижегор. губернатора Баранова. 204 — 206.

- „Война и Мир“ Л. Н. Толстого. 252, 267 примеч.
Волков, пароходчик, издат. „Нижегор. Листка“. 42, 74, 76, 86, 87, 196.
Волконский М. В., кн., нижегородск. полициймейстер. 59, 98, 100, 111.
113 — 114, 172.
Володя (Короленко), племянник В. Г. 391.
„Воспоминания о Чернышевском“. 23.
„В холерный год“ (в тексте названа „статьей о холере“). 28.
Вышнеградский И. А., мин. финансов. 149.
- Гайдебуров В. П. (сын), издат. „Недели“. 242, 328, 329.
Ганейзеры, — Е. А. писатель - беллетрист и жена его писательница
Юлия Безродная (псевдоним). 330.
Гациский А. С., нижегор. общ. деятель, писат. - этнограф. 30, 33 примеч.
„Г. Василевский. — Интеллигентная колония Криница“, рецензия.
378 примеч.
Глазов, нижегор. директор нар. училищ. 108, 142, 143.
Говоруха - Отрок Ю. Н. (Николаев), публицист и критик, сотр. „Русск.
Вестн.“ и „Московск. Ведом.“. 349.
Гоголь Н. В. 148, 149 примеч., 246.
Головачев А. А., гласный тверск. земства, обществ. деятель и писа-
тель. 47.
Голубев П. А., статистик и публицист, сотрудн. „Вятского Края“. 339, 341, 342, 362, 363, 365, 366.
Гольцев В. А., писатель, редакт. „Русск. Мысли“. 152.
Горемыкин И. Л., госуд. деят., мин. вн. дел. 245, 330, 337, 339, 344, 354.
Горинов В. А., нижегор. земск. деятель, знакомый В. Г. 157, 198 при-
меч., 208.
Градовский К. Г. (записка „О пересмотре закона о печати“), журна-
лист. 247 примеч.
Григорьев В. Н., изв. статистик, обществ. деят., друг В. Г. 36.
Гусев С. С., фельетонист. 25.
- „Дело г-на Зарубина с г. Фиряном“, газетн. корresp. 163 примеч.
Дельвиг Д. Н., нижегор. гор. голова. 100.
Деянов И. Д., мин. нар. просвещения. 128 примеч., 135, 150, 331,
336, 337.
Демидов А. А., председ. Васильской уездн. земск. упр. 77, 107.
„Деревенский скептик“, неоконченный набросок. 255 примеч.

Державин Г. Р., знам. поэт, 92.

Дерюжинский В. Ф., проф., юрист и публицист, редакт. „Журн. Мин - ва Юстиц.“. 345.

Докин, студент, ссыльный в Н. - Новгороде. 62, 64, 65.

Дорошевич В. М., изв. фельетонист. 30, 31.

Достоевский Ф. М., 246.

Дробыш - Дробышевский А. А., провинц. журналист, редактировавший „Нижегор. Листок“ 41, 42, 52 — 55, 60, 74, 86, 87, 97, 101.

Дрягин Н. И., нижегородск. статистик. 58, 60, 113.

Дубельт Л. В., нач. тайной полиции при Николае I. 348, 350.

Дунаев А. Н., толстовец, 207 — 209.

Дуня, см. Короленко Авд. Сем.

Дурново И. Н., мин. внутр. дел. 39, 76, 91, 113, 128 примеч., 138, 150, 154, 157, 158, 245.

Евецкий П. Н., нач. нижегородск. охранного отделения. 73, 86, 102, 110, 129, 130 — 133, 142, 147, 148, 193, 194 — 196.

Егоров, земск. начальник Нижегород. губ. 27.

Екатерина II, императрица. 92, 155, 189.

Ермилов Н. Е., чиновн. при нижегор. губернат., редактировавший одно время „Нижегор. Листок“. 42, 54, 60, 74, 76, 87, 197.

Ермолаев, народный учитель нижегор. губ. 141 — 142.

Ермолов А. С., мин. земледелия и госуд. имуществ. 39 — 41.

Еропкин В. В., основатель интеллиг. колонии „Криница“ на Кавказе. 373, 374, 377.

Ефремов М. А., техник Павловской кустарной артели. 276 — 278, „Еще два слова об афганцах“. 32.

Жарков Н. А., нижегородск. коммерсант. 235 — 240.

Желваков, редакт. „Вятск. Края“. 365.

Жемчугов, нижегородск. адвокат. 114, 147, 148, 149 примеч.

Женя, племянница В. Г. 182.

Жуков П. Е., староста Владимирского собора в Киеве. 323.

Жуков С. И., ред. - изд. нижегор. газеты „Волгарь“. 54, 197, 198, 215, 245.

„Завоевание афганских рынков“. 32.

„Записки Охотника“ И. С. Тургенева. 246.

- Зарубин А. А., нижегородский купец. 161 — 174, 175, 235.
„Зарубка“. 389 примеч.
Засодимский П. В., писатель. 151, 152.
Зверев Д. И., нижегор. земск. статистик. 61.
Зволянский С. Э., нач. департ. полиции. 113.
„Землячек“. 301 примеч.
Золя Эмиль. 252.
Зомбарт Вернер, германск. экономист. 331, 332.
Зыбин И. С., нижегор. губ. предводит. дворянства. 120, 122, 343.
- Иванов И. И., историк литературы. 77, 107, 108, 138.
Иванов Н. П., нижегор. губернс. архитектор. 119, 120, 121 — 123, 129 — 130, 146, 158, 163, 165, 166, 177.
Ивановский В. С. (Петро Александров), врач, политич. эмигрант в Румынии, брат жены В. Г. 187, 295 примеч., 306, 307, 313.
„Из Румынии“, газ. корресп. 314.
Иоанн Кронштадтский (Иоанн Сергиев). 210, 212.
Исаев А. А., профессор экономист. 293, 294.
„История Моего Современника“. 28 примеч., 249 примеч.
- Казачков Г. С., издат. „Нижегор. Листка“. 196, 344, 345.
Кази М. И., председ. Русск. Технич. О - ва. 157, 158, 191.
Калачев В. В., сенатор, директ. департ. земледелия. 40.
Калетаев С. Г., один из руководителей колонии „Криница“. 373, 374, 376, 377, 378, 379.
Каменский М. Ф., пароходчик, председ. Нижегор. Макарьевского братства. 82, 83.
Карл, король румынский. 314.
Карр А., франц. писатель, авт. романа „Clotilde“. 362 — 363.
Катков М. Н., публицист, издат. „Московск. Вedom.“. 149, 246.
Кашенко П. П., нижегор. врач - психиатр. 102, 103, 109, 110.
Киги В. Л. (Дедлов), писатель, сотруди. журн. „Неделя“. 56.
Килевейн Г. Р., нижегор. земск. и обществ. деятель. 117.
Киреевский И. В, писатель - славянофил. 348.
Кичин, „жандармский прокурор“. 347, 348, 350.
Климин И. Ф., зав. конторой „Русск. Мысли“. 328.
Клингенберг, вятский губернатор. 339 — 342, 362.
Ковалевский В. И., тов. мин. финансов. 86.

- Коган Н. Н., участница интеллиг. колонии „Криница“. 373, 378.
- Кондратовы С. Д. и А. Д., владельцы ножевой фабрики в Владимирской губ., знакомые В. Г. 249, 250.
- Короленко Авд. Сем. (Дуня), жена В. Г. 97, 179, 227, 241, 327, 333, 361.
- Короленко Эвелина Ос. (мамаша), мать В. Г. 119, 193.
- Короленко Ю. Г. (Юлиан), брат В. Г. 235.
- Косткин И. Е., нижегор. помощн. полицмейстера. 27, 64.
- Костромин С. С., статистик, в 1898 г. покончивший самоубийством в Доме предварит. заключ. 347, 348, 363, 364.
- Костычев П. А., директ. департ. земледелия. 40.
- Котарбинский В. А., художник. 324.
- Краевский А. А., журналист, основатель и издат. газ. „Голос“. 340.
- Красноперов И. М., статистик. 36.
- Кривошеин А. К., мин. путей сообщения. 76, 111, 112.
- Криль Т. А., (Таня) впоследствии Богданович, племянница и воспитанница Анненских. 146, 328, 338, 339.
- Кукольник Н. В., писатель, драматург. 349.
- Куткин, генерал, заключенный Аракчеевым в Оренбург. крепость. 202 и примеч.
- Кутлубицкий И. П., член нижегор. губерnsk. присутствия. 107.
- Ландау, нижегор. врач, 102, 109.**
- „Легенда о царе и декабристе“.** 236 примеч.
- Лекгер Д. В., нижегородск. прокурор, тов. председ. колонии для малолетних. 389.
- Лея, дочь В. Г., умершая в 1893 г. 180, 182 — 184, 186, 187, 335.
- Ленцевич Ал., автор стих. в „Вятск. Крае“ в память Костромина („С арабского“). 364, 365.
- Лесевич В. В., философ - позитивист, сотр. журнала „Русск. Богатство“. 352.
- Лессепс Фердинанд, франц. предприниматель, участник панамской аферы. 292.
- Линев Д. А. (псевд.- Далин), беллетрист и публицист. 242, 355.
- „Литератор - обыватель“** (первоначальное заглавие **„Из истории областной печати“**). 30 примеч., 74.
- Лодыженский Н. Н., русск. консул в Галаце. 319.
- „Лорин“, роман П. А. Валуева. 68.
- Лорис - Меликов М. Т., госуд. деятель. 26, 77, 98, 342.
- Лошкарева М. Г. (Маня), сестра В. Г. 119 примеч., 193, 291, 182 примеч.

- Малышева А. С. (Саша), сестра жены В. Г. 179 примеч., 192, 193, 290.
Маня, см. Лошкарева М. Г.
Маресс Л. Н., статистик и экономист. 36.
Марковский С. А., сотр. „Саратовск. Дневн.“, временно заменявший редактора. 199.
Медведский К. П., писатель, сотрудн. „Русск. Вестн.“ и „Моск. Вед.“ 243, 244.
Мелинеску, аптекарь в Тульче, знакомый В. Г. 187.
Меньшиков М. О., публицист, сотрудн. „Недели“, впоследствии „Нов. Времени“, 242, 350.
Мещерский В. П., кн., изд. „Гражданина“, 25, 26, 117.
Милюков П. Н., изв. историк и политич. деятель. 77, 107, 108, 124, 138, 192.
Минкевич, малмыжский уездн. врач, эксперт в Мултанском процессе. 231.
Минцлов Р. Р., юрист и писатель. 329, 330, 345, 346, 347.
Михайлов С. А., земск. начальник Нижегородск. у. 27.
Михайловская Н. В. (Гарина-Михайловская), издат. журн. „Русское Богатство“. 193, 198.
Михайловский Н. К., изв. писатель (социолог, публицист, критик), редактор „Русск. Богатства“. 151 и примеч., 152, 154, 243 и примеч.
Михеев В. М., беллетрист. 291.
Мориан, шведск. дипломат XVIII в. 95.
Морозов С. Т., крупный промышленник, председ. нижегор. ярмарочного комитета. 245.
„M-r Vitte et les finances russes“, брошюра Циона. 149.
„Мултанское жертвоприношени“. 228 примеч.
Муравьев А. Н., нижегор. губернатор (декабрист). 236, 239.
Муравьев М. Н., мин. иностр. дел. 328.
Муравьев Н. В., мин. юстиции. 91, 331.
Мякотин В. А., историк и публицист, сотрудн. „Русск. Богат.“ 293.

„Набеглый царь“. 393 примеч.
„Над лиманом“. 305 примеч., 309 примеч.
„На синем Дунае“. 296 примеч.
Наташа, дочь В. Г. 157, 178 — 180, 307, 327, 333 — 335, 338, 361.
„Наши на Дунае“. 187 примеч.
Неклюдов П. В., нижегор. вице-губ. и затем орловский губернатор. 138 — 139.
Некрасов Н. А., поэт. 148, 262.

- Некрасов П. А., ректор Московск. университет. 88 — 89.
- Нестеров М. С., художник. 324.
- „Нижегородские завоевания в Афганистане“. 32.
- Никитенко А. В., цензор, писатель, автор изв. мемуаров. 349.
- Никитин, кустарь - ножовщик, химик и механик самоучка. 253, 263.
- Николай I, император. 189.
- Николай II (в тексте упоминается также как „молодой царь“, „молодой государь“, „царь“, „государь“). 43, 44 — 46, 47—50, 77, 81, 89, 90, 96, 97, 99, 111, 113, 127, 156, 157, 188, 201, 210, 212, 336, 337, 340.
- „Нирвана“. 300 примеч.
- Нотович О. К., ред.-изд. газеты „Новости“. 345.
- Одоевский А. И., поэт (декабрист). 199, 200.
- „О положении провинциальной печати“, доклад В. Г. в юридическ. комиссии при Союзе писателей. 330.
- Оля, дочь В. Г., умершая в 1896 г. 209, 241, 335.
- Орлов А. Ф., граф, шеф жандармов и нач. III Отд. при Николае I. 348.
- „О России при Бироне“, ст. Брикнера. 95 примеч.
- Осипов П., нижегород. ярмарочный голова. 164 — 166, 170.
- „О черных кабинетах и перлюстрациях“. 126 примеч.
- „Павловские очерки“. 248 примеч, 281.
- Павловский А. Н., частн. пристав в Измаиле, товарищ В. Г. по гимназии. 320.
- Палем Ольга, героиня громкого уголовного процесса (об убийстве ею студ. Довнара). 115 — 116.
- „Памяти замечательного русского человека“. 187.
- Панютина, жена директора нижегор. Александровск. банка. 121.
- Пастухов В. Н., ред.-изд. „Нижегородской Почты“. 166.
- „Первобытные люди“ Бернье. 254.
- „Переселение духоборов в Америку“. 353 примеч.
- Петр, см. Ивановский В. С.
- Петров, жел.-дор. жандармский офицер в Н.-Новгороде. 82 — 86.
- Плеве В. К., госуд. секретарь, впоследствии мин. вн. дел. 92, 169, 210.
- Победоносцев К. П., обер-прокурор Синода. 113, 128 примеч., 135, 137, 188, 200, 331.
- Погодин М. П., историк и журналист. 348.

- Познанский И. Н., нач. нижегородск. жандарм. управления. 62, 64, 71, 72, 73, 115.
- Позняк Д. М., член Гл. Управл. по делам печати, цензор. 91.
- Покровский В. А., земск. статистик и экономист. 36.
- „Покушение на генерала Баранова в 1890 году“. 27 примеч., 204 примеч.
- Попова О. Н., издат-ца журнала „Русское Богатство“. 193.
- Пороховщиков А. А., ред.-изд. „Русск. Жизни“, автор брошюры „Самодержавие на св. Руси накануне XX в.“ 209 — 212.
- Посников А. С., экономист и публицист. 36.
- Проппер С. М., издат. „Биржев. Вedom.“ 242.
- Протопопов С. Д., нижегородск. судебн. следователь, затем журналист, знакомый В. Г. 53, 55, 112, 114, 122, 156, 171, 198 примеч., 343 примеч.
- Пругавин А. С., публицист-этнограф („Два слова о сютаевцах“, „Алчущие и жаждущие правды“). 262 и примеч.
- Пуаре, агент нижегородской охраны. 107.
- Раевский**, тов. прокурора Сарапульского суда, обвинитель в Мултанском деле. 231.
- Раевский, нижегор. окружн. инспектор. 108.
- „Расхождение городских сумм“, газетн. статья. 28.
- Ратимов В. А., проф. военно-мед. акад., хирург. 367.
- Родичев Ф. И., председ. тверской губ. земск. упр., обществ. и политич. деятель. 47, 49.
- Рубакин Н. А., писатель. 152.
- Румянцев П. П., революц. деятель (соц.-дем.). 140.
- „Русская дуэль в последние годы“. 248 примеч.
- Рябов, крестьянин, основатель секты „духовных христиан“. 190.
- Савельев А. А.**, нижегород. земск. и обществ. деятель. 75, 146, 166 примеч.
- Салиас Е. А., писатель, автор историч. романов. 349.
- Салтыков-Щедрин М. Е. 156, 246, 247.
- Самойлович, директор нижегор. гимназии. 132.
- Сатин Н. М., поэт-переводчик, автор „Воспоминаний“. 199.
- Сведомский П. А., художник. 324.
- „Свет Азии“, поэма Арнольда, посвященная жизни и учению Будды. 254.

- Семевский В. И., изв. историк. 293, 294.
- Семякин, нач. отделения в департ. полиции. 117.
- Сергей Александрович, вел. князь, московск. ген.-губернатор. 354.
- Сипягин Д. С., мин. внутр. дел. 92 примеч.
- Скотт Вальтер, знам. английский романист. 263.
- „Следуйте тому, что внутри вас“, статья Л. Н. Толстого. 138.
- „Слепой Музыкант“. 328.
- „Смиренные“ (первоначальный вариант — „На даче“). 391, 395 примеч.
- Смоленский И. В., инспектор нар. училищ в нижегор. губ. 135.
- Снежневский В. И., секретарь Нижегород. ученой архивн. комиссии, знакомый В. Г. 230.
- „С нижегородской ярмарки“, корреспонденции В. Г. в „Русск. Ведом.“ 391.
- Соболев В. А., нижегород. купец, одно время — нижегор. городск. голова. 162.
- Соболевский В. М., редактор „Русск. Ведом.“ 353, 391 примеч.
- Соколовский Н. М., автор статьи „Большая свеча“. 361.
- Соловьев В. С., изв. философ-мистик и публицист. (Стихотвор. — „Знамение“). 214 примеч., 352 и примеч.
- Соловьев М. П., нач. Гл. Упр. по делам печати. 242 — 245, 331, 337, 339, 344, 345, 346, 347, 350.
- Сомов, помощник нижегор. полицмейстера. 114.
- Соня, старшая дочь В. Г., 157, 178 — 180, 183, 184, 186, 333 — 335, 338.
- Спасович В. Д., изв. юрист и писатель. 112, 339, 345, 346.
- Стахеев Д. И., писатель, редакт. „Русск. Вестн.“ 243, 244.
- Стере, румынский обществ. деятель (политич. эмигрант из Бессарабии). 310.
- Стрига Ф. Ф. 380 — 382.
- Струве П. Б., писатель экономист, политич. деятель. 293, 330 примеч., 332 примеч.
- Суворин А. С., журналист, изд. „Нов., Времени“. 25, 116, 345.
- Суходоев В. И., служащ. Елабужск. земства, провинц. корреспондент 230.
- Сычугов И. С., (Изот), один из видных участников интеллиг. колонии „Криница“. 373, 374, 377.
- Сютаев В. К., крестьянин, основатель религиозно-нравственного учения. 262.

- Таганцев Н. С., изв. криминалист. 339, 345.
Тархов, земск. начальн. Арзамасск. уезда. 94.
Татаринов В. А., госуд. деятель эпохи реформ. 93.
„Тени“. 328.
Тимирязев Д. А., управляющ. отделом сельско-хоз. экономии и статистики. 40.
Тихомиров Л. А., публицист, сотр. „Моск. Ведом.“. 98, 349.
Ткачев П. Н., революционер-эмигрант. 64.
Толстой Л. Н. 138, 151, 252, 353.
Томашевский В. В. 379, 383.
Трепов, вятский губернатор. 362.
Тройницкий Н. А., вятский губернатор. 71.
Туган-Барановский М. И., экономист. 330 примеч., 332 примеч.
„Турчин и мы“. 301 примеч., 313 примеч.
„Удивительная философия“. 203 примеч.
Ульянов А. Н., нижегор. педагог и сотрудник провинц. газет. 51, 52 — 53, 86, 87.
Унтербергер П. Ф., нижегородск. губернатор. 344.
Успенский Глеб Ив. 151 и примеч., 152. 154.
Ухтомский Э. Э., кн., редакт. „Петерб. Ведом“. 328, 346, 355.
Феоктистов Е. М., нач. Главн. Управл. по делам печати. 242.
„Ферапонт и Лидочка“, рукопись В. Г. 24 примеч.
Фидлер В. А., журналист, редактировавший „Нижегор. Листок“. 191, 196, 197.
Филиппов Т. И., госуд. контролер. 93 — 95.
Фламмарин Камилл, изв. автор популярных книг по астрономии. 254.
Фредерикс, нижегородск. вице - губернатор. 177 примеч., 244, 344.
Фрелих Н. Н., нижегор. адвокат, знакомый В. Г. 85.
Харлампович Н. И., правитель дел канцелярии нижегор. губернат., цензор. 41, 53.
Хилков Д. А., князь, толстовец. 207, 208.
Хилков М. И., кн., мин. путей сообщения. 92.
Ходский Л. В., профессор-экономист. 293.
Холодковский, репортер и временно редакт. „Нижегор. Листка“. 86, 197, 219.
Хомяков А. С., писатель - славянофил. 348.
Хотяинцев Д. В., земск. начальн. Арзамасского у. 75, 77, 134.

Цион И. Ф. (de Cyon), б. русск. финанс. агент в Париже, ранее профессор, автор брошюры „M-r Vitte et les finances russes“. 149.
Цомакион А. И., знакомая семьи Короленко. 296.

„Чаадаев П. Я., писатель-западник, автор „Философских писем“. 349.
Чайковский А. И., нижегород. вице-губернатор. 124 — 125, 126 примеч.
138, 146, 158.

Черемшанский А. Е., изв. петерб. врач., спец. по нервным болезням.
326, 327.

Черкасский В. А., кн., госуд. деятель, примыкавший к славянофилам.
348.

Чупров А. И., проф., изв. экономист. 36.

Шебеко, жандармск. генер. из III Отделения. 147, 375.

Шекспир. 326.

„Шинель“, повесть Н. В. Гоголя. 148, 149 примеч.

Шлиппе, барон, тульский губернатор. 354, 355.

Шмидт А. Н., сотрудница (репортер) нижегор. газет, автор мистических произведений. 214 — 219.

Штанге А. Г., организатор кустарн. артели в с. Павлове. 260,
276 — 278, 372, 376, 379.

Штевен А. А., арзамасская землевладелица, деятельница по народн. образам. в Нижегород. губ. 134 — 137, 200.

Штевен И. М., земск. начальн. Арзамасск. у. 94.

Штюмер, нижегородск. миров. судья, секретарь Макарьевского братства. 82 — 85, 101.

Шувалов П. А., варшавский ген.-губернатор. 157.

Щербина Ф. А., изв. земский статистик. 36, 371.

Энгельгардт Н. А., публицист, сотр. „Недели“, и „Нов. Времени“. 328, 329.

„Эпопея“. 319 примеч.

Южаков С. Н., публицист, член редакции „Русск. Бог.“. 345.

Юшко Р. В., толстовец. 382.

Якобий П. И., врач-психиатр. 291.

Яроцкий В. Г., проф., экономист. 293, 294.

Содержание III-го тома Дневника ¹

	Стр.
От Редакционной Комиссии	5
1895 год.	
Мои воспоминания о Чернышевском	23
Перлюстраторы в Нижнем	23
„Без нового года“	25
Мещерский о Земском соборе	25
Ген. Баранов и его всеподданейшие отчеты. („Нижегор. завоевания в Афганистане“)	27
Витте	36
Московские профессора и моск. студенты	36
Ермолов и его сельско-хозяйственный совет (бюрократический порядок)	39
„Нижегородский Листок“, Баранов и цензура	41
„Царская милость“ — литераторам и ученым	42
Еще о всеподданейшем отчете ген. Баранова	44
Конец упованиям	44
Впечатление в обществе	47
Родичев, тайные изветы и тверской адрес	49
Впечатление в обществе. — Закрытие газ. „Русская Жизнь“. — Охрана в Нижнем (и шпионство)	50
„Нижегородский Листок“ и цензура. — С. И. Жуков	52
Ген. Баранов	56
[Письмо к В. Г. Короленко из „Русских Ведомостей“]	57
Охрана в Нижнем	57
Лекции, О - во взаимопомощи учителей и учительниц и пр. — Ген. Баранов. — И. Н. Познанский. — „Нет власти“. — „Нижегор. Листок“ и Баранов	58

¹ Оглавление составлено на основании авторских перечней содержания, записанных в конце отдельных тетрадей Дневника и на обложке записной книжки 1897 года. В записной книжке 1898 года авторское оглавление отсутствует; оно дано Ред. Комиссией.

Земское собрание и Д. В. Хотяинцев	75
„Возрождение упований“. — Лекции, О - во взаимопомощи учит. и учительниц. — А. А. Демидов	76
Смерть Абазы	77
Письмо. — Новая эволюция нелегальной литературы	77
Гонение на Макарьевское братство (Штюрмер). — Ген. Баранов и жандармы. — Гонение на всесословный клуб. — Охрана в Нижнем (и шпионство)	82
„Нижегородский Листок“ и Баранов	86
К университетской истории	88
Еще к тверскому адресу	89
Слухи об отставке Дурново (и каррикатура). — Российское Телегр. Агентство. — Князь Хилков и пустяковина. — Третий Филип- пов. — Бесконтрольность земск. начальников в продовольств. деле. — Земск. начальники И. М. Штевен и Тархов	90
Бироновский режим	95
Охрана в Нижнем (и шпионство). — Торговля с обывателем из за усиленной охраны	96
Статьи Л. Тихомирова о конституции	98
Еще торговля насчет усиленной охраны. — Гор. голова барон Дельвиг	100
Добровольные сыщики (врачи)	101
Студенческие беспорядки в Петербурге	104
Предостережение „Наблюдателю“	106
Отголоски лекций Милюкова и Иванова. — Шпион Пуаре	106
Студенческие беспорядки в Петербурге	108
Барановский анекдот (О т ч е н а ш)	109
Торговля с обывателем из за усиленной охраны	110
Кривошеин и русская панама. — По Андреевскому делу	111
Приезд чиновника департамента полиции Семякина. — Охрана в Нижнем.	113
[Воспреещение продажи брошюры „Император Николай“]	113
[Лекция Дрягина]	113
Охрана в Нижнем. — Ген. Познанский	115
Дело Ольги Палем	115
Приезд Семякина. — Ген. Баранов	117
О студенческих беспорядках. — Провокация	117
[Поездка в Москву]	119
Самоубийство Н. П. Иванова. — И. С. Зыбин. — Усиленная охрана в Нижнем и ее следствие	119

Н. М. Баранов „принимает вину на себя“.— (Самоубийство Н. П. Иванова).— Я. Е. Башкиров	121
Отставка и неблагонадежность Чайковского	124
Адрес Черниговского земства.— Петиция писателей	126
Приостановка „Саратовского Дневника“.— „Охрана“	129
Н. М. Баранов. (Самоубийство Иванова)	129
„Охрана“ (инцидент с учителем).— Поиски крамолы: Макаров	130
С. С. Баршев и последствия лекций	133
А. А. Штевен и гонение на ее школы.— Баранов и Штевен	134
Отставка и неблагонадежность Чайковского.— „Охрана“.— П. В. Неклюдов	138
Поиски крамолы: Сахаров	139
Еще гонение на школы: учитель Великанов и учит. Ермолаев.— Реакция и самоотрицание существующего строя: стихийность реакции.— Произвол: полицейская весна в Москве	140
Н. М. Баранов	145
Отставка Чайковского	146
От'езд А. Н. Анненской	146
Острота борьбы из за просвещения.— Доносы на воскресные школы	146
Смерть Вышнеградского.— Цион и Витте	149
Письмо мин. Дурново к мин. Делянову	150
Адрес Пермского Экономического О - ва	155
Заккрытие выставочного Комитета	157
Отставка Чайковского	158
К рассказу „Последний Мызрецов“	159
А. А. Зарубин (и Н. М. Баранов).	161
Весна и ледоход 95 г.— „Доверие к власти“	175
„Мои дети“. (Кое что о вере).	178
Фальшивая тревога в заграничных журналах на мой счет	187
Речь государя в Историч. О-ве и ответ Победоносцева	188
Преследуемые сектанты и благонамеренное интеллигентное общество	190
Перемены в „Нижегор. Листке“.— Ответ на адрес литераторов.— Золотая медаль	191
Кази и Баранов.— „Охрана“	191
Мои дети	193
Моя поездка в Спб.	193
„Охрана“	193
Перемены в „Нижегор. Листке“ и „Волгарь“	196

[Утверждение В. Г. Короленко издателем „Русск. Богатства“]. . .	198
Приостановка „Саратовского Дневника“	199
Террористическое настроение в России	199
А. А. Штевен и гонение на ее школы	200
Отказ в ассигновании на школы. (К власти царя)	201
Фабричные беспорядки на Ярославской мануфактуре и высочайшая благодарность войскам	202
Посещение Матова. Рассказ его о Владимирове и Баранове. („Философия“ Владимирова)	203
Толстолец Дунаев	207
Рождение Оли	209
Книга Пороховщикова: „Самодержавие на св. Руси в конце XX в.“	209
Об Анне Ник. Шмидт	213
Аферисты - патриоты	220
Поездка в Елабугу (на Му л т а н с к о е д е л о).— Мрачный лесничий.— Земский начальник	222
Приговор по мултанскому делу (2-й).	228
Поездка в Мултан.— Встреча с врачом Минкевичем	228
Удар с Юлианом.— Встреча с Жарковым (законник самородок)	234

1896 год.

Смерть Оли.— Переезд в Петербург. Надлом.— Начальник Гл. Упр. по делам печати Соловьев.— Далин, Меньшиков, Проппер.— Приостановка „Гражданина“.— Медведский и „Русский Вестник“.— Проект „уничтожить провинциальную прессу“.— Жуков и его статья „Купечество все может“.— Министр Горемыкин.— Циркуляр о „сборниках“	241
Петиция писателей и ее результат	247

1897 год.

Записная книжка:

Поездка в Вачу и Павлово	248—291
Павел Ив. Якобий	291
Проф. Исаев	293
Поездка в Добруджу	
[В дороге]	295
Праздник румынской независимости	298
Поездка в Кытерлез	300

Дополнение к разговору с молоканским священником	301
Разговоры детей	307
Поездка в Сарыкиной	309
Собрание рабочего клуба в Тульче	310
Поездка в Кытерлез	311
Совещание старообрядцев	312
Поездка в Галац (к консулу). Скопцы	313
В Измаиле	320
О Владимирском соборе	323
В Петербурге. Мелкие записи с 2 сент. по 24 дек.	325—330
Закрытие „Нового Слова“	330
Провокация Соловьева	331
1898 год	
Мои дети	333
Болезнь	335
Смерть Деянова	336
Реакция и преследование печати. (Закрытие „Нового Слова“ и „Казбека“)	337
Мои девочки	338
Преследование газет: „Вятский Край“ и др. и мои хлопоты по этому поводу.— Гасконец Бильбасов.— В. А. Бильбасов и Клин- генберг	339
Закрытие „Нижегородского Листка“. (Горемыкин и Фредерикс. Требование смены редактора и Головинский)	343
Юридическая Комиссия при Союзе Писателей и ее доклад о нуждах печати	345
Самоубийство Костромина	347
О неблагонадежности славянофилов.— Неблагонадежность и наша политическая полиция	348
Курское „чудо“.— Стих. Вл. С. Соловьева	350
Приостановка „Русск. Ведомостей“	353
Гр. Бобринский и Шлиппе.— Запрещение розничной продажи „Петерб. Ведомостей“	354
Шельмование административным порядком	355
Черемисские ходоки	356
Приостановка „Вятского Края“.— Вятские губернаторы Клинген- берг и Трепов	361

Афоризм Альфонса Карра о женщинах	362
Приостановка „Вятского Края“.— Самоубийство Костромина . .	363
З а п и с н а я к н и ж к а 1898 г о д а	
Поездка в Геленджик и обратный путь по Волге	367—391
Поездка по Волге на пароходе и в лодке	391—395
У к а з а т е л ь	397

Замеченные важнейшие опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано	Надо читать
17	16 сверху	записи 1896 года	записи 1895 года
236	3 снизу в примечании	А. И. Муравьев	А. Н. Муравьев
324	14 и 20 сверху	Катарбинский	Котарбинский
371	2 снизу в примечании	Ф. Д. Щербина	Ф. А. Щербина